This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

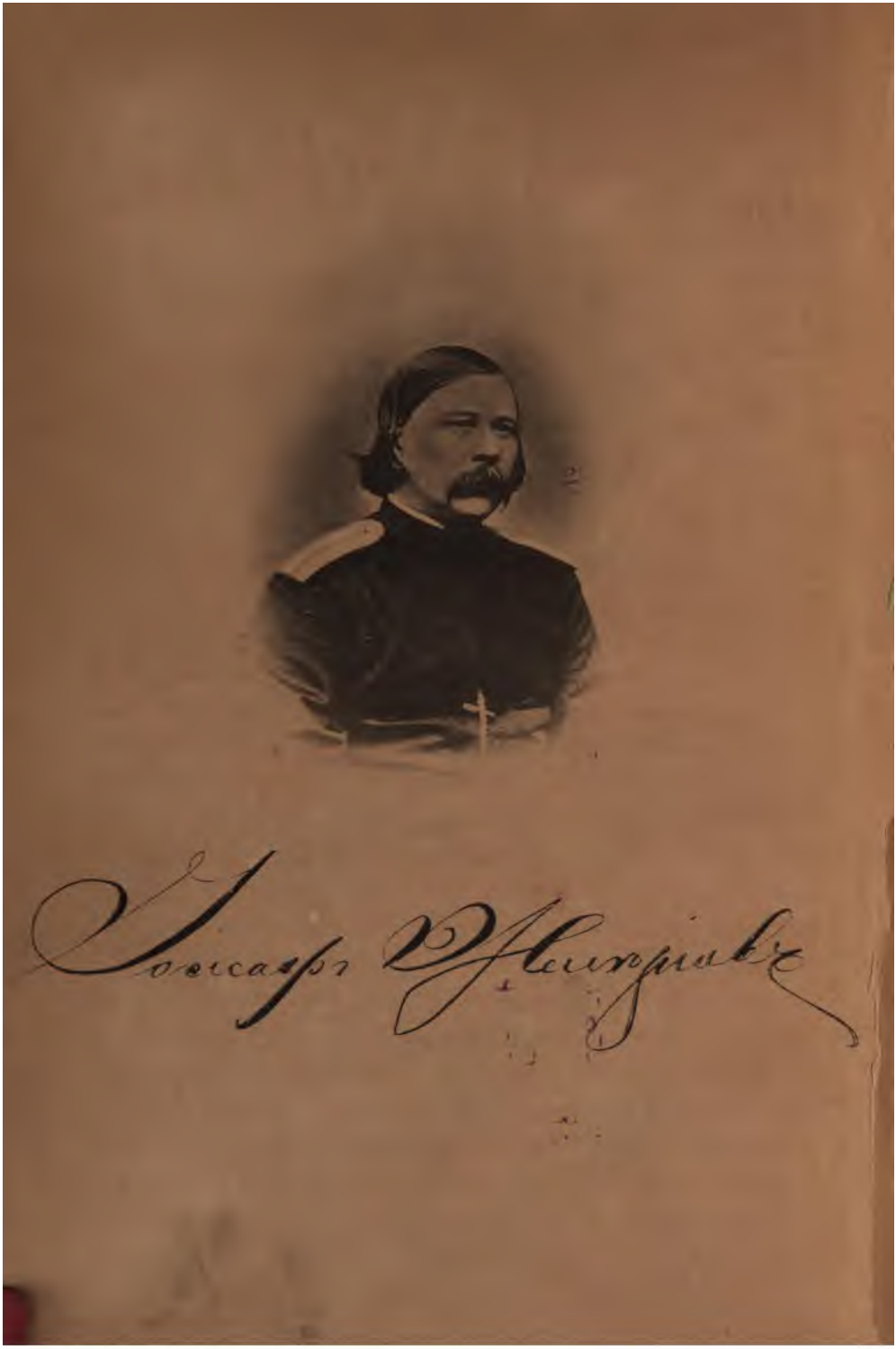
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

27884
Орловская областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н К Крупской
АБОНЕМЕНТ

Орл[illegible] общественная
ВЪ П[illegible] СТОЛѢТІЯ
[illegible]нія
А. [illegible]НА
[illegible]
№ 1011 Отд. [illegible]



Орловская общественная
въ память столѣтія
со дня рожденія
А. С. ПУШКИНА
библіотека
№ 101/11 Отд. Е.

УРАЛЬЦЫ.

«Вы хотите, чтобы казакъ былъ и смиренъ какъ овечка и силенъ какъ левъ. Эти два качества несовмѣстимы. Стало быть, ваше хотѣнье останется хотѣньемъ....»

«На родинѣ, у домашняго очага, среди родительскихъ преданій и обычаевъ, въ сферѣ хозяйственныхъ занятій, казакъ не долженъ быть стѣсняемъ ни мундиромъ, ни вытяжкой рукъ по швамъ и т. п. вещами и учрежденіями, полезными и разумными въ казармахъ и въ лагерѣ, но вредными и не имѣющими смысла въ обществѣ....»

«Я, если разбирать меня съ общей точки зрѣнія, — гуманистъ, но коснись дѣло до интересовъ казаковъ, я — эгоистъ. Я и днемъ, и ночью, и на яву, и во снѣ желаю, чтобы казакъ имѣлъ не только необходимое, но и лишнее. Киргизъ же для меня — созданіе совершенно постороннее....»

(Отрывки изъ оставшихся послѣ смерти І. И. Желѣзнова рукописныхъ замѣтокъ).

5340/1

Zheleznov, I. I.
91(с17)
Ж51
390
Ж 1/II
86782
ПРОВЕРЕНО
1946 г.

УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА

УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Іоасафа Игнатьевича

ЖЕЛѢЗНОВА.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ 2-е, ПОСМЕРТНОЕ,

съ дополненіями и включеніемъ неизданныхъ статей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.
1888.

DK35
Z5
1888
v.1

Орловская общественная
ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ
со дня рожденія
А. С. ПУШКИНА
БИБЛІОТЕКА
№ 101/1 Отд. 7в

ОТЪ РЕДАКЦІИ ИЗДАНІЯ.

Сочиненія І. И. Желѣзнова „Уральцы — Очерки быта Уральскихъ казаковъ“ въ 2 том. изд. 1858 г. въ настоящее время сдѣлались библіографическою рѣдкостью: внѣ земли Уральскихъ казаковъ его мало кто знаетъ даже по имени, хотя въ свое время вся періодическая печать въ лицѣ болѣе или менѣе видныхъ ея представителей, напр. редакцій журналовъ „Современника“, „Русскаго Слова“, „Русскаго Вѣстника“, „Отеч. Записокъ“, „Библіот. для Чтенія“ и др. — дала о немъ самые лестные отзывы. Даже среди земляковъ автора — Уральскихъ казаковъ — память о Желѣзновѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе изглаживается.

Исходя изъ того убѣжденія, что было-бы постыдно для казаковъ предать совершенному забвенію эту талантливую личность, столь много сдѣлавшую для ознакомленія русской читающей публики съ бытомъ своихъ родныхъ земляковъ, — мы взялись за подготовку къ печати новаго изданія произведеній Желѣзнова. Мысль о необходимости его не разъ поднималась Уральскою интеллигенціею, но до самого послѣдняго времени дѣло не шло далѣе разговоровъ и благихъ пожеланій,

что обусловливалось исключительно отсутствіемъ средствъ на изданіе. Попытка осуществить изданіе хотя части произведеній Желѣзнова была сдѣлана первоначально въ Петербургѣ бывшимъ издателемъ-редакторомъ „Дѣтскаго Чтенія"—В. П. Бородинымъ: онъ имѣлъ въ виду ограничиться на первый разъ лишь изданіемъ „Преданій, сказаній и пѣсенъ Уральскихъ казаковъ", собранныхъ Желѣзновымъ и разбросанныхъ по разнымъ журналамъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заручился согласіемъ гг. Островскаго и Максимова, знавшихъ Желѣзнова лично, написать для изданія воспоминанія объ авторѣ. Но дѣло затянулось главнымъ образомъ изъ-за средствъ. Въ 1886 г. независимо отъ Петербурга тотъ же вопросъ о необходимости новаго изданія соч. Желѣзнова былъ возбужденъ въ Уральскѣ, причемъ здѣсь предполагалось не только издать „Преданія, сказанія и пѣсни", не выходившія раньше въ отдѣльномъ изданіи, но и переиздать два тома прежняго изданія. Такъ какъ вопросъ о денежныхъ средствахъ, благодаря очень сочувственному отношенію къ изданію со стороны Наказнаго Атамана Уральскаго войска, Генералъ-Маіора Н. Н. Шипова и Войсковаго Хозяйственнаго Правленія, въ лицѣ старшаго члена его, М. И. Желѣзнова, значительно облегчался, то второе предположеніе взяло перевѣсъ и дѣло подготовки изданія къ печати было перенесено въ Уральскъ. Къ концу 1886 года дѣло подвинулось уже настолько впередъ, что представилась возможность открыть на новое изданіе подписку. Въ немъ предполагалось собрать не только все, что было печатаемо гдѣ-либо самимъ Желѣзновымъ, но также всѣ болѣе или менѣе обработанныя статьи, оставшіяся послѣ него въ рукописяхъ. Къ сожалѣнію, предположенія редакціи, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ не могли быть выпол-

нены вполнѣ: рукописныя статьи „Что такое казацкій офицеръ?“, „Туча каменная“ и „Путевыя замѣтки“ въ интересахъ благополучнаго окончанія изданія пришлось не печатать, чѣмъ и объясняется значительное уменьшеніе—противъ предположеннаго—объема перваго и втораго томовъ. Такимъ образомъ изъ нигдѣ не напечатанныхъ статей Желѣзнова въ новомъ изданіи помѣщены: „Преданія о Пугачевѣ“, „Казакъ Терскій“, „Утва“, „Хива“ и нѣсколько пѣсенъ. Къ статьямъ, которыя были помѣщены лишь въ періодическихъ изданіяхъ, а въ два тома „Уральцевъ“ изд. 1858 г. не вошли, относятся „Преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ“, „Сказанія“, „Маринкинъ городокъ“, „Отчего сайгаки покинули Уралъ?“ и разныя мелкія критическія и др. статьи. Остальныя статьи были помѣщены въ первомъ двухтомномъ изданіи.

Стремленіе редакціи придать изданію больше интереса черезъ напечатаніе воспоминаній объ авторѣ гг. Островскаго и Максимова къ сожалѣнію не увѣнчалось успѣхомъ: одинъ умеръ, другой не успѣлъ приготовить своихъ воспоминаній къ выходу изданія изъ печати.

Орловская общественная
ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ
со дня рожденія
А. С. ПУШКИНА
БИБЛІОТЕКА
№ 101/1 Одт. Е

ІОАСАФЪ ИГНАТЬЕВИЧЪ ЖЕЛѢЗНОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ [1]).

I.

Происхожденіе Желѣзнова. — Дѣтство и воспитаніе его. — Войсковое училище.—Служба по окончаніи курса урядникомъ въ войскѣ и въ киргизской степи.—Поступленіе въ экстренный полкъ 1848 года.—Первый „романъ".—Путешествіе съ полкомъ по Россіи и жизнь въ Малороссіи.—Образовательное значеніе этихъ скитаній. — Возвращеніе на родину. — Попытка выступить на литературное поприще.

Іоасафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ родился 12 ноября 1824 г. въ землѣ Уральскаго казачьяго войска, въ Гурьевѣ городкѣ. Родомъ онъ былъ природный казакъ. Дѣдъ его, сотникъ Денисъ Ѳедорычъ Желѣзновъ, былъ заслуженный вояка: служилъ въ киргизской степи, въ лейбъ-казачьей сотнѣ, участвовалъ въ

---

[1]) Матеріалъ для составленія настоящаго очерка заимствованъ изъ ст. Н. Ѳ. Савичева „Жизнь І. И. Желѣзнова" (въ Ур. В. В. 70 г., №№ 22 — 27), изъ бумагъ, оставшихся послѣ смерти І. И. Желѣзнова и сохраненныхъ тѣмъ же Савичевымъ, напр. письма его, аттестатъ, разныя замѣтки на память, оффиціальная переписка съ Столыпинымъ, исходящій журналъ атамана севр. рыболовства и дневникъ Желѣзнова; наконецъ изъ воспоминаній о Желѣзновѣ О. Л. Аничхина, Ф. И. Ротнова, А. И. Чапкаева, К. З. Фокина, Д. В. Карташева, а также многихъ другихъ современниковъ Желѣзнова. Всѣмъ имъ я приношу мою искреннюю благодарность за то, что они помогли мнѣ составить этотъ очеркъ.

кампаніи 1812 года, побывалъ за границей, сражался при Магдебургѣ, принималъ участіе въ блокадѣ Гамбурга; по возвращеніи въ Уральскъ былъ назначенъ начальникомъ Гребенщиковскаго форпоста, оттуда былъ командированъ въ экспедицію за границу до Аральскаго моря подъ командою полковника Берга. Изъ Указа объ его отставкѣ (1830 года) видно, что у него былъ „сынъ Игнатій 28 лѣтъ, который въ службѣ урядникомъ состоялъ въ комплектѣ, къ повышенію чиновъ по незнанію грамотѣ не аттестованъ".

Объ отцѣ Іоасафа Игнатьича, Игнатіи Денисовичѣ, извѣстно очень мало. Покойникъ Н. Ѳ. Савичевъ говоритъ про него [1]): „урядникъ чиномъ, онъ былъ послѣднимъ типомъ того стараго казачества, которое ни въ чемъ не давало себѣ удержу; онъ мало жилъ дома, ходилъ по службамъ и пропалъ безъ вѣсти, кажется, въ концѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія".

Послѣ пропажи отца, Желѣзновъ остался грудным ребенкомъ. Дальнѣйшимъ воспитаніемъ, первоначальнымъ обученіемъ въ Гурьевѣ и поступленіемъ въ войсковое училище онъ всецѣло обязанъ своей матери, которую Іоасафъ Игнатьичъ сильно любилъ до послѣднихъ дней ея жизни; во время ученья почти ежегодно на каникулы ѣздилъ къ ней изъ Уральска въ Гурьевъ и впослѣдствіи, въ Москвѣ, получивъ извѣстіе о ея смерти, горевалъ сильно, даже плакалъ.

И мать, съ своей стороны, была искренно привязана къ сыну: не смотря на крайнюю бѣдность, она дѣлала все для сына, старалась одѣвать его какъ барченка и т. п. У покойника Н. Ѳ. Савичева осталось одно собственноручное письмо матери Желѣзнова (27 іюня 1850 г.), написанное довольно хорошимъ почеркомъ, хотя и безграмотно. Письмо это дышетъ простотой и глубокой привязанностью. Между прочимъ почеркъ письма положительно напоминаетъ руку Желѣзнова, такъ что, я предполагаю, она сама учила его писать.

Привезенный въ Уральскъ въ 1836 году для поступленія въ войсковое училище, Желѣзновъ поселился у бабушки, бѣдной, но очень заботливой и любившей внучка старушки.

[1]) Жизнь Іоасафа Игнатьича Желѣзнова, Ур. В. В. 70 г., №№ 22—27.

Одинъ изъ оставшихся въ живыхъ сверстниковъ Желѣзнова по войсковому училищу, урядникъ Андрей Ивановичъ Ч—въ, сообщаетъ объ этомъ времени слѣдующее [1]). „Въ началѣ сентября 1836 года я съ Іоасафомъ Игнатьичемъ были приведены въ войсковое училище въ одинъ день. Ему было лѣтъ 13—14 [2]), а мнѣ 10. Возвращаясь домой, мы высказались, что страсть къ чтенію книгъ намъ обоимъ обща; это послужило мнѣ поводомъ похвастаться предъ нимъ своей библіотекой, состоящей изъ сказокъ, Курганова письмовника и другого хлама. Это обстоятельство было прямою причиною нашей неразлучной дружбы въ теченіе пяти лѣтъ. Когда имѣвшіяся у насъ книги въ теченіе зимы 1836—37 года нѣсколько разъ были уже перечитаны, и не предвидѣлось болѣе средствъ пользоваться отъ кого-либо таковыми, мы положили, скопивъ сколько было можно денегъ, купить своихъ книгъ. И вотъ въ одинъ прекрасный для насъ вечеръ, прямо изъ класса, мы отправились въ существовавшую тогда книжную лавку и пріобрѣли Гуака и еще какую-то книжку мелкихъ стиховъ. Восторгу нашему не было границъ. Прямо изъ лавки мы пустились бѣжать; но сила любознательности заставила насъ остановиться; раскрывъ которую-то изъ книжекъ и прочитавъ нѣсколько строкъ, мы снова бѣжали, снова останавливались и т. д. Слѣдующую затѣмъ ночь мы просидѣли до разсвѣта... Съ открытіемъ весны принялись за другую забаву: дѣлали луки и стрѣлы съ копьянками и стрѣляли птицъ... Лѣтомъ 1837 г. въ числѣ экзекуціонныхъ войскъ въ Уральскѣ были изъ башкиръ панцырщики съ сайдаками. Увидавши это, мы отправились въ Ханскую рощу и вытесали сайдаки. Зиму 1837—38 г. мы провели снова въ чтеніи книгъ, которыя доставляли намъ мой братъ и его товарищи — тоже воспитанники училища. Весною снова занялись стрѣльбой, — на этотъ разъ пріобрѣли пистолетъ, а къ осени у насъ было и ружье“. Отмѣчаемъ небезъинтересный фактъ изъ ихъ жизни того вре-

[1]) Выдержки изъ его письма ко мнѣ.

[2]) Въ дѣйствительности Желѣзнову было въ это время только 12 лѣтъ.

мени, — это знакомство съ кузнецомъ Жадаевымъ. Жадаевъ, старикъ лѣтъ 70, прожилъ въ Уральскѣ лѣтъ 50; онъ разсказывалъ имъ про прежнее приволье жизни на Уралѣ, про богатства былыхъ лѣтъ, а также про бывшія на его глазахъ смуты въ войскѣ: „какое-то нѣмое, но жгучее чувство, пишетъ Ч—въ, заставляло насъ заслушиваться до поздней ночи разсказовъ старика“. Очевидно старикъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на развитіе симпатій Желѣзнова къ уральской старинѣ и къ прежней вольности казацкой. „Въ 1839 г., сообщаетъ Ч—въ, около Іоасафа Игнатьича образовался кругъ нашихъ сверстниковъ, среди которыхъ строились довольно смѣлые планы въ духѣ казацкой вольницы. Съ осени 1840 г. І. И. окончательно перешелъ жить въ нашу семью. Въ это время послѣдовала съ нимъ рѣзкая перемѣна; онъ, какъ бы сказать, возмужалъ. Съ этой поры онъ рѣзко выдался впередъ изъ круга своихъ сверстниковъ, на него начали смотрѣть какъ на личность выходящую изъ ряда обыкновенныхъ. Впрочемъ и раньше, когда онъ былъ въ Гурьевѣ, его звали тамъ не иначе, какъ „отрокомъ“; эту кличку, извѣстно, казаки присвоиваютъ дѣтямъ, выдающимся изъ среды другихъ умственными способностями“ [1]). Въ подтвержденіе этого и гурьевскіе жители изъ стариковъ сообщаютъ, что Желѣзновъ еще съ молодости выказывалъ громадное честолюбіе, впереди себя никого не терпѣлъ. Въ войсковомъ училищѣ Желѣзновъ пробылъ до 1841 г., въ которомъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ.

Познанія, даваемыя войсковымъ училищемъ того времени, были очень ограничены: курсъ равнялся курсу уѣздныхъ училищъ; преподавались: Законъ Божій, Русскій языкъ, Исторія и Географія, Ариѳметика и Геометрія. Во всѣхъ этихъ предметахъ, какъ видно изъ оставшагося аттестата, Желѣзновъ оказалъ успѣхи „отличные“ при поведеніи „благородномъ“.

---

[1]) У Желѣзнова въ I томѣ его „Уральцевъ“ прежняго изд. въ ст. „Картины казацкой жизни“ есть мѣсто, гдѣ онъ останавливается на этомъ терминѣ подробно, выводя на сцену такого „отрока“ въ лицѣ Мишки Хандохина.

Кромѣ того онъ слушалъ „дополнительный курсъ Россійской словесности“ и въ ней оказалъ успѣхи „превосходные“.

Метода преподаванія, какъ и повсюду въ тѣ времена, въ войсковомъ училищѣ была самая варварская, съ приправою различныхъ внушеній въ видѣ зуботычинъ, потасовки за власы и т. п. Учителя большею частію были съ семинарскимъ образованіемъ, къ преподаванію относились самымъ казеннымъ образомъ. Исключеніе составлялъ только бывшій тогда штатнымъ смотрителемъ войсковаго училища В. Орловъ, о которомъ, по словамъ Н. Ѳ. Савичева, Желѣзновъ,—да и не онъ одинъ,—вспоминалъ всегда съ уваженіемъ.

По окончаніи курса Желѣзновъ отправился къ матери въ Гурьевъ. „Въ это время, говоритъ въ своемъ письмѣ Ч—въ, атаманомъ Гурьева городка былъ П. М. Бородинъ. Этотъ господинъ былъ хотя человѣкъ и стараго закала, но скоро понялъ Желѣзнова и предложилъ ему поступить въ канцелярію, гдѣ онъ сразу ступевалъ посѣдѣвшихъ въ канцелярскихъ каверзахъ С. И. Ч. и какого-то К. Въ одномъ лишь Іоасафъ Игнатьевичъ не сходились съ Петромъ Максимычемъ: „ты, Іоасафъ, все не тутъ ставишь точки и запятыя!“—говаривалъ часто Петръ Максимычъ“.—Очевидно Петръ Максимычъ былъ съ Желѣзновымъ въ самыхъ теплыхъ отношеніяхъ, и Іоасафъ Игнатьевичъ считалъ его за отца родного и обращался къ нему со всѣми болѣе или менѣе серьезными вопросами въ жизни. О жизни Желѣзнова въ Гурьевѣ Савичевъ пишетъ слѣдующее: „Здѣсь представилась воспріимчивому уму Желѣзнова новая пища—жизнь простаго народа, жизнь гурьевцевъ, этихъ отважныхъ плавателей по Каспійскому морю. Впечатлѣнія неисканныя, непрошенныя врывались сами въ его молодую голову. Когда онъ впослѣдствіи разсказывалъ мнѣ о бытѣ гурьевцевъ, я удивлялся его наблюдательности“... Въ это время, надо полагать, онъ пріобрѣлъ ту массу свѣденій объ аханномъ рыболовствѣ, о прежней жизни гурьевцевъ и т. п., которая послужила канвой къ его прекраснымъ разсказамъ „Картины аханнаго рыболовства“ и „Василій Струняшевъ“.

Служба въ канцеляріи ему не нравилась, и онъ не разъ

14
1162

1101

Оренбургская общественная
ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛЪТІЯ
А. С. ПУШКИНА
БИБЛІОТЕКА
№ 101/1 Отд. Е

Іоасафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ.

(Біографическій очеркъ [1]).

I.

Происхожденіе Желѣзнова. — Дѣтство и воспитаніе его. — Войсковое училище.—Служба по окончаніи курса урядникомъ въ войскѣ и въ киргизской степи.—Поступленіе въ экстренный полкъ 1848 года.—Первый „романъ".—Путешествіе съ полкомъ по Россіи и жизнь въ Малороссіи.—Образовательное значеніе этихъ скитаній. — Возвращеніе на родину. — Попытка выступить на литературное поприще.

Іоасафъ Игнатьевичъ Желѣзновъ родился 12 ноября 1824 г. въ землѣ Уральскаго казачьяго войска, въ Гурьевѣ городкѣ. Родомъ онъ былъ природный казакъ. Дѣдъ его, сотникъ Денисъ Ѳедорычъ Желѣзновъ, былъ заслуженный воякa: служилъ въ киргизской степи, въ лейбъ-казачьей сотнѣ, участвовалъ въ

[1]) Матеріалъ для составленія настоящаго очерка заимствованъ изъ ст. Н. Ѳ. Савичева „Жизнь І. И. Желѣзнова" (въ Ур. В. В. 70 г., №№ 22 — 27), изъ бумагъ, оставшихся послѣ смерти І. И. Желѣзнова и сохраненныхъ тѣмъ же Савичевымъ, напр. письма его, аттестатъ, разныя замѣтки на память, оффиціальная переписка съ Столыпинымъ, исходящій журналъ атамана север. рыболовства и дневникъ Желѣзнова; наконецъ изъ воспоминаній о Желѣзновѣ О. Л. Аничхина, Ф. И. Ротнова, А. И. Чапкаева, К. З. Фокина, Д. В. Карташева, а также многихъ другихъ современниковъ Желѣзнова. Всѣмъ имъ я приношу мою искреннюю благодарность за то, что они помогли мнѣ составить этотъ очеркъ.

кампаніи 1812 года, побывалъ за границей, сражался при Магдебургѣ, принималъ участіе въ блокадѣ Гамбурга; по возвращеніи въ Уральскъ былъ назначенъ начальникомъ Гребенщиковскаго форпоста, оттуда былъ командированъ въ экспедицію за границу до Аральскаго моря подъ командою полковника Берга. Изъ Указа объ его отставкѣ (1830 года) видно, что у него былъ „сынъ Игнатій 28 лѣтъ, который въ службѣ урядникомъ состоялъ въ комплектѣ, къ повышенію чиновъ по незнанію грамотѣ не аттестованъ".

Объ отцѣ Іоасафа Игнатьича, Игнатіи Денисовичѣ, извѣстно очень мало. Покойникъ Н. Ѳ. Савичевъ говоритъ про него [1]): „урядникъ чиномъ, онъ былъ послѣднимъ типомъ того стараго казачества, которое ни въ чемъ не давало себѣ удержу; онъ мало жилъ дома, ходилъ по службамъ и пропалъ безъ вѣсти, кажется, въ концѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія".

Послѣ пропажи отца, Желѣзновъ остался грудным ребенкомъ. Дальнѣйшимъ воспитаніемъ, первоначальнымъ обученіемъ въ Гурьевѣ и поступленіемъ въ войсковое училище онъ всецѣло обязанъ своей матери, которую Іоасафъ Игнатьичъ сильно любилъ до послѣднихъ дней ея жизни; во время ученья почти ежегодно на каникулы ѣздилъ къ ней изъ Уральска въ Гурьевъ и впослѣдствіи, въ Москвѣ, получивъ извѣстіе о ея смерти, горевалъ сильно, даже плакалъ.

И мать, съ своей стороны, была искренно привязана къ сыну: не смотря на крайнюю бѣдность, она дѣлала все для сына, старалась одѣвать его какъ барченка и т. п. У покойника Н. Ѳ. Савичева осталось одно собственноручное письмо матери Желѣзнова (27 іюня 1850 г.), написанное довольно хорошимъ почеркомъ, хотя и безграмотно. Письмо это дышетъ простотой и глубокой привязанностью. Между прочимъ почеркъ письма положительно напоминаетъ руку Желѣзнова, такъ что, я предполагаю, она сама учила его писать.

Привезенный въ Уральскъ въ 1836 году для поступленія въ войсковое училище, Желѣзновъ поселился у бабушки, бѣдной, но очень заботливой и любившей внучка старушки.

[1]) Жизнь Іоасафа Игнатьича Желѣзнова, Ур. В. В. 70 г., №№ 22—27.

Одинъ изъ оставшихся въ живыхъ сверстниковъ Желѣзнова по войсковому училищу, урядникъ Андрей Ивановичъ Ч—въ, сообщаетъ объ этомъ времени слѣдующее [1]). „Въ началѣ сентября 1836 года я съ Іоасафомъ Игнатьичемъ были приведены въ войсковое училище въ одинъ день. Ему было лѣтъ 13—14 [2]), а мнѣ 10. Возвращаясь домой, мы высказались, что страсть къ чтенію книгъ намъ обоимъ обща; это послужило мнѣ поводомъ похвастаться предъ нимъ своей библіотекой, состоящей изъ сказокъ, Курганова письмовника и другого хлама. Это обстоятельство было прямою причиною нашей неразлучной дружбы въ теченіе пяти лѣтъ. Когда имѣвшіяся у насъ книги въ теченіе зимы 1836—37 года нѣсколько разъ были уже перечитаны, и не предвидѣлось болѣе средствъ пользоваться отъ кого-либо таковыми, мы положили, скопивъ сколько было можно денегъ, купить своихъ книгъ. И вотъ въ одинъ прекрасный для насъ вечеръ, прямо изъ класса, мы отправились въ существовавшую тогда книжную лавку и пріобрѣли Гуака и еще какую-то книжку мелкихъ стиховъ. Восторгу нашему не было границъ. Прямо изъ лавки мы пустились бѣжать; но сила любознательности заставила насъ остановиться; раскрывъ которую-то изъ книжекъ и прочитавъ нѣсколько строкъ, мы снова бѣжали, снова останавливались и т. д. Слѣдующую затѣмъ ночь мы просидѣли до разсвѣта... Съ открытіемъ весны принялись за другую забаву: дѣлали луки и стрѣлы съ копьянками и стрѣляли птицъ... Лѣтомъ 1837 г. въ числѣ экзекуціонныхъ войскъ въ Уральскѣ были изъ башкиръ панцырщики съ сайдаками. Увидавши это, мы отправились въ Ханскую рощу и вытесали сайдаки. Зиму 1837—38 г. мы провели снова въ чтеніи книгъ, которыя доставляли намъ мой братъ и его товарищи — тоже воспитанники училища. Весною снова занялись стрѣльбой, — на этотъ разъ пріобрѣли пистолетъ, а къ осени у насъ было и ружье“. Отмѣчаемъ небезъинтересный фактъ изъ ихъ жизни того вре-

[1]) Выдержки изъ его письма ко мнѣ.

[2]) Въ дѣйствительности Желѣзнову было въ это время только 12 лѣтъ.

мени, — это знакомство съ кузнецомъ Жадаевымъ. Жадаевъ, старикъ лѣтъ 70, прожилъ въ Уральскѣ лѣтъ 50; онъ разсказывалъ имъ про прежнее приволье жизни на Уралѣ, про богатства былыхъ лѣтъ, а также про бывшія на его глазахъ смуты въ войскѣ: „какое-то нѣмое, но жгучее чувство, пишетъ Ч—въ, заставляло насъ заслушиваться до поздней ночи разсказовъ старика“. Очевидно старикъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе на развитіе симпатій Желѣзнова къ уральской старинѣ и къ прежней вольности казацкой. „Въ 1839 г., сообщаетъ Ч—въ, около Іоасафа Игнатьича образовался кругъ нашихъ сверстниковъ, среди которыхъ строились довольно смѣлые планы въ духѣ казацкой вольницы. Съ осени 1840 г. І. И. окончательно перешелъ жить въ нашу семью. Въ это время послѣдовала съ нимъ рѣзкая перемѣна; онъ, какъ бы сказать, возмужалъ. Съ этой поры онъ рѣзко выдался впередъ изъ круга своихъ сверстниковъ, на него начали смотрѣть какъ на личность выходящую изъ ряда обыкновенныхъ. Впрочемъ и раньше, когда онъ былъ въ Гурьевѣ, его звали тамъ не иначе, какъ „отрокомъ“; эту кличку, извѣстно, казаки присвоиваютъ дѣтямъ, выдающимся изъ среды другихъ умственными способностями“ [1]). Въ подтвержденіе этого и гурьевскіе жители изъ стариковъ сообщаютъ, что Желѣзновъ еще съ молодости выказывалъ громадное честолюбіе, впереди себя никого не терпѣлъ. Въ войсковомъ училищѣ Желѣзновъ пробылъ до 1841 г., въ которомъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ.

Познанія, даваемыя войсковымъ училищемъ того времени, были очень ограничены: курсъ равнялся курсу уѣздныхъ училищъ; преподавались: Законъ Божій, Русскій языкъ, Исторія и Географія, Ариѳметика и Геометрія. Во всѣхъ этихъ предметахъ, какъ видно изъ оставшагося аттестата, Желѣзновъ оказалъ успѣхи „отличные“ при поведеніи „благородномъ“.

---

[1]) У Желѣзнова въ I томѣ его „Уральцевъ“ прежняго изд. въ ст. „Картины казацкой жизни“ есть мѣсто, гдѣ онъ останавливается на этомъ терминѣ подробно, выводя на сцену такого „отрока“ въ лицѣ Мишки Хандохина.

Кромѣ того онъ слушалъ „дополнительный курсъ Россійской словесности“ и въ ней оказалъ успѣхи „превосходные“.

Метода преподаванія, какъ и повсюду въ тѣ времена, въ войсковомъ училищѣ была самая варварская, съ приправою различныхъ внушеній въ видѣ зуботычинъ, потасовки за власы и т. п. Учителя большею частію были съ семинарскимъ образованіемъ, къ преподаванію относились самымъ казеннымъ образомъ. Исключеніе составлялъ только бывшій тогда штатнымъ смотрителемъ войсковаго училища В. Орловъ, о которомъ, по словамъ Н. Ѳ. Савичева, Желѣзновъ,—да и не онъ одинъ,—вспоминалъ всегда съ уваженіемъ.

По окончаніи курса Желѣзновъ отправился къ матери въ Гурьевъ. „Въ это время, говоритъ въ своемъ письмѣ Ч—въ, атаманомъ Гурьева городка былъ П. М. Бородинъ. Этотъ господинъ былъ хотя человѣкъ и стараго закала, но скоро понялъ Желѣзнова и предложилъ ему поступить въ канцелярію, гдѣ онъ сразу ступевалъ посѣдѣвшихъ въ канцелярскихъ каверзахъ С. И. Ч. и какого-то К. Въ одномъ лишь Іоасафъ Игнатьевичъ не сходились съ Петромъ Максимычемъ: „ты, Іоасафъ, все не тутъ ставишь точки и запятыя!“—говаривалъ часто Петръ Максимычъ“.—Очевидно Петръ Максимычъ былъ съ Желѣзновымъ въ самыхъ теплыхъ отношеніяхъ, и Іоасафъ Игнатьевичъ считалъ его за отца родного и обращался къ нему со всѣми болѣе или менѣе серьезными вопросами въ жизни. О жизни Желѣзнова въ Гурьевѣ Савичевъ пишетъ слѣдующее: „Здѣсь представилась воспріимчивому уму Желѣзнова новая пища—жизнь простаго народа, жизнь гурьевцевъ, этихъ отважныхъ плавателей по Каспійскому морю. Впечатлѣнія неисканныя, непрошенныя врывались сами въ его молодую голову. Когда онъ впослѣдствіи разсказывалъ мнѣ о бытѣ гурьевцевъ, я удивлялся его наблюдательности“... Въ это время, надо полагать, онъ пріобрѣлъ ту массу свѣденій объ ханномъ рыболовствѣ, о прежней жизни гурьевцевъ и т. п., которая послужила канвой къ его прекраснымъ разсказамъ „Картины ханнаго рыболовства“ и „Василій Струняшевъ“.

Служба въ канцеляріи ему не нравилась, и онъ не разъ

высказывался, по словамъ Савичева, про нее такъ: „Меня поражаетъ вся эта безтолковщина и бездѣлье, которыя называютъ дѣлами“.

Въ 1844 г. онъ вмѣстѣ съ смѣнившимся изъ Гурьева П. М. Бородинымъ пріѣхалъ въ Уральскъ, гдѣ принципалъ пристроилъ Желѣзнова на мѣсто писца въ канцелярію наказнаго атамана, чтобы дать своему любимцу „выйти въ люди“. Но Желѣзнову и тутъ не понравилось служить: онъ въ этомъ же году опредѣлился въ Гурьевскую линейную команду, откуда черезъ 2 мѣсяца его назначили начальникомъ Красноярскаго форпоста. Молодой начальникъ очень понравился красноярцамъ, они полюбили его, и многіе до сего времени вспоминаютъ.

Кстати отмѣтить здѣсь, что Желѣзновъ былъ замѣчательно симпатичный человѣкъ: онъ такъ просто обращался съ простыми казаками, былъ такъ ласковъ и обходителенъ со всѣми, что во всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, оставлялъ самое отрадное воспоминаніе. Казаковъ онъ любилъ искренно, беззавѣтно, и эту любовь, очевидно по инстинкту, простой народъ чувствовалъ и съ своей стороны отвѣчалъ такимъ расположеніемъ, искренностью и откровенностью, какими едва-ли кто изъ лицъ привилегированныхъ и офицеровъ пользовался когда-либо со стороны казаковъ.

Этому обстоятельству Желѣзновъ и обязанъ тѣмъ, что такъ близко зналъ бытъ казаковъ и такъ реально очертилъ его въ своихъ „Картинахъ казацкой жизни“. Выведенныя въ этихъ картинахъ, а также въ „Сайгачникахъ“, лица—портреты съ живой дѣйствительности; большая часть ихъ даже фигурируетъ подъ собственными фамиліями. Въ Красноярскомъ форпостѣ онъ прожилъ болѣе года. Отсюда весной 1846 г. былъ заброшенъ службою въ киргизскую степь, въ Уральское укрѣпленіе.

Служба въ степи при отсутствіи „свѣжихъ“ людей, съ ея нестерпимой скукой, для живаго и впечатлительнаго Желѣзнова была не понутру, и отъ службы этой у него осталось воспоминаніе самое скверное: онъ всегда боялся, чтобы ему

не досталось какъ-нибудь опять идти на службу въ степь. Отъ скуки Желѣзновъ часто охотничалъ на сайгаковъ и кабановъ, близко познакомился съ киргизской степью и ея обитателями, и эти наблюденія не пропали для него даромъ, а послужили матеріаломъ для многихъ страницъ „Василія Струняшева“, гдѣ рѣчь идетъ о киргизской степи.

Въ 1847 г. Желѣзновъ кончилъ службу въ степи и вернулся въ Уральскъ. Весной 1848 года было объявлено о сформированіи отъ Уральскаго войска экстреннаго полка. Желѣзновъ записался въ него по охотѣ, разсчитывая, что полкъ пойдетъ, какъ тогда носились слухи, за границу. Но вмѣсто заграницы онъ даже изъ предѣловъ войска не скоро выступилъ. Войско потратило на его сборку массу денегъ, а онъ между тѣмъ долженъ былъ цѣлый годъ простоять въ домахъ, слѣдовательно на своемъ коштѣ, такъ что служивые казаки проѣли всѣ остатки отъ наемки и выступили на другой годъ въ походъ безъ копѣйки.

Къ этому времени бездѣльнаго проживанія въ войскѣ относится первая романическая исторія Іоасафа Игнатьевича, исторія подробно и довольно непринужденно описанная имъ въ формѣ какъ бы литературнаго произведенія, хотя первоначально сообщеніе ея предназначалось только двоюродному брату его, И. С. Желѣзнову. Въ бумагахъ покойнаго Савичева остались эти письма Желѣзнова къ брату съ описаніемъ романической исторіи. 25 сентября 1848 г. онъ писалъ изъ Уральска: ...„Лѣто я прожилъ въ хуторѣ М. Е. Назарова. Оттуда я пріѣхалъ сюда недавно, не больше какъ дней 10 тому, но несмотря на это стараніемъ добраго или злаго, самъ не знаю, духа, успѣлъ было напроказить такъ, что мнѣ довелось бы, пожалуй, самому всю жизнь, и безъ того горькую, или волкомъ выть, или соловьемъ пѣть. Первый даръ вѣрнѣе бы, я знаю, послѣдняго выпалъ на мою участь...

„Вы не знаете еще опустошительнаго бѣдствія, которое за грѣхи наши постигло нынче Уральскъ. Пожалѣйте!!.. Послѣ холеры, уничтожавшей людей безъ разбора лѣтъ и пола, настала другая холера, страшнѣе первой, которая бьетъ на вы-

боръ однихъ только холостыхъ. Многіе уже изъ этихъ несчастныхъ погибли безвозвратно, и многимъ предстоитъ гибель: эта другая холера—женитьба!!?

„Всѣ заразились пагубною мыслью жениться и жениться... Не проходитъ ни одного вечера безъ вечеринки или дѣвичника. Просто всѣ съ ума сошли. Смотря на другихъ, и я вздумалъ—не жениться, какъ вы, быть можетъ, догадываетесь, а вздумалъ... сыграть водевиль-комедію“... Далѣе идетъ довольно большой разсказъ о его романѣ, написанный очень живо. Написалъ его онъ въ нѣсколько пріемовъ. Второе письмо послано изъ Гурьева, куда Желѣзновъ ѣздилъ къ матери осенью 1848 года. Изъ него видно, что еще весной 1848 г. онъ близко познакомился съ дочерью нѣкоего Е. Ст. Пономарева и, съ согласія матери ея, обручился съ нею при назначеніи въ полкъ, взявши съ нея слово не выходить до его возвращенія замужъ. Героиня названа въ его разсказѣ Вѣрой; жива ли она теперь, я не знаю. Но еще и полкъ не вышелъ, какъ холера унесла у Вѣры и мать, и отца: она осталась сиротой у своего дяди, который немедленно просваталъ ее за кого-то противъ ея желанія. Желѣзновъ мучился, но сдѣлать ничего не могъ. Хотѣлъ заглушить страсть, уѣхалъ изъ Уральска, но подъ конецъ не вынесъ и захотѣлъ снова увидать ее. При этомъ-то свиданіи онъ и рѣшился жениться, хотя ему предстояло вскорѣ идти на службу и у него не было никакихъ средствъ. Но все-таки, раньше, чѣмъ сдѣлать рѣшеніе окончательнымъ, онъ пошелъ посовѣтоваться къ своему принципалу, бывшему гурьевскому начальнику, который главнымъ образомъ и способствовалъ тому, что женитьба не состоялась. Этотъ господинъ, котораго самъ Желѣзновъ называлъ своимъ благодѣтелемъ и чтилъ не менѣе отца родного, расписалъ ему яркими красками всю прелесть семейной жизни безъ гроша въ карманѣ и въ заключеніе добавилъ: „Если бы такую вещь затѣялъ сынъ мой, я бы сейчасъ велѣлъ высѣчь его лозами“... „Послѣ такого убѣдительнаго довода, пишетъ Желѣзновъ, я замолчалъ, опустивъ голову на грудь въ знакъ смиренія и покорности“.

Конецъ разсказа писанъ уже въ декабрѣ 1848 г. „въ хуторѣ на р. Башкиркѣ въ горахъ Общаго Сырта“. Разсказъ несомнѣнно представляетъ одну изъ юношескихъ литературныхъ попытокъ Желѣзнова; въ его рукописяхъ онъ остался переписаннымъ на-бѣло съ эпиграфомъ, выражающимъ насмѣшку по отношенію къ автору: „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ!“ Но съ другой стороны несомнѣнно и то, что произведеніе это не предназначалось авторомъ для печати, что̀ ясно высказываетъ онъ въ той же рукописи: „черчу сіи строки, цѣли и предназначенія коихъ совершенно не вѣдаю; только то знаю, что пишу не въ печать“.

Въ 1849 г. экстренный полкъ получилъ приказаніе выступить въ Москву и 1 іюня выступилъ изъ Уральска. Желѣзновъ вмѣстѣ съ Савичевымъ былъ прикомандированъ къ полковой канцеляріи. Изъ Москвы полкъ направили въ Кіевъ, а затѣмъ размѣстили по деревушкамъ Кіевской и Волынской губерній. Все это путешествіе съ полкомъ подробно описано Н. Ѳ. Савичевымъ [1]), почему я здѣсь не стану останавливаться на немъ. Скажу только, что путешествіе несомнѣнно имѣло громадное воспитательное значеніе для Желѣзнова, не видавшаго раньше ничего кромѣ своей родины: здѣсь онъ воочію познакомился съ крѣпостнымъ правомъ и, какъ человѣкъ въ высшей степени впечатлительный и гуманный,—возмущался имъ до глубины души; онъ лично познакомился съ тою ратью великою и въ то же время скромною, которая своимъ богатырскимъ трудомъ на мирномъ полѣ—пашнѣ—кормитъ всю Россію; ему, не пропускавшему ни одного случая побесѣдовать съ встрѣчающимися лицами, не разъ доводилось слышать разсказъ ветерана-инвалида, потерявшаго и силу, и здоровье на полѣ бранномъ и безжалостно вышвырнутаго теперь съ казеннаго хлѣба долой... Все это ложилось на впечатлительную душу Желѣзнова и, по словамъ его товарища Савичева, онъ замѣтно сдѣлался серьезнѣе, — прежняя безза-

[1]) См. „Жизнь І. И. Желѣзнова“ въ Ур. В. В. 1870 года.

ботность покинула его.—Только проходя черезъ Черниговскую губернію, гдѣ населеніе еще помнило казачьи традиціи и съ восторгомъ встрѣчало нашихъ казаковъ, Желѣзновъ немного оживился. Ему пріятно было встрѣтить хоть отчасти родное и успокоить свою возмущенную печальнымъ путешествіемъ черезъ Великороссію душу... Въ воспоминаніяхъ объ этомъ времени Н. Ѳ. Савичевъ, между прочимъ, записалъ слѣдующій фактъ, который имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ указанія на начало проявленія литературнаго таланта Іосафа Игнатьевича.

„Однажды ѣхали мы всей полковой канцеляріей далеко позади полка... Желѣзновъ между прочимъ разсказалъ намъ о страшномъ „относѣ“ въ открытое Каспійское море гурьевскихъ аханныхъ рыбопромышленниковъ въ 1843 г. Разсказъ этотъ былъ такъ живописно ясенъ, отдѣльные эпизоды гибели казаковъ и ихъ спасенія такъ рельефны, что мы были поражены страшною, краснорѣчивою и столько же правдоподобною повѣстью объ этомъ событіи, о которомъ разскащикъ слышалъ отъ самихъ дѣйствующихъ лицъ трагическаго происшествія. Вообще Желѣзновъ не мастеръ былъ говорить, въ чемъ онъ и самъ сознавался; какъ человѣкъ болѣе сосредоточенный, онъ былъ неговорливъ; но бывалъ и у него иногда часочекъ, когда онъ говорилъ, что̀ огненное искрометное желѣзо ковалъ. Такъ было и тогда. Я неотступно просилъ его написать этотъ разсказъ и напечатать въ какомъ-нибудь журналѣ, какъ вещь со всѣхъ сторонъ интересную. Онъ покачалъ головой и полупечально сказалъ: „Куда нашему брату, полуграмотному, въ печать соваться!“ Однако задумался. На другой день я опять пристaлъ къ нему, и онъ обѣщалъ написать статью объ аханномъ рыболовствѣ, только когда полкъ придетъ на постоянныя квартиры“.

Жизнь въ Малороссіи настолько бѣдна была впечатлѣніями, что Желѣзновъ высказывался, что онъ лучше бы проспалъ эти два года, которые онъ прожилъ въ захолустьѣ, въ бездѣйствіи. За эти два года обѣщанной статьи объ аханномъ рыболовствѣ онъ написалъ всего 2 листа. Но и здѣсь на службѣ Желѣзновъ не переставалъ дѣлать наблюденія надъ казачьей жизнью:

онъ прислушивался къ сказаніямъ казачьимъ и нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи отпечаталъ [1]).

Единственно, что имѣло болѣе или менѣе серьезное значеніе въ смыслѣ дальнѣйшаго образованія Желѣзнова, — это близкое знакомство, дружба его съ полковымъ командиромъ Ив. Ем. Акутинымъ. Не смотря на большую разницу въ лѣтахъ, чинахъ и положеніи, начальникъ полюбилъ своего подчиненнаго (урядника чиномъ), какъ роднаго, и былъ до могилы другомъ и покровителемъ Желѣзнова. Акутинъ, по отзывамъ всѣхъ современниковъ и знавшихъ его лицъ, былъ человѣкъ передовой своего времени по образованію и, само собою, передавалъ запасъ знаній своему молодому другу, Желѣзнову. Между прочимъ онъ-же подарилъ Желѣзнову, какъ охотнику и стрѣлку — одноствольное ружье, изъ котораго впослѣдствіи Іоасафъ Игнатьевичъ и застрѣлился...

Осенью 1851 года полкъ вернулся на родину. Желѣзновъ уѣхалъ въ Гурьевъ, не желая добиваться въ Уральскѣ мѣста, для чего нужно было искать покровительства и т. п., что претило его гордой и самолюбивой натурѣ. Да и привлекательнаго чего-либо служба по внутреннему управленію войска не представляла. Чуть не поголовное взяточничество всѣхъ, кто имѣлъ какую-либо власть, поголовная безграмотность и отсутствіе какихъ бы то ни было умственныхъ интересовъ, при одномъ стремленіи къ наживѣ, замкнутость интересовъ выросшей на этой почвѣ причудливой аристократіи, вотъ краткая характеристика тогдашняго чиновничества. Само собою, для Желѣзнова, плебея по крови и демократа по симпатіямъ, не было въ этой средѣ мѣста... Правда, къ этому времени появились среди уральскаго общества лица другихъ убѣжденій: то были молодые люди, вышедшіе изъ среднихъ учебныхъ заведеній, обучавшіеся внѣ войска. Они рѣзко отличались отъ стараго поколѣнія по своимъ взглядамъ на вещи и симпатіямъ, но время ихъ выступленія на общественную арену было впе-

[1]) Напр. „Калмыцкій адъ“, „Крючекъ и вилка“ и др. Написаны они были имъ значительно позже, незадолго до смерти (февраль 1863 г.).

реди; они появились въ качествѣ выдающихся общественныхъ дѣятелей уже во второй половинѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ.

Итакъ Желѣзновъ уѣхалъ въ Гурьевъ и занялся окончаніемъ своей статьи объ аханномъ рыболовствѣ. Въ 1852 г. онъ былъ произведенъ въ хорунжіе по представленію полковаго командира Акутина, который, отличаясь вообще оригинальностью и не терпя обычныхъ формъ, представилъ Желѣзнова не за обычныя „выслугу лѣтъ“ или „отличіе по службѣ“, а „за отличныя умственныя способности“. Въ томъ же году кончилъ онъ статью объ аханномъ рыболовствѣ и поручилъ передать ее для напечатанія гдѣ-нибудь офицеру, отправлявшемуся съ „презентомъ“ къ царскому двору. Савичевъ сообщаетъ по поводу судьбы этой рукописи очень интересный для характеристики тогдашнихъ литературныхъ нравовъ фактъ. „Одинъ извѣстный издатель извѣстнаго журнала предлагалъ за статью эту 25 руб. съ тѣмъ, что онъ, выправивъ и сгладивъ слогъ Желѣзнова, напечатаетъ исправленное произведеніе это въ числѣ своихъ сочиненій“ [1]).

Желѣзновъ не согласился на это, говоря: „пусть какая ни есть моя статья, но моя, а когда ее выправятъ да передѣлаютъ, я тогда не узнаю мое дѣтище“. Статья была ему возвращена. Въ pendant къ этому считаю не лишнимъ сообщить слѣдующее. По словамъ одного изъ нашихъ офицеровъ, статью эту будто бы просматривали и выправляли бывшіе тогда въ солдатахъ баталіона, стоявшаго въ Уральскѣ, А. Н. Плещеевъ и А. Ханыковъ. По архивнымъ дѣламъ дѣйствительно видно, что въ это время служили въ рядовыхъ помянутаго баталіона зачисленные за политическое преступленіе по Высочайшему повелѣнію А. Н. Плещеевъ и А. Ханыковъ [2]). Для выясне-

[1]) Въ этотъ годъ съ презентомъ ѣздилъ покойный К. Ф. Бизяновъ, и къ сожалѣнію за смертію его нельзя провѣрить дѣйствительность сообщаемаго Савичевымъ возмутительнаго факта и разоблачить этого издателя.

[2]) Въ этихъ дѣлахъ есть ежемѣсячно представлявшіяся въ штабъ дивизіи вѣдомости всѣхъ зачисленныхъ въ солдаты по Высочайшему повелѣнію съ отмѣтками противъ каждаго о происхожденіи, о проступкахъ, за

нія вопроса, дѣйствительно ли рукопись Желѣзнова была на просмотрѣ у этихъ лицъ, я обратился съ этимъ вопросомъ къ нашему маститому поэту. Какъ видно изъ его отвѣта, лично Алексѣй Николаевичъ никакихъ рукописей Желѣзнова не исправлялъ. Относительно же Ханыкова сказать положительно не можетъ.

Этимъ я закончу первый періодъ жизни І. И. Желѣзнова, и перейду къ второму періоду—его жизни въ Москвѣ.

которые зачисленъ каждый въ солдаты, о поведеніи, объ усердіи къ службѣ, объ успѣхахъ по фронту. Не довольствуясь этими отмѣтками, штабъ дивизіи потребовалъ еще въ особой графѣ отмѣчать „объ образѣ мыслей“ ежемѣсячно. И баталіонная канцелярія въ точности исполняла предписаніе начальства, дѣлая въ соотвѣтствующей графѣ на вопросъ: „каковъ въ образѣ мыслей?“ отмѣтка въ родѣ слѣдующей: „неприличныхъ къ чинопочитанію“ (о Ханыковѣ).

Орловская общественная
въ памяти Ф. Ф. Тютчева
А. С. Пушкина
Библіотека
№ Отд.

II.

Назначеніе въ Московскій полуполкъ. — Жизнь въ Москвѣ и московскія знакомства.—Выступленіе на литературное поприще: статья объ аханномъ рыболовствѣ.—Отношеніе къ ней періодической прессы.—Самообразованіе Желѣзнова.—Полемика съ Небольсинымъ. — Симпатіи и убѣжденія Желѣзнова. — Литературные труды за время 1854—58 года. — Отпускъ и лѣто 1858 года на Уралѣ.—Путевыя замѣтки и собранные въ эту поѣздку матеріалы. — Первое изданіе сочиненій Желѣзнова и отношеніе къ нимъ періодической прессы.—Вліяніе славянофиловъ на направленіе литературной дѣятельности Желѣзнова.—„Преданія и пѣсни", „Сказанія", „Преданія о Пугачевѣ" и др. его произведенія послѣдующаго періода.—Занятія исторіей войска и работа по московскимъ архивамъ. — Обзоръ статей времени 1860—61 годовъ.

Къ сожалѣнію о московской жизни І. И. Желѣзнова имѣется очень мало данныхъ. Савичевъ почему-то въ своей біографіи очень недолго останавливается на этомъ періодѣ жизни Іосафа Игнатьича и почти совсѣмъ не разъясняетъ послѣдовательнаго развитія его литературнаго таланта, не очерчиваетъ направленія тѣхъ кружковъ, въ которыхъ онъ бывалъ. Другіе изъ его оставшихся въ живыхъ товарищей тоже мало сравнительно знаютъ о его времяпровожденіи и главное о его знакомствахъ, интересахъ, его занимавшихъ. Постараюсь сгруппировать въ этой главѣ данныя, которыя разбросаны въ ст. Савичева, въ воспоминаніяхъ объ этомъ времени О. Л. А—на и Ф. Ив. Р—ва, обязательно сообщившихъ мнѣ все, что они помнятъ болѣе или менѣе интереснаго изъ московской жизни І. И. Желѣзнова.

Въ Москвѣ Желѣзновъ состоялъ адъютантомъ при полко-

вомъ командирѣ (К. Ф. Бизяновѣ) и жилъ въ его квартирѣ, какъ членъ семьи. О. Л. А—нъ служилъ въ полковой канцеляріи писаремъ и стало быть по своему положенію былъ близокъ къ Желѣзнову. Первый годъ пребыванія въ Москвѣ Желѣзновъ ничѣмъ особенно не отличался отъ прочихъ офицеровъ: вмѣстѣ съ ними кутилъ и знакомствъ среди литераторовъ еще не пріобрѣлъ. Но затѣмъ онъ познакомился съ нѣкіими Дріянскимъ и Шаповаловымъ, которые ввели его въ кругъ московскихъ литераторовъ. Съ этого времени онъ почти не занимался въ полковой канцеляріи, вполнѣ отдавшись чтенію и умственному труду; познакомившись съ дѣлопроизводствомъ А—на, самъ онъ лишь подписывалъ бумаги и только въ самыхъ серьезныхъ дѣлахъ принималъ личное участіе.

Подобное отношеніе къ дѣлу, а особенно слишкомъ не начальническое отношеніе Желѣзнова къ подчиненнымъ писарямъ, полное отсутствіе въ этихъ отношеніяхъ дисциплины, не нравилось полковому командиру, и не разъ по этому поводу у него съ Желѣзновымъ происходили стычки. Но вообще говоря, Желѣзновъ пользовался у Бизянова большою пріязнью и несомнѣнно имѣлъ на него сильное вліяніе, не смотря на то, что Бизяновъ былъ значительно старше годами, чинами и былъ его начальникомъ. О. Л. А—нъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ, изъ которыхъ видно, что во всѣхъ столкновеніяхъ Желѣзновъ всегда настаивалъ на своемъ, а полковой командиръ уступалъ. Первое свое произведеніе, „Картины аханнаго рыболовства“, Желѣзновъ давалъ прочитывать многимъ изъ своихъ пріятелей для того, чтобы узнать мнѣніе о немъ, и мысль о томъ, насколько оно удовлетворяетъ требованіямъ отъ литературной работы, очевидно, сильно безпокоила его.

Какъ сказано выше, Дріянскій и Шаповаловъ ввели его въ кругъ литераторовъ; у Шаповалова, въ его домѣ [1]), устраивались литературные вечера; на нѣкоторыхъ участвовали: Островскій, Погодинъ, Григорьевъ и еще многіе, которыхъ

[1]) Это былъ довольно состоятельный человѣкъ, помѣщикъ.

г. А—нъ, разсказавшій объ этомъ времени, не помнитъ. На этихъ вечерахъ читались авторами статьи, приготовленныя къ печати; между прочимъ Островскій читалъ одну изъ своихъ новыхъ драмъ [1]). Здѣсь-то І. И. Желѣзновъ познакомился съ Погодинымъ, изд. и ред. журнала „Москвитянинъ". Ему онъ передалъ свою статью „Картины аханнаго рыболовства", которая и была вскорѣ напечатана въ его журналѣ (Москвит. №№ 9 и 10, 1854).

У меня нѣтъ подъ руками достаточно данныхъ для того, чтобы судить о пріемѣ, сдѣланномъ критикой въ ея цѣломъ вновь появившейся статьѣ. По отзывамъ всѣхъ она принята была очень сочувственно. „Отеч. Записки" дали слѣдующій отзывъ: „Это довольно живой разсказъ о тѣхъ страшныхъ опасностяхъ, которымъ Уральцы подвергаются во время своего аханнаго рыболовства, о той неимовѣрной смѣлости и находчивости, съ какою борются они противъ страшныхъ морскихъ невзгодъ... (изложено вкратцѣ содержаніе статьи). І. Желѣзновъ очень недурно рисуетъ всѣ эти интересныя сцены и кромѣ того успѣваетъ сообщить довольно много подробностей о бытѣ и нравахъ Уральцевъ. Кого не остановитъ нѣкоторая цвѣтистость первыхъ страницъ его разсказа, тотъ не пожалѣетъ, что продолжалъ читать статью и навѣрно прочитаетъ ее съ возрастающимъ интересомъ до самаго конца".

Вскорѣ послѣ того появилась вторая статья Желѣзнова въ томъ же „Москвитянинѣ" (№ 14, 1854 г.) подъ назв. „Башкирцы", которая была встрѣчена также довольно радушно.

Самъ Погодинъ послѣ прочтенія „Картинъ аханнаго рыболовства" говорилъ про Желѣзнова слѣдующее: „въ немъ несомнѣнно есть талантъ, и если бы онъ получилъ получше образованіе, онъ далеко пошелъ бы! Я благословилъ его на литературное поприще и не ошибся въ его призваніи" [2]).

Это „если бы...", этотъ недостатокъ всесторонняго образованія, на который указывали, конечно изъ желанія ему же

[1]) Въ то время читающей публикѣ уже были извѣстны комедіи, встрѣченныя съ восторгомъ: „Свои люди—сочтемся" и „Бѣдная невѣста".

[2]) Со словъ О. Л. А—на.

добра, пріятели и знакомые Желѣзнова, а также критика, — несомнѣнно онъ и самъ чувствовалъ и сознавалъ. Поэтому послѣ напечатанія статьи „Башкирцы“ онъ засѣлъ за самообразованіе. „Самородокъ нашъ, говоритъ Н. Ѳ. Савичевъ, началъ учиться. Ему было тогда 30 лѣтъ, но Желѣзновъ не отступалъ отъ того, что разъ себѣ задалъ; онъ сказалъ: лучше поздно, чѣмъ никогда, и принялся усиленно работать надъ самимъ собою. Ему предлагали тогда быть вольнымъ слушателемъ въ университетѣ, но онъ не согласился, потому вѣроятно, что чувствовалъ себя неподготовленнымъ къ слушанію университетскаго курса. Да и вообще систематическое образованіе не шло къ нему ни по лѣтамъ, ни по характеру. Планъ самовоспитанія у него былъ свой. Къ сожалѣнію въ воспоминаніяхъ Н. Ѳ. Савичева нѣтъ подробнаго изложенія, каковъ это былъ планъ, каковы были книги, которыми онъ „обложился“. Но несомнѣнно только то, что онъ старался пріобрѣсти какъ можно больше знакомствъ среди литераторовъ: познакомился кромѣ того кружка редакціи „Москвитянина“, съ которымъ встрѣчался у Шаповалова,—съ Катковымъ, Аксаковымъ, ближе сошелся съ Островскимъ, который принималъ его всегда очень радушно.

Знакомство съ литераторами-славянофилами, особенно съ такою выдающеюся изъ нихъ личностью, какъ И. С. Аксаковъ, несомнѣнно должно было сильно повліять на направленіе мыслей І. И. Желѣзнова, и это вліяніе видно въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ и особенно бросается въ глаза въ направленіи его литературной дѣятельности послѣдующаго періода съ 1858—61 годъ. Къ тому же его пріятель Н. И. Шаповаловъ былъ по убѣжденіямъ тоже славянофилъ: по словамъ О. Л. А—на, онъ ходилъ въ красной рубахѣ, плисовой поддевкѣ и смазныхъ сапогахъ [1])—непремѣнные аттрибуты

[1]) Къ сожалѣнію для болѣе или менѣе подробной характеристики двухъ близкихъ пріятелей Желѣзнова—Шаповалова и Дріянскаго—у меня нѣтъ данныхъ. Передаютъ, что Шаповаловъ уже умеръ. Гдѣ Дріянскій, мнѣ неизвѣстно; по словамъ Ф. И. Р—ва, Шаповаловъ занимался переводами съ иностранныхъ языковъ, Дріянскій тоже кое-что пописывалъ, напр. въ

исповѣдующаго ученіе славянофильства. Но Желѣзновъ, реалистъ по природѣ, воспользовался идеями славянофиловъ, витавшихъ въ большинствѣ случаевъ въ области теоріи, для примѣненія ихъ на практикѣ. Будучи по природѣ и убѣжденіямъ истымъ казакомъ, видѣвшимъ на своей родинѣ въ оригинальномъ общинномъ устройствѣ казаковъ, въ ихъ бытѣ и исторіи массу въ высшей степени симпатичныхъ и притомъ дѣйствительно совершенно самобытныхъ чертъ, Желѣзновъ несомнѣнно нашелъ въ ученіи славянофиловъ много общаго съ своими собственными симпатіями, выработанными не теоріею, а тѣснымъ общеніемъ съ простыми казаками и знакомствомъ съ исторіей казачества.

Тенденціи чистаго казачества несомнѣнно имѣли много общаго съ тенденціями славянофильства. Такимъ образомъ Желѣзновъ воспользовался готовыми и болѣе или менѣе научно обоснованными теоріями славянофиловъ, чтобы примѣнить ихъ къ войску, къ своей родной землѣ Уральскихъ казаковъ, къ которой былъ привязанъ всею душою и изученію которой посвятилъ всѣ свои силы, способности и труды. Этимъ обстоятельствомъ именно и объясняется то, что Желѣзновъ не впалъ въ односторонности и крайности славянофильскаго направленія, сгубившія окончательно это въ высшей степени симпатичное, при первомъ его появленіи, направленіе, оказавшее не мало услугъ развитію „народной“ литературы, т.-е. литературы, посвященной исключительно изученію простаго народа.

У Островскаго Желѣзновъ бывалъ очень часто и принятъ былъ какъ свой человѣкъ между другими сотрудниками „Молодаго Москвитянина“ [1]), главою которыхъ считался Островскій.

Библ. для Чтенія 1857 года его ст. „Записки мелкотравчатаго“, которыя перепечатывались въ видѣ приложенія къ Природѣ и Охотѣ за 1883 годъ.

[1]) Во второй половинѣ 50-хъ годовъ, когда повѣяло отовсюду новыми идеями, редакторъ „Москв.“ М. П. Погодинъ, какъ человѣкъ неглупый, измѣнилъ составъ сотрудниковъ, пригласивъ Островскаго, Филиппова, Писемскаго и др., — эта новая редакція и называлась, въ отличіе отъ первой — редакціей „Молодаго Москвитянина“.

Островскій его очень любилъ [1]), всѣ сотрудники относились къ нему какъ къ лицу въ высшей степени симпатичному.

По словамъ Ив. Ѳед. Горбунова, встрѣчавшаго Желѣзнова у Островскаго, онъ былъ очень сосредоточенъ въ себѣ, говорилъ мало, но иногда развертывался, когда разговоръ заходилъ о казачествѣ, особенно о положеніи казачьяго офицера, а въ томъ числѣ и его лично, сѣтуя на то, что ему, хотѣвшему остаться въ Москвѣ, гдѣ его пригрѣли и приласкали, хотѣвшему посвятить себя литературной дѣятельности, придется ѣхать на родину, идти служить въ степь, „киргизскихъ вшей давить“. По словамъ С. В. Максимова, тонъ его тогдашнихъ рѣчей какъ нельзя лучше отразился въ статьѣ: „Что такое казачій офицеръ?“

Вообще, когда разговоръ касался казаковъ и ихъ исторіи, онъ былъ тутъ въ своей сферѣ и, по словамъ одного его знакомаго, „съ нимъ на этой почвѣ нельзя было справиться“.

Изъ другихъ московскихъ знакомыхъ І. И. Желѣзнова О. Л. А—нъ указываетъ на А. Н. Бекетова, который иногда у него бывалъ, на братьевъ Дормидонта и Ѳедора Никифоровичей Плевако, въ домѣ которыхъ онъ квартировалъ и съ которыми былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Младшій (теперь знаменитый адвокатъ) былъ тогда еще студентомъ. Къ сожалѣнію, и объ этихъ знакомствахъ у меня нѣтъ болѣе подробныхъ данныхъ.

Считаю нелишнимъ отмѣтить слѣдующій не лишенный интереса фактъ относительно Желѣзнова, фактъ сообщенный художникомъ Д. В. Карташевымъ [2]): „Будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Н. Ѳ. Савичевымъ, я съ Желѣзновымъ встрѣчался очень рѣдко; зналъ его, читалъ первые его литератур-

---

[1]) Въ 1886 г., когда былъ поднятъ вопросъ объ изданіи „Преданій, сказаній и пѣсенъ Уральск. казаковъ“ В. П. Бородинымъ, этотъ послѣдній заручился согласіемъ А. Н. Островскаго написать о Желѣзновѣ воспоминанія, которыя конечно всего болѣе могли бы освѣтить московскую жизнь І. И. Желѣзнова. Къ сожалѣнію нашъ маститый драматургъ скончался въ томъ же году, не успѣвъ выполнить своего обѣщанія.

[2]) Привожу здѣсь дословно, выписку изъ его письма ко мнѣ.

ные опыты, но съ частной жизнью незнакомъ. Помню одно только то, что онъ увлекся было скульптурою, вылѣпилъ небольшую группу казаковъ-рыболововъ; въ этой работѣ видна была способность, но положительное отсутствіе изученія формъ и рисунка. Одолѣть это—было не въ характерѣ Желѣзнова,—его мысли нуженъ былъ просторъ, и весьма естественно, что онъ избралъ литературу, которую такъ блестяще началъ своею первою статьею: „Картины аханнаго рыболовства“...

Изъ послѣдующихъ статей Желѣзнова слѣдуетъ отмѣтить, хотя не важную по содержанію, но очень характерную для освѣщенія личности автора и его симпатій,—полемику его съ г. Небольсинымъ по поводу статьи послѣдняго „Уральцы“, въ которой Небольсинъ въ фельетонномъ духѣ и съ легкомысленностію военнаго человѣка и туриста наговорилъ про Уральцевъ массу нелѣпостей, что и возмутило Желѣзнова. Вообще въ спорѣ человѣкъ противъ своей воли высказывается всегда гораздо болѣе, чѣмъ въ обыкновенной хладнокровной бесѣдѣ. Этимъ я и воспользуюсь, чтобы бросить свѣтъ на симпатіи Іоасафа Игнатьевича.

Въ этой полемикѣ всецѣло вылился въ лицѣ самого автора типъ казака, и душою и тѣломъ привязаннаго къ своей родинѣ, казака, для котораго свята и дорога всякая мелочь его быта, для поддержанія которой онъ готовъ идти въ огонь и воду. Въ его горячей полемикѣ съ Небольсинымъ по поводу злосчастной „девятой пуговки“ на Уральскомъ женскомъ національномъ костюмѣ, полемикѣ, мѣстами доходящей до смѣшного,—что Желѣзновъ и самъ повидимому чувствовалъ,—высказался именно этотъ типъ простаго казака.

„Что-жъ, пусть судятъ меня,—пишетъ онъ по поводу самимъ же высказываемаго предположенія о странности спора о какой-то пуговкѣ,—но я суда этого не боюсь: я правъ, на моей сторонѣ слово „Уралецъ“. Моя мать носила, мои сестры носятъ сарафаны: а можетъ ли сынъ и братъ смолчать, когда кому-либо, хоть напр. г. Небольсину... вздумается смѣяться

такъ грубо, такъ пошло надъ его матерью, надъ его сестрами?" И противъ этого положительно ничего сказать нельзя... Какъ оскорбляло его національное чувство всякое вранье въ литературѣ, да еще съ обиднымъ характеромъ, такъ же точно оскорбляло его полное незнаніе—даже среди интеллигенціи—Уральскихъ казаковъ, незнаніе, доходящее до того, что образованные люди не имѣютъ понятія о томъ, гдѣ эти казаки живутъ, есть ли у нихъ свои семьи,—думаютъ, что это дикари, мало чѣмъ отличающіеся отъ киргизъ... „Ну, на что же это похоже?" говоритъ по этому поводу Желѣзновъ... Вся статья дышетъ любовью къ казакамъ, онъ не упускаетъ случая сообщить отъ себя наиболѣе интересныя данныя о бытѣ казаковъ и ихъ исторіи. „Кому не пріятно возводить родословную своего дома,—а Уральское казачье войско есть мой домъ, моя семья,—до временъ отдаленныхъ", говоритъ онъ по поводу своихъ выводовъ о началѣ появленія Яицкихъ казаковъ въ концѣ XVI столѣтія. Онъ съ гордостію отмѣчаетъ фактъ, что на службѣ казаки съ большою неохотою идутъ въ деньщики и драбанты: „Это характеристическая черта всѣхъ природныхъ казаковъ".

Небольсинъ, тогда уже извѣстный литераторъ, возражалъ на эту статью Желѣзнова, но, какъ можетъ каждый убѣдиться, очень неудачно, пустивъ въ ходъ уже прямую, нахальную ложь, въ которой Желѣзновъ не преминулъ уличить его [1]).

Еще въ концѣ 54 года Желѣзновъ началъ печатаніе большой исторической повѣсти изъ жизни Уральскихъ казаковъ подъ заглавіемъ „Уральская старина. Василій Струняшевъ". Начало ея было помѣщено въ „Москвитянинѣ" 1854—55 годовъ, а продолженіе въ „Отеч. Зап." за 1857 годъ.

Помимо благотворнаго вліянія на развитіе литературнаго таланта Желѣзнова того кружка литераторовъ, о которомъ выше было говорено, самыя событія того времени, самый духъ вре-

[1]) См. „Нѣсколько замѣчаній Уральскихъ казаковъ по поводу статьи Небольсина объ Уральскихъ казакахъ" Желѣзнова,—отвѣтъ Небольсина въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ № 168, 1855 г. и дополн. замѣтка Желѣзнова см. т. II нов. изд.).

мени несомнѣнно имѣли громадное значеніе въ укрѣпленіи и дальнѣйшемъ развитіи симпатій Желѣзнова. Крупные скандалы изъ дѣлъ оффиціальныхъ и частныхъ, извѣстія о крымскихъ событіяхъ—все это сильно интересовало Желѣзнова. Вообще время конца 50-хъ годовъ было какое-то особенное: въ воздухѣ чуялась близость реформы, когда можно будетъ вздохнуть свободнѣе; эта увѣренность въ близость лучшаго положительно преображала людей даже малоподвижныхъ, не говоря уже о такихъ личностяхъ, каковъ былъ Желѣзновъ: это была замѣчательно впечатлительная натура. Факты, которые для личностей съ обычнымъ темпераментомъ прошли бы совершенно незамѣченными, задѣвали Іоасафа Игнатьевича за живое и притомъ такъ глубоко, что онъ долго не былъ въ состояніи послѣ того успокоиться. Савичевъ приводитъ нѣсколько такихъ случаевъ въ своей біографіи Желѣзнова и замѣчаетъ, что І. И. обыкновенно выражался про свое состояніе въ эти минуты, что у него „желудокъ не варитъ“. Эту крайнюю впечатлительность его надо имѣть постоянно въ виду при объясненіи того или другого изъ его поступковъ, и, несомнѣнно, на почвѣ именно этой впечатлительности создалась та комбинація его психической дѣятельности, которая привела его къ самоубійству... Но съ другой стороны эта же незаурядная впечатлительность художника помогла ему, получившему самое ограниченное образованіе, создать такія прекрасныя „картины“ изъ казачьей жизни, „отъ которыхъ бы не отказались, по словамъ одного изъ критиковъ Желѣзнова, и лучшіе изъ нашихъ писателей“.

Желѣзновъ, повидимому, съ самаго пріѣзда въ Москву занимался русской исторіей, особенно исторіей казачества вообще и Уральскихъ казаковъ въ частности. Уже въ нѣкоторыхъ изъ первыхъ его произведеній видно довольно солидное знакомство съ исторіей войска,—это знакомство особенно замѣтно въ его статьѣ по поводу „Исторіи Пугачевскаго бунта“ Пушкина. Впослѣдствіи изученіе исторіи войска поглотило его совершенно.

Въ 1857 году долженъ былъ кончиться срокъ службы Желѣзнова въ Москвѣ, но онъ заранѣе просился у наказнаго

атамана Г. Ж. Геке оставить его на второй срокъ въ Москвѣ, на что наказный атаманъ изъявилъ согласіе. Желѣзновъ вновь погрузился въ міръ литературы. Въ этомъ же году въ „Отеч. Зап." появились его „Сайгачники" и продолженіе „Василія Струняшева". Усиленная умственная работа расшатала здоровье Желѣзнова: онъ началъ прихварывать, страдалъ одышкой и по-неволѣ сталъ меньше работать. Лѣтомъ слѣдующаго 1858 года онъ взялъ отпускъ и отправился на Уралъ, имѣя въ виду, очевидно, собрать побольше матеріаловъ главнымъ образомъ по изученію исторіи и міровоззрѣній казачества. Поѣздка эта дѣйствительно была очень плодотворна. Желѣзновъ путешествовалъ теперь съ опредѣленною цѣлью—набрать всевозможныхъ матеріаловъ по изученію исторіи и быта Уральцевъ; у него были намѣчены вопросы, разрѣшенія которыхъ онъ искалъ. Въ этомъ отношеніи несомнѣнно на немъ сильно отразились славянофильскія тенденціи, а также и вообще тогдашнее направленіе въ литературѣ — изучать народъ во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ послѣдующія произведенія Желѣзнова носятъ характеръ этнографическій, самыя статьи историческаго характера—все же болѣе близки къ этнографіи, такъ какъ состоятъ главнымъ образомъ изъ преданій, слышанныхъ отъ разныхъ лицъ и имъ записанныхъ. Въ высшей степени характерно для освѣщенія тогдашнихъ взглядовъ Желѣзнова на народную жизнь и на цѣль ея изслѣдованія—предисловіе его къ оставшейся послѣ смерти въ рукописи и теперь напечатанной статьѣ „Преданія о Пугачевѣ. Высказывая сожалѣнія о томъ, что на многое, слышанное въ дѣтствѣ и юности отъ современниковъ Пугачева, онъ не обратилъ никакого вниманія, не придавая разсказамъ этимъ никакого значенія, считая ихъ за болтовню, за лепетъ ребенка, не стоющіе вниманія человѣка „съ понятіемъ", и объясняя подобное отношеніе къ міровоззрѣнію народа вліяніемъ среды и отчасти литературы о казакахъ,— Желѣзновъ говоритъ: „точка зрѣнія ученаго сударя [1]) на

[1]) Такъ звали казаки урядниковъ, кончившихъ курсъ въ войсковомъ училищѣ.

народъ перемѣнилась. Дойдя до сознанія о несостоятельности высшихъ офицерскихъ воззрѣній на народъ (заключавшихся въ томъ, что казакъ, болванъ, грубіянъ—синонимы), я обратился къ самому народу..., рьяно бросился въ поиски за народными преданіями".

Дѣйствительно, все лѣто, отчасти и осень 1858 года, онъ разъѣзжалъ по войску, отыскивалъ стариковъ и старушекъ и „подбиралъ крупицы, оставшіяся отъ стариннаго пированія". Однако изъ этихъ крупицъ составились его „Преданія о Пугачевѣ", его „Преданія и пѣсни" и большая часть его „Сказаній". Во время самаго путешествія онъ велъ путевыя замѣтки. Въ замѣткахъ этихъ онъ записывалъ все болѣе или менѣе интересное относительно данной мѣстности: экономическія условія и нужды жителей, преданія и пѣсни, — все это находило свое мѣсто въ его „Замѣткахъ"; но особенно его интересовали, повидимому, преданія историческаго характера, въ которыхъ наиболѣе рельефно обрисовываются характеръ народа и образъ пониманія имъ вещей [1]). Воспользовавшись пребываніемъ Желѣзнова въ Уральскѣ, лѣтомъ 1858 г., наказный атаманъ Столыпинъ далъ ему порученіе разобрать дѣла атаманской канцеляріи по расколу, „которыя, говорилось въ бумагѣ, ознакомивъ васъ ближе съ столь важнымъ предметомъ, во всякомъ случаѣ будутъ и для васъ полезны".

Въ рукописяхъ Желѣзнова остались довольно подробныя выписки изъ раскольничьихъ дѣлъ атаманской канцеляріи. Въ это же лѣто Столыпинъ предложилъ Желѣзнову написать „Исторію Уральскаго казачьяго войска", но тотъ не согласился, по предположенію Савичева, потому, что самое предложеніе отзывалось особенною настойчивостью, что̀ не понравилось Желѣзнову. „Удивительные люди, — жаловался Желѣзновъ, — какъ они хотятъ легко распорядиться чужимъ трудомъ. Напиши мнѣ исторію, да непремѣнно къ четвергу,

[1]) Нѣкоторые наиболѣе интересные отрывки изъ этихъ замѣтокъ предположено было помѣстить въ новомъ изданіи его сочиненій, но сдѣлать это, по независящимъ отъ редакціи изданія обстоятельствамъ, оказалось невозможно.

да еще приведется угождать на вкусъ другихъ и жертвовать, можетъ быть, своими взглядами и убѣжденіями... Слуга покорный!“ .. [1]).

Пока Желѣзновъ путешествовалъ, издавались его сочиненія подъ названіемъ „Уральцы“ въ 2-хъ томахъ. Изданіе съ типографскими издержками принялъ на себя другъ Желѣзнова, о которомъ я упоминалъ въ началѣ этой главы, Шаповаловъ. Въ эти 2 тома вошли нигдѣ раньше не напечатанныя „Картины казацкой жизни“ и бывшіе уже въ печати „Сайгачники“, „Башкирцы“, „Картины аханнаго рыболовства“, „Василій Струняшевъ“, „Критическая статья на исторію Пугачевскаго бунта“ и „Мысли казака о казачествѣ“. Эта послѣдняя статейка, выражающая взглядъ Желѣзнова на сущность казачества, написанная въ полемическомъ духѣ и очень ядовито, была помѣщена въ „Молвѣ“ 1857 года и обратила, по словамъ Савичева, вниманіе на Желѣзнова, какъ на писателя, требующаго надзора.

По выходѣ въ свѣтъ „Уральцевъ“, Желѣзновъ поднесъ одинъ экземпляръ ихъ Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Николаю Александровичу. Сочиненіе это было благосклонно принято и награждено золотыми часами.

Въ періодической печати „Уральцы“ были приняты весьма сочувственно: всѣ безъ исключенія рецензенты признали за авторомъ несомнѣнный талантъ прекраснаго разскащика, а за его произведеніями большой интересъ. Рецензіи появились во всѣхъ извѣстныхъ журналахъ: въ „Современникѣ“, „Русскомъ Словѣ“, „Библіотекѣ для Чтенія“, и др. Въ виду того, что эти рецензіи характеризуютъ отношеніе тогдашней періодической прессы и литературнаго міра вообще къ произведеніямъ Желѣзнова, а также къ нѣкоторымъ его взглядамъ и симпатіямъ, даже къ самой его личности, я позволю себѣ вкратцѣ изложить эти отзывы въ ихъ существенныхъ чертахъ.

„Разсказы Желѣзнова, — пишетъ редакторъ „Библіотеки

[1]) См. „Жизнь І. И. Желѣзнова“, ст. Савичева, въ № 27 Уральск. Войск. Вѣдомост. за 1870 г.

для Чтенія“ [1]), переносятъ читателя въ особенный, незнакомый ему міръ — съ совершенно отдѣльными своебытными интересами, міръ, рѣзко отдѣленный своимъ образомъ жизни отъ всѣхъ племенъ и сословій, населяющихъ Россію...

„Самъ казакъ по происхожденію, г. Желѣзновъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ избранному имъ предмету (изображеніе оригинальныхъ чертъ казачества, какъ особой корпораціи), соединяетъ дарованіе прекраснаго писателя-живописца: лица, нравы и обычаи, преданія, повѣрья — все это изображено съ большою яркостію“. Вмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ указываетъ на излишнія подробности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на тщательное изображеніе такихъ чертъ, которыя имѣютъ слишкомъ мѣстный, слишкомъ спеціальный характеръ; на сухія вставки, и какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ разсказа, гдѣ вниманіе читателя увлечено живымъ, драматическимъ разсказомъ. Рецензентъ не раздѣляетъ съ авторомъ симпатій къ казачеству, этому изолированному, корпоративному обществу, и ставитъ знакъ ? надъ статьей „Мысли казака о казачествѣ“.

Ред. „Современника“ [2]) останавливается больше на взглядѣ автора на казачество; не раздѣляя, конечно, „мыслей“ Желѣзнова, редакторъ доказываетъ, что казачество, какъ рыцарство, отжило свой вѣкъ и можетъ занимать читателя только какъ любопытный фактъ изъ временъ давно минувшихъ. „Зачѣмъ воскрешать тѣхъ, чья пора миновала, и вызывать ихъ на постепенно заростающую и пустѣющую арену?!“

Самая обстоятельная и съ наиболѣе вѣрной оцѣнкой произведеній Желѣзнова—безъ всякаго сомнѣнія рецензія, помѣщенная въ „Р. Сл.“ 1859 г. № 3 (подписанъ А. Хм....).

Обращая вниманіе читателей на книгу Желѣзнова, авторъ рецензіи задается цѣлью выяснить, какимъ образомъ у публики могло составиться предубѣжденіе противъ Желѣзнова. По его мнѣнію, объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что со стороны содержанія у Желѣзнова встрѣчается не мало противорѣчій: онъ

---

[1]) № 4, 1859 г.
[2]) Т. 73, 1859 г.

сознаетъ, что старое умерло и оживить его невозможно, и одновременно съ этимъ то-и-дѣло слышатся отъ него и вздохи, и охи о прекрасной старинѣ, когда рѣки были сытовыя, берега кисельные и т. п. Переходя отъ содержанія къ формѣ, рецензентъ говоритъ: „Какъ разскащикъ, Желѣзновъ неподражаемъ: широкою и смѣлою кистью рисуетъ онъ передъ читателемъ рядъ очаровательныхъ картинъ, отъ которыхъ не отказался бы ни одинъ изъ нашихъ первоклассныхъ писателей, —картинъ, то привлекательныхъ по своей наивности, то грандіозныхъ, то суровыхъ и дикихъ, то смѣшныхъ и забавныхъ; но эти картины загромождены у него самою странною обстановкою: прибавками. вставками, замѣчаніями, которыя предварительно надобно снять, какъ снимаютъ слои пыли и грязи съ картинъ замѣчательнаго древняго мастера. Только послѣ этой сухой и утомительной работы, за которую не всякій возьмется, и безъ которой ошибочное сужденіе о книгѣ г. Желѣзнова неизбѣжно, читателя ждетъ полное очарованіе: патріархальные нравы и обычаи казаковъ, ихъ борьба съ полудикими сосѣдями, борьба съ природой, скупой и суровой, ничего не дающей даромъ и заставляющей все брать съ боя, и нерѣдко съ самаго упорнаго боя,—рисуются передъ читателемъ въ живой, цѣльной, художнически оконченной картинѣ. Въ изумленіи протираете вы глаза и спрашиваете: что же заставило автора запрятать такое сокровище подъ кучею безобразнаго хлама? Отвѣта на этотъ вопросъ надобно искать тоже въ самой книгѣ г. Желѣзнова. Сильный и неподдѣльный талантъ автора не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію и недостатокъ прочнаго образованія... Недостатокъ прочнаго образованія отозвался и на внѣшней сторонѣ труда. Художникъ по преимуществу, онъ не могъ и не хотѣлъ описать свой край иначе, какъ въ картинѣ художественной и, должно сказать, въ цѣломъ исполнилъ свою задачу безукоризненно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ разстаться съ огромнымъ запасомъ разнообразныхъ свѣденій о бытѣ Уральцевъ и, не съумѣвъ отыскать имъ приличное мѣсто, тискалъ ихъ всюду, гдѣ пришлось. Эти-то непрошенные гости

и легли темными, безобразными пятнами, заслоняющими несомнѣнныя достоинства его труда". Излагая далѣе содержаніе „Василія Струняшева" и указывая на примѣрахъ вышеприведенные недостатки труда Желѣзнова, рецензентъ замѣчаетъ, что авторъ, очевидно, симпатизируетъ герою разсказа, Струняшеву, къ которому собственно слѣдовало бы относиться такъ же, какъ къ дикарямъ-киргизамъ, занятымъ постоянно местью, и объясняетъ это шаткостью убѣжденій автора, которыя и рисуютъ передъ читателемъ его, друга просвѣщенія и развитія, чуть ли не поборникомъ обскурантизма и застоя".

Несомнѣнно въ этомъ отзывѣ г. А. Хм.... о книгѣ Желѣзнова и о самомъ авторѣ очень и очень много правды. Весьма вѣроятно, что читающая публика дѣйствительно была предубѣждена противъ автора за его симпатичное отношеніе къ мстительному Струняшеву, хотя отъ этихъ симпатій до сочувствія обскурантизму очень далеко [1]). Всѣ указанія рецензента на хорошія и дурныя стороны книги очень мѣтки, почему я и сдѣлалъ изъ рецензіи такія большія выдержки.

Къ сожалѣнію ни у Савичева, ни въ бумагахъ самого Желѣзнова не имѣется какихъ-либо намековъ на то, какъ относился Желѣзновъ къ критикѣ своихъ произведеній, а это было бы очень интересно.

Пока готовились къ печати и издавались его „Уральцы", Желѣзновъ занятъ былъ разработкой того богатаго матеріала, который онъ вывезъ съ собой изъ лѣтняго путешествія на родину. Вмѣстѣ съ тѣмъ систематически занялся исторіей Уральскаго казачьяго войска.

Въ началѣ 1859 года онъ выхлопоталъ разрѣшеніе рыться въ московскомъ архивѣ инспекторскаго департамента военнаго министерства „для заимствованія оттуда, какъ значилось въ его просьбѣ, посредствомъ выписокъ, нѣкоторыхъ почему-либо интересныхъ актовъ, относящихся до исторіи Уральскихъ казаковъ". Первоначальная цѣль у него была чисто практическая: онъ хотѣлъ отыскать подлинныя грамоты (или копіи съ нихъ),

[1]) Ср. такую же симпатію къ мщенію „Гайдамаковъ" Шевченко.

данныя нѣкогда русскими царями яицкимъ казакамъ на владѣніе Яикомъ и землями, прилежащими къ нему,—такъ называемыя казаками „владѣнныя“ грамоты, сгорѣвшія у нихъ въ XVII столѣтіи въ большой пожаръ въ Яицкомъ городкѣ. Въ этомъ стремленіи тоже вылился въ Желѣзновѣ истый казакъ, никогда и нигдѣ не забывающій о своей любимой родинѣ и не упускающій ни одного случая сдѣлать что-либо въ ея пользу. Грамотъ „владѣнныхъ“ не удалось ему разыскать, но при разборкѣ бумагъ архива Желѣзновъ нашелъ много любопытнаго по исторіи войска и сильно заинтересовался ею. Съ этого времени І. И. задумалъ написать исторію Уральскаго войска; онъ усердно принялся дѣлать изъ архивныхъ документовъ выписки, группировалъ ихъ, а одновременно съ этимъ читалъ печатные историческіе труды, обращая вниманіе главнымъ образомъ на исторію казачества на Руси. „Акты археографической коммисіи“, „Чтенія въ Императ. Общ. исторіи и древност. россійскихъ“ сдѣлались его настольными книгами. Къ этому времени подоспѣло еще предписаніе Желѣзнову отъ наказнаго атамана Уральскаго войска Столыпина, объ отысканіи въ московскихъ архивахъ нѣкоторыхъ документовъ, касающихся войска, для комитета по составленію проэкта положенія объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, который долженъ былъ открыть свои дѣйствія въ 60-мъ году въ Уральскѣ. „Прошу васъ, писалъ Столыпинъ [1]), по извѣстному мнѣ усердію вашему и любознательности въ изученіи быта казаковъ и ихъ историческаго существованія, немедленно заняться отысканіемъ актовъ объ Уральскомъ войскѣ и выписаніемъ копій, которыя доставлять ко мнѣ по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ отысканы. Объ оказаніи вамъ въ семъ случаѣ всевозможнаго содѣйствія предписано мною командиру Своднаго казачьяго полка“. Въ отвѣтъ на это приказаніе Желѣзновъ писалъ Столыпину, что онъ съ величайшею охотою исполняетъ данное ему порученіе, потому что онъ и самъ уже болѣе года роется въ томъ архивѣ, на который указываетъ атаманъ,

[1]) Предписаніе отъ 5-го мая 1860 г. № 947.

но къ сожалѣнію архивъ очень скуденъ. „Бумагъ въ немъ много, пишетъ Желѣзновъ, но содержаніе ихъ, на мой взглядъ, пустое, а это равняется ничему... Въ немъ есть цѣлое отдѣленіе подъ названіемъ „казачьяго повытья“. Въ повытьѣ этомъ хранятся всѣ дѣла, кромѣ, однакожъ, дѣлъ о смутныхъ обстоятельствахъ или бунтахъ: эти дѣла Богъ вѣсть гдѣ запрятаны и въ описяхъ нѣтъ помину, съ 1720-хъ годовъ, т.-е. со времени учрежденія коллегіи и до начала нынѣшняго столѣтія... Конечно попадались бумаги въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ интересныя, на мой все-таки взглядъ. Съ иныхъ я списывалъ копіи, изъ иныхъ дѣлалъ извлеченія. И все это копилъ и коплю, какъ матеріалъ для изданія и для литературныхъ моихъ трудовъ. Теперь вижу — долженъ достояніемъ моимъ подѣлиться съ вами“. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Желѣзновъ послалъ нѣсколько копій съ актовъ и одну цѣлую переписку, обѣщая и впредь высылать. Это было въ концѣ мая 1860 года, въ іюнѣ онъ еще послалъ нѣсколько копій съ документовъ; въ письмѣ онъ извиняется, что посылаетъ очень мало, и объясняетъ тѣмъ, что въ зданіи архива идутъ поправки, дѣла сваливаются въ груды и отыскивать ихъ становится очень затруднительно. „Впрочемъ, пишетъ онъ въ заключеніе, не смотря на архивный хаосъ, я все-таки роюсь тамъ и кое-что отыскиваю“. Въ іюлѣ Столыпинъ писалъ Желѣзнову дополнительное предписаніе, съ указаніемъ нѣкоторыхъ актовъ, которые особенно необходимо было бы отыскать [1]).

Повидимому Желѣзнову не особенно-то нравилось это срочное доставленіе копій, которое мѣшало ему заниматься по своей охотѣ, безъ постороннихъ указаній; къ тому же чисто военная скоропалительность, съ какою требовалось все это разыскать, списать и немедленно представить, необходимость занятія въ лѣтнее время въ душной атмосферѣ архива, въ которомъ къ тому же шли исправленія,—не могли оставить хорошаго впечатлѣнія относительно данныхъ ему порученій.

---

[1]) Предписаніе отъ 14 іюля 1860 г., № 1514.

Отъ усиленныхъ занятій въ архивѣ, а отчасти, повидимому, отъ чисто нравственныхъ причинъ, Желѣзновъ въ 1860 г. заболѣлъ.

„Я навѣстилъ его, говоритъ по этому поводу Савичевъ, и нашелъ болѣе въ упадкѣ духа, нежели физическихъ силъ: онъ тосковалъ, говорилъ о предчувствіи смерти, о боязни и неохотѣ умирать. „Нѣтъ, не успѣю я ничего,—говорилъ онъ,—съ моею исторіей Уральскаго войска; хоть бы успѣть записать планъ, какъ я думалъ выполнить свое сочиненіе... Но къ чему и это? Кто, имѣя матеріалъ, захочетъ писать исторію по чужому плану? А могу ли я передать въ запискѣ все то, что чувствую, какъ понимаю предметъ моихъ помышленій и заботъ? Да если бы и могъ, все это будутъ чужія рамки, чужое дѣло... Въ случаѣ чего, собери, товарищъ, мои бумаги... Книги куда хочешь дѣвай, а бумаги сбереги: въ нихъ есть кое-что, за что скажетъ мнѣ впослѣдствіи спасибо человѣкъ, которому понадобятся мои матеріалы“.

И дѣйствительно Желѣзновъ за это сравнительно короткое время уже собралъ очень много матеріаловъ, которыми пользовались многіе изъ писавшихъ послѣ его смерти по исторіи войска, о чемъ я ниже, при общей оцѣнкѣ его трудовъ, поговорю подробнѣе. Теперь же вернусь къ концу его московской жизни. Въ 1861 году опять долженъ былъ миновать срокъ второй службы Желѣзнова въ Москвѣ, ему опять приходилось хлопотать и просить о томъ, чтобы его оставили тамъ на третій срокъ; на этотъ разъ отсрочка ему далась не такъ-то легко; Столыпинъ, къ которому во время его проѣзда черезъ Москву за границу Желѣзновъ обратился съ своей просьбой, отказалъ ему, говоря, что онъ ему нуженъ будетъ въ Уральскѣ, что онъ дастъ ему тамъ важныя порученія. Желѣзновъ настаивалъ, приводя такого рода доводы, что его пр—во не всегда будетъ въ Уральскѣ, а безъ него другой атаманъ пошлетъ его, по очереди, служить въ степь, гдѣ онъ умретъ на походѣ же, что въ Москвѣ онъ пріютился для своихъ трудовъ, для своей цѣли, имѣя въ виду и пользу войска, что для этого у него въ столицѣ есть совѣтники и

руководители, все подъ рукой и т. п. Столыпинъ обѣщалъ подумать объ этомъ и дать рѣшительный отвѣтъ по возвращеніи изъ-за границы, слѣдующей весной [1]). Но боясь, чтобы Столыпинъ все-таки не надумалъ откомандировать его изъ Москвы, чего Желѣзнову не хотѣлось ужасно, онъ весною 1861 г., узнавъ, что Столыпинъ вернулся изъ-за границы, отправился немедленно въ Петербургъ, но явился сначала не къ Столыпину, а къ графу Строгонову, который былъ тогда воспитателемъ покойнаго наслѣдника [2]). По словамъ Савичева, у котораго я заимствую эти факты, Строгоновъ, не смотря на болѣзнь, принялъ его ласково и любезно, охотно брался ходатайствовать за него у Столыпина и пожелалъ ему успѣха въ дальнѣйшихъ работахъ на литературномъ поприщѣ. Отъ Строгонова онъ уже явился къ Столыпину и разсказалъ ему все, какъ было. Столыпинъ упрекнулъ его, сказавъ, что и безъ того оставилъ бы его въ Москвѣ. Тутъ же Желѣзновъ узналъ отъ Столыпина, что Сводный казачій полкъ будетъ освобожденъ навсегда отъ службы въ Москвѣ. Желѣзновъ, самъ принимавшій дѣятельное участіе въ подготовкѣ вопроса объ упраздненіи этого полка [3]), былъ радъ этому и по пріѣздѣ въ Москву помѣстилъ въ Совр. Лѣтописи „Русскаго Вѣстника“ статью по этому поводу (см. т. I нов. изд.). Между прочимъ со статьей этой, не заключающей ровно ничего непріятнаго для правительства, редакціи „Русскаго Вѣстника“ повидимому было не мало хлопотъ. По крайней мѣрѣ въ бумагахъ Желѣзнова осталось письмо изъ редакціи, въ которомъ говорится, что статью его придется передать на прочтеніе генералъ-губернатору, такъ какъ она касается Высочайшаго повелѣнія. Тучковъ [4]), прочитавъ ее, пропустилъ съ условіемъ, чтобы не было помѣщаемо расписаніе, гдѣ и сколько казаковъ стояло по разнымъ мѣстамъ Московской губерніи.

[1]) См. Савичева „Жизнь І. И. Желѣзнова, въ Ур. В. Вѣд. 73 года, № 27.

[2]) Строгоновъ зналъ Желѣзнова, потому что, бывши московскимъ ген.-губернаторомъ, слышалъ о его литературныхъ занятіяхъ.

[3]) По порученію московскаго оберъ-полиціймейстера, онъ написалъ записку по этому вопросу. Ibidem.

[4]) Моск. генералъ-губернаторъ.

Между занятіями въ архивѣ и хлопотами о томъ, чтобы остаться еще на нѣкоторое время въ Москвѣ, Желѣзновъ не оставлялъ все-таки писательства, и кромѣ только-что помянутой замѣтки онъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (еще лѣтомъ 1859 года) „Преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ“ [1]), вещь прекрасную, замѣчательно вѣрно передающую разговорную рѣчь казаковъ съ ея въ высшей степени типичными выраженіями и замѣчательно вѣрно рисующую міросозерцаніе Уральскаго казачества.

Въ томъ же году онъ написалъ статью: „Что такое казачій офицеръ?“ —обширное изслѣдованіе, написанное въ высшей степени горячо: очевидно авторъ влилъ въ это произведеніе свою душу, и многое, что онъ пишетъ о положеніи офицерства, онъ самъ глубоко прочувствовалъ и отчасти испыталъ на своей шкурѣ: зависимое положеніе, въ которомъ онъ находился во все время, постоянное безпокойство о томъ, какъ бы его не оторвали отъ любимаго дѣла,—очевидно сильно повліяли на него; все это, по словамъ С. В. Максимова, встрѣчавшаго Желѣзнова у Островскаго, Желѣзновъ не разъ высказывалъ въ дружеской бесѣдѣ, и такимъ образомъ на статью эту нужно смотрѣть какъ на выраженіе его глубокаго убѣжденія, а потому понятно будетъ, какъ огорченъ былъ онъ, при своей къ тому же крайней впечатлительности, тѣмъ обстоятельствомъ, что цензура не пропустила этой статьи, помѣтивъ на ней: „По правиламъ военной цензуры, напечатаніе этой рукописи не дозволяется. С.-Петербургъ, 9-го февраля 1860 г. Военный цензоръ генералъ-маіоръ Штюрмеръ“. Разсказывая о томъ впечатлѣніи, которое произвело на Желѣзнова это запрещеніе, Савичевъ говоритъ: „онъ былъ цѣлую недѣлю въ сильномъ волненіи, унынiи и негодованіи. Помню, какъ въ утѣшеніе ему я наивно сказалъ, что эта статья годится для потомства; онъ возразилъ: „не то можетъ идти для потомства, что нужно болѣе всего современникамъ; мы должны

[1]) См. т. 3. Въ Р. Вѣстникѣ помѣщены „Преданія“, кончая „Шилихинымъ пожаромъ“; остальныя преданія написаны позднѣе (въ 1861 году) и не были напечатаны авторомъ.

работать болѣе для настоящаго, а въ будущемъ явятся работники получше насъ“ [1])... Считаю нелишнимъ отмѣтить здѣсь нѣкоторыя мѣста этой статьи, такъ какъ, бросая свѣтъ на внутреннее состояніе автора, они помогутъ намъ хоть отчасти разобраться въ причинахъ, вызвавшихъ преждевременную кончину Желѣзнова. Сравнивая положеніе офицера съ положеніемъ раба, негра и т. п., онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „А нравственный гнетъ, отъ того происходящій, гнетъ, лежащій во всю жизнь на казачьемъ офицерѣ и на „чадѣхъ его“,— гнетъ, усиливающійся безграничною властію атамана, — чего этотъ гнетъ стоитъ? онъ стоитъ иногда больше чѣмъ жизни!“ Указывая на то, что казачьему офицеру, если онъ не хочетъ попасть подъ опалу, приходится льстить, лицемѣрить и т. п., онъ продолжаетъ: „а если иная натура по нравственнымъ принципамъ не можетъ ужиться ни съ лестью, ни съ лицемѣріемъ, ни съ подлостью, но не имѣетъ въ себѣ столько силъ, чтобы бороться съ окружающею ее суровою дѣйствительностью, каковъ тогда исходъ? Извѣстно какой; одно изъ двухъ: или пуля въ лобъ, или чарка зелена вина, а за нею физическое и нравственное растлѣніе!“

Помимо характеристики взглядовъ Желѣзнова на нѣкоторые вопросы въ современной ему жизни казачества, статья эта очень интересна, какъ образчикъ его произведеній историческаго характера: первая часть ея, гдѣ идетъ рѣчь о происхожденіи офицера въ Уральскомъ войскѣ, можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для сужденія о томъ, что можно было ждать отъ его „Исторіи Уральскаго казачьяго войска“; на основаніи этого очерка можно было бы, пожалуй, отчасти воспроизвести тотъ планъ исторіи, о которомъ у него былъ разговоръ съ Савичевымъ. Предоставимъ, впрочемъ, сдѣлать это другимъ, кто ближе займется исторіей войска и вдумается въ упомянутую статью Желѣзнова. Кромѣ нея Желѣзновъ за это время написалъ „Маринкинъ городокъ“ и обширныя, очень интересныя „Преданія о Пугачевѣ“. Первая изъ нихъ была

[1]) Ibid.

помѣщена въ „Библіотекѣ для Чтенія“ [1]); вторая подверглась той же участи, какъ и статья: „Что такое казачій офицеръ?“. Цензоръ помѣтилъ на ней: „возвратить г. автору безъ одобренія“. Эта послѣдняя статья, представляя въ дословномъ изложеніи воспоминанія современниковъ Пугачева изъ простыхъ казаковъ о той эпохѣ, имѣетъ несомнѣнно большое значеніе для выясненія отношенія народа къ Пугачеву. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляя своеобразное произведеніе народнаго творчества, какъ и другія записанныя Желѣзновымъ преданія, сказанія и пѣсни Уральскихъ казаковъ, „Преданія о Пугачевѣ“ имѣютъ значеніе и со стороны этнографической, со стороны изслѣдованія народной жизни съ ея типичными особенностями...

Такой же историко-этнографическій характеръ носятъ почти всѣ другія его произведенія послѣдующаго времени. Матеріалъ для всѣхъ нихъ Желѣзновъ бралъ отчасти изъ своей памяти, а главный матеріалъ собранъ имъ лѣтомъ 1858 г. Кромѣ указанныхъ выше статей: „Преданія и пѣсни Уральскихъ казаковъ“, „Маринкинъ городокъ“, „Преданія о Пугачевѣ“ — этого матеріала хватило ему еще на статью: „Отчего Сайгаки покинули Уралъ?“ (преданіе) [2]), на цѣлый рядъ „Сказаній Уральскихъ казаковъ“, которыя онъ печаталъ въ „Библ. для Чтенія“ (1861 и 1863 года), на статью „Туча каменная“, которая не была, повидимому, отдаваема для печати, хотя написана она еще въ апрѣлѣ 1861 года, и на нѣсколько преданій, тоже оставшихся въ рукописяхъ: „О казакѣ терскомъ“, „Объ Утвѣ“ и „О Хивѣ“ [3]). Кромѣ того за послѣднее время своей жизни въ Москвѣ Желѣзновъ помѣстилъ статью полемическаго характера: „Киргизоманія“, рецензію на соч. Данилевскаго объ уральскомъ рыболовствѣ, и замѣтку „Грамотность и народныя библіотеки на Уралѣ“.

---

[1]) 1860 г., № 2.

[2]) Помѣщено въ Вѣкѣ, за 1861 г., № 12.

[3]) Послѣднее напечатано г. Витевскимъ. См. Др. и Нов. Россія, 1880 г., № 9: „Іоасафъ Игн. Желѣзновъ и преданія о Хивѣ“. Самой статьѣ предшествуетъ краткое изложеніе біографіи Желѣзнова, составленной Савичевымъ.

Не имѣя особеннаго значенія сами по себѣ, статейки эти для характеристики взглядовъ Желѣзнова имѣютъ нѣкоторое значеніе. Въ первой изъ нихъ, полемизируя съ своимъ давнишнимъ литературнымъ противникомъ П. Небольсинымъ, по поводу статьи послѣдняго: „Путешествующіе киргизы“, въ которой П. Небольсинъ, положительно разсердившійся на Уральскихъ казаковъ за то, что одинъ изъ нихъ—въ лицѣ Желѣзнова—наговорилъ ему печатно не мало горькихъ истинъ, Желѣзновъ ядовито подсмѣивается надъ авторомъ, уличая его въ неправдѣ.

Здѣсь, какъ и вездѣ и во всемъ, онъ горой стоитъ за казаковъ. Во второй замѣткѣ онъ высказываетъ любопытный взглядъ—и, по моему, очень вѣрный—на возможныя измѣненія въ порядкахъ нашихъ рыболовствъ: именно, онъ указываетъ на необходимость изгнанія изъ нихъ чрезмѣрной чисто военной дисциплины и уменьшенія офицерской власти, здѣсь, какъ и вездѣ, имѣющей въ войскѣ громадное значеніе. „Военная дисциплина необходима только въ полкахъ и казармахъ, но въ рыболовствѣ, какъ и въ хозяйствѣ, она не должна имѣть мѣста“, говоритъ онъ въ заключеніе своей замѣтки.

Наконецъ третья статья написана, очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ гуманныхъ стремленій и попытокъ атамана Столыпина на поприщѣ народнаго просвѣщенія. Энергичная дѣятельность этого атамана на указанномъ поприщѣ, въ концѣ концовъ принесшая вмѣстѣ съ пользою и не мало вреда дальнѣйшему развитію школьнаго дѣла въ войскѣ, увлекла тогда симпатіи положительно всѣхъ интересующихся просвѣщеніемъ мѣстныхъ интеллигентовъ [1]).

Желѣзнову поручено было атаманомъ накупить книгъ для станичныхъ библіотекъ, и, исполняя это порученіе, онъ не преминулъ опубликовать о добрыхъ начинаніяхъ атамана, коснувшись кстати и постановки дѣла народнаго образованія въ войскѣ вообще. Изъ статьи виденъ въ высшей степени сим-

[1]) См. сочувственную статью объ этой сторонѣ дѣятельности Столыпина М. К. Курилина (въ „Журналѣ для воспит.“ 1859 года, т. V, отд. II, стр. 81—82), человѣка по убѣжденіямъ своимъ изъ другого лагеря.

патичный взглядъ Желѣзнова на вопросы просвѣщенія: онъ упоминаетъ объ открытіи въ университетахъ стипендій для казачьихъ дѣтей и замѣчаетъ, что „поступившіе въ университетъ будутъ первыми счастливцами изъ казаковъ, моихъ земляковъ".

Этимъ его литературная карьера, можно сказать, и окончилась. Волею судебъ онъ долженъ былъ весною 1862 года отправиться въ Уральскъ, гдѣ на новыхъ выборахъ членовъ присутствія войсковой канцеляріи его выбрали въ ассесоры [1]). Получивъ оффиціальное приглашеніе явиться къ новой должности, Желѣзновъ сильно колебался: ему не хотѣлось разстаться съ Москвой, гдѣ онъ получилъ посильное развитіе, въ которой ему представлялась полная возможность заниматься любимымъ дѣломъ. Онъ мечталъ постоянно о скромной жизни литературнаго труженика въ мірѣ духовныхъ интересовъ и совсѣмъ не прельщался ролью административнаго дѣятеля.

На проводахъ, по словамъ О. Л. А — на, онъ плакалъ какъ ребенокъ, прощаясь съ своими друзьями и какъ бы предчувствуя свой трагическій конецъ. Единственное утѣшеніе онъ находилъ въ мысли, что черезъ три урочныхъ года ассесорской службы онъ выйдетъ въ отставку и опять пріѣдетъ въ Москву, но уже навсегда.

Но не суждено было осуществить Желѣзнову своихъ завѣтныхъ мечтаній: онъ палъ жертвою осложнившихся обстоятельствъ въ жизни казачьей общины и столкновенія на почвѣ общественныхъ казачьихъ интересовъ съ властью наказнаго атамана...

---

[1]) Членъ присутствія, принимающій на ряду съ совѣтниками участіе въ обсужденіи всѣхъ дѣлъ. Формальное отличіе отъ совѣтника въ томъ, что ассесоръ подписываетъ только исполненныя по журналу бумаги.

III.

Выборы Желѣзнова въ ассесоры и отъѣздъ изъ Москвы. — Дѣятельность Іоасафа Игнатьевича въ войсковой канцеляріи.—Столкновеніе съ атаманомъ.—Отношеніе къ Желѣзнову казаковъ и роль, какую онъ игралъ среди нихъ.—Вопросъ о „Бухарской" сторонѣ и Желѣзновъ.—Командировка на севрюжье рыболовство.—Посѣщеніе рубежа наказнымъ атаманомъ.—Вѣрноподданническій адресъ 1863 года.—Отношеніе рыболововъ къ Желѣзнову.—Слѣдствіе о безпорядкахъ на севрюжьемъ рыболовствѣ.—Начначеніе Желѣзнова въ полкъ не въ очередь.—Признаки помѣшательства.—Самоубійство.—Похороны.—Памятникъ Желѣзнову.—Заключеніе.

Выборъ Желѣзнова въ ассесоры войсковой канцеляріи доказываетъ, что Желѣзновъ пользовался значительной популярностью въ войскѣ, хотя уже лѣтъ 9 жилъ внѣ его предѣловъ. Надо замѣтить здѣсь, что со времени атаманства Столыпина выборъ членовъ присутствія de facto былъ выборомъ, а не пустою формальностью, которая служила цѣлямъ и планамъ атамана. Обыкновенно, раньше Столыпина, кандидаты въ войсковую канцелярію намѣчались атаманомъ еще до выборовъ: эти послѣдніе такъ и ставились, чтобы были избраны указанныя атаманомъ личности. Столыпинъ далъ выборамъ болѣе простора, и благодаря этому въ члены присутствія начали попадать люди молодые, съ новыми идеями, вполнѣ гуманнаго и просвѣщеннаго направленія. Несомнѣнно, выбору этихъ лицъ способствовало и то обстоятельство, что самъ атаманъ, человѣкъ „новаго царствованія", шелъ впереди всѣхъ нововведеній, внося въ жизнь Уральскаго общества освѣжающій духъ реформъ Александра II; новый атаманъ энергично повелъ дѣло управленія войскомъ по новому пути, выдвинулъ впередъ всѣхъ

молодыхъ, талантливыхъ личностей, давъ имъ возможность трудиться и горячо, и честно на общественной нивѣ. Въ этомъ несомнѣнная заслуга Столыпина, въ этомъ кроется та симпатія къ нему и то особенно любовное отношеніе, которыми вспоминаютъ и самого атамана, и его время всѣ современники, позабывъ совсѣмъ объ ошибкахъ, надѣланныхъ имъ въ изрядномъ числѣ...

Выборы членовъ въ войсковую канцелярію весною 1862 г.— вслѣдствіе замѣчательнаго подбора даровитыхъ личностей, а еще болѣе вслѣдствіе выдержаннаго этими членами столкновенія съ наказнымъ атаманомъ, о чемъ вкратцѣ придется сказать нѣсколько словъ ниже—составили, можно сказать, эпоху въ лѣтописяхъ дѣятельности войсковой канцеляріи. „Молодая“ партія, которой симпатизировалъ самъ атаманъ, выбрала своими представителями въ канцелярію: въ совѣтники М. К. К—на и въ ассесоры І. И. Желѣзнова. Надо сказать здѣсь, что хотя „молодая“ партія и выбрала І. И. Желѣзнова своимъ представителемъ на ряду съ К—нымъ, однако между убѣжденіями Желѣзнова и этой „молодой“ партій, главою которой считался М. К. К—инъ, къ которой принадлежалъ вообще цвѣтъ тогдашней интеллигентной молодежи—А. Ф. А—инъ, И. А. А—нъ и другіе, была громадная разница. Общаго у нихъ было только то, что какъ представители „молодой“ партіи, такъ и Желѣзновъ были вполнѣ честнаго, гуманнаго направленія, какъ тѣ, такъ и другой стремились принести посильную помощь народу и т. п. Но убѣжденія ихъ расходились кореннымъ образомъ по самымъ существеннымъ вопросамъ. Какъ типичный представитель казачества, Желѣзновъ былъ по взглядамъ на государство несомнѣннымъ консерваторомъ и монархистомъ, чего далеко нельзя сказать про представителей „молодой“ партіи, горячихъ поклонниковъ направленія „Современника“. Расходилась эта „молодежь“ съ Желѣзновымъ и по взгляду на казачество: Желѣзновъ и въ этомъ отношеніи, какъ истый казакъ, „казакъ до безобразія“, какъ выражалась про него молодежь, дѣйствительно не допускалъ ни малѣйшей уступки изъ требованій простаго казачества, идеаломъ котораго было старинное

вѣчевое устройство, полная независимость и возможно широкое самоуправленіе общины; въ этомъ отношеніи во взглядахъ Желѣзнова очень много общаго съ Щаповымъ, который именно по вопросу о роли государства въ политической жизни Россіи, по вопросу объ автономныхъ общинахъ разошелся съ ред. „Современника". „Молодежь", наоборотъ, въ старинѣ видѣла больше рутину, противъ которой слѣдуетъ бороться; она до крайности увлекалась всѣми новизнами конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, жаждала новыхъ познаній, новыхъ идей и стремилась если не осуществить ихъ на практикѣ, то по крайней мѣрѣ распространять эти идеи... Приведу здѣсь одинъ фактъ, показывающій разницу въ ихъ направленіи,—фактъ хотя пустяшный, но очень характерный. Увлекаясь идеей о распространеніи потребительныхъ обществъ и т. п., молодежь устроила свою лавку... О намѣреніи открыть ее писалъ въ началѣ 1860 г. Желѣзнову И. А. А—нъ. Въ отвѣтъ на это Желѣзновъ писалъ слѣдующее: „Въ письмѣ ко мнѣ ты, кажется, говорилъ, что съ Ал. Ф. Ак. хотите открыть лавку съ галантерейнымъ товаромъ... Открыть лавку—мысль прекрасная, но не галантерейную. На этомъ далеко не выѣдете... Мой совѣтъ завести лавку съ товарами простыми, необходимыми для нашего народа, какъ-то: пряжа, веревки, рукавицы, вареги, пешни, багры, смола, деготь, варъ,—словомъ, открыть депо непремѣнно депо, чтобы всего, непремѣнно всего, что̀ нужно казакамъ, было вдоволь. Это первѣйшее условіе; если же заведете лавочку, въ которой, напримѣръ, варъ будетъ, а дегтю не будетъ, въ такомъ случаѣ результатъ будетъ тотъ же, что и отъ галантерейной лавки.—Не забывайте этого. Депо, депо! и всего, всего, всего вдоволь!)—вещей нужныхъ для рыболовства. Сбытъ будетъ большой. Капиталъ вашъ можетъ 2—3 раза въ годъ обращаться. 25% будете получать, и все-таки у васъ будутъ охотнѣе покупать, потому что обыкновенные торговцы дерутъ 100 на 100, а подчасъ и больше.—Подумайте объ этомъ. А галантерейнымъ промысломъ не прокормитесь. Пустяки задумали, не въ обиду будь вамъ сказано!"—Не правда ли, какая разница даже въ мелочахъ, въ точкахъ отправленія молодежи

и Желѣзнова? Одни, увлекаясь моднымъ теченіемъ, не идутъ далѣе этого увлеченія: открывая лавочку, они не желаютъ приспособить ее къ нуждамъ простыхъ казаковъ, народа,—имъ важно было только примѣнить на практикѣ идею потребительнаго общества. Другой и въ этой затѣѣ указываетъ на возможность, выполняя принципъ, сдѣлать полезное и казакамъ, о которыхъ нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ онъ не забываетъ. Но какъ ни расходилась молодежь съ Желѣзновымъ во взглядахъ на различныя вещи, она несомнѣнно чувствовала большую солидарность взглядовъ Желѣзнова со взглядами казаковъ, чувствовала, что по отношенію улучшенія казачьяго быта взглядъ Желѣзнова самый здоровый и реальный, что онъ, однимъ словомъ, ближе понимаетъ интересы и нужды этого казачества; а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что она выбрала на ряду съ К—мъ Желѣзнова, не обращая вниманія на принципіальное расхожденіе ихъ убѣжденій по вопросамъ общимъ.

Уже изъ того, что̀ сказано было въ предыдущей главѣ о настроеніи, въ какомъ уѣхалъ Желѣзновъ изъ Москвы и какъ относился къ новому назначенію, можно видѣть, что Желѣзновъ не придавалъ особеннаго значенія своему выступленію въ роли „народнаго судьи“, и первое время по вступленіи въ отправленіе обязанностей ассесора Желѣзновъ послѣ занятій часто ходилъ на охоту и вообще не углублялся въ канцелярскія дѣла, только добросовѣстно исполняя все, что̀ требуется отъ ассесора.

Но уже съ половины перваго года вступленія въ члены присутствія канцеляріи Желѣзнову пришлось заняться ими „вплотную“ и выступить въ качествѣ защитника казачьихъ интересовъ. Объясненія въ рѣзкой перемѣнѣ его взгляда на свою ассесорскую дѣятельность надо искать очевидно въ той важности дѣла, которое затѣялось на его глазахъ и которое задѣвало самые существенные интересы экономическаго быта казаковъ.

Будучи до мозга костей „казакомъ“ по своимъ взглядамъ на экономическую жизнь казачества, проникнутый интересами

этого казачества, которое онъ съ такою любовью воспроизвелъ въ своихъ художественныхъ картинахъ, Желѣзновъ неминуемо долженъ былъ взяться за дѣло, которое задѣвало интересы казачества, и къ которому онъ, въ качествѣ выборнаго представителя учрежденія, вѣдающаго всѣ экономическія войсковыя дѣла, долженъ былъ имѣть близкое отношеніе.

Дѣло же это состояло въ слѣдующемъ. Еще при концѣ атаманства Столыпина отъ оренбургскаго генералъ-губернатора Б. было предписаніе [1]) прислать свое мнѣніе по дѣлу о разграниченіи земель между казаками и киргизами на зауральской, „Бухарской“ сторонѣ; въ предписаніи этомъ сообщалось, что „комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ Всеподданнѣйшій отчетъ по управленію Оренбургскимъ краемъ, между прочимъ положилъ: поручить ему, генералъ-губернатору, принять неотлагательно нужныя мѣры для разбора поземельныхъ споровъ между Уральскими казаками и киргизами Малой Орды съ тѣмъ, чтобы впредь до окончанія означеннаго разбора киргизы отнюдь не подвергались какимъ-либо притѣсненіямъ со стороны Уральскихъ казаковъ“. Въ заключеніе сообщалось, что это положеніе комитета министровъ утверждено Высочайше. Столыпинъ отозвался, что онъ не можетъ дать своего мнѣнія по этому дѣлу, потому что онъ смѣняется, и уѣхалъ въ Петербургъ. Въ тотъ же день и. д. наказн. атам. Д—ль пишетъ генералъ-губернатору, что онъ, едва вступивъ въ командованіе войскомъ, не можетъ ничего сказать по этому вопросу, а скажетъ впослѣдствіи, ознакомившись съ бытомъ народа и его нуждами. А 20 іюля Д. пишетъ Б—ку свое предположеніе [2]) о томъ, какимъ образомъ можно размежевать лѣвый берегъ Урала между казаками и киргизами; вмѣстѣ съ этимъ онъ указываетъ и на принципъ, который долженъ лечь въ основу размежеванія: отъ Мухраповскаго форпоста (самое сѣверное изъ поселеній Уральскихъ казаковъ по р. Уралу) по лѣвобережнымъ лугамъ провести параллель-

[1]) Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ былъ тогда Безакъ.
[2]) Рапортъ отъ 20 іюля № 1726.

ную Уралу линію: что къ Уралу, то-де казачье, а что къ „увалу“ (къ кряжу) по направленію въ степь, то киргизское; при этомъ надѣлить-де лугами казаковъ и киргизовъ по мѣрѣ нужды и истинной потребности тѣхъ и другихъ. Для размежеванія предполагаетъ учредить коммисію: изъ членовъ отъ войсковой канцеляріи и отъ областнаго правленія, депутата отъ казаковъ и киргизовъ, чиновника отъ генералъ-губернатора и одного изъ членовъ комитета по составленію проэкта положенія объ Уральскомъ казачьемъ войскѣ; предсѣдателемъ ея наказный атаманъ. Коммисія на каждую отмежеванную мѣстность должна составлять протоколы съ обозначеніемъ, что казачье и что киргизское, и временная граница впредь до Высочайшаго утвержденія должна быть принята и соблюдаема казаками. Все это дѣло велось въ атаманской канцеляріи съ строгимъ соблюденіемъ канцелярской тайны, причемъ войсковая канцелярія, до которой всего ближе это дѣло касалось, которая вѣдала всѣ дѣла по войсковому хозяйству и въ которой наказный атаманъ предсѣдательствовалъ, была совершенно устранена отъ этого дѣла, и члены даже не знали о существованіи какихъ-либо распоряженій по столь важному вопросу. Частнымъ образомъ Желѣзнову все-таки удалось открыть эту канцелярскую тайну, и онъ немедленно передалъ обо всемъ собратьямъ по присутствію. Всѣ были поражены до крайности и возмутились до глубины души. Но сдѣлать ничего не могли, порѣшивши только между собою, что если кто изъ нихъ будетъ назначенъ членомъ коммиссіи. то не подпишетъ ни одного протокола, ни одного постановленія, клонящагося къ отнятію хотя части луговъ, которые казаки пріобрѣли кровью своею и которыми владѣютъ безспорно болѣе 200 лѣтъ. Разъ тайна по такому важному для всѣхъ казаковъ дѣлу была открыта, вскорѣ и среди казаковъ начались по этому поводу толки. Въ первыхъ числахъ сентября (1862 года) генералъ-губернаторъ возвращался черезъ войско изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, выѣхалъ съ Волги на Узени, затѣмъ на Мергеневъ и въ Уральскъ. Мѣстахъ въ двухъ, трехъ на пути отъ Мергенева къ Уральску и въ самомъ Уральскѣ казаки при-

ступали въ Б—ку толпами, прося не обижать ихъ при размежеваніи съ киргизами. Въ Уральскѣ на обѣдѣ Б—къ держалъ рѣчь къ офицерамъ по поводу вопроса о Бухарской сторонѣ въ томъ смыслѣ, что казаки для него дороже киргизовъ, что онъ ихъ не обидитъ; но что Высочайшее повелѣніе во всякомъ случаѣ нужно выполнить и пр. въ томъ-же духѣ [1]).

Теперь ни для кого не было тайной, что оренбургскій генералъ-губернаторъ предполагаетъ привести въ исполненіе размежеваніе „Бухарской“ (за уральской) стороны съ киргизами, въ явный ущербъ и положительное разореніе казаковъ, владѣвшихъ ею безспорно. Казаки пришли въ сильное безпокойство. Старики „старожилы“ съѣхались отовсюду въ Уральскъ и ходили совѣщаться преимущественно къ Желѣзнову, какъ быть въ такомъ несчастномъ для нихъ случаѣ и что дѣлать. Сначала старики ходили къ Желѣзнову тайно, по ночамъ, по Желѣзновъ посовѣтовалъ имъ являться къ нему открыто и ни въ какомъ случаѣ самимъ однимъ, безъ участія чиновниковъ, не приниматься за дѣло; сообща съ стариками былъ выработанъ планъ дѣйствій; Желѣзновъ самъ излагаетъ его въ подробностяхъ въ письмѣ къ Е. М. Матвѣеву, къ которому обращается за совѣтомъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ и одновременно отъ себя указываетъ, что слѣдуетъ предпринять въ этихъ видахъ и Матвѣеву, имѣвшему довольно большой вѣсъ въ управленіи иррегулярныхъ войскъ [1]). „Дайте отвѣтъ, подайте совѣтъ!—пишетъ Желѣзновъ;—а между тѣмъ долгомъ считаю сообщить вамъ, что народъ нашъ сильно озадаченъ, сильно встревоженъ, готовъ идти въ протестъ и—нѣтъ сомнѣнія—пойдетъ. Заварится пожалуй каша. Надо отвратить. По-

---

[1]) Высочайшее повелѣніе, между прочимъ, узаконяло только „принятіе мѣръ къ разбору ссоръ“, а о размежеваніи въ немъ не помянется.

[1]) Письмо это осталось въ рукописяхъ покойнаго І. И. Желѣзнова; оно озаглавлено: „Письмо Уральца изъ Уральска къ Уральцу же въ Петербургъ“. Въ письмѣ масса интереснаго, и исторію всего этого дѣла я излагаю, придерживаясь текста письма. Но цѣликомъ его напечатать я считаю пока неудобнымъ.

думайте объ этомъ и примите мѣры къ предотвращенію непріятностей. Склоните членовъ управленія иррегулярныхъ войскъ на сторону казаковъ: это святой долгъ ихъ, какъ въ отношеніи къ казакамъ, такъ и въ отношеніи къ правительству.

„Здѣсь предполагаютъ составить поголовную подписку, выбрать депутатовъ и съ челобитной отъ лица всего войска послать въ Петербургъ къ Государю...

„Въ челобитной нужно будетъ сжато, но ясно высказать историческое и юридическое право казаковъ на Бухарскую сторону, нужно будетъ выставить цифру казенныхъ повинностей (до 100 руб. съ казака) и сопоставить ей цифру повинностей киргизовъ (по $1^1/_2$ руб. въ годъ съ дыму)... Настоящей программы челобитной еще пока нѣтъ, но главный тонъ ея — нужды казаковъ, ихъ историческое право, вѣрноподданническая преданность Государю и, наконецъ, надежда на Его милосердіе... Программу челобитной хотѣлъ писать я, но безъ вашего совѣта и руководства не дерзаю... Касательно челобитной, въ главѣ народа безъ сомнѣнія должны стать и офицеры... Имѣйте это въ виду.

„Минуя народной челобитной, я думаю составить записку въ такомъ родѣ (далѣе идетъ подробное изложеніе плана записки: сначала документальныя доказательства на право владѣнія, затѣмъ разобрать вопросъ, насколько необходимы луга для киргизъ и для казаковъ, наконецъ Желѣзновъ имѣлъ въ виду коснуться и нравственной стороны вопросы, съ указаніемъ на дурныя послѣдствія, могущія возникнуть по этому поводу, какъ и было наприм. съ Кочкинымъ пиромъ и т. п.)...

„Убѣжденіе Уральскаго казака, что Бухарская сторона по кряжъ есть неотъемлемая собственность, это убѣжденіе вошло въ кровь и плоть казака. Отнимать у казака Бухарскую сторону—тоже, что душу съ тѣломъ разлучать. Учугъ, наемка и Бухарская сторона—это такія нѣжныя три струнки, дотрогиваться до которыхъ весьма неблагоразумно. Только или близорукіе, или враги народнаго спокойствія и благосостоянія могутъ рѣшиться на такое рискованное дѣло... Однимъ сло-

вомъ, не какъ обыватель казакъ, дорожащій угодьями, а какъ человѣкъ-гражданинъ, предвидящій по своему понятію несчастный исходъ рискованнаго дѣла..., я намѣренъ написать разсужденіе по этому дѣлу и подать правительству...

„Прошу васъ дать совѣтъ... Набросанный мною эскизъ записки или разсужденія о Бухарской сторонѣ не принимайте за непремѣнный и неизмѣняемый. Онъ вышелъ изъ головы моей въ минуту увлеченія. Голова моя, можно сказать, буквально кружится... Вотъ что еще: въ предположеніи атамана Д. о раздѣлѣ луговъ встрѣчается слово: „волненіе народное“. Замѣтно и Б., и Д. опасаются. Въ прошломъ году всѣ пушки... годныя отобраны отъ насъ и переданы въ баталіонъ, что расположенъ въ нашемъ городѣ... Наконецъ есть слухи: хотятъ изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія взять солдатъ и весь баталіонъ стянуть въ Уральскъ... Ну, не грустно ли это? У народа нашего и въ мысляхъ нѣтъ волненія въ смыслѣ бунта. Народъ только хочетъ заявить Царю, чтобы не отнимали Бухарскую сторону... Мы, офицеры, должны стать въ главѣ народа и повести это дѣло честно и разумно, т.-е. повести дѣло такъ, чтобы никто зубомъ не натянулъ бунта! Это наша святая обязанность, это долгъ нашъ передъ народомъ и передъ правительствомъ!“... Далѣе онъ спрашиваетъ, когда подавать челобитную, до начала дѣйствій коммисіи или послѣ, сообщаетъ, что „старики-зипунники полагаютъ подать по начатіи дѣйствій коммисіи, но къ челобитной приготовиться заранѣе, зимой, составить по этому поводу приговоръ отъ лица всего войска и подписаться къ нему всѣмъ до единаго“. Въ заключеніе опять проситъ Матвѣева принять въ этомъ дѣлѣ участіе и принять трудъ намѣтить программу челобитной и приговора съ своей стороны.

Я намѣренно остановился подробно на этомъ письмѣ, потому что оно дѣйствительно написано „подъ вліяніемъ минуты“, какъ пишетъ самъ Желѣзновъ, и, какъ всякое подобное выраженіе мыслей, отлично характеризуетъ автора его. Желѣзновъ очевидно вошелъ въ роль, дотолѣ ему незнакомую, роль защитника народныхъ интересовъ не въ литературѣ, а

въ живой дѣйствительности, и эта роль въ концѣ концовъ сгубила его... Письмо это, какъ отчасти видно изъ самаго заглавія его, а также изъ того, что въ рукописи къ нему приложены „поясненія“ разныхъ терминовъ, употребляемыхъ въ немъ и незнакомыхъ не-казакамъ,—очевидно Желѣзновъ имѣлъ въ виду опубликовать, быть можетъ, измѣнивши его немного... И Н. Ѳ. Савичевъ разсказываетъ, что Желѣзновъ ужасно досадовалъ, что у насъ нѣтъ свободной прессы, въ которой можно было бы все выяснить и такимъ путемъ легко прекратить могущее произойти несчастіе... Вообще, какъ видно изъ письма и какъ разсказывалъ Н. Ѳ. Савичевъ, —съ этого времени Желѣзновъ былъ въ постоянномъ сильномъ напряженіи: не досыпалъ ночей, занимался до упаду и, бесѣдуя съ толпами казаковъ, къ нему приходившихъ, успокоивалъ ихъ и совѣтовалъ держаться въ этомъ дѣлѣ строго-законной почвы, предоставивши все дѣло имъ, выборнымъ ими судьямъ. Благодаря тому, что І. И. Желѣзновъ пользовался у казаковъ рѣдкой симпатіей и авторитетомъ, народъ повѣрилъ ему, успокоился и разъѣхался по домамъ, обратившись къ своему хозяйству.

Между тѣмъ событія быстро шли впередъ, и къ осени отношенія между атаманомъ и канцеляріей изъ-за земельнаго вопроса осложнились до невозможности Почти вслѣдъ за уѣзжающимъ изъ Уральска генералъ-губернаторомъ полетѣло въ Оренбургъ представленіе и. д. наказнаго атамана относительно размежеванія Илецкихъ казаковъ съ Уральскими, что́ вызвано было — говорится въ рапортѣ—неоднократными заявленіями со стороны Илецкихъ казаковъ и постоянными ссорами ихъ съ сосѣдями—Уральскими казаками. Атаманъ просилъ разрѣшенія, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса, провести временную границу, причемъ уже въ самомъ представленіи указывалось на то, что Илецкіе казаки обижены, и имъ слѣдуетъ отрѣзать извѣстную часть луговъ [1]). Получивъ въ октябрѣ

[1]) Современники, повидимому не безъ основанія, предполагали, что это было нѣчто въ родѣ дипломатической уловки, для того чтобы узнать, какъ примутъ казаки это маленькое дѣльце, чтобы безопасно приступить къ большему дѣлу съ Бухарской стороной.

мѣсяцѣ разрѣшеніе провести эту временную границу, онъ внезапно выѣхалъ изъ Уральска съ топографомъ и, вызвавъ депутатовъ казаковъ отъ Уральскихъ станицъ, смежныхъ съ Илецкими, и отъ Илецкихъ станицъ,—провелъ временную границу, „замежевавъ“ въ пользованіе Илецкихъ казаковъ значительный участокъ луговъ, которыми до того пользовались жители собственно Уральскихъ станицъ. Совершивъ это дѣло, Д. вернулся въ Уральскъ, не сообщивши даже, въ качествѣ предсѣдателя присутствія войсковой канцеляріи, членамъ ея о небывалой дотолѣ границѣ. Вслѣдъ за атаманомъ явилась въ Уральскъ депутація отъ поселковъ смежныхъ съ Илецкими дачами Уральскихъ станицъ въ войсковую канцелярію для выясненія вопроса, по какому случаю они „замежеваны“ (т.-е. обижены землею), и есть ли на то Высочайшее повелѣніе. Выслушавъ заявленіе этой депутаціи и отобравъ показанія, члены объявили депутатамъ, что сами по этому вопросу ничего не знаютъ и спросятъ сначала атамана. Вслѣдствіе этого заявленія войсковая канцелярія сдѣлала постановленіе препроводить показанія казаковъ къ наказному атаману и почтительнѣйше просить разъясненія, „по чьему повелѣнію открыта коммисія и на основаніи какихъ данныхъ коммисія замежевала въ дачи Илецкихъ казаковъ луга и пашни, принадлежащіе Уральскимъ казакамъ“. Рапортъ по этому предмету войсковой канцеляріи къ атаману послужилъ поводомъ къ жестокому между ними препирательству. Результатомъ его было, во-первыхъ, то, что депутаты были арестованы и вдобавокъ, уже по распоряженію полицеймейстера, ихъ заставили сбивать кочки противъ атаманскаго дома. Самой канцеляріи атаманъ сдѣлалъ замѣчаніе, указывая между прочимъ, на то, что „подобное отношеніе ея къ атаману, своему предсѣдателю, и самый фактъ принятія якобы жалобы на него можетъ вселить въ казаковъ вредныя понятія, могущія нарушить самыя основанія служебнаго порядка“. Угрожая членамъ за ихъ quasi-противозаконныя дѣянія, усмотрѣнныя въ томъ, что они дѣлали постановленіе безъ его согласія и дозволили ему, назначаемому Высочайшей властью, дѣлать нѣчто въ родѣ запросовъ,—Д-ль

„на первый разъ дѣлаетъ членамъ строгое внушеніе, снисходя къ ихъ малому знакомству съ дѣлопроизводствомъ, и совѣтуетъ впредь строже обдумывать свои дѣйствія“.

Одновременно съ этимъ онъ отдалъ приказъ объ увольненіи отъ должности секретаря канцеляріи К. Ф. Л—ва „за уклоненіе, какъ сказано въ приказѣ по войску, отъ своей обязанности и неисполненіе данныхъ ему приказаній“. Войсковая канцелярія не замедлила отвѣтомъ, довольно вѣскимъ, на замѣчанія, сдѣланныя атаманомъ, а также затѣяла цѣлую переписку по поводу увольненія Л—ва изъ секретарей. Между тѣмъ, странный арестъ депутаціи съ его оскорбительной обстановкой быстро сдѣлался извѣстнымъ по всему войску. Казаки верхней дистанціи послали еще новую депутацію узнать о судьбѣ своихъ первыхъ депутатовъ и заявить, что тѣ невиноваты, а если виновато, такъ цѣлое общество. Новые депутаты явились въ присутствіе въ пятницу по выходѣ оттуда предсѣдателя; имъ велѣно было придти на другой день. Но предсѣдатель на другой день не пришелъ: уступая настоятельнымъ просьбамъ казаковъ, члены послали попросить атамана въ присутствіе, для чего отправился къ нему Желѣзновъ. Но атаманъ сказалъ посланному, чтобы казаки явились къ нему лично, а на послѣдовавшій затѣмъ отъ Желѣзнова докладъ, что казаки пришли не къ нему одному, но въ присутствіе войсковой канцеляріи, отозвался, что „сегодня суббота—день неприсутственный, и онъ въ присутствіе не пойдетъ“, на что Желѣзновъ замѣтилъ, что „не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка“. Атаманъ такъ и не пошелъ. Въ виду этого канцелярія занесла все это въ постановленіе, отобрала отъ казаковъ показанія и отпустила ихъ къ домамъ. Вслѣдъ за симъ и. д. прокурора, есаулъ М—овъ, сдѣлалъ по своей обязанности донесенія министру юстиціи о допущенныхъ наказнымъ атаманомъ несообразныхъ съ законами дѣйствіяхъ по дѣлу о размежеваніи земель по р. Иртеку, препроводивъ копію съ этого донесенія генералъ-губернатору. Этотъ послѣдній сдѣлалъ запросъ атаману. Что отвѣчалъ Д., неизвѣстно; извѣстно только, что еще за нѣсколько дней до этого онъ быстро уѣхалъ

въ Оренбургъ. Вся эта исторія, въ которой Желѣзновъ принималъ самое дѣятельное участіе, была перенесена на обсужденіе высшихъ властей и кончилась уже много позднѣе (въ концѣ мая 1863 года) тѣмъ, что отъ лица военнаго министра и—му д. атамана было сдѣлано замѣчаніе за допущенныя имъ неправильныя дѣйствія, съ подтвержденіемъ на будущее время не выходить изъ предѣловъ предоставленной закономъ власти, совѣтнику Б—ву и Желѣзнову сдѣланъ выговоръ, совѣтника Ку—на устранили отъ должности, а и. д. прокурора откомандировали въ наказаніе къ Оренбургскому казачьему войску для несенія службы. Дѣло относительно Бухарской стороны находилось въ высшихъ сферахъ, и о судьбѣ его ничего не было извѣстно. Матвѣевъ, которому Желѣзновъ писалъ объ этомъ дѣлѣ, далъ отвѣтъ очень уклончивый и довольно холодно отнесся къ затѣямъ, изложеннымъ въ письмѣ Желѣзнова, совѣтуя лучше примириться съ Д., указывая на то, что онъ очень хорошій человѣкъ, что только гордость и самолюбіе со стороны членовъ служатъ тормазомъ всему дѣлу и т. п. Желѣзновъ, разочаровавшись въ Матвѣевѣ, отвѣчалъ, что дѣло не въ личности Данд., а въ его дѣйствіяхъ, противныхъ интересамъ казачества, что помириться не представляется никакой возможности, такъ что совѣты его не идутъ къ дѣлу...

Увлеченный общественными дѣлами, Желѣзновъ за все время пребыванія въ Уральскѣ очень мало писалъ для печати: написано имъ въ это время нѣсколько „Сказаній Уральскихъ казаковъ“ (они помѣчены февралемъ 1863 года), затѣмъ 20 марта 1863 г., передъ отъѣздомъ на рыболовство, онъ послалъ еще какое-то „Сказаніе Уральскихъ казаковъ“ въ редакцію „Время“, съ просьбою напечатать, — это было его послѣднимъ произведеніемъ для печати. Что это за сказаніе, не знаю: въ рукописяхъ черновика его не осталось, а напечатано оно, повидимому, не было.

Обострившіяся въ концѣ 1862 г. отношенія между атаманомъ и членами войсковой канцеляріи, послѣ того какъ все

дѣло было передано на разсмотрѣніе высшихъ властей, стали сдерживаніе, и когда, весною 1863 года, совѣтникъ К—нъ и ассесоръ Желѣзновъ были назначены атаманами рыболовствъ— первый курхайскаго, второй — севрюжьяго, ни одинъ изъ нихъ и не подумалъ заподозрить въ этомъ назначеніи что-либо особенное, нѣчто въ родѣ ловушки для нихъ обоихъ [1]).

Дѣло въ томъ, что атаманы рыболовствъ, по заведенному обычаю вплоть до самаго послѣдняго времени [2]), вмѣсто вознагражденія за трудъ пользовались правомъ пускать въ свою пользу „плавки", т.-е. ежедневно извѣстнымъ числомъ плавныхъ сѣтей казаки ловили рыбу собственно въ ихъ пользу. Всѣмъ и каждому извѣстно было, что казаки изъ уваженія къ атаману рыболовства, а иногда чтобы задобрить его съ корыстными цѣлями, давали атаману „плавковъ" больше, чѣмъ полагается; кромѣ того въ рыболовствахъ, особенно севрюжьемъ, всегда можно отыскать несоблюденіе инструкціи, такъ какъ эта послѣдняя всего не можетъ предусмотрѣть, и отклоненія отъ нея всегда возможны.

Итакъ Желѣзновъ былъ назначенъ весною 1863 года атаманомъ севрюжьяго рыболовства. Назначеніемъ этимъ онъ былъ очень доволенъ, такъ какъ, помимо матеріальнаго обезпеченія, Желѣзновъ имѣлъ въ виду изучить подробно рыболовство и описать его, а также пособрать матеріаловъ для будущихъ своихъ произведеній. На пути І. И. не упускалъ ни одного случая, чтобы не потолковать съ стариками, и вездѣ къ нему собиралось много народу. Заѣзжалъ онъ больше къ казакамъ, а не въ казенный домъ. Когда кончали уже „харчевую" плавню (близъ Красноярскаго форпоста), на рубежъ заѣзжалъ наказный атаманъ Д — ль, но очень не надолго, обѣщая еще заѣхать на обратномъ пути изъ Гурьева. Послѣ отъѣзда атамана казаки собрались къ кибиткѣ Желѣзнова и жалѣли, что не успѣли спросить атамана, что новаго онъ при-

[1]) Обычно назначенія атаманами рыболовствъ считались большой наградой, такъ какъ за одно такое рыболовство офицеры пріобрѣтали отъ 5—10 тыс. руб.

[2]) Порядокъ этотъ отмѣненъ въ 1881 году.

везъ изъ Петербурга по вопросу о размежеваніи земель. Когда атаманъ на обратномъ пути дѣйствительно заѣхалъ на рубежъ, его уже ждали, и тотчасъ атаманскую кибитку окружила масса народу. Атаманъ поговорилъ съ казаками о рыболовствѣ и вообще о хозяйственныхъ дѣлахъ ихъ. Казаки поблагодарили его за заботливость о войсковыхъ интересахъ и спросили, что новаго привезъ атаманъ изъ Петербурга по земельному вопросу.

— Ничего, ребята, не могъ сдѣлать, — говоритъ атаманъ: — теперь ужъ дѣло не мое, а высшаго начальства. — „Ваше высокоблагородіе, сдѣлайте милость, заступитесь за насъ!“ — гудитъ толпа. — Ничего не могу сдѣлать! — повторяетъ атаманъ. — Желѣзновъ вдругъ и говоритъ: „Полковникъ, откажитесь отъ своего мнѣнія!“ — Д—ю сдѣлалось какъ-то неловко, а казаки опять: — „Сдѣлайте Божескую милость!“ — Желая выйти изъ такого неловкаго положенія, Д. будто сказалъ: — Хорошо, я откажусь отъ своего мнѣнія. — Уѣхалъ Д. очень недовольный [1]).

Первое время рыболовства, когда хлопотъ съ казаками было немного, Желѣзновъ велъ аккуратно дневникъ. Озаглавилъ онъ его: „Мой бенефисъ“, называя этимъ именемъ свое назначеніе атаманомъ рыболовства. Въ дневникѣ онъ описы-

[1]) Я не могъ добиться отъ Фокина, бывшаго при Желѣзновѣ деньщика, со словъ котораго я передаю обо всемъ этомъ, о какомъ же это мнѣніи шла у атамана съ Желѣзновымъ рѣчь. Всего вѣроятнѣе рѣчь шла о заключеніи, поданномъ атаманомъ по размежеванію съ зауральскими киргизами. Само собою, ручаться за точность разговора нельзя. Одно несомнѣнно, что разговоръ по поводу земельнаго вопроса былъ, и что Желѣзновъ говорилъ по этому поводу съ атаманомъ. Это я слышалъ не отъ одного Фокина. Но содержаніе этого разговора передаютъ очень разнообразно, впрочемъ всегда сходно въ томъ отношеніи, что вездѣ Желѣзновъ выступаетъ смѣлымъ защитникомъ казачьихъ интересовъ. Вся эта исторія, бывшая на глазахъ громадной толпы, передается изъ устъ въ уста и теперь превратилась въ „Преданіе“, и какъ всякое преданіе имѣетъ не мало варіантовъ. Въ противоположность вышеприведеннымъ словамъ атамана другіе разсказываютъ, что онъ подалъ надежду казакамъ, а Желѣзновъ замѣтилъ ему: „Зачѣмъ, атаманъ, обнадеживать людей: вы и сами не знаете, какъ это дѣло рѣшится“.

ваетъ разные случаи въ дорогѣ,—какъ онъ въ одномъ мѣстѣ убилъ лебедя и долго не могъ успокоиться отъ мучившей его совѣсти, такъ какъ лебедь-самка своимъ жалобнымъ крикомъ всю душу изъ него вытянула; разсказываетъ о порядкахъ на рыболовствѣ и объ отношеніи къ нимъ казаковъ, описываетъ очень картинно первый ударъ на весенней плавнѣ... Но этимъ онъ и закончилъ дневникъ: не до него ему уже было; онъ больше бесѣдовалъ съ казаками, писать было некогда, да, должно быть, и не особенно-то удобно въ кибиткѣ...

На рубежѣ, ниже Кандаурова, войско долго по обыкновенію ловило на одномъ мѣстѣ. Желѣзновъ весьма часто бесѣдовалъ съ казаками: они сдѣлали ему маленькій стульчикъ со спинкой; на этомъ стульчикѣ, въ кругу казаковъ, Желѣзновъ любилъ бесѣдовать съ стариками, и въ воспоминаніе объ этихъ пріятныхъ для него дняхъ онъ хотѣлъ отослать этотъ стульчикъ въ Москву, чтобы убрать его хорошенько и хранить на память. Во время же самаго рыболовства—казаковъ держалъ строго, „сплывать“ не давалъ и наказывалъ, какъ это дѣлается обыкновенно, лишеніемъ права рыбачить извѣстное время. Казаки разсказываютъ: „дивное дѣло: не ругался онъ, не дрался, только скажетъ бывало: „стыдно, братъ!“ — и все-таки порядокъ былъ образцовый, всѣ его слушались (сравн. его мнѣніе о рыболовныхъ порядкахъ въ рецензіи на сочиненіе Данилевскаго и обычное мнѣніе по этому поводу, что „коли не ругать, да не бить казаковъ, они тебѣ на шею сами сядутъ“). Между прочимъ, когда казаки сплываютъ ниже положеннаго мѣста, они всегда оправдываются тѣмъ, что „сила не беретъ, сносить; на водѣ-де, — не на землѣ“ и т. п. Не довѣряя въ данномъ случаѣ казакамъ и желая на себѣ испытать, насколько это вѣрно, онъ самъ „плавалъ“ и „подымалъ“ сѣть на-ряду съ другими, — и убѣдился, что дѣйствительно очень трудно „подымать“ и не всегда возможно поспѣть выбрать сѣть во время, чтобы тебя не снесло ниже рубежа. Этотъ фактъ, между прочимъ, послѣ послужилъ къ обвиненію въ безпорядкахъ на рыболовствѣ: атаманъ-де самъ плавалъ, какой же порядокъ можетъ быть. Къ несчастію І. И.

Желѣзнова подвернулась тутъ исторія съ Вѣрноподданическимъ адресомъ, составленнымъ уральскимъ чиновничествомъ въ годину адресовъ. Предполагалось представить его отъ всего войска съ массой подписей всѣхъ грамотныхъ простыхъ казаковъ. Въ виду того, что главная масса казаковъ въ это время находилась на рыболовствѣ, начальникъ Гурьева городка, къ которому прислана была копія съ адреса, отправилъ ее вмѣстѣ съ бѣлыми листами для собранія подписей къ атаману севрюжьяго рыболовства и просилъ представить, по окончаніи дѣла, наказному атаману. Хотя въ адресѣ не было ничего особеннаго, но казаки на-отрѣзъ отказались дать поголовную подписку на бѣлыхъ листахъ: какъ, дескать, мы будемъ „давать руки“, сами не знаемъ подо что. Желѣзновъ, какъ человѣкъ во всемъ въ высшей степени прямой и не терпящій компромиссовъ, не захотѣлъ какими-нибудь путями вывернуться изъ этого неловкаго положенія и прямо рапортовалъ (отъ 28 апрѣля 1863 г. № 33) наказному атаману: „По извѣщеніи Начальника Гурьева городка относительно отобранія подписей къ адресу Государю Императору, я сего числа собиралъ въ кругъ всѣхъ казаковъ, рыболовствующихъ по Уралу (а ихъ рыбачитъ до 5 тыс. бударъ), разсказалъ имъ, въ чемъ дѣло, и получилъ отъ нихъ слѣдующій отзывъ: „Служить Царю и Отечеству и положить за нихъ жизнь свою они всегда были и есть готовы, но давать поголовную подписку считаютъ лишнимъ“. Такой же рапортъ онъ послалъ и въ войсковую канцелярію. Очень распространено мнѣніе, что эта исторія съ адресомъ послужила, главнымъ образомъ, къ послѣдующей опалѣ по отношенію къ Желѣзнову, и это мнѣніе высказано даже очень категорически въ печати [1]).

Но документальныхъ данныхъ на это найти, конечно, очень трудно, и по всѣмъ вѣроятіямъ не это одно было причиной опалы.

---

[1]) См. статью Авесова „Яицкая Община“ въ Волжско-Камской газетѣ, 1873 г. № 86.

Передъ концомъ рыболовства, когда войско поплыло уже къ Гурьеву, начальникъ средней дистанціи К. В. Бородинъ, которому было поручено произвести слѣдствіе по обвиненію Желѣзнова въ допущеніи яко-бы безпорядковъ на рыболовствѣ, потребовалъ, чтобы Желѣзновъ прислалъ къ нему въ Гурьевъ 8 казаковъ изъ рубежныхъ. Казаки эти предварительно пришли къ Желѣзнову посовѣтоваться, зачѣмъ это ихъ зоветъ К. В. Бородинъ, что имъ говорить ему и т. п. Желѣзновъ сказалъ: „говорите, что видѣли“.—Искусный слѣдователь заставилъ неподозрѣвавшихъ ничего особеннаго казаковъ показать ему на допросѣ, что дѣйствительно бывали случаи, „сплывали саженъ на 10 пониже кибитки: безъ этого нельзя,—сами были атаманомъ, знаете“; заставилъ это показаніе подтвердить подписью. Казаки подписались, пришли на рубежъ и разсказывали, какъ было все дѣло. Надо замѣтить, что вообще народъ былъ вызванъ изъ молодыхъ и малоопытныхъ. Узнавши обстоятельства дѣла и видя, что такое показаніе можетъ повредить атаману, казаки начали бранить подписавшихся, называя ихъ измѣнниками, „доказателями“ и до самаго послѣдняго времени приписывая самое самоубійство Желѣзнова этому слѣдствію, не могутъ простить подписавшимся казакамъ. Нѣкоторые изъ нихъ еще живы; одинъ изъ нихъ, съ которымъ мнѣ удалось разговаривать, упорно умалчивалъ о всей этой исторіи, отзываясь ничегонезнаніемъ.

Послѣ перваго допроса, слѣдователь въ одинъ день послалъ атаману севрюжьяго рыболовства 3 посланія, на которыя Желѣзновъ отвѣчалъ слѣдующее: „Сегодня я получилъ отъ Вашего Высокоблагородія три отношенія. Цѣли и смысла одного изъ нихъ [1]) я не понимаю и потому оставляю безъ отвѣта. На другія же честь имѣю отозваться: третьяго дня спрошен-

[1]) Въ этомъ посланіи заключалось слѣдующее: „На основаніи предписанія г. наказнаго атамана Уральскаго войска отъ 21 мая за № 5 и согласно данныхъ вамъ правилъ, воспрещается производить плавки ниже Рубижа. вслѣдствіи чего я имѣю честь увѣдомить васъ, подобной Ловъ рыбы плавками остановите-я ниже Рубежа, подоносеніемъ состороны вашей отъ вет-ственности.“ (Правописаніе оставлено, какъ въ подлинникѣ.)

ные вами казаки (8 человѣкъ), торжественно, передъ народомъ, объявили мнѣ, что Ваше Высокоблагородіе, отбирая отъ нихъ допросы, вымогали именно такія показанія, какія, вѣроятно, вамъ нужны, и то, что они, не отступая отъ истины, говорили,—бо́льшею частью отвергали, — и когда казаки не хотѣли, вопреки совѣсти, подписываться къ такимъ показаніямъ, вы принудили ихъ къ тому авторитетомъ власти. Не говоря о дурномъ впечатлѣніи на народъ, такое заявленіе допрошенныхъ вами казаковъ заставляетъ меня покорнѣйше просить Ваше Высокоблагородіе принять на себя трудъ донести г. наказному атаману, что я не могу допустить васъ быть изслѣдователемъ или розыскателемъ какихъ-то призрачныхъ безпорядковъ въ севрюжьемъ рыболовствѣ, которое, позвольте вамъ сказать, производилось въ безукоризненномъ порядкѣ. Въ заключеніе, прошу васъ уволить меня отъ всякихъ требованій".

Вмѣстѣ съ этимъ онъ написалъ наказному атаману слѣдующее: „Атаманъ! Изъ посылаемой при семъ копіи съ отвѣта моего г. Бородину, Вы увидите, какой скандалъ готовитъ этотъ усердный штабъ-офицеръ. Не входя теперь ни въ какія дальнѣйшія объясненія, позвольте просить Васъ, атаманъ, только объ одномъ: прекратить розыски, которые ничего, кромѣ скандала, не могутъ принести, ибо дѣйствія мои чисты. Во вторникъ, когда отпущу войско въ море, я буду свободенъ отъ должности и поѣду въ Уральскъ. По пріѣздѣ объяснюсь. Если-жъ послѣ того сочтете нужнымъ производить дѣло, — то его всегда можно производить. Въ заключеніе, скажу или спрошу: неужели Вы могли на минуту усумниться, чтобы я когда-либо отказался отъ своихъ дѣйствій, когда въ нихъ, по искреннему убѣжденію моему, нѣтъ ничего унизительнаго? Вамъ не нужно было наряжать слѣдствіе, а слѣдовало-бы спросить меня, и я разсказалъ-бы Вамъ (не только Вамъ,—всему міру я разсказалъ-бы) все, что̀ было въ мое начальство на рыболовствѣ". Между тѣмъ слѣдователь вызвалъ новыхъ 20 казаковъ. Къ этому времени, узнавши про происшествіе на рубежѣ, туда явились казаки, рыбачившіе выше рубежа, и заявили Желѣзнову, что они имъ весьма довольны, что 8 каза-

ковъ подписались „не къ дѣлу“, по невѣдѣнію, что они всѣ пойдутъ заявить „слѣдственнику“, что они довольны рыболовнымъ атаманомъ, и что никакихъ нарушеній правилъ и безпорядковъ на рыболовствѣ не было.—И дѣйствительно вмѣсто 20 человѣкъ къ слѣдователю явилось чуть не все войско. Бородинъ вышелъ на балконъ. Казаки заявили то же, что говорили Желѣзнову; тотъ пытался записать фамиліи нѣкоторыхъ изъ говорившихъ, но фамилій ему не говорили: „Тѣ 8 человѣкъ не къ дѣлу подписались. Мы всѣ довольны атаманомъ, а подписываться не желаемъ!“ гудѣла толпа. Пошумѣли, пошумѣли и разошлись. Тутъ же, разсказываютъ, бумаги по слѣдственному дѣлу о Желѣзновѣ у слѣдователя вдругъ „выдуло“ вѣтромъ, и онѣ полетѣли въ толпу; казаки подхватили ихъ и рвали. Нѣкоторыя изъ бумагъ полетѣли въ Уралъ. Тѣмъ, повидимому, слѣдствіе и кончилось.

Насколько сильно повліяла вся эта исторія на Желѣзнова и какъ онъ на нее смотрѣлъ, видно изъ его письма къ К. Ф. Бизянову, которое я здѣсь привожу: „Гурьевъ 28 мая 1863 г. Здравствуйте, искренно уважаемый мною К. Ф.! Сегодня я отпустилъ войско въ море. Прежде предполагалъ тотчасъ же и уѣхать въ Уральскъ, потому что, съ выходомъ войска въ море, атаману севрюжьяго рыболовства нечего бываетъ дѣлать здѣсь. Но теперь остаюсь до конца рыболовства, именно, до 1-го іюня. Случилась исторія. Слышали-ли? Теперь, конечно, только услышите. Атаманъ Д. вздумалъ сыграть надо мною штуку—„сдѣлалъ привязку“ къ моимъ плавкамъ,—прислалъ Б. (Кондратія) произвести слѣдствіе. Б. радъ. Сталъ вынуждать казаковъ показывать такія вещи, которыя нужны къ моему обвиненію и пр. и пр. Между тѣмъ, по совѣсти, я ни въ чемъ не виноватъ. Б., пристрастному слѣдователю или розыщику, я отказалъ. Б. успѣлъ сначала подловить 8 казаковъ, насильно заставивши ихъ подписать сказки. Казаки это объявили войску,—оно вознегодовало и Б—ну объявило, что оно не запомнитъ такихъ безпристрастныхъ распорядковъ, какіе были въ нынѣшнее рыболовство и пр. и пр. Казаки показаній не дали. Б. все-таки рылся и, кажется, роется доселѣ. Меня, конечно, всѣ

эти каверзы возмутили. Понятенъ источникъ, откуда онѣ исходятъ. Д хочетъ кинуть въ меня грязью..... понятно. Больше говорить не надо.

„Доносчикъ или, правильнѣе, шпіонъ извѣстенъ [1]); извѣстно и кое-что другое, о чемъ и писать не хочется. При свиданіи разскажу. (Далѣе приводитъ письмо къ атаману и бумагу къ Б—ну)... Вотъ такого-то рода дѣла творятся на вольномъ свѣтѣ! На душѣ у меня адъ. А все вы виноваты! Я хотѣлъ остаться въ Москвѣ,—вы тащили на родину, и я послушался. До свиданія, однако, жму вашу руку. Вашъ І. Желѣзновъ".

Кромѣ досады на неправильное обвиненіе его въ небывалыхъ безпорядкахъ и на оскорбленіе его подозрѣніями въ корыстныхъ дѣлахъ, Желѣзновъ и казаками остался не особенно доволенъ. По крайней мѣрѣ, по словамъ Фокина, онъ, по отъѣздѣ изъ Гурьева, вдругъ сильно измѣнилъ свои къ нимъ отношенія, не хотѣлъ съ ними разговаривать, относился ко всѣмъ и ко всему въ высшей степени подозрительно. Еще на пути онъ получилъ „летучку" съ бумагой о назначеніи въ полкъ. Подобное назначеніе выбраннаго обществомъ ассесора въ полкъ, безъ очереди, притомъ даже не сотеннымъ командиромъ, а субалтернъ-офицеромъ,—было явною опалою. Но, по словамъ Фокина, Желѣзновъ высказалъ, по полученіи бумаги, что онъ очень доволенъ этимъ назначеніемъ, что по крайней мѣрѣ тамъ спокойнѣе будетъ... Очень вѣроятно, что то было самоутѣшеніе... Еще дорогой въ Уральскъ Фокинъ замѣтилъ нѣкоторыя странности въ поведеніи Желѣзнова: онъ былъ сильно безпокоенъ, самые обыкновенные факты объяснялъ въ худую сторону, ко всему относился въ высшей степени подозрительно: въ Круглоозерновскомъ форпостѣ, напр., его удивило, зачѣмъ это такъ много народу на улицѣ, словно его ждали, почему-то ужъ очень скоро подали лошадей и т. п. На пути изъ Круглоозернаго въ Уральскъ онъ уже показывалъ явные признаки умственнаго разстройства: его мучили галлюцинаціи, ему каза-

[1]) Желѣзновъ, какъ и всѣ казаки, и все ур. общество, подозрѣвалъ въ этомъ назначеннаго къ нему писаремъ, служившаго тогда въ атам. канцеляріи Гр. С—ва.

лось, что за ними кто-то гонится, онъ постоянно оглядывался; хотя, успокоившись немного, опять дѣлался прежнимъ человѣкомъ.

Безъ всякаго сомнѣнія эта грязь, въ которую его хотѣли втянуть, подозрѣнія о будущей своей участи, безсиліе противъ атаманской власти, наконецъ разочарованіе въ казакахъ—все это такъ сильно подѣйствовало на впечатлительную натуру Желѣзнова, произвело въ немъ такой „душевный адъ", по его собственному выраженію, что голова его не вынесла, и онъ, несомнѣнно, помѣшался.. Но помѣшательство это было настолько слабое и такъ рѣдко прорывались наружу, что по пріѣздѣ его въ Уральскъ ни одинъ изъ товарищей его не замѣтилъ особенно рѣзкой перемѣны въ немъ, тѣмъ болѣе, что Желѣзновъ, повидимому, старался передъ другими вообще подбадривать себя, шутилъ по поводу всей исторіи на рыболовствѣ, утѣшалъ себя тѣмъ, что скоро вернется, что служба въ полку не Богъ вѣсть какое наказаніе... По пріѣздѣ въ Уральскъ онъ узналъ, чѣмъ кончилась ихъ исторія препирательства съ Д.,— онъ получилъ всего только выговоръ.

Товарищи часто навѣщали его, но какого-либо соболѣзнованія и протеста—противъ невиданнаго назначенія изъ ассесоровъ, выбранныхъ обществомъ на трехлѣтіе, въ полкъ безъ очереди—со стороны его избирателей не было.

Фокинъ разсказываетъ, что вскорѣ по его пріѣздѣ въ Уральскъ къ Желѣзнову приходила толпа казаковъ, но Желѣзновъ къ ней даже не вышелъ, а узнавши черезъ деньщика, что они намѣрены просить атамана оставить его въ войскѣ,— онъ велѣлъ передать, что это не ихъ дѣло... Опять-таки Желѣзновъ никогда такъ не обращался съ казаками... Между тѣмъ сборы на службу шли своимъ чередомъ: Желѣзновъ купилъ тарантасъ, началъ даже укладываться. Полкъ уже выступилъ, а Желѣзновъ отпросился остаться на нѣсколько дней... Наканунѣ его самоубійства (9-го іюня 1863 г.) у него долго сидѣли О. Л. А—нъ и два брата Савичевы. Тутъ товарищи уже замѣтили, что съ Желѣзновымъ творится что-то неладное; онъ сталъ заговариваться, и галлюцинаціи стали являться

чаще. Подошелъ, напр., случайно къ окну глухонѣмой нищій и началъ жалобно просить милостыню,—Желѣзновъ видитъ въ этомъ продѣлку атамана: „этого еще недоставало!—воскликнулъ онъ:—и здѣсь меня онъ не оставляетъ въ покоѣ!“—Прощаясь съ товарищами, онъ вдругъ замѣчаетъ: „А вѣдь знаете что: полкъ-то вернулся! Меня завтра разстрѣливать будутъ!“ То ему казалось, что за нимъ пришлютъ „телѣжку“ и отправятъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ... Товарищи успокоивали его, убѣждая, что ничего этого нѣтъ, что онъ просто разстроенъ, вотъ ему и кажется все въ такомъ дурномъ свѣтѣ... Послѣ такихъ убѣжденій онъ дѣйствительно нѣсколько успокоивался и входилъ въ обычную колею. Между прочимъ онъ хотѣлъ наканунѣ самоубійства отдать О. Л. А—ну ружье, изъ котораго послѣ и застрѣлился; совсѣмъ вынесъ его, но потомъ, какъ бы надумавъ что-то, сказалъ, что ужъ завтра пусть за одно все заберетъ, что у него останется, и ружье оставилъ у себя. О. Л. А — нъ звалъ его въ этотъ вечеръ къ себѣ на проводы; онъ обѣщалъ придти; за нимъ заходилъ Савичевъ, но Желѣзновъ, отказываясь головною болью и усталостью, не пошелъ и въ эту же ночь къ утру, часа въ 3, 10-го іюня 1863 г., застрѣлился изъ охотничьяго ружья (подарокъ его покровителя И. Е. Акутина), заряженнаго дробью. Выстрѣлъ былъ направленъ въ ротъ, курокъ спущенъ ногою. .

Печальная вѣсть быстро разнеслась по городу; пришедшіе въ квартиру Желѣзнова товарищи—Савичевъ, А—нъ и другіе увидали страшную картину: въ комнатѣ потолокъ и стѣны были забрызганы мозгами и кровью, около печки лежалъ скорчившись самоубійца: черепъ былъ раздробленъ, и мозгъ снаружи, части лица не было... Атаманъ настаивалъ, чтобы его похоронили какъ можно скорѣе; на похороны собралось довольно много народу, какъ казаковъ, такъ и чиновниковъ; гробъ несли по задамъ атаманскаго дома, до выѣзда городскаго сами чиновники, а тамъ казаки. На могилѣ А. Ф. А—нъ произнесъ прочувствованную рѣчь, по случаю смерти; похоронили товарища и разошлись по домамъ. Между тѣмъ атаманъ, испугавшись демонстраціи со стороны казаковъ, написалъ гене-

ралъ-губернатору обо всемъ случившемся, освѣтивъ дѣло такъ, что, дескать, „глава оппозиціи застрѣлился, и можно ждать волненія среди казаковъ“. Генералъ-губернаторъ немедленно поскакалъ въ Уральскъ; но здѣсь и признаковъ какой бы то ни было оппозиціи не нашелъ: чиновники устроили ему обѣдъ по подпискѣ, угостили на славу, а казаки даже, выпрягши его коляску, прокатили на себѣ... Генералъ-губернаторъ остался всѣмъ этимъ очень доволенъ, на обѣдѣ сказалъ рѣчь, пожалѣвши Желѣзнова, такъ рано почившаго, казакамъ приказалъ выставить угощеніе; тѣ перепились на славу, — тѣмъ все и кончилось...

Товарищи и почитатели имени І. И. Желѣзнова принялись черезъ годъ послѣ похоронъ за подписку на сооруженіе ему памятника. По порученію Савичева художникомъ В. Бровскимъ былъ составленъ (сост. 1865 г.) проэктъ памятника, представлявшій собою дикую скалу неправильной формы („самородокъ“), на вершинѣ которой большой крестъ съ рельефнымъ распятіемъ Страдальца за человѣковъ—І. Христа. Въ самой скалѣ вдѣланъ барельефъ І. И. Желѣзнова. Но проэктъ этотъ, повидимому, не былъ вполнѣ осуществленъ. На прежней скромной могилкѣ, съ обычнымъ деревяннымъ крестомъ, поставили въ 1871 году памятникъ тоже изъ дикаго камня (выписанъ изъ Казани), но не такой формы, какъ въ проэктѣ, камень четырехъ-угольный, не напоминающій дикой скалы. Барельефъ былъ все-таки вдѣланъ, на памятникѣ поставленъ желѣзный крестъ. Боясь, чтобы, вслѣдствіе отсутствія у насъ на кладбищѣ порядочнаго караула, барельефъ не пропалъ, его впослѣдствіи перенесли въ войсковую публичную библіотеку, гдѣ онъ и теперь находится.

Вотъ все, что сдѣлало въ память Желѣзнова Уральское общество! Но со времени постановки памятника ему (въ 1871 году) прошло уже цѣлыхъ 16 лѣтъ, про Желѣзнова почти ничего не появилось въ печати, его стали совсѣмъ забывать, и въ современномъ Уральскомъ обществѣ можно встрѣтить не одного изъ молодыхъ интеллигентовъ, которые имѣютъ самое смутное представленіе о томъ, кто такой былъ Желѣзновъ...

Въ народѣ хотя память о немъ крѣпче держится, но и тамъ неминуемо ее поглотило-бы вскорѣ всепоглощающее время... Новое изданіе сочиненій Желѣзнова несомнѣнно поддержитъ память о немъ среди Уральцевъ вообще, а въ случаѣ осуществится предположеніе о постройкѣ народной школы имени Желѣзнова, тогда имя его вполнѣ достойно будетъ почтено и увѣковѣчится въ Уральскомъ войскѣ.

Бросимъ же общій взглядъ на эту личность: что же представляетъ изъ себя Желѣзновъ для войска, что сдѣлалъ онъ на поприщѣ литературы, что сдѣлалъ онъ для изученія исторіи войска и въ отношеніи изслѣдованія жизни простаго казачества?

Какъ литераторъ, Желѣзновъ достаточно оцѣненъ критикой: онъ создалъ художественныя картины и очерки, за которыми признаны всѣ достоинства художественныхъ произведеній; нѣкоторыя изъ мѣстъ его „картинъ казацкой жизни", напр. „Игры казачатъ", „Красный и Голубой" — помѣщены въ распространенныхъ христоматіяхъ, какъ образцы художественныхъ разсказовъ [1]). Произведенія его безъ всякаго сомнѣнія и теперь будутъ читаться не безъ интереса.

Какъ историкъ, Желѣзновъ мало извѣстенъ публикѣ: онъ не успѣлъ издать чего-либо цѣльнаго по исторіи войска, матеріалы къ которой онъ собиралъ въ теченіе 3-хъ слишкомъ лѣтъ. Единственный его печатный трудъ историческаго характера — это „Критическая статья на Исторію Пугачевскаго бунта". Сюда-же слѣдуетъ отнести первую часть статьи: „Что такое казачій офицеръ". Но насколько богатый матеріалъ былъ собранъ имъ по исторіи войска, можно видѣть изъ слѣдующихъ, думаю — не безъ интересныхъ, данныхъ. Въ „Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ", начиная съ 1869 года, г. Курилинъ печаталъ „Матеріалы къ исторіи Уральскаго казачьяго войска,

---

[1]) „Игры казачатъ" помѣщены въ христоматіи Водовозова, „Красный и Голубой" — не помню, въ какой именно.

еще нигдѣ не напечатанные", собранные І. И. Желѣзновымъ, и эти матеріалы заняли 37 №№ газеты (1869, 1870 и 1871 годовъ).

Кромѣ того послѣ Желѣзнова остались собранные въ І-мъ томѣ до 1,500 полулистовъ—различныхъ матеріаловъ по исторіи войска, замѣтокъ, преданій и т. п., которыми пользовались нѣкоторыя лица изъ писавшихъ по исторіи войска.

Такъ этими матеріалами пользовались для своихъ работъ Савичевъ, Коринъ, Костенко. Но всего болѣе заимствовалъ изъ нихъ г. Витевскій, напечатавшій за послѣднее 10-лѣтіе такъ много статей о нашемъ войскѣ. Къ сожалѣнію г. Витевскій не всегда и не вездѣ, а если говорить правду, то очень рѣдко, ссылается на Желѣзнова, заимствуя у него матеріалы, а мѣстами дѣлая даже дословныя выдержки изъ его ненапечатанныхъ статей. Въ новое изданіе вошли нѣкоторыя изъ такихъ статей и въ выноскахъ сдѣланы соотвѣтствующія помѣтки. Не желая здѣсь долго останавливаться на этомъ предметѣ, скажу одно: по разсмотрѣніи всѣхъ трудовъ г. Витевскаго:—„Расколъ въ Уральскомъ войскѣ" (1877 г.), „Яицкое войско до Пугачева" (въ „Русскомъ Архивѣ" 1879 г.), „Происхожденіе Уральскаго войска („Древняя и Новая Россія" 1879 г.), „Неплюевъ и Оренбургъ" (1873 г.) и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе мелкихъ, я съ положительностью утверждаю, что добрая половина матеріаловъ для этихъ статей взята у Желѣзнова, причемъ ссылки въ выноскахъ его статей въ родѣ: „Уральскій войсковой архивъ № такой-то"—означаютъ ни болѣе ни менѣе какъ ссылку на № „описи бумагъ покойнаго есаула Желѣзнова", составленной Н. Ѳ. Савичевымъ [1]). Кромѣ того,

[1]) Кстати замѣтить: „этотъ томъ рукописей Желѣзнова въ архивъ сдаваемъ совсѣмъ и не былъ,—онъ во все время путешествовалъ по рукамъ разныхъ изслѣдователей и историковъ Уральскаго войска; а когда писалъ г. Витевскій вышеозначенныя статьи, онъ былъ у него на рукахъ. Судя во времени составленія перечисленныхъ статей, г. Витевскій держалъ этотъ томъ съ 1873—1881 г., и возвращенъ онъ былъ имъ только благодаря усиленнымъ настояніямъ, съ напоминаніемъ авторитета мѣстной власти, покойника Н. Ѳ. Савичева, какъ видно изъ черновыхъ его писемъ къ г. Витев-

въ его трудахъ „Расколъ въ Уральскомъ войскѣ“ и „Происхожденіе Уральскаго войска“ мѣстами цѣликомъ сдѣланы заимствованія изъ записанныхъ и обработанныхъ Желѣзновымъ преданій и путевыхъ замѣтокъ, отчасти съ ссылкою на „Уральскій войсковой архивъ въ одномъ томѣ“, отчасти безъ всякихъ ссылокъ [1]). Желающіе могутъ это провѣрить. Г. Витевскій хотя ссылается, въ введеніи къ своей статьѣ „Яицкое войско до Пугачева“, на то, что къ нему „случайно попали нѣкоторые изъ матеріаловъ Желѣзнова, и онъ ими пользовался“, хотя мѣстами (безъ обобщенія) встрѣчаются ссылки на „связку дѣлъ Желѣзнова“ и на „черновыя бумаги“ его,—но тѣмъ не менѣе фактъ отсутствія ссылокъ на Желѣзнова вездѣ, гдѣ была возможность,—и вмѣсто того постоянныя ссылки на невѣдомый „Уральскій войсковой архивъ № такой-то“, означающій просто томъ матеріаловъ Желѣзнова,—остается фактомъ [2])...

Какъ изслѣдователь народной жизни, Желѣзновъ собралъ и напечаталъ массу въ высшей степени интереснаго матеріала—преданій, пѣсенъ, сказаній Уральскихъ казаковъ,—матеріала, ожидающаго болѣе подробной оцѣнки со стороны спеціалистовъ по народному эпосу и народной поэзіи вообще. Наконецъ еще болѣе дорогъ І. И. Желѣзновъ намъ, казакамъ, какъ человѣкъ, искренно и беззавѣтно преданный интересамъ своей родины—общины Уральскихъ казаковъ, интересамъ Уральскаго войска; какъ человѣкъ, посвятившій себя всецѣло, со всею страстностью своей натуры, изученію любимаго

скому (письма у меня). За это время г. Витевскій, повидимому, успѣлъ исчерпать почти весь матеріалъ, заключавшійся въ этомъ томѣ.

[1]) См. „Кочкинъ пиръ“, „Уходцы“ въ 1-мъ и „Пред. о Голубомъ городищѣ“ во 2-мъ. Исключеніе изъ этого составляетъ статья: „Желѣзновъ и сказанія Уральскихъ казаковъ о Хивѣ“, гдѣ „сказаніе о Хивѣ“ приводится за подписью Желѣзнова, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются указанія на прежнія заимствованія.

[2]) См. по этому предмету мою полемику съ г. Витевскимъ въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ 1887 г., №№ 92, 116 и 132. Къ сожалѣнію, моего заключительнаго по этому предмету письма редакція „Волжскаго Вѣстника“ почему-то до сихъ поръ еще не помѣстила.

казачества и его исторіи, защитѣ его интересовъ въ печати и на дѣлѣ... Этимъ послѣднимъ и объясняется дѣйствительно рѣдкое явленіе, что писатель-интеллигентъ, даже офицеръ, пользовался во время своей жизни и послѣ своей смерти такою популярностью среди народа - простаго казачества, какою едва ли кто изъ писателей пользовался когда-либо. „Въ самыхъ глухихъ хуторахъ,—пишетъ Авесовъ [1]),—казаки знали, что есть Желѣзновъ-писатель, который поставилъ своей задачей защищать въ литературѣ Уральское казачество". И пишетъ истинную правду...

Да!.. Уральское войско многое потеряло въ этомъ одномъ человѣкѣ! Не даромъ есть мнѣніе среди казаковъ, что „какъ-бы живъ былъ І. И. Желѣзновъ—наша застоя,—глядишь, не было-бы исторіи при введеніи положенія 1874 года, не ушло бы въ ссылку до 2500 человѣкъ: онъ съумѣлъ бы предотвратить волненіе!"

Не даромъ у одного изъ молодыхъ друзей Желѣзнова, несомнѣнно имѣвшаго съ нимъ духовное родство, подъ хмѣлькомъ вырвалось экспромптомъ слѣдующее задушевное и вполнѣ правдивое по своей мысли стихотвореніе:

ПАМЯТИ І. И. ЖЕЛѢЗНОВА.

Въ сырую могилу его положили,
Засыпавъ холодной землей...
Да!.. еслибъ всѣ люди такъ искренно жили,
Какъ жилъ онъ, нашъ другъ дорогой!
Да!.. еслибъ всѣ люди такъ жадно стремились
Попрать ту неправду и ложь,
Что крѣпко во всѣхъ насъ, во всемъ вкоренились,—
Какъ міръ этотъ былъ бы хорошъ!..
Ужель не настанетъ товремя святое,
Ужель не настанетъ тотъ вѣкъ,

[1]) Камско-Волжская газета 73 г., № 86.

Когда, отряхнувши отребье гнилое,
Возстанетъ отъ сна человѣкъ?..
Придетъ это время, и мощно воспрянетъ
Отъ сна опустившійся людъ...
И много именъ онъ забытыхъ помянетъ,
И всѣ они вновь оживутъ.
Придетъ это время... Ты будешь помянутъ:
Недаромъ на свѣтѣ ты жилъ!
Судьбою, холопствомъ безбожно обманутъ,—
Ты жизнью за все отплатилъ.
Ты чувствовалъ, мыслилъ, страдалъ и томился,
Для братьевъ по крови ты въ потѣ трудился
И, преданный братьями, ты изнывалъ...
Сломила кручина, не стало терпѣнья,—
Ты съ жизнью покончилъ... Къ чему?..
Но поздно ужъ, братья,—къ чему сожалѣнья?
Теперь сожалѣнья не нужны ему...
Въ сырую могилу его положили,
Засыпавъ холодной землей...
Да!.. еслибъ всѣ люди такъ искренно жили,
Какъ жилъ онъ, нашъ другъ дорогой! [1])

Н. Бородинъ.

---

[1]) Стихотвореніе это принадлежитъ нашему даровитому офицеру, какъ и Желѣзновъ, безвременно погибшему, А. П. Хорошхину (онъ убитъ коканцами, въ 1875 г., при Махрамѣ) и найдено мною въ бумагахъ покойника Н. Ѳ. Савичева. Подписано оно: „А. Хорошхинъ-пьяный“.

I.

КАРТИНЫ КАЗАЦКОЙ ЖИЗНИ.

Вернемся, читатель. лѣтъ за тридцать назадъ, и перенесемся на Уралъ, въ одну изъ нашихъ казачьихъ станицъ, напримѣръ, въ Красноярскій форпостъ; тамъ я вамъ покажу, и сами вы, конечно, увидите, житье-бытье казацкое. Вообразите, что мы съ вами сидимъ на крыльцѣ есаульскаго (начальническаго) дома, подъ тѣнью навѣса, сдѣланнаго изъ тальниковыхъ прутьевъ,—пьемъ чай съ каймакомъ *) и куримъ сигары—вы гаванскую, а я—россійскаго произведенія. Сидимъ мы не въ креслахъ, а, извините, по азіатскому обычаю, на полу. Вмѣсто роскошнаго ковра, подъ нами простой бѣлый войлокъ или узорчатая текеметь **). Передъ крыльцомъ, гдѣ мы съ вами возсѣдаемъ, небольшая площадь, окаймленная незатѣйливыми, но опрятными казачьими домиками, или бѣлыми глиняными, съ плоскими кровлями, или деревянными, съ кровлями высокими, тесовыми, украшенными или репейками, или пѣтушками, или рогами оленей и разныхъ невѣдомыхъ допотопныхъ животныхъ, находимыми въ окаменѣломъ видѣ въ р. Уралѣ.

Весна. День теплый, ясный и праздничный. Весь форпостъ, т. е. всѣ обыватели, пообѣдавъ и принарядившись, кто во что

*) Родъ сливокъ. Разница между сливками и каймакомъ та, что сливки, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, снимаются съ сыраго, а каймакъ съ вареного, или вскипяченаго, но уже остывшаго молока. Изъ каймаку пахтаютъ масло.

**) Родъ ковра, сшитаго изъ разноцвѣтныхъ, узорами расположенныхъ войлочныхъ кусковъ.

могъ, вышли на открытый воздухъ и пестрыми живописными группами разсѣлись или на завалинахъ домовъ, или около заборовъ, или подъ навѣсами воротъ, гдѣ была тѣнь.

Изъ всѣхъ народныхъ группъ привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе двѣ: группа мальчишекъ и группа людей взрослыхъ, пожилыхъ, солидныхъ. Къ послѣднимъ, т. е. къ людямъ пожилымъ, мы обратимся послѣ, а теперь займемся казачатами

Смотрите: они давно уже играютъ въ альчи (родъ бабокъ); скоро игру эту прекратятъ и примутся за иную забаву, такъ называемую войну. Полюбуемся на эту дѣтскую забаву, полную жизни, энергіи, смысла и — позволимъ себѣ такъ выразиться—поэзіи; опишемъ ее, какъ съумѣемъ, и потомъ передадимъ всей читающей публикѣ. Итакъ, безъ дальнихъ словъ, къ дѣлу.

I.

Наскучивъ игрой въ „альчи“, вдругъ одинъ изъ казачатъ, возвысивъ голосъ, кричитъ:

— Воевать давайте, братцы!

— Что же? Давайте!—отликнется другой казаченокъ.

— Согласны? —спрашиваетъ первый.

— Согласны, согласны! воевать, воевать!—кричитъ въ одинъ голосъ встрепенувшаяся и склубившаяся въ кучу ватага мальчишекъ.

Начинается выборъ предводителей, а потомъ играющіе дѣлятся на двѣ партіи: русскую и киргизскую.

— Кому атаманомъ быть?—начнетъ одинъ голосъ.

— Я вашъ атаманъ!—отвѣчаетъ другой голосъ.

— Нѣтъ, братъ, рыломъ не вышелъ!—замѣчаютъ со стороны.

— Отчего бы такъ? говоритъ самозванецъ-кандидатъ.

— А оттого, что не выкунѣлъ еще, ты мелко плаваешь: спина, братъ, наружи. Есть и почище тебя...

— Кто же? не ты ли? Дрянь такая...

— Хоть бы и я. Ну, чѣмъ я хуже тебя? — Самъ ты дрянь...

Завязывается маленькій споръ, но вскорѣ прекращается.

Кто-то кричитъ:

— Терешку Каплина!...

— Не надо Терешку Каплина!— замѣчаютъ со стороны.— Онъ понаровщикъ, потатчикъ; онъ роднѣ своей потакаетъ, товарищамъ потворствуетъ. Намедни Васька Ларшинъ провинился, а онъ не наказалъ его... Не надо Терешку!...

— Ну, такъ Гришку Малоземова!...

— И Гришку не надо! онъ дрянь, онъ плакса! Куда ему въ атаманы! будетъ съ него и въ деньщики атаманскіе.

— Сидорку Корнаухова!..

Никто не возражаетъ. Сидорка сдѣлалъ шагъ—другой впередъ, но вдругъ раздается хохотъ.

— Ха, ха, ха, ха! Сидорку въ атаманы! Что выдумали, одрало бы васъ... ха, ха, ха, ха! Куда ему, косому! Вѣдь у него одинъ глазъ на насъ, а другой въ Арзамасъ. Ну, какъ онъ, съ косыхъ-то глазъ, удеретъ въ талы, словно „тушканъ“ (заяцъ) гонный? Поди да ищи его тамъ съ собаками.

Снова раздается хохотъ. Всѣ хохочутъ; хохочетъ и тотъ, кто предложилъ Сидорку въ атаманы, хохочетъ, скрѣпя сердце, и самъ Сидорка, строя гримасы въ утѣшеніе себя и высовывая языкъ товарищамъ.

Въ это время проходитъ мимо ребятишекъ какой-то старикъ, и узнавъ въ чемъ дѣло, шутки ради, конечно, предлагаетъ имъ себя въ атаманы.

— Спасибо, дѣдушка: не надо намъ тебя,—отвѣтитъ одинъ изъ казачатъ.

— Отваливай, сѣдая борода! не годисся... стара стала... глупа стала... — пропищитъ вслѣдъ старику изъ толпы другой тоненькій голосокъ, но такъ однако же тихо, чтобы старикъ не все слышалъ.

И вся толпа заливается громкимъ хохотомъ.

Старикъ догадывается, что смѣются на его счетъ, обернется, погрозитъ шалунамъ посохомъ, проговоритъ притворно-

обиженнымъ тономъ: — „Вотъ я васъ озорниковъ!“ — вздохнетъ, да и поплетется своей дорогой, думая про себя: — „Творецъ небесный! куда все дѣвалось? и я вѣдь когда-то былъ такой“.

Атамана еще нѣтъ, поднимается шумъ, споръ. Одни желаютъ того, другіе — этого. Замѣтно, однакожъ, что выборъ падетъ на Сидорку Корнаухова, который хоть и косой, но парнишка бойкій, а главное — справедливый: однажды онъ „отпоролъ“ розгами роднаго своего братишку, за нарушеніе правилъ игры, а это, въ глазахъ казачатъ, много значитъ.

Но вотъ изъ-за угловаго дома показалась быстро бѣгущая, съ припрыжкой, фигура казаченка, лѣтъ двѣнадцати, въ красно-пестрой съ широкими разводами рубахѣ, только-что въ первый разъ надѣтой, отчего она, раздуваясь на вѣтрѣ, шумитъ, какъ листъ бумаги. Въ одной рукѣ казаченокъ держалъ два печеныхъ яйца, а въ другой комъ блиновъ. Свѣтло-русые отъ природы волосы на головѣ этого казаченка, отъ безпрѣстаннаго купанья въ Уралѣ, посоловѣли и походили на мочку пожелтѣвшаго льна. Лицо казаченка отъ этой же причины, т. е. отъ частаго купанья, похоже было на куличиное яйцо *). Но все это не мѣшало Мишкѣ Хандохину — это былъ Мишка Хандохинъ — стоять во главѣ своихъ товарищей. Мишка Хандохинъ — первый выдумщикъ, первый зачинщикъ разныхъ дѣтскихъ проказъ. Кто, бывало, первый вскарабкается на высокое дерево, чтобы разорить коршуниное или пюстальжиное гнѣздо? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, проворнѣе всѣхъ облазитъ кровли домовъ и амбаровъ и повытаскаетъ изъ гнѣздъ воробьятъ для разныхъ анатомическихъ наблюденій? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, искуснѣе другихъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, проберется, хоть черезъ трубу, въ запертую кухню какой нибудь старушки сосѣдки или даже родной своей бабушки, чтобы стащить оттуда кувшинъ каймаку или молока на общую потребу своихъ товарищей? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, успѣетъ, не бывъ замѣченъ, набро-

*) Не видавшіе куличиныхъ яицъ могутъ справиться въ „Зап. Руж. Охотника“ г. Аксакова. Тамъ, кажется, объ нихъ упоминается.

сать всякихъ неудобоваримыхъ и неудобосъѣдаемыхъ веществъ въ котелъ или чугунъ дѣвушкамъ, когда онѣ, на вечеринкахъ, готовятъ для себя кушанья? Мишка Хандохинъ. Словомъ, Мишка Хандохинъ всѣмъ проказамъ голова. Его и не называли иначе, какъ или удочка, или скопа (родъ хищной птицы), или маташникъ, или лыцарь, или отрокъ, — чаще всего, однако же, честили его отрокомъ, и не даромъ. Это слово, въ понятіи казаковъ, хотя и равносильно слову сорви-голова, но имѣетъ отъ послѣдняго нѣкоторое и не малое даже отличіе.

„Сорви-голова“ означаетъ забіяку взбалмошнаго, дѣлающаго все очертя голову, безъ разсужденія — пройдетъ ли ему проказа его даромъ, или взъѣдетъ на шею, — безъ соображенія, какое она произведетъ впечатлѣніе на другихъ, безъ страха, наконецъ, потерять свою репутацію.

Но „отрокъ“ — человѣкъ тонкій. Онъ ничего не сдѣлаетъ наобумъ, не размысливъ предварительно, что́ и какъ выйдетъ. Онъ знаетъ, какую именно и надъ кѣмъ именно сшутить шутку. У него на первомъ планѣ не одно желаніе насолить кому или потѣшить себя. Нѣтъ, онъ также умно и тонко разсчитываетъ и на то, чтобы проказа его была вполнѣ достойна казака, чтобы она одному кому показалась горькой и соленой, а другимъ доставила бы смѣхъ и нѣкотораго рода удовольствіе, чтобы, наконецъ, проказничая, не пропасть самому въ общемъ мнѣніи. Таковъ былъ Мишка Хандохинъ.

Для образчика приведемъ одинъ изъ безчисленныхъ его подвиговъ на поприщѣ отроческихъ проказъ.

Жила была старуха, по фамиліи Кушумова, или, какъ называли ее обыватели, Кушумиха, строптивая, брюзгливая и скряга отъявленная, какихъ свѣтъ не видывалъ. Единственнаго сына, женатаго и имѣвшаго кучу маленькихъ дѣтей, она, изъ ненависти къ снохѣ, согнала со двора, давъ ему только для службы двѣ лошади, да на прокормъ дѣтей яловую тёлку. Жила Кушумиха одна-одинехонька, и все копила, а для чего — одинъ дьяволъ зналъ.

Однажды, наканунѣ какого-то большаго праздника, ка-

жется, наканунѣ Пасхи, пришли къ ней маленькіе внучата и попросили, чѣмъ разговѣться. У старухи всего было вдоволь: и говядины, и масла, и яицъ, а о молокѣ и каймакѣ и говорить нечего: этимъ добромъ хоть прудъ-пруди. Но старуха-скряга дала внучатамъ для розговѣнья только кислаго молока, и то не свѣжаго или мѣшочнаго, а кадочнаго, прогорьклаго, такого, котораго добрые люди и побѣднѣе ея сами не ѣдятъ, а употребляютъ на выдѣлку овчинъ, да даромъ раздаютъ киргизамъ-байгушамъ (нищимъ). Узналъ объ этомъ весь форпостъ и вознегодовалъ на скрягу-бабушку.

Старуха Кушумиха и безъ того была во всеобщемъ презрѣніи, какъ безсмысленная и отвратительная скряга. Мишка Хандохинъ, не смотря на то, что ему было отъ роду только 10 или 11 лѣтъ, понимаетъ уже, что́ хорошо, что́ худо. Онъ и прежде ненавидѣлъ Кушумиху за скряжничество, но когда узналъ, какъ она скотски обошлась съ своими родными кровными, онъ озлобился на нее, какъ на вѣдьму какую, или какъ на киргизскаго разбойника Сююнкару, который часто дѣлывалъ набѣги на казачьи станицы и тревожилъ казаковъ.

— Удружу-жь я тебѣ, вѣдьма кіевская! — сказалъ самъ себѣ Мишка, и отправился въ поле. Тамъ онъ наловилъ нѣсколько полевыхъ мышей, сусликовъ и карбышей, задушилъ ихъ, склалъ въ мѣшокъ и возвратился домой. Онъ выждалъ, когда Кушумиха уѣхала къ заутренѣ, въ сосѣдственную станицу, гдѣ была церковь, и отправился къ ней въ домъ. Караульщицей и вмѣстѣ прислугой въ домѣ Кушумихи была старуха изъ киргизскихъ байгушей, но и та, пользуясь отсутствіемъ ворчливой хозяйки, ушла въ сосѣдственный киргизскій аулъ. Слѣдовательно, Мишкѣ-отроку представился полный просторъ проказничать или, такъ-сказать, „отрочествовать“. Сначала, сквозь широкую трубу горна *), онъ забрался въ кухню, и тамъ во всѣ кадки, горшки, миски, чашки, словомъ, во всю домашнюю посуду, съ чѣмъ бы она ни была, со щами ли, съ молокомъ ли, или пустая, набро-

*) Родъ камина, гдѣ варятъ молоко.

салъ дохлыхъ мышей, сусликовъ и карбышей. Изъ кухни Мишка перебрался на ледникъ, разломавъ для того въ одномъ мѣстѣ камышевую крышу, спустился въ самый погребъ, отыскалъ тамъ кадки и кубышки съ коровьимъ масломъ, скопленнымъ въ теченіе цѣлаго поста для продажи, и вездѣ, т.-е. во всѣ кадки и кубышки, разсовалъ мертвечину...

Такимъ образомъ, Мишка-отрокъ сдѣлалъ старухѣ-скрягѣ троякое зло: во-первыхъ, онъ испоганилъ у нея все масло, которое она должна была или бросить, или задешево сбыть киргизамъ, потому что изъ русскихъ никто бы не купилъ у нея масло, какъ поганое. Во-вторыхъ, напоганилъ у нея всю домашнюю посуду, которую нельзя было употребить въ дѣло до тѣхъ поръ, пока священникъ „не дастъ посудѣ молитву“, т.-е. не освятитъ ее св. водой, а для этого нужно было ѣхать и везти посуду въ сосѣдственную станицу, да сверхъ того заплатить за труды. Въ третьихъ, исторія эта до такой степени озадачила старуху-скрягу, что въ первыя минуты горя она чуть-чуть не взбѣсилась и не сошла съ ума; насилу, говорятъ, работница-киргизка отлила ее водой.

Кромѣ того отрокъ Мишка выходкой этой, довольно однакожъ, между нами будь сказано, рѣзкой, доставилъ всему форпосту немалое удовольствіе; ибо всѣ были рады случаю посмѣяться надъ скрягой, которая мерзкою жизнью своею вселяла во всѣхъ къ себѣ одно только омерзѣніе. Стало быть понятно будетъ, ежели мы скажемъ, что никто не подалъ старухѣ руку помощи, никто не пожалѣлъ о ея горѣ, а напротивъ, всѣ гласно говорили: „у скупаго больше чортъ беретъ“, или „копила, копила, да чорта купила“. Даже киргизка-работница, жившая въ ея домѣ, и такъ ли, сякъ ли, питавшаяся ея крохами, и та украдкой улыбалась, радуясь въ душѣ, что ей приведется хоть разъ въ жизни поѣсть досыта молока на счетъ своей милой и доброй хозяюшки.

Кушумиха предчувствовала, что все это дѣло рукъ Мишки Хандохина, и потому, лишь только прошло первое тяжелое впечатлѣніе, она, съ воемъ и плачемъ, побѣжала жаловаться есаулу. Чтобы не показаться несправедливымъ и избавить

старушёнку отъ конечнаго отчаянія, ибо она близка была къ петлѣ, есаулъ позвалъ Мишку къ допросу. Но Мишка оказался правымъ, по крайней мѣрѣ, никакихъ уликъ противъ него не было. Мало того, онъ, словно башкирецъ, самъ сталъ обвинять старуху.

— Ты, саулъ, самоё-то её приструнь хорошенько,—говорилъ Мишка есаулу: зачѣмъ она держитъ у себя испорченное масло? Кто знаетъ, какое у нея было масло-то, може, навороженое, съ порчей. Вонъ они, голубчики, суслики-та,— продолжалъ унылымъ и плачевнымъ голосомъ Мишка, показывая тѣмъ жалость къ мышамъ, сусликамъ и карбышамъ,— вонъ они, бѣдненькіе, наѣлись ея масла-та, да и померли... Этакъ, пожалуй, и люди отъ ея масла перемрутъ...

Есаулъ засмѣялся, старуха плюнула и хотѣла-было вцѣпиться отроку въ соловые волоса, но отрокъ не дался, онъ не изъ таковскихъ, чтобы поддаться старухѣ, ускользнулъ, и съ честью вышелъ изъ начальническаго дома. На улицѣ, у самаго крыльца, его ожидала ватага друзей и товарищей. Тѣ, видя своего друга здравымъ и невредимымъ, привѣтствовали его единодушнымъ восклицаніемъ: „Ай-да, Михукъ! ай-да, молодецъ! настоящій отрокъ!“ и чуть было не задушили своими обниманьями, да цѣлованьями.

Мишка Хандохинъ былъ идоломъ своихъ товарищей. Теперь ясно, что появленіе его въ кругу своей „храброй братьи“ должно тотчасъ рѣшить споры по выбору атамана.

Какъ шаръ, Мишка вкатился въ толпу ребятишекъ, прокричавъ еще издали:

— Шире, далѣ съ пирогами, дай дорогу съ табакомъ!

— Меня ли вамъ надо?—сказалъ Мишка, повернувшись нѣсколько разъ на одной ногѣ и состроивъ преуморительную гримасу, отъ которой вся толпа захохотала.

— А то кого же, коль не тебя? не бѣса же лысаго,— сказали казачата, и въ ту же минуту общимъ голосомъ нарекли Мишку Давыдомъ Мартемьяновичемъ, въ честь войсковаго атамана Бородина.

Теперь, мы видимъ, Мишка Хандохинъ уже не Мишка Хандохинъ, а Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ.

Покончивъ дѣло о выборѣ атамана, какъ о предметѣ бо́льшей важности, казачата приступаютъ къ выбору другого предводителя, киргизскаго батыря, какого нибудь Чинебека или Кайбалу, долженствующаго противодѣйствовать атаману. На этотъ разъ дѣло устраивается скоро. Первый голосъ, поданный въ пользу Сидорки Корнаухова, онъ же косой, принимается безпрекословно, одобряется и утверждается общимъ согласіемъ и приговоромъ. Спора тутъ не могло быть, во-первыхъ, потому, что Мишка Хандохинъ не противорѣчитъ, во-вторыхъ, потому, что охотниковъ въ предводители киргизской партіи вообще мало, ибо киргизской партіи обычаемъ узаконено, волей-неволей, терпѣть пораженіе отъ русской, а предводителю ея неминуемо быть въ плѣну и, какъ плѣннику, сносить нѣкотораго рода униженіе.

За выборомъ предводителей начинается раздѣленіе на партіи. Атаманъ кричитъ:

— Метаться! метаться!

И всѣ повторяютъ эти слова, въ томъ числѣ и Сидорка Корнауховъ, представляющій собой лицо киргизскаго батыря. Принаравливаясь къ акценту киргизовъ, когда тѣ, объясняясь по-русски, коверкаютъ русскія слова, Сидорка кричитъ:

— Метасса! метасса!

Начинаютъ „метаться“. Всѣ мальчишки разбиваются на пары, наблюдая притомъ правило, чтобы каждая пара состояла непремѣнно изъ однолѣтковъ или, по крайней мѣрѣ, изъ мальчиковъ, возрасты которыхъ хотя приблизительно были бы равны между собой. И это дѣлается не спроста, а съ цѣлью. Такъ какъ одинъ мальчикъ изъ пары переходитъ, какъ увидимъ ниже, на сторону атамана, а другой на сторону киргизскаго батыря,—то такимъ образомъ силы обѣихъ партій уравновѣшиваются.

Разбившись на пары, казачата отходятъ въ сторону и шепчутся между себя; потомъ, обнявшись или взявшись за

руки, возвращаются къ предводителямъ, а тѣ встрѣчаютъ ихъ съ подобающею важностью и гордою осанкою.

Подходитъ одна пара и обращается къ атаману съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Тебѣ кого надо: — царя или князя?

— Царя! говоритъ атаманъ.

И мальчикъ, взявшій на себя имя царя, переходитъ на сторону атамана, а другой, князь, на сторону киргизскаго батыря.

Подходитъ другая пара и обращается къ представителю киргизовъ:

— Тебѣ, вилокъ *) проклятый, кого надо: старика или старуху?

— Старикъ дабай!—говоритъ киргизъ.

И старикъ переходитъ на сторону киргиза, а старуха на сторону атамана.

Подходитъ третья пара и обращается, по очереди, снова къ атаману:

— Тебѣ кого надо: инерала или губернатора?

— Все равно, — говоритъ атаманъ: давай инерала!

Подходитъ четвертая пара и спрашиваетъ киргиза:

— Тебѣ, не умыта харя, кого надо: свинью или борова?

— Пся равна, — говоритъ киргизъ, принаравливаясь къ отвѣтамъ атамана:—дабай свинья!.. мала-мала пинать ево станемъ...

Такимъ образомъ, всѣ пары расходятся или „размѣтываются“ на партіи: атаманскую и киргизскую. Ежели одинъ казаченокъ останется лишній, безъ пары, то онъ пристраивается къ которой либо партіи по жеребью, или такъ, куда случайно попадетъ. Уговорясь въ общемъ планѣ, какъ, гдѣ и чѣмъ дѣйствовать, противники расходятся.

Мишка Хандохинъ—онъ же Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ—отводитъ свою партію въ сторону, а Сидорка Корнауховъ — онъ же и старшина Кайбала — въ другую. Тутъ

*) Насмѣшливый намекъ на бритую голову.

уже начинаются и оканчиваются частныя совѣщанія. Всѣ садятся на палочки верхомъ, будто на коней; всѣ вооружаются длинными и короткими прутьями, будто пиками и саблями; каждый, на погонѣ изъ пряжи, имѣетъ за плечами ружье, но не настоящее, конечно, а тростниковое или сдѣланное изъ другихъ какихъ колѣнчатыхъ растеній, съ пустотой въ срединѣ. Ружья заряжаются пескомъ, т.-е. просто-на-просто импровизированный воинъ схватитъ, во время боя, изъ-подъ ногъ у себя горсть песку или пыли, всыплетъ ее въ пустоту тростинки, да взмахомъ руки выпуститъ зарядъ въ противника. Иной забавникъ заранѣе наскребетъ изъ трубы или печки сажи, завернетъ въ бумажку и спрячетъ за пазухой; а потомъ, во время боя, набьетъ сажей свое ружье, да и влѣпитъ кому нибудь въ лицо. Отъ такихъ выходокъ, кромѣ смѣха съ обѣихъ сторонъ, никакихъ худыхъ послѣдствій не бываетъ, и шалунъ остается безъ наказанія. Развѣ только противникъ его въ слѣдующую игру самъ изловчится и отплатитъ ему той же монетой.

Но есть другого рода шалости, которыя не проходятъ иногда даромъ. Вмѣстѣ съ пескомъ, иной шалунъ запуститъ въ ружье маленькій камушекъ или нѣсколько камушковъ, да и угоститъ кого нибудь изъ мнимыхъ недруговъ своихъ. Хорошо, ежели камушекъ попадетъ въ бокъ или въ спину непріятеля: онъ, т.-е. камушекъ, только обожжетъ, оконтуженный только встрепенется, да поёжится, и игра этимъ не нарушится. Но ежели камушекъ попадетъ въ другое, болѣе чувствительное мѣсто и оставитъ по себѣ хоть незначительный слѣдъ, тогда, по извѣстному условному знаку, сраженіе тотчасъ прекращается, и дѣлается разслѣдованіе. Съ обѣихъ сторонъ жарко принимаются за дѣло открытія виновнаго. Уличенный въ подлогѣ или, по выраженію казачатъ, въ подвохѣ, мальчишка наказывается розгами, съ общаго приговора партіи, или атаманомъ, или киргизскимъ предводителемъ, смотря потому, къ какой партіи принадлежитъ виновный; наказывается иногда довольно преизрядно. Оштрафованный не только не посмѣетъ пожаловаться отцу или матери, но

руки, возвращаются къ предводителямъ, а тѣ встрѣчаютъ ихъ съ подобающею важностью и гордою осанкою.

Подходитъ одна пара и обращается къ атаману съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Тебѣ кого надо: — царя или князя?

— Царя! говоритъ атаманъ.

И мальчикъ, взявшій на себя имя царя, переходитъ на сторону атамана, а другой, князь, на сторону киргизскаго батыря.

Подходитъ другая пара и обращается къ представителю киргизовъ:

— Тебѣ, вилокъ *) проклятый, кого надо: старика или старуху?

— Старикъ дабай!—говоритъ киргизъ.

И старикъ переходитъ на сторону киргиза, а старуха на сторону атамана.

Подходитъ третья пара и обращается, по очереди, снова къ атаману:

— Тебѣ кого надо: инерала или губернатора?

— Все равно, — говоритъ атаманъ: давай инерала!

Подходитъ четвертая пара и спрашиваетъ киргиза:

— Тебѣ, не умыта харя, кого надо: свинью или борова?

— Пся равна, — говоритъ киргизъ, принаравливаясь къ отвѣтамъ атамана:—дабай свинья!.. мала-мала пинать ево станемъ...

Такимъ образомъ, всѣ пары расходятся или „размѣтываются“ на партіи: атаманскую и киргизскую. Ежели одинъ казаченокъ останется лишній, безъ пары, то онъ пристраивается къ которой либо партіи по жеребью, или такъ, куда случайно попадетъ. Уговорясь въ общемъ планѣ, какъ, гдѣ и чѣмъ дѣйствовать, противники расходятся.

Мишка Хандохинъ—онъ же Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ—отводитъ свою партію въ сторону, а Сидорка Корнауховъ — онъ же и старшина Кайбала — въ другую. Тутъ

*) Насмѣшливый намекъ на бритую голову.

уже начинаются и оканчиваются частныя совѣщанія. Всѣ садятся на палочки верхомъ, будто на коней; всѣ вооружаются длинными и короткими прутьями, будто пиками и саблями; каждый, на погонѣ изъ пряжи, имѣетъ за плечами ружье, но не настоящее, конечно, а тростниковое или сдѣланное изъ другихъ какихъ колѣнчатыхъ растеній, съ пустотой въ срединѣ. Ружья заряжаются пескомъ, т.-е. просто-на-просто импровизированный воинъ схватитъ, во время боя, изъ-подъ ногъ у себя горсть песку или пыли, всыплетъ ее въ пустоту тростинки, да взмахомъ руки выпуститъ зарядъ въ противника. Иной забавникъ заранѣе наскребетъ изъ трубы или печки сажи, завернетъ въ бумажку и спрячетъ за пазухой; а потомъ, во время боя, набьетъ сажей свое ружье, да и влѣпитъ кому нибудь въ лицо. Отъ такихъ выходокъ, кромѣ смѣха съ обѣихъ сторонъ, никакихъ худыхъ послѣдствій не бываетъ, и шалунъ остается безъ наказанія. Развѣ только противникъ его въ слѣдующую игру самъ изловчится и отплатитъ ему той же монетой.

Но есть другого рода шалости, которыя не проходятъ иногда даромъ. Вмѣстѣ съ пескомъ, иной шалунъ запуститъ въ ружье маленькій камушекъ или нѣсколько камушковъ, да и угоститъ кого нибудь изъ мнимыхъ недруговъ своихъ. Хорошо, ежели камушекъ попадетъ въ бокъ или въ спину непріятеля: онъ, т.-е. камушекъ, только обожжетъ, оконтуженный только встрепенется, да поёжится, и игра этимъ не нарушится. Но ежели камушекъ попадетъ въ другое, болѣе чувствительное мѣсто и оставитъ по себѣ хоть незначительный слѣдъ, тогда, по извѣстному условному знаку, сраженіе тотчасъ прекращается, и дѣлается разслѣдованіе. Съ обѣихъ сторонъ жарко принимаются за дѣло открытія виновнаго. Уличенный въ подлогѣ или, по выраженію казачатъ, въ подвохѣ, мальчишка наказывается розгами, съ общаго приговора партіи, или атаманомъ, или киргизскимъ предводителемъ, смотря потому, къ какой партіи принадлежитъ виновный; наказывается иногда довольно преизрядно. Оштрафованный не только не посмѣетъ пожаловаться отцу или матери, но

руки, возвращаются къ предводителямъ, а тѣ встрѣчаютъ ихъ съ подобающею важностью и гордою осанкою.

Подходитъ одна пара и обращается къ атаману съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Тебѣ кого надо: — царя или князя?

— Царя! говоритъ атаманъ.

И мальчикъ, взявшій на себя имя царя, переходитъ на сторону атамана, а другой, князь, на сторону киргизскаго батыря.

Подходитъ другая пара и обращается къ представителю киргизовъ:

— Тебѣ, вилокъ *) проклятый, кого надо: старика или старуху?

— Старикъ дабай!—говоритъ киргизъ.

И старикъ переходитъ на сторону киргиза, а старуха на сторону атамана.

Подходитъ третья пара и обращается, по очереди, снова къ атаману:

— Тебѣ кого надо: инерала или губернатора?

— Все равно, — говоритъ атаманъ: давай инерала!

Подходитъ четвертая пара и спрашиваетъ киргиза:

— Тебѣ, не умыта харя, кого надо: свинью или борова?

— Пся равна, — говоритъ киргизъ, принаравливаясь къ отвѣтамъ атамана:—дабай свинья!.. мала-мала пинать ево станемъ...

Такимъ образомъ, всѣ пары расходятся или „размѣтываются“ на партіи: атаманскую и киргизскую. Ежели одинъ казаченокъ останется лишній, безъ пары, то онъ пристраивается къ которой либо партіи по жеребью, или такъ, куда случайно попадетъ. Уговорясь въ общемъ планѣ, какъ, гдѣ и чѣмъ дѣйствовать, противники расходятся.

Мишка Хандохинъ—онъ же Давыдъ Мартемьяновичъ Бородинъ—отводитъ свою партію въ сторону, а Сидорка Корнауховъ — онъ же и старшина Кайбала — въ другую. Тутъ

*) Насмѣшливый намекъ на бритую голову.

уже начинаются и оканчиваются частныя совѣщанія. Всѣ садятся на палочки верхомъ, будто на коней; всѣ вооружаются длинными и короткими прутьями, будто пиками и саблями; каждый, на погонѣ изъ пряжи, имѣетъ за плечами ружье, но не настоящее, конечно, а тростниковое или сдѣланное изъ другихъ какихъ колѣнчатыхъ растеній, съ пустотой въ срединѣ. Ружья заряжаются пескомъ, т.-е. просто-на-просто импровизированный воинъ схватитъ, во время боя, изъ-подъ ногъ у себя горсть песку или пыли, всыплетъ ее въ пустоту тростинки, да взмахомъ руки выпуститъ зарядъ въ противника. Иной забавникъ заранѣе наскребетъ изъ трубы или печки сажи, завернетъ въ бумажку и спрячетъ за пазухой; а потомъ, во время боя, набьетъ сажей свое ружье, да и влѣпитъ кому нибудь въ лицо. Отъ такихъ выходокъ, кромѣ смѣха съ обѣихъ сторонъ, никакихъ худыхъ послѣдствій не бываетъ, и шалунъ остается безъ наказанія. Развѣ только противникъ его въ слѣдующую игру самъ изловчится и отплатитъ ему той же монетой.

Но есть другого рода шалости, которыя не проходятъ иногда даромъ. Вмѣстѣ съ пескомъ, иной шалунъ запуститъ въ ружье маленькій камушекъ или нѣсколько камушковъ, да и угоститъ кого нибудь изъ мнимыхъ недруговъ своихъ. Хорошо, ежели камушекъ попадетъ въ бокъ или въ спину непріятеля: онъ, т.-е. камушекъ, только обожжетъ, оконтуженный только встрепенется, да поёжится, и игра этимъ не нарушится. Но ежели камушекъ попадетъ въ другое, болѣе чувствительное мѣсто и оставитъ по себѣ хоть незначительный слѣдъ, тогда, по извѣстному условному знаку, сраженіе тотчасъ прекращается, и дѣлается разслѣдованіе. Съ обѣихъ сторонъ жарко принимаются за дѣло открытія виновнаго. Уличенный въ подлогѣ или, по выраженію казачатъ, въ подвохѣ, мальчишка наказывается розгами, съ общаго приговора партіи, или атаманомъ, или киргизскимъ предводителемъ, смотря потому, къ какой партіи принадлежитъ виновный; наказывается иногда довольно преизрядно. Оштрафованный не только не посмѣетъ пожаловаться отцу или матери, но

не посмѣетъ и плакать. Ежели кто сдѣлаетъ это, — пропалъ тотъ навѣки! Осмѣютъ его товарищи, разславятъ на весь мальчишескій міръ, не только въ своей станицѣ, но и въ сосѣдственныхъ; оборвутъ несчастнаго, опозорятъ, дѣвкой назовутъ, и ужъ, что всего горше — никогда не примутъ въ свое общество.

Равнымъ образомъ и раненый или оконтуженный не рѣшится жаловаться отцу, не станетъ и плакать, и также изъ боязни, чтобы не прозвали его плаксой, нѣженкой, недотрогой. „Терпи! говорятъ ему товарищи: — ты не дѣвка. Охоту тѣшить — не бѣду платить“. И терпитъ бѣдный воинъ, хотя немного и морщится.

Мишка Хандохинъ выстраиваетъ свой отрядъ, перекликаетъ, разумѣется, не по списку, а наизусть; назначаетъ есауловъ и урядниковъ, — даетъ наставленіе, какъ дѣйствовать, — увѣщеваетъ: не робѣть, другъ друга не выдавать, камушковъ въ дѣло не пускать, а главное — не спать, не дремать. Одинъ изъ воиновъ его отряда сбѣгаетъ въ домъ, выпроситъ у матери или у сестры, а ежели не выпроситъ, то и украдетъ, или, по выраженію казачатъ, сбондитъ красный или другой какой цвѣтной платокъ. Нацѣпятъ этотъ платокъ на палку, и знамя, или „харунка“ готова.

Партія, предводительствуемая Давыдомъ Мартемьяновичемъ, онъ же Мишка Хандохинъ, выступаетъ въ походъ съ пѣснями. Поютъ какую нибудь военную пѣсню, изъ числа завозимыхъ на Уралъ казаками съ внѣшнихъ службъ, изъ арміи, а чаще всего какую нибудь изъ своихъ, сложенныхъ доморощенными поэтами. Напримѣръ:

Кайбала *) салтанъ разбойникъ,
Ужъ такой-то безпокойникъ,
Въ саму зимнюю пору
Объявилъ салтанъ войну —

*) Каипъ-Галій Имамовъ, султанъ внутренней киргизской орды, кочующей между низовьями Волги и Урала. Этотъ султанъ, извѣстный однакожъ, какъ между русскими казаками, такъ и между киргизами подъ сокращеннымъ, уменьшительнымъ именемъ: Кайбала, въ началѣ 1829 г. взволновалъ часть киргизовъ противъ хана Джангира, обвиняя послѣдняго

Объявлялъ батырь войну
Хану-Джангиру свому. —
Казаки изъ Горъ *) въ походъ ходили.
По дикой степи гуляли,
Старшину Кайбалу искали,
Но ордынцевъ не видали.
Подъѣзжали ко мару,
Увидали Кайбалу.
Увидамши Кайбалу,
Заманили старшину.
Генералъ нашъ Бородинъ
Отъѣзжалъ въ сторону одинъ.
Подъѣзжалъ онъ ко мару,
Замаячилъ Кайбалу.
— „Ты, салтанъ ли Кайбала,
Укажи намъ, гдѣ вода?“
Салтанъ съ лошади слѣзалъ,
Таку рѣчь, злодѣй, держалъ:
— „Ни воды нѣтъ, ни травы,
Лишь желты одни пески“.

Тѣмъ временемъ и старшина Кайбала, онъ же Сидорка Корнауховъ, устраиваетъ и приготовляетъ къ бою свою партію въ другой улицѣ или за околицей, внѣ форпоста, гдѣ нибудь въ огородахъ или около огородовъ.

въ небреженіи къ пользамъ народа, и хотѣлъ перейти за Уралъ. Но уральскіе казаки, подъ командой войсковаго атамана, генералъ-маіора Давыда Мартемьяновича Бородина, не допустили киргизовъ къ переходу за Уралъ. Въ Великій постъ, въ первыхъ числахъ марта, казачій отрядъ вышелъ изъ Горской крѣпости противъ киргизовъ и встрѣтился съ ними въ степи, не далеко отъ Урала. Тутъ генералъ Бородинъ и султанъ Кашъ-Галій, онъ же Кайбала, лично знавшіе другъ друга, выѣхали одинъ къ другому на переговоры,—и Давыдъ Мартемьяновичъ успѣлъ склонить Кашъ-Галія оставить всѣ эти затѣи, какъ ни къ чему доброму не ведущія, кромѣ какъ къ напрасному кровопролитію и разоренію. Султанъ оставилъ киргизское сборище, которое велѣлъ-было за Уралъ, велѣлъ ему разойтись по своимъ кочевкамъ, а самъ сѣлъ съ Бородинымъ въ коляску и уѣхалъ въ Уральскъ, а потомъ въ Оренбургъ... Волненіе въ ордѣ прекратилось. Вотъ, по случаю этого событія, и явилась у казаковъ вышеприведенная пѣсенка, гдѣ по дѣломъ, конечно, честятъ Кайбалу и разбойникомъ, и злодѣемъ.

*) Горская крѣпость или иначе: крѣпость Индерскихъ горъ.

Обѣ партіи начинаютъ сходиться. Но киргизская партія не прямо наступаетъ, а уклоняется отъ боя, прячется, таится, хоронится гдѣ нибудь за плетнями, да за строеніями, ежели дѣло происходитъ въ жиломъ мѣстѣ, или въ кустахъ, въ оврагахъ, за деревьями, ежели дѣло происходитъ внѣ форпоста. Казачья же партія, напротивъ, дѣйствуетъ открыто, самонадѣянно, въ увѣренности, что киргизская партія—прахъ. Казачья партія скачетъ, рыщетъ изъ улицы въ улицу, или отъ куста къ кусту, отъ оврага къ оврагу, отыскивая разбойническую партію; по временамъ останавливается, прислушивается, разсылаетъ по сторонамъ и впередъ себя патрули, разставляетъ „секреты“, словомъ, дѣлаетъ все то, что дѣлаютъ дѣйствительныя казачьи партіи противъ дѣйствительныхъ киргизскихъ партій.

Наконецъ, на задахъ форпоста, за соляными складами или за банями, казачья партія открываетъ киргизскую. Сраженіе начинается перестрѣлкой съ обѣихъ сторонъ: вмѣстѣ съ клубомъ или, правильнѣе, съ струей пыли, вылетающей изъ дула тростниковаго ружья, стрѣлокъ кричитъ: „бу!“—знакъ, что пищаль его била. Отчего въ теченіе нѣсколькихъ минутъ безпрестанно раздаются звуки: бу! бу! бу! сливающіеся наконецъ въ одинъ протяжный звукъ: бу-у-у-у! По временамъ выскакиваютъ съ той и другой стороны единоборцы; наскачутъ другъ на дружку, пустятъ въ буквальномъ смыслѣ одинъ другому пыль въ глаза — и разъѣдутся при одобрительныхъ кликахъ своихъ товарищей.

Затѣмъ казачья партія, съ крикомъ: ура! идетъ на ударъ, или на сломъ (въ атаку). Въ то же мгновеніе по всей киргизской партіи проносится заунывный гулъ, похожій на слившіеся въ одно звуки: о-о-о-о!—у-у-у-у!—ій-ій-ій-ій!—знакъ или предвѣстникъ грозящей опасности или конечной гибели; потомъ раздается одобрительный военный возгласъ: „Аблай! Аблай! Аблай!“ *). Начинается общая свалка. Русскіе

*) Это лозунгъ. У Киргизовъ въ обычаѣ, передъ сраженіемъ и во время сраженія, призывать на помощь какого нибудь однородца, старшаго ба-

кричатъ: „бей! коли!“ Киргизы кричатъ: „уръ! чанчъ!“ (тоже, что—бей, коли). Казачья партія выбиваетъ изъ засады киргизскую, гонитъ подъ гору, въ луга. Вотъ тутъ ужъ начинается пиръ-горой: непріятель бѣжитъ, разсыпается по кустамъ, перескакиваетъ рвы, канавы, кидается въ ручьи, въ озера; русскіе преслѣдуютъ по пятамъ. Отстающихъ, падающихъ отъ усталости, спотыкающихся отъ неосторожности непріятелей берутъ въ плѣнъ или дѣлаютъ видъ, что прикалываютъ пикой. Взятый въ плѣнъ, хотя и не связанъ, въ силу обычая, не смѣетъ бѣжать, а тотъ, кого ловко по затылку или по спинѣ коснется прутъ, замѣняющій пику или саблю, падаетъ на полъ, и, какъ убитый, обязанъ лежать на мѣстѣ до окончанія драки. Вся эта суматоха длится до той поры, пока и та, и другая сторона натѣшится вдоволь, набѣгается и напрыгается до упаду, до послѣдняго почти истощенія силъ. Бой прекращается. Казачья партія провозглашаетъ побѣду, — она торжествуетъ и кричитъ: „наша взяла! наша взяла!“ Киргизская партія смолкаетъ, бросаетъ оружіе и преклоняется предъ побѣдителями. Предводителя непріятельской партіи берутъ въ плѣнъ, накидываютъ ему на шею какую нибудь бичевку или просто-на-просто тесьмянный поясъ, который съ него же снимутъ, и вмѣстѣ съ другими плѣнниками ведутъ съ тріумфомъ на форпостъ. Тѣ же, которымъ рокъ сулилъ валяться на полѣ битвы мертвыми, оживаютъ, когда военная или церемоніальная процессія пройдетъ мимо нихъ, и присоединяются къ побѣдителямъ. Плѣнные, какъ быть дѣлу, идутъ повѣсивъ голову, вздыхаютъ и ударяютъ себя въ грудь, въ знакъ глубокаго отчаянія. Побѣдители же, напротивъ, выражаютъ свой восторгъ прыжками и отчаянными скачками, которымъ, кажется, позавидовалъ бы любой козелъ сайгакъ.

Вступая въ форпостъ или подходя къ мѣсту, назначенному сборнымъ, послѣ сраженія, пунктомъ, казачья партія,

---

тыря, прославившагося при жизни военными подвигами, а по смерти чудесами, что служитъ, разумѣется, признакомъ святости батыря.

по слову Мишки Хандохина: „пѣсенники впередъ!", начинаетъ снова пѣть какую нибудь пѣсню, ежели не доморощеннаго произведенія, то общую армейскую, передѣланную или, такъ сказать, прилаженную на случай торжественнаго событія. Напримѣръ:

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью идутъ.
Идутъ, идутъ казаченьки,
Идутъ они тихимъ маршемъ,
И межъ собою говорятъ:
— Хоша трудно намъ, ребята,
Подъ хивинцами стоять, —
Труднѣй того намъ казакамъ
Подъ пушечки подбѣжать.
Мы подъ пушки подбѣжали,
Закричали въ разъ: у р а
Ура! ура! городъ взяли,
Затряслися стѣны — валъ.
Вы злые, лютые хивинцы!
Покоритеся вы намъ.
Еслижъ вы намъ не коритесь, —
Пропадете какъ трава!
Идетъ съ нами Мать-Расея,
Всѣмъ сударствамъ голова!

— Спасибо, атаманы-молодцы!—говоритъ Мишка Хандохинъ своимъ сподвижникамъ.

— Рады стараться!—отвѣчаютъ тѣ.

И война кончается, войско распускается. Всѣ бѣгутъ купаться въ Уралъ, чтобы смыть съ себя пыль и грязь. Еще на дорогѣ къ рѣкѣ, иные нетерпѣливые и задорные любители купанья, скидаютъ съ себя чуть не всю одежду, къ рѣкѣ подбѣгаютъ почти совсѣмъ уже готовые, и съ крикомъ: „к у п а в о д а! ж а р а в з я л а!" стремглавъ бросаются въ воду, внизъ головой, иногда съ 4-хъ или 6-ти саженнаго яра, — только брызги летятъ.

Затѣмъ казачата могутъ начать и другую какую игру, ежели не похожую на вышеописанную по дѣйствіямъ и пріе-

мамъ, то во всякомъ случаѣ не уступающую ей въ живости и ловкости, которой должны обладать или которую должны пріобрѣтать играющіе. Но на этотъ разъ всѣхъ дѣтскихъ игръ намъ не пересмотрѣть и не описать. Довольно, кажется, и одной, уже описанной, чтобы дать читателямъ понятіе о томъ, какъ казачій мальчикъ проводитъ дѣтство. Вообще, про игры и забавы казачатъ можно сказать одно, что онѣ служатъ играющимъ такого рода гимнастикой, какую въ вѣкъ не выдумать ни одному фокуснику во фракѣ съ свѣтлыми пуговицами.

Тѣмъ временемъ, пока Мишка Хандохинъ и его свита купаются, а они проплаваютъ и пронырятъ въ Уралѣ по малой мѣрѣ съ часъ времени, если не больше, мы подсядемъ къ группѣ казаковъ, о которой сказано выше, познакомимся съ нѣкоторыми личностями и послушаемъ казачью бесѣду.

II.

Въ тѣни, у тесовыхъ воротъ дома Кузьмы Семеныча Ефремова, одного изъ зажиточныхъ, въ свое время, обывателей Красноярскаго форпоста, собрался не малый кружокъ казаковъ. Этотъ кружокъ состоялъ изъ самыхъ, такъ называемыхъ, отборныхъ казаковъ, и по уму, и по зажиточности, и по нѣкоторой, свойственной только имъ однимъ, оригинальности, изъ тѣхъ казаковъ, которые въ былое время составляли украшеніе и цвѣтъ казачества, въ смыслѣ казачества, изъ тѣхъ казаковъ, рѣдкіе остатки которыхъ еще понынѣ виднѣются между измельчавшимъ потомствомъ, какъ крупныя жемчужины между мелкими, чтобы не сказать поддѣльными! Тутъ были: и старикъ Михайло Бакировъ, хорошо помнившій время пугачевскаго бунта, и, между прочимъ, цѣловавшій руку у Пугачева, близъ Бударинскаго форпоста, когда самозванецъ, на бѣломъ конѣ и въ богатой парчевой одеждѣ, впервые явился обманутому народу, и Данила Мостовщиковъ, бывшій въ 1791 году при осадѣ Анапы, гдѣ непріятельская пуля разлепёшилась на груди казака, ударившись о мѣдную икону Чудо-

творца Николая, и Василій Рыгинъ, ходившій въ 1809 году, вмѣстѣ съ товарищемъ, или, правильнѣе, съ дядькой своимъ, Васильемъ Струняшевымъ, черезъ Ботническій заливъ на шведскій берегъ *), и Григорій Маркобруновъ, гулявшій, въ 1814 году, по садамъ и кофейнямъ и другимъ кое-какимъ заведеніямъ Парижа, гдѣ онъ объяснялся жестами съ помощью 5-ти франковыхъ монетъ.

Тутъ былъ и заѣзжій изъ Уральска гость, Максимъ Багайдинъ, онъ же и Максимъ Безсудный, который никому не боялся высказывать горькія истины, даже и самому покойному войсковому атаману, Д. М. Бородину, одному изъ самыхъ строгихъ и справедливыхъ атамановъ, когда-либо въ уральскомъ казачьемъ войскѣ бывшихъ. Багайдину, что онъ ни говорилъ, разумѣется дѣльное, все сходило съ рукъ; оттого-то казаки и прозвали его „безсуднымъ“, т. е. человѣкомъ, котораго не бралъ ни какой судъ. Багайдинъ частенько говаривалъ самому атаману, за которымъ, не объ немъ будь сказано, водилась слабость къ прекрасному полу, такія рѣчи: „Ты—Давыдъ Бородинъ, а я—Максимъ Багайдинъ. Ты хоша большой господинъ, да и я въ войскѣ не одинъ. Смотри, чужихъ женъ не отбивай!..“

Тутъ находился и молодой казакъ Абрамъ Пастуховъ, который впослѣдствіи былъ офицеромъ и отличался между своею братьею поэтическою замашкой и лаконизмомъ въ своихъ „липортахъ“. (Пастуховъ былъ грамотный). Однажды, въ бытность его начальникомъ Калмыковской крѣпости, къ нему пришло „прочетное“ (т. е. одно для всѣхъ дистаночныхъ и форпостныхъ начальниковъ предписаніе) отъ войсковаго начальства о заготовленіи такъ-называемаго экономическаго сѣна, которое въ голодные, неурожайные года раздается безденежно, въ откосъ **), или продается по умѣренной цѣнѣ обывателямъ для прокормленія скота. Или въ то время трава не со-

*) См. „Василья Струняшева“.

**) Брать сѣно въ откосъ значитъ то, что казакъ, взявши безденежно зимой сѣно, обязывается такое же количество, какое взялъ, накосить лѣтомъ и пополнить экономическій запасъ.

зрѣла, или на хорунжаго нашло вдохновеніе, или хорунжій, вслѣдствіе поэтической натуры, предчувствовалъ, что заготовленіе экономическаго сѣна не достигаетъ истинной цѣли — не извѣстно. Достовѣрно только то, что онъ на самомъ „прочетномъ“ написалъ и отослалъ къ другимъ начальникамъ, а тѣ передали дальше по принадлежности слѣдующіе стихи, которые послѣ того вошли въ поговорку:

„Для скотовъ
Сѣно косить не готовъ:
Спрошу команду казаковъ.
Читалъ хорунжій Пастуховъ“.

Подобная выходка со стороны заносчиваго и энергичнаго хорунжаго не прошла, разумѣется, даромъ: хорунжему крѣпко за нее досталось, и по дѣломъ — „знай, толкуютъ мудрые люди, сверчокъ свой шестокъ“. Слово: скотовъ, въ стихахъ значущееся, хотя и не было ни подчеркнуто, ни отмѣчено никакими знаками,—этихъ хитростей Пастуховъ не разумѣлъ, но за всѣмъ тѣмъ — на Сенькѣ, видно, шапка горитъ,—за всѣмъ тѣмъ, нашлись люди, которые, по долгомъ размышленіи, уразумѣли въ этомъ неблагозвучномъ словѣ нѣчто оскорбительное, вольнодумное, масонское, намекающее на что-то или на кого-то... Эти же люди уразумѣли впослѣдствіи такую „задать нахлобучку“, неосторожному и откровенному поэту, что онъ въ вѣкъ не справился... По разсказамъ честныхъ людей, современниковъ Пастухова, онъ, этотъ поэтъ-офицеръ, имѣлъ голову пылкую и сердце чувствительное, но къ сожалѣнію не былъ настолько развитъ, чтобы не потеряться и не истереться въ томъ омутѣ, гдѣ волей судьбы родился, жилъ и подвизался. Онъ только кое-какъ, на мѣдныя, какъ говорится, деньги, обучился грамотѣ — и все тутъ. Поэтому ничего нѣтъ мудренаго и удивительнаго, что этотъ офицеръ, онъ же непризнанный поэтъ, изжилъ свой вѣкъ не какъ человѣкъ: предался, не въ укоръ будь сказано его памяти, предался злодѣйкѣ-чарочкѣ, извелся, бѣдняжка, стерся съ лица земли, какъ будто его и не было...

Онъ же въ долговой книгѣ одного мясника, у котораго

взялъ въ долгъ нѣсколько пудовъ говядины, самъ за собой, по просьбѣ безграмотнаго мясника, написалъ счетъ такого содержанія:

Дѣло свято —
У Койбагара*) мясо взято.
Мясо коровье,
Ѣшь казакъ на здоровье.
Хотя мясо и съѣстся,
А съ Койбагаромъ надо расчесться.

Въ сейчасъ приведенныхъ немудрыхъ, конечно, стишкахъ, написанныхъ на скорую руку въ то время, когда поэтъ не зналъ гдѣ головы преклонить, когда онъ перебивался съ куска на кусокъ, — въ этихъ стишкахъ проглядываетъ и замашка хорунжаго сострить, хотя, казалось бы, не до остротъ, и честность благородной души, хотя, по неизданной житейской логикѣ, казалось бы, не до чести, когда нечего ѣсти. Но у Пастухова заключалась логика не въ головѣ, а въ душѣ; онъ, рано ли, поздно ли, буквально исполнилъ по послѣднему стиху, т. е. разсчитался съ Койбагаромъ, когда тотъ по безграмотству спутался въ счетахъ и не зналъ на комъ искать долгъ.

Тутъ былъ и Иванъ Метлинъ, имѣвшій похвальную привычку, въ избѣжаніе или въ предупрежденіе всякихъ золъ-напастей, по нѣсколько разъ въ день, колотить безотвѣтную жену свою, въ силу какого-то велемудраго изреченія, которое скрывается въ тайникахъ сокровенныхъ книгъ, и которое, якобы, гласитъ такъ: „И хорошая жена три раза въ день помыслитъ на мужа своего лихо, а злая — о! паче того.

Нельзя сказать, чтобы Метлинъ вовсе не любилъ жену, — нѣтъ! онъ любилъ ее, насколько можетъ любить простой человѣкъ женщину, мать дѣтей своихъ, и хозяйку дома, словомъ, онъ любилъ ее, какъ любитъ большая часть казаковъ женъ своихъ, т.-е. любить — любилъ, но и не баловалъ. —

*) Фамилія казака мясника.

Если Метлинъ возвращался, бывало, изъ какой-либо поѣздки въ домъ, жена непремѣнно должна, обязана была встрѣчать его на улицѣ у воротъ и кланяться ему въ ноги. Еслибъ даже Метлинъ возвращался съ возомъ сѣна изъ луговъ, куда, конечно, поѣхалъ утромъ того же дня, все равно: жена обязана встрѣчать мужа по указанному порядку. Не исполни этого, прозѣвай какъ нибудь пріѣздъ благовѣрнаго муженька — бѣда! волосникъ на сторону и пошла потасовка! — „Фи! какое варварство"! скажутъ благовоспитанныя читательницы.—Это еще что! скажемъ мы — это ничего, пустяки. А вотъ жилъ на Уралѣ одинъ старикъ-казакъ: — такъ тотъ не Метлину былъ чета; Метлинъ передъ нимъ агнецъ. Онъ, этотъ замѣчательный старикъ, въ день отъѣзда на какой-либо промыселъ, напримѣръ, на багренное рыболовство, долгомъ поставлялъ себѣ, при разставаньи, поколотить жену, т.-е. пожалуй и не поколотить, а только разъ отпустить женѣ полновѣсный кулачище, чтобы у бѣдняжки кровь хлынула изъ носа или изъ зубовъ!.. Пожалуй, не повѣрятъ сейчасъ сказанному, подумаютъ, что мы сочинили, а между тѣмъ, это голая правда. Хотите знать причину такого, между нами будь сказано, варварскаго обращенія мужа съ женой?.. Извольте. Казакъ, имѣвшій такой странный обычай, былъ до крайности суевѣренъ. Онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ, что ежели на прощаньѣ при выѣздѣ изъ дома не окровенитъ жену, т.-е. не измордуетъ ее до крови, то промыселъ будетъ неудаченъ.

Рядомъ съ Метлинымъ сидѣлъ Нефедъ Ж...,—личность діаметрально противоположная личности Метлина. Кроткій и безотвѣтный Нефедъ не только не колотилъ, какъ сосѣдъ его и кумъ Метлинъ, свою жену, но, напротивъ, какъ гласитъ народная молва, самъ жилъ подъ началомъ у жены, по ремешку, что называется, ходилъ. Въ какой степени это справедливо, утвердительно сказать не можемъ, и пускаться въ сужденіе по этому поводу намъ не приводится, во-первыхъ потому, что это не очень, думаю, интересно для читателей, во-вторыхъ, потому, что жену Нефеда Ж..., почтенную ста-

рушку, мы довольно коротко знаемъ и, безъ лести сказать, уважаемъ. Слѣдовательно толковать объ этомъ, повторимъ, не приводится, да и щекотливо съ одной стороны. Скажемъ только вотъ что. Умное, толковое и кроткое обращеніе почтенной старушки съ сыновьями, а главное, съ снохами, доказываетъ, что не она была главной причиной, что покойный Нефедъ ходилъ по ремешку, ежели только это дѣйствительно было такъ, а самъ Нефедъ, нуждавшійся, вѣроятно, въ помочахъ. Это въ порядкѣ вещей. Но такъ ли, сякъ ли, останемся на сторонѣ молвы, тѣмъ болѣе, что Иванъ Метлинъ здравствуетъ; а онъ можетъ осудить насъ въ пристрастіи къ вдовѣ Нефеда, его кума и друга, о которомъ онъ доселѣ не можетъ вспомнить и говорить безъ того, чтобы въ заключенье не прибавить: „Горе тому человѣку, который жены слушается“.

Кротость и смиренство Нефеда больше всѣхъ не нравились Ивану Метлину. Послѣдній вчужѣ досадовалъ и часто пѣнялъ Нефеду: „Эй, кумъ! не давай воли женѣ: плохо будетъ... Сказано: „аще кто слушаетъ жены, тотъ въ добрѣ не бываетъ.“

Метлинъ досталъ гдѣ-то писаную уставомъ тетрадку — сборъ, разумѣется, разныхъ нелѣпостей. Не зная грамотѣ, онъ упрашивалъ и умаливалъ каждаго грамотнаго человѣка читать вслухъ эту нелѣпицу, вѣрилъ, конечно, каждому слову, и затвердилъ всю эту чепуху на память. Понятно, откуда Метлинъ почерпалъ вышеприведенныя изреченія. Но онъ не ограничивался только ими, у него была въ запасѣ бездна такихъ назидательныхъ правилъ; у него, между прочимъ, былъ цѣлый катихизисъ, въ родѣ слѣдующаго:

Въ книгѣ блаженнаго Августина речется: Вопросы и отвѣты на нихъ крѣпкіе. Вопросъ: Что есть лучше злата?— Отвѣтъ: Яхонтъ-камень—Вопросъ Что есть лучше яхонта?— Отвѣтъ: Добродѣтель. — Вопросъ: Что есть лучше добродѣтели? — Отвѣтъ: Богъ. — Вопросъ: Что есть лучше Бога и выше?—Отвѣтъ: Ничто.—Вопросъ: Что есть злѣе аспида?— Отвѣтъ: Тигръ. — Вопросъ: Что есть злѣе тигра? — Отвѣтъ:

Дьяволъ.—Вопросъ: Что есть злѣе дьявола?—Отвѣтъ: Жена.—Вопросъ: Что есть злѣе жены?—Отвѣтъ: Ничто.—Вопросъ: Что есть хуже на свѣтѣ во скотахъ?—Отвѣтъ: Козла.—Вопросъ: Во звѣряхъ?—Отвѣтъ: Ежа.—Вопросъ: Въ рыбахъ?—Отвѣтъ: Рыбы-ракъ.—Вопросъ: Во птицахъ?—Отвѣтъ Птицы-натапырь.—Вопросъ: Въ человѣцѣхъ?—Отвѣтъ: Въ человѣцѣхъ нѣсть того хуже, которымъ жена владѣетъ".

Вотъ этимъ-то катихизисомъ Метлинъ часто донималъ Нефеда, но, по сознанію самого Метлина, все было напрасно...

Тутъ былъ и Осинька Вертячкинъ, лицо, по характеру своему, нѣчто среднее между Метлинымъ и Нефедомъ. Осинька, какъ и Нефедъ, ни разу въ жизни не наложилъ руки на благовѣрную свою сожительницу, но за то много бранилъ ее и никогда не слушалъ, а все дѣлалъ по своему желанію и по своимъ убѣжденіямъ, часто наперекоръ не только женѣ, но и здравому смыслу. Осинькѣ Вертячкину посвященъ отъ насъ особый разсказъ *). По этому читатели ничего больше этого объ Осинькѣ здѣсь не услышатъ.

Тутъ былъ и Николай Барматинъ или Микулушка Бармата (его такъ и звали казаки; будемъ и мы такъ звать). Бармата имѣлъ длинное-предлинное прозвище: „Дарьюшка лебедушка, положи въ сумки ножичекъ, да поострѣе"... Это прозвище дано Барматѣ послучаю слѣдующаго забавнаго происшествія.

За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, Бармата служилъ въ гурьевской линейной командѣ. Однажды послали изъ этой команды человѣкъ съ десять казаковъ для встрѣчи какого то хивинскаго каравана, приближавшагося къ Гурьеву. Въ лунную ночь, ѣхали казаки шажкомъ къ каравану и толковали между собой кой о чемъ. Вдругъ, на полпути до предназначеннаго мѣста, лошадь подъ Микулушкой ни съ того, ни съ сего стала ёжиться, порываться впередъ, потомъ брыкать и отчаянно прыгать. Микулушка удивился, и было отчего: дотолѣ такой удали за его сѣропѣгимъ не важивалось. Стис-

*) См. стат. „Сайгачники"

нувъ ногами бока сѣропѣжки, Бармата сильной рукой сдерживалъ неумѣстную рьяность его, по временамъ покрикивая: „дуришь! шалишь!“ но сѣропѣгій не унимался, часъ-отъ-часу бѣсился; наконецъ, закусивъ удила, понесся по кочковатой степи, какъ изъ лука стрѣла, и вдругъ споткнулси, упалъ, захрипѣлъ и растянулся, придавивъ собой и Микулушку.

Подскакиваютъ къ Микулушкѣ товарищи, помогаютъ ему высвободиться изъ подъ лошади, смотрятъ на лежачаго коня, а конь хрипитъ, издыхаетъ; потомъ снимаютъ съ коня сѣдло и чтожъ видятъ? И смѣхъ, и горе! Микулушка ахнулъ и со всѣмъ отчаяніемъ вскрикнулъ, а товарищи его разразились громкимъ хохотомъ. И было надъ чѣмъ одному ахнуть, а другимъ засмѣяться: лѣвый бокъ у лошади распоротъ, и изъ огромной раны вываливались кишки, а сквозь одну изъ перемѣтныхъ сумокъ, притороченныхъ къ сѣдлу, торчалъ широкій остроконечный, такъ называемый чеботарный ножикъ. Какимъ образомъ попалъ въ сумку ножикъ—покрыто мракомъ неизвѣстности. По всей вѣроятности, ножикъ попалъ въ сумку случайно, когда она висѣла въ сѣняхъ, на стѣнкѣ. Собирая муженька своего въ путь-дорогу и кладя въ сумки провизію, Микулушкина жена, Дарья, или какъ обыкновенно звалъ ее самъ Микулушка, Дарьюшка-лебедушка, въ суетахъ и второпяхъ не доглядѣла, что въ сумки забрался непрошенный гость, этотъ роковой чеботарный ножъ. Какъ бы то ни было, ясно, что ножикъ попалъ въ сумку случайно, безъ вѣдома Микулушки и его лебедушки. Но казаки... такой ужъ народъ казаки... но казаки не приминули воспользоваться этимъ, для нихъ смѣшнымъ, а для Микулушки горестнымъ событіемъ. Одинъ изъ казаковъ, сосѣдъ Барматы, тутъ же, не сходя съ мѣста, сочинилъ, и какъ слѣдуетъ, безъ замедленія сообщилъ товарищамъ исторію на счетъ ножа, сгубившаго у бѣдняка лошадь.

— Вы что думаете, братцы, на счетъ этой оказіи?—сказалъ сочинитель-казакъ.—Знаете ли, какимъ манеромъ очутился въ сумкахъ ножикъ? а? чай, не знаете? А я такъ знаю, братцы. Я самъ, своими ушами, по сосѣдству, изъ за плетня,

когда сѣдлалъ коня, слышалъ, какъ Микулушка снаряжался къ путь дорогу и разговаривалъ съ своей сожительницей. Онъ приказалъ ей: „Дарьюшка-лебедушка! положи мнѣ въ сумку ножичекъ, да повострѣе: годится гдѣ нибудь тючекъ (тюкъ съ товаромъ) разрѣзать... жемчужку достать и тебѣ гостинчикъ привезти“... Вотъ, глядите, братцы, и разрѣзалъ тючекъ. Ай-да, Микалай Микалаичъ! молодецъ! какъ разъ попалъ на тючекъ съ жемчужкомъ.

Разумѣется, всѣ знали, что это выдумка, что это поклепъ на Микулушку, но не смотря на то, всѣ смѣялись и подшучивали надъ Микулушкой. Съ тѣхъ поръ и осталось за нимъ прозвище: „Дарьюшка лебедушка“ и проч.

И много, много было тутъ казаковъ, которые или отличались какой-либо особенностью и оригинальностью своихъ характеровъ или славились какими-либо подвигами и похожденіями.

Между собесѣдниками, замѣтнѣе всѣхъ казался самъ хозяинъ дома, у воротъ котораго собрались казаки. К. С. Ефремовъ хотя и моложе былъ многихъ казаковъ (исключая поэта Пастухова, который предъ всѣми былъ тогда мальчикомъ), хотя Ефремовъ и грамотѣ не зналъ, но умнѣе, дѣльнѣе и расторопнѣе былъ многихъ обывателей, за что дистаночные атаманы постоянно назначали его приказнымъ надъ форпостной командой, а когда не находилось на лицо форпостнаго есаула (начальника), поручали Ефремову начальство надъ всѣми обывателями.

Безъ халата, по праву хозяина, и безъ шапки, въ одной желто-красной тафтяной рубахѣ, обшитой по косому воротнику галунчикомъ, и въ черныхъ плисовыхъ шараварахъ, Ефремовъ, какъ паша какой, сидѣлъ въ кругу пріятелей и угощалъ ихъ бузой (брагой), которую хозяйка его умѣла отлично приготовлять изъ пшеннаго отвара, съ примѣсью хмѣля, меда, изюма и разныхъ пряностей. Кто нибудь подумаетъ: странно-де, что казаки угощались бузой, почему не водкой? Вовсе не странно. Во-первыхъ, въ Красноярскомъ

форпостѣ не было и нѣтъ кабака *); стало быть за виномъ нужно было посылать въ другую станицу, а Ефремовъ жалѣлъ мучить лошадей изъ-за пустяковъ и берегъ ихъ для царской службы, да для честной работы. Въ-вторыхъ, день былъ теплый; слѣдовательно безъ водки было жарко. Въ третьихъ, Ефремовъ самъ почти не пилъ крѣпкаго вина, не любилъ угощать имъ и другихъ, исключая, разумѣется, торжественныхъ случаевъ, какъ-то: имянинъ, родинъ, крестинъ и т. под.

Сначала предметомъ разговора у казаковъ былъ непокорные въ то время киргизы, надоѣдавшіе, какъ горькая рѣдька, казакамъ своими набѣгами; потомъ рѣчь склонилась на предметы домашніе, вседневные, а потомъ незамѣтно перешла уже на предметы серьезные, на казачью политику, если позволено такъ выразиться, а по-просту сказать: казаки пустились судить-рядить и трактовать о дѣйствіяхъ дистаночныхъ атамановъ и мѣстныхъ форпостныхъ начальниковъ; а это было любимою темою всѣхъ рѣчей Максима Безсуднаго, онъ первый и заговорилъ объ этомъ предметѣ. Безсудному никакъ не терпѣлось, чтобы, при всякомъ удобномъ случаѣ, не высказать, въ рѣзкихъ словахъ, мнѣніе свое на-счетъ дѣйствій „набольшихъ“, когда дѣйствія набольшихъ, по его понятіямъ, расходились съ пользой народной. У Безсуднаго, извольте знать, былъ особый такой клапанчикъ, который, при малѣйшемъ намекѣ на предметы подобнаго рода, тотчасъ открывался, и начиналась неумолкаемая пѣсенка, не въ похвалу, разумѣется, набольшимъ. Иногда Безсудный переступалъ границы всякой осторожности и умѣренности; казаки болѣе его умѣренные въ сужденіяхъ, замѣчали ему, что не худо бы иногда языкъ и за зубами подержать, вѣдь не ровенъ часъ, пожалуй, и войсковой атаманъ услышитъ, не похвалитъ... Но

---

*) Отсутствіе въ селеніяхъ кабаковъ—статья не маловажная въ отношеніи и нравственности, и благосостоянія обывателей: тамъ, гдѣ нѣтъ кабаковъ, обыватели и зажиточнѣе, и честнѣе, а гдѣ есть кабаки, тамъ уже.. тамъ уже свѣтъ другой...

Максимъ Безсудный мало на это смотрѣлъ или почти вовсе не смотрѣлъ. На подобнаго рода предостереженія, онъ обыкновенно говаривалъ:

— Какое мнѣ дѣло до войсковаго атамана или ему до меня, когда я скажу правду-истину про дистаночнаго атамана или про форпостнаго есаула!... Всякому чиху не наздравствуешься...

Хорошъ былъ въ этомъ смыслѣ и Кузьма Семенычъ; во взглядѣ на предметы онъ не уступалъ и Безсудному, но былъ умѣреннѣе, сдержаннѣе его: Кузьма Семенычъ мало говорилъ, но за то много размышлялъ.

— Киргизы ничего, — сказалъ Максимъ Багайдинъ, осушивъ мѣдный вылуженный ковшикъ бузы: — Киргизы дрянь, съ Киргизами можно справиться; меньше только по ночамъ спи, крѣпче на лошади сиди, да чаще ружье въ рукахъ держи — такъ все трынъ-трава! А вотъ что, братцы, не хорошо,— присовокупилъ Безсудный, понизивъ голосъ:—грачи-то, какъ погляжу близь себя, да около, грачи-то насъ больно клюютъ, братцы, а мы не токма что отмахнуться, пикнуть не смѣй,— пожалуйся—тебя же буяномъ сочтутъ... да сквозь зеленую улицу проведутъ... Вотъ что больно не ладно... да!..

„Грачи клюютъ“ — выраженіе иносказательное: это— намёкъ на форпостныхъ и крѣпостныхъ начальниковъ, которые, между нами будь сказано, не очень-то чисты были на руку, и далеко запускали лапу, даже за предѣлы обыкновенныхъ — увы! — необходимостію въ казацкомъ быту допускаемыхъ, но во всякомъ случаѣ нетерпимыхъ и унижающихъ человѣчество — взятокъ и поборовъ...

— Что грачи? по моему и грачи ничего, какъ по твоему Киргизы ничего,— возразилъ Кузьма Семенычъ,—грачи и далдыкнуть (клюнуть) насъ не посмѣли бы, еслибъ только соколъ-то нашъ ясный не дремалъ.

Выраженіе: „соколъ не дремалъ“ также иносказательное: это — намекъ на дистаночнаго атамана, завѣдывающаго всѣми форпостными есаулами. Атаманъ былъ, какъ гласитъ преданье, былъ—страшно сказать, а совѣстно утаить, былъ,

что называется, себѣ на умѣ: онъ, ради своего благополучія и кармановюбія, сквозь пальцы смотрѣлъ на продѣлки есауловъ и потакалъ всякимъ нечистымъ дѣяніямъ съ ихъ стороны.

— Да, да, правда твоя, Кузьма Семенычъ,—сказалъ Максимъ Безсудный — Онъ, соколъ-то нашъ ясный, никуда не годится, такая дрянь, что мочи нѣтъ... Какой онъ соколъ? карга *), какъ есть карга! Залѣзъ въ высокія хоромы, да и думочки не думаетъ, будто не до него дѣло. Было бы ему тепло и гоже, а тамъ хоть трава не расти, хоть все огнемъ сгинь—пропади, и „охъ“ не скажетъ. Ужъ не знаю, что и подумать, братцы,—присовокупилъ Безсудный: —грачи-то ли больно назойливы, а соколъ-то тухляй, или ужъ онъ за-одно съ ними, сирѣчь съ грачами-то? а?—какъ вы думаете?

— Знамо дѣло такъ, что́ и толковать: рука руку моетъ,— проговорилъ со вздохомъ Кузьма Семенычъ, которому хорошо была извѣстна связь атамана съ есаулами.

Настало молчаніе. Красноярцамъ въ сотый разъ доводилось толковать объ одномъ и томъ же, такъ ужъ толковня-то имъ надоѣла. Но Максимъ Багайдинъ, какъ гость заѣзжій, и какъ человѣкъ, имѣвшій особый клапанъ критиковать дѣйствіе набольшихъ, снова заговорилъ объ этомъ предметѣ. Онъ обратился къ старику Михайлѣ Бакирову и спросилъ:

— Ты что скажешь, Михайла Михайлычъ, на счетъ этой статьи?

— Что я скажу? Слышь, что говоритъ Кузёма. Ему ближѣе нашего знать: онъ саульску должность исправляетъ...— проговорилъ Бакировъ.

— Что объ этомъ толковать, братцы,—сказалъ Ефремовъ, махнувъ рукой:—во многомъ глаголѣ нѣтъ спасенія. Давайте-ка выпьемъ лучше. Фоминишна!—закричалъ онъ, наклонясь къ подворотнѣ.—Дай-ка намъ еще жбанчикъ.

— Сейчасъ,—проговорилъ тонкій голосъ на дворѣ за воротами.

---

*) Мѣстное названіе вороны.

И черезъ минуту Кузьма Семенычъ цѣдилъ въ ковшъ изъ новаго жбана пѣнистую и ядреную бузу, и подавалъ собесѣдникамъ.

— Слышь, кумъ!—сказалъ Метлинъ, толкая локтемъ Нефеда Ж...—Вишь, какъ добры люди умѣютъ женъ держать. Не успѣлъ Кузьма Семенычъ слово сказать, а ужъ откликаются: „сейчасъ", не успѣлъ усомъ моргнуть, а ужъ и жбанъ готовъ И въ книгѣ блаженнаго Августина речется...

— Отвяжись, пожалуйста! — сказалъ съ сердцемъ Нефедъ:—надоѣлъ ты мнѣ своей книгой... ужъ тошно...

— Вѣстимо дѣло, тошно, всяка наука не легко дается,— замѣтилъ Метлинъ. — А вотъ кабы ты понялъ да въ толкъ взялъ, что въ книгѣ блаженнаго Августина речется...

— Мочи нѣтъ...—прошепталъ Нефедъ и пересѣлъ на другое мѣсто, подальше отъ Метлина.

— Не понутру видно,—сказалъ Метлинъ и кивнувъ головой на Нефеда. — Ничего, ничего, кумъ, продолжалъ Метлинъ —Крѣпись, дружокъ: стерпится—слюбится.

Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ засмѣялись.

— Въ книгѣ блаженнаго Августина...—началъ было снова Метлинъ, подсаживаясь съ другого боку къ Нефеду... но продолжать дальше не могъ. Въ это самое время затрещала трещетка въ рукахъ часового, стоявшаго на вышкѣ, и въ разныхъ концахъ форпоста послышалось не новое и не рѣдкое, но не менѣе того неожиданное и во всякомъ случаѣ возмутительное восклицаніе: „Киргизы! Киргизы! Киргизы!"

Куда и жбанъ съ бузой пошелъ! Куда пошла и книга блаженнаго Августина! Поднялась страшная суматоха, тревога, отнявшая возможность - у иныхъ пить бузу, у Максима Безсуднаго критиковать набольшихъ, а у Ивана Метлина читать куму Нефеду поученія. Въ одно мгновеніе казаки побросались по домамъ къ лошадямъ и оружію.

Пусть казаки готовятся къ походу, а мы перенесемся изъ форпоста въ луга: тамъ ожидаютъ насъ и новыя лица, и иныя сцены.

III.

Между Красноярскимъ и Харкинскимъ форпостами, на правомъ, нѣсколько отлогомъ, берегу Урала, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Яикъ-Горынычъ (Уралъ), упираясь въ высокій, обрывистый яръ, дѣлаетъ крутой поворотъ налѣво, отдыхали рыболовы-севрюжники. Это были рыболовы отсталые, или такъ называемые зады. Главная же масса казаковъ-рыболововъ, или такъ называемое войско, ушла въ то время далеко впередъ, внизъ по теченію Урала, и располагалась рубежемъ между Гребенщиковскимъ форпостомъ и Кулагиной крѣпостью, что будетъ отъ Красноярскаго форпоста верстахъ въ 50-ти или около того.

Въ тотъ годъ, къ которому относится разсказъ, весна была поздняя и недружная. Водоразлитіе было малое или почти его и вовсе не было. Уралъ немного поднялся или, какъ говорятъ казаки, вздулся, запѣнился, покрылъ только однѣ косы (низкіе песчаные острова) да слишкомъ низкіе берега, потомъ кое-гдѣ черезъ рытвины, ерички и старички, успѣлъ прорваться въ луга, залилъ кое-какія впадины, лощины, суходолы и тому подобныя низменности, соединенныя между собой сѣтью ериковъ; но на возвышенности, или на такъ называемыя гривы, взойти не смогъ. Хотѣлось почтенному старику, Яику Горынычу, послѣ 5-ти мѣсячнаго оцѣпенѣнія, вздохнуть и раскинуться во всю ширину займища, по которому идетъ его ложе, отъ кряжа до кряжа,—хотѣлось побурлить и порыться на просторѣ, хотѣлось поразгуляться и вмѣстѣ съ тѣмъ обмыть, напоить и освѣжить землю, попираемую почти въ теченіе цѣлаго года ногами всякаго рода животныхъ, хотѣлось удаль свою показать, хотѣлось отъ сосѣдки своей, матушки Волги, не отстать, хотѣлось... но силъ не хватило, воды не достало, а съ чертями, или по крайней мѣрѣ съ „чертистыми“ мельниками, видно, не былъ знакомъ, пособить, значитъ, некому было. Разсердился старикъ, нахмурился, какъ курунъ (индѣйскій пѣтухъ), пуще

прежняго запѣнился и, пристыженный, побѣжалъ къ морю по всегдашнему, не очень-то широкому, своему ложу, между всегдашними и на этотъ разъ непокорными берегами, не дозволившими ему вырваться на просторъ... Это значитъ, по выраженію казаковъ, Яикъ въ трубѣ.

Если весной „Яикъ въ трубѣ“, т.-е. въ обыкновенныхъ своихъ берегахъ, это значитъ истинная благодать для „севрюжниковъ“. Вся рыба, разумѣется, красная, какъ-то: бѣлуга, осетръ, севрюга, преимущественно послѣдняя, вся рыба какая только войдетъ изъ моря въ рѣку, сжатую берегами, по необходимости тѣснится и держится густо въ узкомъ пространствѣ, и въ большомъ количествѣ, цѣлыми иногда косяками попадается въ длинныя сѣти, охватывающія Уралъ чутъ не черезъ всю его ширину. Тутъ казакъ успѣвай только выбирать сѣть и чекушить или глушить севрюгъ—добыча будетъ, и добыча славная, будетъ на что купить для себя шелковый халатъ и козловые сапоги, а для жены или дочери штофный или левантиновый сарафанъ; на все, на все достанетъ.

Напротивъ, въ большую полую воду, когда Уралъ разольется во всю ширину долины, отъ кряжа до кряжа, на разстояніи семи, восьми и больше верстъ, рыбу не такъ-то легко поймать, ей есть гдѣ разгуляться, разсѣяться и попрятаться. Пожалуй, разметай и распусти во сто саженей сѣть, плыви съ ней по теченію воды, скоро ли еще запутается въ нее севрюжка, другая — не извѣстно, но скорѣе всего — это не подлежитъ сомнѣнію — скорѣе всего нанесетъ тебя съ сѣтью или на каршу (коряга), или на цѣлое дерево, залитое водой; тогда поклонись, по выраженію казаковъ, веселой сѣточкѣ, достань изъ подъ ногъ другую, запасную, а севрюжку ищи, гдѣ хочешь, гдѣ знаешь, но все-таки съ оглядкой да съ опаской, чтобы и запасную сѣточку не посѣять на каршѣ.

Въ большое половодье нужно отыскать или, правильнѣе, случайно попасть на наборъ, а это счастье дается не многимъ и не всегда. Но что такое „наборъ“? — сейчасъ объяснимъ.

Когда Уралъ выйдетъ изъ береговъ и покроетъ луга сплошной массой воды, глубиной отъ одной до нѣсколькихъ саженей, тогда рыба оставляетъ главное рѣчное русло, которое въ то время превращается чуть-чуть не въ кіянь-море и котораго, конечно, тогда и не сыщешь, и расходится по всему водному пространству. Выбравъ удобное мѣсто, преимущественно въ затишьѣ, за какимъ-нибудь отрогомъ, или кряжнымъ мысомъ, въ луга вдающимся, севрюга собирается или набирается въ кучи, или, такъ сказать, свертывается въ клубы и остается по нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ: тутъ она мечетъ икру. Вотъ это-то сборище севрюгъ и называется наборъ.

Попавъ случайно или не случайно на „наборъ“, рыболовъ съ одного обмета, т.-е. съ одного пріема, столько можетъ заворотить сѣтью севрюгъ, что буквально загружаетъ бударку и все-таки не умѣститъ въ ней всей добычи; тогда часть добычи рыболовъ сажаетъ на куканъ, т.-е. на веревку. Ясно, что въ большое половодье, на „наборахъ“, больше можно поймать рыбы, чѣмъ тогда, когда Уралъ въ „трубѣ“. Но, повторимъ, „наборъ“, какъ кладъ, не всегда и не всякому дается; отыскать „наборъ“ на такомъ, чуть не на безбрежномъ водномъ пространствѣ,—тоже, что, по пословицѣ, попасть въ серебряную копѣечку. Поэтому севрюжье рыболовство, говоря вообще, добычливѣе бываетъ въ то время, когда „Уралъ въ трубѣ“, а не тогда, когда онъ принимаетъ на себя образъ „синя-моря Хвалынскаго“.

Мы говоримъ, что тогда-то рыболовство бываетъ добычливѣе, чѣмъ тогда-то. Это въ настоящее время слѣдуетъ понимать относительно, потому что нынѣшняя добыча равняется старинной недобычѣ.

Еще говоримъ, что тогда-то, напримѣръ, когда „Яикъ въ трубѣ“, казакъ цѣлыми косяками ловитъ севрюгъ, а тогда-то, напримѣръ, на „наборахъ“, казакъ заворачиваетъ сѣтью съ одного пріема столько рыбы, что загружаетъ бударку. Это къ теперешнему, т. е. къ современному быту Уральцевъ, и относительно не слѣдуетъ понимать. Молодое поколѣніе ка-

заковъ лишь отъ стариковъ слышитъ о такой давно минувшей благодати, но само не пользуется ею и, конечно, никогда не будетъ пользоваться, потому что Яикъ-Горынычъ истощился, оскудѣлъ и отъ вѣрной службы отказался—хоть въ штрафной журналъ заноси, или изъ службы вонъ гони, все равно—ни легче, ни тяжеле не будетъ. Въ старину онъ дѣйствительно давалъ средства казакамъ одѣваться въ шелкъ и носить козловые сапоги, а нынче?.. что и говорить! не до козловыхъ уже сапогъ,—избавилъ бы Господь Богъ отъ лаптей: лапотникъ-казакъ—какой уже казакъ! не лучше, ежели еще не хуже, высиженнаго паромъ цыпленка...

И такъ все, что́ сказано выше о большой добычѣ севрюжнаго рыболовства, отнесемъ къ давно минувшимъ, напримѣръ, двадцатымъ, годамъ нынѣшняго столѣтія, когда Уралъ слылъ еще не даромъ золотымъ дномъ, т. е. къ тѣмъ временамъ, когда на Уралѣ жилъ и здравствовалъ Максимъ Багайдинъ, котораго Кузьма Ефремовъ утощалъ „бузой“, что мы видѣли во II-й главѣ этого разсказа.

По случаю праздника, рыболовы, о которыхъ начата рѣчь въ началѣ этой главы, отдыхали. Они располагались артелями по песку, т. е. по самому берегу Урала, а телѣги ихъ стояли поодаль отъ нихъ, по косогору. Сѣти у рыболововъ просушивались; у иныхъ были развѣшены на шестахъ и жердочкахъ, а у иныхъ просто-на-просто разостланы по песку. Лошади казачьи гуляли въ лугахъ, по „гривамъ“, безъ „косяшника“ (пастуха). За лошадей казаки не боялись: лошадямъ некуда было уйти: кругомъ „гривъ“ вода, а о киргизахъ-ворахъ казаки не думали, полагаясь на казачьи пикеты, разставленные и каждый годъ во время „севрюжнаго“ (весенняго) и „плавеннаго“ (осенняго) рыболовства разставляемые за Ураломъ отъ линейной казачей же стражи.

Во многихъ мѣстахъ курились и пылали костры. Казаки готовили обѣдъ. Кто варилъ изъ налимовъ уху, кто стряпалъ съ осетриной пельмени, кто жарилъ въ котлахъ севрюжину, изрѣзанную въ мелкіе кусочки, кто болѣе другихъ прихотливый, или кому и уха, и пельмени, и жаркое надоѣли, пріі-

ѣлись—пёкъ въ горячей золѣ, для разнообразія, цѣлыхъ осетрятъ и севрюжатъ, а кто, уже отвѣдавъ до́-сыта, или, какъ говорится, до-отвала, того, другого, третьяго, лежалъ, пригрѣвшись на майскомъ солнышкѣ; словомъ, отдыхали казаки-братцы послѣ трудовъ праведныхъ.

Изъ числа молодежи, одинъ, записной гуляка, или, какъ выражаются казачата, г у л я ж к а, и первый, можно сказать, артистъ-балалаечникъ, съ повязкой на одномъ глазѣ и съ бисернымъ чрезъ плечо гайтаномъ - подаркомъ, разумѣется, возлюбленной,—досталъ изъ т а г а р к и (повозка) балалайку и сталъ наигрывать или, по выраженію казачатъ, „отчабачивать“ залихвацкаго к а з ы н ь к у, съ „приговорцемъ“, разумѣется, т. е. съ „припѣвцемъ“:

Казынька-казачекъ,
Казакъ миленькой дружокъ...
Не я тебя поила,
Не я тебя кормила,
На ножки поставила,
Танцовать заставила.
Коротеньки ножки,
Сафьяны сапожки...
Дѣлай!!!..

Съ послѣднимъ словомъ Матька Гутарёвъ—имя балалаечника—встряхнулъ головой, поднялъ надъ собой балалайку и отрывисто спросилъ:

— Есть ли охотники танцовать?

Но охотниковъ т а н ц о в а т ь не выискалось.

— Тебѣ хорошо сидя наяривать,—отозвался одинъ изъ казачатъ:—поди-ка самъ попляши, такъ и узнаешь, каково по песку-то плясать.

— Ну, чортъ съ вами!—сказалъ Матька и снова принялся „наяривать“ на балалайкѣ.

За „казынькой“ послѣдовали другого рода „приговорцы“. Съ позволенія читателей, мы приведемъ и эти „приговорцы“. Вотъ они:

Хороша наша деревня—только улица грязна,
Хороши наши ребяты—только славушка худа.
Это правда, это правда, это правда все была!
Только славушка худа, не пускаютъ никуда.
Величаютъ насъ ворами, да разбойниками.
Это правда, это правда, это правда все была!
Мы не воры, мы не воры, не разбойнички,
Мы уральскіе казаки—рыболовщички.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ мы рыбушку ловили по сухімъ берегамъ,
По сухімъ берегамъ, по амбарамъ, по клѣтямъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
По амбарамъ, по клѣтямъ, по богатымъ мужикамъ.
Выбиралъ насъ хозяинъ—что ни лучшихъ молодцовъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
Посылалъ насъ хозяинъ все по рыночку гулять.
Мы по рыночку гуляли, невода мы закупали.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ такіе невода—что ременны повода.
Запускали невода подъ богатые дома.
Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы щукъ—что шубы изъ нихъ шьютъ.
Наловили мы бѣлуженекъ—калачикомъ рожки.
Это правда, это правда, это правда все была!
Наловили мы сѣверюженекъ—подвязаны хвосты.
У дѣдушки у Петра мы поймали осетра.
Это правда, это правда, это правда все была!
Ужъ такого осетра—что гнѣдаго жеребца.
За того-то осетра мы попались въ кандалы.
Это правда, это правда, это правда все была!
Мы попались на недѣлю, просидѣли круглый годъ.
Это правда, это правда, это правда все была!

Намъ въ тюрьмѣ сидѣть не скучно, только денежкамъ не водъ.
Мы въ „парашнички“ наймемся, намъ пойдетъ большой доходъ.
Это правда, это правда, это правда все была!
Какъ пойдетъ доходъ калачный—только брюхо распускай.
Отойдетъ доходъ калачный—только спину подставляй.
Это правда, это правда, это правда все была!
Какъ завалятъ разъ пятнадцать—такъ заплящешь казачка.
Заревешь словно теленокъ, пуще Спасскаго дьячка.
Это правда, это правда, это правда все была!

Изъ полицы, изъ тюрьмы идетъ Корневъ со плетьми.
Молодецкою ухваткой пожимается плечми.
Это правда, это правда, это правда все была!
Хоша били больно—гуляли довольно.
Хоша спинушка бита—девченычка нажита.
Это правда, это правда, это правда все была! *).

Какъ слѣдуетъ, около Матьки Гутарёва собрался порядочный кружокъ „храброй братьи". Матька вошелъ въ себя, или, какъ говорится, на Матьку на самого нашелъ такой счастливый стихъ, что онъ въ „приговорцы", всѣмъ и каждому, изъ слушающей его братьи, извѣстные, сталъ мало-помалу вклеивать слова собственнаго изобрѣтенія, а, наконецъ, увлекаясь болѣе и болѣе, словно импровизаторъ какой, прищелкивая пальцами и подмигивая единственнымъ глазомъ — другой былъ завязанъ — началъ сыпать цѣлыми фразами, но такими, по словамъ казаковъ, забористыми, огневыми, что не только молодежь, но и солидные, или такъ называемые степенные казаки, до слуха которыхъ волей-неволей долетали Матькины прибаутки, часто подхватывали животы, чтобы не умереть со смѣха.

— Ну васъ къ „шишигамъ",—сказалъ пожилой казакъ, сидѣвшій недалеко отъ молодежи,—совсѣми уморили, грѣхо-

*) Что эта удалая пѣсня не есть произведеніе уральцевъ, что она занесена ими на Яикъ изъ матушки Россіи, изъ Москвы, напримѣръ, куда, со временъ изгнанія французовъ, стали посылать казаковъ для полицейской службы — объ этомъ нечего и говорить. Безъ сомнѣнія, многимъ извѣстно, что пѣсню эту, на голосъ: „Въ рощѣ Марьиной гуляла", распѣваетъ весь православный людъ изъ класса фабричныхъ, заводскихъ и т. п. Разумѣется, вмѣсто стиха: „мы уральскіе казаки-рыболовщички", каждый вставляетъ въ эту пѣсню стихъ другого рода, приличный званію поющаго. Напримѣръ, оренбуржцы вставляютъ: „мы оренбургскіе казаки", и т. д. Все это, повторимъ, дѣло извѣстное, и распространяться объ этомъ не слѣдовало бы. Но, вставляя эту пѣсню въ наши разсказы, мы вспомнили (вслѣдствіе чего и родилась выноска на пѣсню)—мы вспомнили пословицу: „Около чего поводишься, тому и научишься". Какъ это вѣрно! Перенимать и заносить въ свой край какія бы то ни было пѣсни, конечно, не бѣда; но то дурно, что иные,—жалости достойно!—иные усвоиваютъ себѣ и то удальство, которое служитъ содержаніемъ удалыхъ пѣсенъ.

водники, оставьте. А вы лучше спойте-ка что нибудь хорошенькое, — продолжалъ казакъ. — Хватите-ка про Яикушку, и мы, старики, подтянемъ вамъ.

Казачата не заставили долго упрашивать себя. Они и безъ того скоро бы запѣли хвалебный гимнъ Горынычу; но когда услыхали желаніе стариковъ, тотчасъ же разсѣлись, по возможности, по „голосамъ", и дирижируемые запѣвалой — а запѣвало былъ никто другой, какъ балалаечникъ Матька — запѣли унылымъ мелодическимъ голосомъ:

Яикъ ты нашъ, Яикушка,
Яикъ, сынъ Горыновичъ. (2)

Про тебя, про Яикушку,
Идетъ слава добрая. (2)

Про тебя, про Горыныча,
Идетъ рѣчь хорошая. (2)

Золочено у Яикушки
Его было донышко.—(2)

Серебряна у Яикушки
Его была покрышечка. (2).

Жемчужные у Горыныча
Его круты-бережки. (2)

Мутнехонекъ нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты быстрехонекъ. (2)

Прорылъ, протекъ нашъ Яикушка
Всѣ горушки, всѣ долушки. (2)

Выметывалъ нашъ Яикушка
Посередь себя часты-острова.—(2)

Съ вершинъ взялся нашъ Яикушка,
Бѣжишь же ты вилоть до низу. (2)

До славнаго ты до моря,
До моря до Каспицкаго. (2)

Какъ до славнаго города,
До города до Гурьева. (2)

За Гурьевымъ выпаданлъ ты
Во батюшку сине-море. (2)

Какъ до славнаго острова,
До острова Камышина. (2)

На островѣ Камышинѣ,
Братцы, старики живутъ. (2)

Старики,братцы, старожилые—
Они по девяносту лѣтъ. (2)

Съ покоренною Золотой Ордой
Старики, братцы, во ладу живутъ. (2)

Казачата не пропѣли еще и половины этой пѣсни, какъ подошелъ къ нимъ слѣпой старикъ, Епифанъ Наумовъ, отдыхавшій дотолѣ гдѣ-то подъ телѣгой. Не вытерпѣлъ слѣпой, когда услыхалъ родную, прямо за ретивое хватающую пѣсню, не выдержалъ слѣпой, увлекся и къ голосу казачатъ присоединилъ свой старческій: до такой степени пріятны и сладки для уральца звуки этой пѣсни.

Есть на Уралѣ еще пѣсни, такъ называемыя мѣстныя, никому иному, кромѣ уральцевъ, не принадлежащія, и ни до кого иного, кромѣ уральцевъ, не касающіяся; но лучше, усладительнѣе и слѣдовательно любимѣе приведенной здѣсь пѣсенки, т.-е. пѣсенки про Яикушку Горыныча, по нашему мнѣнію, нѣтъ. Это долженъ знать, долженъ чувствовать каждый уралецъ, иначе онъ не уралецъ, не сынъ своей земли... по что мы говоримъ? такихъ казаковъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, такихъ казаковъ не должно быть!

Да! пріятны и сладки звуки родной пѣсни.

Не говоря о временахъ, давно прошедшихъ, когда на Уралѣ, какъ разсказываютъ старики—и имъ надо вѣрить—когда на Уралѣ болѣе или менѣе все пѣло, плясало, и веселилось, не говоря о беззаботной старинѣ, слѣдуетъ сказать, что и теперь, при страшной нуждѣ и при совершенно другой житейской обстановкѣ, ни одинъ сѣдой и почтенный старикъ, не лишенный слуха, о молодыхъ не говоримъ (тотъ изъ нихъ уже не казакъ, а рыба, кого не разшевелитъ пѣсня

про Яикушку), ни одинъ сѣдой старикъ, заслышавъ эту пѣсню, не останется равнодушнымъ слушателемъ, а ужъ непремѣнно, или промурлычитъ, хоть подъ носъ себѣ, два-три стиха изъ нея или, тряхнувъ головой и сдѣлавъ выразительный жестъ, крякнетъ, да скажетъ: „Эхъ, канальство!... славно!.. такъ за душу и хватаетъ, все-бы слушалъ!“.

Послѣ этого не удивительно, что слѣпой старикъ присталъ къ казачатамъ, и за одно съ ними выводилъ трудныя ноты въ честь Горыныча.

— Спасибо, дѣтушки! спасибо, птенчики! утѣшили и меня, слѣпую каргу, сказалъ, по окончаніи пѣнія Епифанъ Наумовъ, обнимая и цѣлуя то того, то другого казаченка, которые попадались ему подъ руки. Угостилъ бы васъ, соколики, и винцомъ, да вишь, горе какое: знямки *) здѣсь нѣтъ.

— Спасибо, дѣдушка, на ласковомъ словѣ, — сказали казачата.—Ежели тебѣ любо, мы еще что-нибудь споемъ.

— Не надо не надо, дѣтушки,—возразилъ онъ: — это будетъ, что называется, послѣ скобеля топоромъ. Нѣтъ лучше, нѣтъ слаще для меня пѣсни, какъ пѣсенка про Яикушку. Больно люблю его, Горыныча: люблю и пѣсенку про него. Все, братцы, что дается трудомъ и пóтомъ, все это, братцы, мило, и дорого сердцу нашему,—продолжалъ съ увлеченіемъ слѣпой.—Чуете ли вы, понимаете ли, дѣтушки, какъ дорогъ намъ Яикушка? О, больно дорогъ! И не тѣмъ дорогъ, что хорошъ-пригожъ, чтó объ этомъ толковать! его хорошество и пригожество можетъ со временемъ пройдти; а тѣмъ дорогъ, что много добра на него стариками, нашими праотцами, потрачено, тоись такъ много, дѣтушки, что языкъ не разскажетъ. Нѣтъ ярика, нѣтъ марика **), нѣтъ пригорочка, гдѣ бы не лежала богатырская

*) Во время рыболовства, питейный откупъ высылаетъ въ луга на продажу вино въ бочкахъ. Чтобы видно было бочку между безчисленнымъ множествомъ казачьихъ телѣгъ, къ бочкѣ или къ телѣгѣ, на которой возится бочка, прикрѣпляютъ шестъ, а къ нему лоскутъ цвѣтной матеріи, въ родѣ, напр., значка, что на уланскихъ пикахъ. Отсюда и происходитъ названіе: знямка.

**) Яникъ и маникъ—уменьшительные: яръ и маръ.—Маръ—возвышенность, холмъ, курганъ.

казачья косточка. У насъ и приговорочка на счетъ этого изстари ведется вотъ какая. Хотите?—спросилъ слѣпой, попавъ на свой любимый конекъ.

Казачата не разъ слыхали отъ стариковъ и отъ самого иногда Епифана о томъ, о чемъ послѣдній собирался разсказывать. Но уважая слѣпого, они ни на мгновеніе не призадумались, а тотчасъ же сказали:

— Говори, говори, дѣдушка!

Слѣпой прокашлялся и на-распѣвъ началъ такъ:

Круты бережки, низки долушки
У нашего пресловутаго Яикушки,
Костьми бѣлыми казачьими усѣяны,
Кровью алою молодецкою упитаны,
Горючими слезами матерей и женъ поливаны.

Старикъ на минуту остановился, вздохнулъ и снова продолжалъ:

Гдѣ кость лежитъ—
Тамъ шиханъ стоитъ;
Гдѣ кровь лилась—
Тамъ везель сплелась,
Гдѣ слеза пала—
Тамъ озерцо стало...

— Вотъ она, вещь-та какая, дѣтушки!—заключилъ слѣпой. Послѣ этого продолжалъ старикъ:—вѣрите ли, голубчики, зло беретъ на тѣхъ, кто завидуетъ намъ и кто говоритъ, что надо-де ихъ, сирѣчь насъ, хорошенько прижать, что-де они, сирѣчь мы, зазнались, деньги лопатами гребутъ, что-де не орутъ, не сѣютъ, а только готовое пожинаютъ. Правда,—говорилъ слѣпой и говорилъ съ жаромъ; — правда, мы не пашемъ сохой, не боронимъ бороной, не засѣваемъ бѣлояровой пшеницей — у насъ и заведенья нѣтъ. Но мы пашемъ булатнымъ копьемъ, боронимъ конскимъ хвостомъ, а засѣваемъ своими головами. Такая пашенька—у! чего-нибудь да стоитъ!

Слѣпой остановился и вздохнулъ. Замѣтно было, что ему крѣпко-крѣпко взгрустнулось; даже слезы на рѣсницахъ показались. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

Матинька! — спросилъ слѣпой, послѣ минутнаго молчанія: — разскажи-ка, я путемъ не слыхалъ, разскажи-ка, какъ ты намедни, говорятъ, поколотилъ цѣловальника?

Матьку Гутарова будто кто-то укололъ; онъ встрепенулся и сконфузился. Казачата засмѣялись, и одинъ изъ нихъ сквозь зубы замѣтилъ:

— Какъ же, своими-то боками онъ хорошо отдѣлалъ цѣловальника: вонъ еще теперича съ фонаремъ въ одномъ глазѣ щеголяетъ.

— Ой-ли? — сказалъ, улыбаясь, слѣпой. — Какъ же это ты, Матинька, поддался мужлану?.. Кажись, ты парень не промахъ.

Матька съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на казаченка, который на его счетъ сострилъ, тряхнулъ головой, подвинулся ближе къ слѣпому и съ какимъ-то ожесточеніемъ сказалъ:

— Не вѣрь ему, дѣдушка: все вретъ! Такой, вишь, случай вышелъ, что не спасешься. Дѣло вотъ какъ было. Третеводни, на „рубежѣ“, пришелъ я къ „знямкѣ“ и купилъ полведра вина, а цѣловальникъ-то, кабацкая совѣсть, возьми да и обмѣрь меня, я думаю, на цѣлый полштофъ. Вотъ изъ-за этого мы съ нимъ и поспорили. Однако, я взялъ свое, и подъ конецъ сказалъ ему: „Смотри, говорю, продажна душа, впередъ не смѣй обманывать, а то худо будетъ... Вотъ онъ, говорю я, и показываю ему кулакъ, вотъ онъ, говорю, не моча пять фунтовъ тянетъ, а какъ помочу — всѣ будутъ десять“. Сказалъ я это да и пошелъ прочь, своей дорогой, а онъ, мужланъ, взадъ-то мнѣ и закричалъ: „Разина порода!“ Ну, ужъ мое почтеніе! Какъ услыхалъ я это, такъ во мнѣ сердце-то и заходило. Бросилъ я флягу на полъ, подошелъ къ этому цѣловальнишкѣ, размахнулся, да ужъ такую отпустилъ горячую, что онъ съ ногъ сгорѣлъ. — „Знай, говорю, мужланъ, край, да не падай! впередъ, говорю, казачью честь,

какъ не слѣдуетъ, не обзывай". Сказалъ это я да и повернулся назадъ, какъ ни въ чемъ не бывало; поднялъ флягу да и пошелъ себѣ. А онъ, бестія, не содолѣлъ, схватилъ со злости „крючекъ", да и пустилъ въ меня въ догонку, а я и не вижу. Только со стороны кто-то изъ казаковъ и закричалъ „берегись, Матька!". Я оглянулся, а мѣдный-то крючекъ хлопъ мнѣ въ глазъ, индо искры полетѣли; да спасибо еще, что не прямо, а немного вскользь, а то быть бы доброму молодцу безъ глаза.

Казачата снова засмѣялись, слѣпой также улыбнулся, покачалъ головой и сказалъ:

— Эхъ, Матинька, Матинька! какой же ты выходишь дурачекъ. И глазъ-то тебѣ подбили, ни за что, ни про что; да и товарищи надъ тобой посмѣиваются, скалозубятъ. Ну, стоило ли изъ-за такихъ пустяковъ связываться съ мужланомъ? Вѣдь кто онъ, цѣловальникъ-то — мужланъ, какъ есть мужланъ, кругомъ брюхо. Ему простительно городить какую нибудь чушь, а ты, вѣдь, по крайности казакъ, ты долженъ знать, что́ чести казачьей зазорно, и что́ чести казачьей не зазорно. Ты говоришь: онъ обозвалъ тебя „разиной породой". Онъ, выходитъ, дуракъ; онъ, значитъ, ни бельмеса не знаетъ, да и ты тоже, голубчикъ. Развѣ мы, казаки, разиной породы? Разинъ никакой породы на Яикѣ не оставлялъ! Еще разиной и прабабушки на свѣтѣ не было, а ужь наши казаки на Яикушкѣ жили, и нехристей били. Разинъ къ намъ съ боку припёка. Въ ту пору, какъ Разинъ прокуратилъ, онъ, правда, былъ на Яикѣ, но не у нашихъ казаковъ, не вверху, не въ Яицкомъ городѣ, что́ по нынѣшнему Уральскъ городъ, а былъ на низу. при устьяхъ рѣки Яика, въ Гурьевѣ-городкѣ, а Гурьевъ городокъ—я въ дѣтствѣ отъ старыхъ людей слыхалъ — звался въ старину и Гурьевомъ, потому что строилъ его купецъ Гурій или Гурьевъ, и Каменнымъ городкомъ; потому онъ такъ звался, что стѣной каменной былъ обнесенъ. Въ разину пору въ Гурьевѣ-городкѣ наши казаки не жили, а жили тамъ астраханскіе стрѣльцы. Они за-мѣсто солдатъ... тогда въ нашемъ осударствѣ и имени

солдатскаго не знали, а были стрѣльцы... Они, эти-то стрѣльцы, замѣсто солдатъ, говорю, и содержали въ Гурьевѣ-городкѣ караулъ, по нынѣшнему гармизонъ. Съ ними-то, съ этими, выходитъ, стрѣльцами, да съ ихъ головами, Разинъ и велъ войну: городокъ обманомъ какъ-то взялъ, стрѣльцовъ иныхъ вырубилъ, иныхъ къ себѣ приманилъ. Проклаждаясь въ Гурьевѣ, Разинъ неоднократно посылалъ съ подсыломъ и къ нашимъ казакамъ въ Уральскъ, по старинному Яицкъ, чтобы шли на его сторону; но наши казаки не послушались, сторону разбойника не приняли. Конечно, не безъ того было, и приставали кто изъ нашихъ по одиночкѣ къ Разину и отъ него, кому гульба надоѣла, переходили къ нашимъ, такія ужъ времена были — старина матушка, неурядица всемѣстная. Ну, а все наше Яицкое войско было въ сторонѣ отъ Разина, не якшалось съ нимъ,— истинно такъ было. Ежели насъ считать разиной породой, такъ астраханцевъ и подавно: вѣдь Разинъ-то дневалъ и годовалъ въ Астрахани, это была почитай его столица. Да и не однихъ астраханцевъ, а всѣхъ православныхъ, что́ живутъ по Волгѣ, вплоть до Нижняго, надо звать разиной породой. Вѣдь Разинъ все время, какъ разбойничалъ, кутилъ-мутилъ, гулялъ-пировалъ по городамъ и селамъ, что́ при Волгѣ, а у насъ-то ему не повезло. Вотъ и значитъ, что мы не разиной породы, и обижаться на это не слѣдуетъ; а кто это скажетъ — наплевать на того; пускай говоритъ: собака лаетъ — вѣтеръ носитъ.

— Злой же, говорятъ, онъ былъ, этотъ Разинъ,— сказалъ одинъ изъ казачатъ.

— Еще бы! — возразилъ старикъ: — ему и имя-то Разинъ.

— Отъ него, говорятъ, ни одинъ человѣкъ живъ не выходилъ, если только къ его партіи не приставалъ, — замѣтилъ другой казаченокъ.

— Ну, не всегда, — сказалъ слѣпой: — и на Стенюшку въ ину пору находилъ такой стихъ, что онъ отпускалъ отъ себя по-добру по-здорову. Вотъ, если хотите, я разскажу вамъ одинъ этакой случай. Слушайте-ка.

Казачата еще тѣснѣе сдвинулись вокругъ слѣпого, насторожили уши и почти притаили дыханіе. Слѣпой началъ:

— Одинъ казачекъ, гулебщикъ (охотникъ), плылъ въ бударкѣ по Баксаю *), недалеко отъ моря; плылъ онъ это и увидѣлъ на берегу, въ камышѣ, на небольшой полянѣ, стоитъ бѣлый съ красными узорами шатеръ, а на шатрѣ какъ жаръ горитъ золотая маковица. Увидалъ это казачекъ, и дивуется. „Что за оказія такая“, думаетъ самъ про себя казачекъ, „ужъ не дьявольское-ли навожденіе, не бѣсъ-ли морочитъ?“ Думаетъ казачекъ, а самъ и глазъ не сводитъ съ золотой маковки, да и не знаетъ, что дѣлать: пристать-ли къ берегу, гдѣ шатеръ-то стоитъ, или своротить скорѣе въ какой-нибудь ерикъ, да и удрать по-добру по-здорову? — „А что я скажу товарищамъ?“ думаетъ казачекъ, „скажу: шатеръ, молъ, съ золотой маковкой, видѣлъ; а что за шатеръ и кто въ немъ? не знаю, не вѣдаю. Поднимутъ тогда меня на смѣхъ, проходу не дадутъ... Ну, была не была!“ сказалъ самъ себѣ гулебщикъ, взялъ да и присталъ къ берегу.

„Вышелъ онъ на берегъ и видитъ: около шатра, у дверей, сидитъ пригорюнившись дѣвица, въ расейскомъ шелковомъ сарафанѣ, да такая раскрасавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать: бѣлолица, круглолица, румянецъ во всю щеку, — глаза, что твои спѣлыя торновины, а русая коса чуть не до земли; просто дѣвка — кровь съ молокомъ. Спервоначала, какъ увидалъ ее казакъ, остолбенѣлъ. Однако онъ скоро подошелъ къ ней, а самъ читаетъ про себя: „Да воскреснетъ Богъ“, думаетъ, ужь не шутовка-ли (русалка) прикинулась, чтобы загубить душу христіанскую. Подошелъ онъ къ ней и говоритъ: „Здравствуй, красна дѣвица!“ — „Я“, говоритъ она, „не дѣвица“... Сказала она это, да и заплакала. — „Кто же ты такая?“ спрашиваетъ казачекъ. — „Стеньки Разина полюбовница“... Сказала она, да пуще прежняго заплакала. —

---

*) Баксай — рукавъ Урала, отдѣляющійся отъ него съ правой стороны между Сарайчиковской крѣпостью и Яманхалинскимъ форпостомъ, верстахъ въ 60-ти или 70-ти отъ моря.

„Ага!“ подумалъ казачекъ: „видно я попался къ медвѣдю въ берлогу“. И сталъ казакъ съ испугомъ озираться кругомъ.— „Ты не бойся“, сказала дѣвица. Она значитъ замѣтила, что казачекъ-то немного струхнулъ... „Не бойся“, говоритъ она: „его здѣсь нѣтъ“. — „Гдѣ-жъ онъ?“ — „На охоту съ своими ушелъ“.

„Какъ водится, слово-за-слово, и разговорились они, казакъ и дѣвица, межъ себя. Дѣвица пригласила казачка въ шатеръ и угостила его кизляркой, а ее—сирѣчь кизлярской водки-то, былъ полный боченокъ, ведра въ три или въ четыре. Тутъ дѣвица и разсказала казаку, кто она такова.

— Я, стала говорить дѣвица, изъ города Царицына, дочь богатаго купца. Въ прошломъ году Разинъ городъ нашъ разорилъ, отца и мать и всѣхъ родныхъ моихъ побилъ, и меня плѣнилъ, да и держитъ при себѣ. Такая участь моя несчастная... На этомъ мѣстѣ мы живемъ вотъ уже цѣлую недѣлю. Здѣсь при немъ не много его подручниковъ, человѣкъ съ двадцать, не больше; а прочіе всѣ разъѣзжаютъ, кто по морю, кто по Волгѣ. Онъ скоро ожидаетъ всѣхъ къ себѣ, послалъ уже гонцовъ во всѣ концы, гдѣ только есть его подручники.—„Какъ только слетятся орлы мои, говоритъ онъ, такъ сей же мигъ пойду на каменный городокъ, возьму его, а стрѣльцовъ выгоню, — засяду, говоритъ, въ этомъ городкѣ, да и пошлю въ Яицкій городъ, къ Яицкимъ казакамъ,—кличъ кликать: „ко мнѣ, охотники!“—приманю, говоритъ, къ себѣ всѣхъ яицкихъ казаковъ и ихнихъ атамановъ молодцевъ. Тогда, говоритъ, всѣ города по Волгѣ покорю, да и въ бѣлокаменну махну. Вотъ что онъ, злодѣй, затѣваетъ...

— Ну, Улита-то ѣдетъ, да когда-то будетъ,—сказалъ гулебщикъ и выпилъ чарку кизлярки. Что онъ тамъ ни толкуй, а мы мекаемъ свое Якшаться съ нимъ мы не намѣрены: супротивъ присяги и совѣсти не пойдемъ, такъ и будетъ! А ты, красавица, — говоритъ онъ ей, немного погодя,—поѣдемъка лучше со мной, чѣмъ жить у этого разбойника. Согласна что ли? спрашиваетъ казачекъ.

Покачала головой дѣвица, вздохнула тяжелехонько, да и сказала:

— Нѣтъ, мо́лодецъ, не поѣду я съ тобой; все едино гибнуть, тамъ ли, здѣсь ли; вѣдь ни коимъ манеромъ не спасешься, не спрячешься отъ него, лиходѣя: на днѣ моря найдетъ онъ меня, неточію — что на Яикѣ у васъ: живую онъ меня зароетъ въ землю. Да и тебѣ, добрый молодецъ, даромъ это не пройдетъ, а что за охота гибнуть понапрасну изъ-за меня, ледащей женщины, на что я тебѣ гожусь и чего я стою теперь! разбитаго горшка, думаю, никто за меня не дастъ... Да и въ Св. Писаніи сказано, я слышала отъ матери, что кто-де бѣжитъ отъ бѣды-напасти, тотъ бѣжитъ отъ царствія небеснаго. Пусть будетъ со мной святая воля Господня... стану до конца терпѣть.

Прошло много-ли, мало-ли времени, и говоритъ дѣвица казаку:

— Поѣзжай, мо́лодецъ, домой, скоро с а м ъ будетъ.

Нечего дѣлать, простился казачекъ съ дѣвицей, сѣлъ въ бударку, да и поѣхалъ во-свояси. Только дорогой-то и втемяшилась казаку блажная мысль; знамо дѣло, ш и ш и г а (дьяволъ) соблазнилъ: вѣдь онъ, окаянный, не объ немъ будь сказано, горами качаетъ. „Дай, думаетъ гулебщикъ, ворочусь назадъ: дѣвка-то больно хороша... Ну, то-ли, се-ли, думаетъ казачекъ, ежели не успѣю уговорить, такъ... что тутъ церемониться?.. такъ хоша боченокъ съ кизляркой увезу, что она для Стеньки, кизлярка-та, сто́итъ? вѣстимо, не покупная. Да и за дѣвку-то, знамо дѣло, „кладки не давалъ“.

Вотъ съ такими-то, братцы, нехорошими мыслями казачекъ и воротился назадъ; воротился, да и попалъ, какъ куръ во щи: тѣмъ временемъ и Стенька воротился съ своими молодцами на станъ. Лишь только казачекъ вышелъ изъ бударки, его сцапали два разбойника. Они издали еще его увидали и караулили у берега въ камышѣ. Сцапали добраго молодца, вырвали у него изъ рукъ винтовку, распетлили, голубчика, да и повели къ атаману, къ самому князю-боярину, какъ величали разбойники Стеньку. Дотолева казачекъ

былъ напорядкахъ выпимши, а тутъ какъ увидалъ вокругъ себя съ десятокъ харь, одна другой страшнѣй, съ мушкетонами да съ бизменными шишками въ рукахъ, такъ куда у голубчика и хмѣль дѣвался, словно и не нюхалъ горькаго; протрезвился, индо въ лихоманку бѣдненькаго кинуло.

Стенька сидѣлъ на богатѣйшемъ персидскомъ коврѣ около шатра и потягивалъ изъ серебрянаго ковша кизлярку.

— Этотъ-что ли? — спросилъ онъ тихонько дѣвицу, и указалъ на казака.

Она кивнула головой. Значитъ, она разсказала, что у нея былъ въ гостяхъ яицкій казакъ.

— Милости просимъ, — сказалъ Разинъ казаку. — Садись, гость будешь. Пустите его, — сказалъ онъ разбойникамъ.

И ослободили разбойники казака. Но казакъ съ умомъ-разумомъ не соберется, едва духъ переводитъ, и слова вымолвить не можетъ. Онъ ждалъ, вотъ какъ хватятъ его по головѣ обухомъ, а тутъ слышитъ ласковыя рѣчи. Казакъ только поклонился.

— Да что ты, нѣмой, что-ли? что ничего не говоришь? — спросилъ Разинъ и самъ захохоталъ? — Аль языкъ у тебя ушелъ въ пятки?

Казачекъ опять поклонился, да ужъ кое-какъ, съ запинкой проговорилъ:

— По имени звать твою милость знаю, а какъ величать тебя, добраго мо́лодца, по батюшкѣ, — хоть зарѣжь, не знаю...

— Вотъ оно какъ! — говоритъ Стенька, а самъ смѣется: — въ глаза-то со мной и отчество спонадобилось, а за глазами-то, чай, и именемъ не назовутъ. Такъ-ли?

— За другихъ — не отвѣтчикъ, — говоритъ казакъ.

— Ладно, ладно, — говоритъ Разинъ. — А скажи-ка мнѣ: зачѣмъ твоя милость сюда опять пожаловала? Развѣ не знаешь, что отъ меня одна дорога — къ чертямъ на кулички...

Казачекъ только-было собрался съ духомъ, а тутъ опять перепугался. Однако отудобилъ и пустился на хитрости, словно башкирецъ, котораго на кражѣ поймаютъ.

— Былъ я давеча, — говоритъ казакъ, — у твоей милости

въ шатрѣ, ѣлъ хлѣбъ-соль твою, пилъ вино твое, а самого тебя не видалъ, за угощенье „спасибо“ не сказалъ: такъ совѣстно стало, вотъ я и воротился за тѣмъ, чтобы милости твоей честь отдать...

— Ого! — говоритъ Стенька, а самъ, бестія, смѣется. — Да ты, вижу, продувная каналья: складно поешь, только не выносишь, и хитришь хоть куда, вчередъ схитрить такъ моему Анкудинкѣ, а онъ, вѣдь, изъ московныхъ приказныхъ... Такого молодца, какъ ты, и губить кое-какъ жалко. Такъ и быть, велю разстрѣлять тебя, добраго мо́лодца, на славу, изъ десяти́ иль изъ двадцати мушкетоновъ, чтобы на томъ свѣтѣ помнилъ! Доволенъ-ли? — говоритъ Разинъ, а самъ смотритъ на казака, да и хохочетъ во все горло.

Казака дрожь пробрала. Онъ слышитъ, какъ позади защелкали курки. Однако видитъ, что Разинъ и говоритъ, и смѣется. „Може онъ, потѣхи ради, только стращаетъ“, думаетъ казакъ; „дай“, думаетъ казакъ, „всю правду скажу“.

— Есть когда на правду пошло, такъ слушай, Степанъ, по прозванью Разинъ! — говоритъ казакъ, а самъ бодрится. — Ты, говоритъ, казнишь, ты и помилуешь; а я скажу тебѣ правду-истинну: по-крайности будешь знать, что казакъ не любитъ врать. Воротился я сюда не за тѣмъ, чтобы персону твою видѣть — ее хоть бы вѣкъ не видать, — и не за тѣмъ, чтобы за хлѣбъ-соль тебя благодарить: хлѣбъ-соль твоя не куплена, не трудами добыта, а затѣмъ, чтобы бочепокъ съ кизляркой увезти. Вотъ зачѣмъ я воротился.

— Ну, а насчетъ ее, — сказалъ Разинъ и кивнулъ на дѣвицу, — ну, насчетъ ее-то что скажешь? Чай, тоже думалъ поживиться, а? говори, да правду говори! Смотри! баловать не люблю.

— Что таить! — сказалъ казакъ. — Былъ грѣхъ, — лукавый попуталъ и на нее подумалъ. Да вотъ, какъ видишь, и попался, словно сомъ-блудникъ на самоловикъ. Теперича я въ твоихъ рукахъ. Хошь—казни, хошь — на волю пусти: твоя власть. Казнишь — не буду плакать, отпустишь — спасибо скажу.

— Люблю такихъ молодцовъ, что ответъ держать умѣютъ! — сказалъ Разинъ и хлопнулъ казака по плечу. — Тебѣ давеча бы, спервоначала, это сказать, такъ у насъ и рѣчей бы объ этомъ никакихъ не было. Давай-ка выпьемъ.

И выпили они по ковшу-другому кизлярки.

— Ее, сирѣчь, дѣвицу-то (замѣтилъ слѣпой разсказчикъ), ее, — говоритъ Разинъ, — никому ни за какія тысячи не уступлю! за нее, говоритъ, самого чорта въ бараній рогъ согну! А другой кто и не суйся лучше: всякаго иного въ лапшу искрошу, въ муку измелю!... Вотъ что! слышишь? Ну, насчетъ кизлярки, статья иная; такъ и быть, куда не шло, уступлю для такого дорогого гостя, какъ ты, полбоченка: ты мнѣ понравился. Только тутъ есть небольшая задѣба. Давеча одинъ изъ моихъ молодцовъ, вотъ этотъ, — Стенька указалъ на одного рослаго разбойника, — вотъ этотъ хвалился, что въ ста саженяхъ попадетъ изъ винтовки въ грошъ. За это я обѣщалъ на его пай полбоченка водки, однако — съ уговоромъ: если не попадетъ, какъ слѣдываетъ, въ цѣль, то, замѣсто водки, сто линьковъ горячихъ въ спину, чтобы не хвастался понапрасну. Поспорь съ нимъ, есть-когда надѣясь на свое молодечество, — говоритъ Стенька казаку. — Есть-когда убьешь въ цѣль лучше его, то кизлярка твоя, а есть-когда нѣтъ — не прогнѣвайся: сто линьковъ въ спину... Такой обычай: люблю за дѣло только награждать.

Казакъ подумалъ и сказалъ:

— Не берусь, что лучше его убью: кто знаетъ, онъ може важный стрѣлокъ; а берусь, что не хуже его убью.

— Хорошо, согласенъ, — сказалъ Разинъ, и велѣлъ устроить цѣль.

Отмѣрили двѣсти большихъ шаговъ, поставили „нашесть“ *) и къ ней прилѣпили грошъ.

Первый выстрѣлилъ разбойникъ, и попалъ въ доску, около самого гроша, но гроша-то не задѣлъ.

*) Доска, въ родѣ лавки, употребляемой въ маленькихъ лодкахъ.

— Гмъ! не велика важность, — проговорилъ казакъ: — этакъ-то и мы, пожалуй, потрафимъ.

Вотъ послѣ разбойника выстрѣлилъ и казакъ изъ своей винтовки, и попалъ въ саму середку гроша; индо грошъ-то врѣзался въ доску.

— Ай-да, молодецъ! — сказалъ Разинъ. — Ну-ка еще!

Еще выстрѣлили по разу. Разбойникъ со злости трясся, и въ доску-то не попалъ, не токма-что въ грошъ.

— Ну, дружище, — сказалъ казакъ разбойнику: — видно у тебя двойная кожа, коли не умѣешь стрѣлять, а идешь на споръ.

Казакъ былъ уже тово... на порядкахъ пьянъ: онъ позабылъ, гдѣ онъ; думаетъ, что онъ у себя на форпостѣ съ товарищами; поэтому и разговорился.

Выстрѣлилъ и казакъ вдругорядь, и влѣпилъ опять въ грошъ, индо перегнулъ его.

— Баста! твоя кизлярка, — сказалъ Разинъ казаку. И велѣлъ изъ большого боченка нацѣдить въ другой, поменьше. — А тебѣ, — сказалъ онъ разбойнику, — на три дня винной порціи нѣтъ, а за мѣсто того сто линьковъ въ спину: осрамилъ, говоритъ, ты и себя, и насъ.

Опосля того Разинъ и казакъ еще выпили малую толику водочки, и казакъ въ добромъ здоровьѣ уѣхалъ отъ ласковаго хозяина во-свояси. На прощанье Разинъ и говоритъ казаку, а самъ, бестія, подмигиваетъ и улыбается:

— Може, увидимся когда-нибудь: я къ вашимъ хочу толкнуться. Примете, что-ли?

— Не знаю. Какъ „войско“ захочетъ, — сказалъ казакъ, и потупился въ землю, а самъ думаетъ про себя: — „Суньсяка, пріятель! зубъ скусишь!“

Когда старикъ кончилъ, казачата переглянулись другъ съ другомъ, покачали головой въ знакъ удивленія, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ:

— Эка вещь какая! подумаешь: разбойникъ вѣдь, а прокуратитъ подъ-часъ словно не разбойникъ, а шутникъ какой.

Затѣмъ начался общій разговоръ. Предметомъ разговора,

конечно, былъ все-таки Разинъ. Подъ конецъ кто-то изъ казачатъ сказалъ:

— Желательно знать: какая смерть была этому Разину?

— Чай пятирили, иль-бо на колъ посадили, — сказалъ другой казаченокъ.

— Какая бы тамъ ни была смерть — все едино, — замѣтилъ третій казаченокъ. — А вотъ, кака мука-то теперь этому Разину? желалъ бы я знать.

— Какая? Знамо какая: чай въ тартарарахъ, въ преисподней, на горячихъ угляхъ теперь сидитъ, да голымъ языкомъ съ горячей сковороды слизываетъ... — сказалъ тономъ увѣренности тотъ же казаченокъ, который опредѣлялъ и казнь Разину.

— Нѣтъ, дѣтушки, это все не то, — сказалъ Епифанъ Наумовъ, дотолѣ молчавшій.

— Что же? — спросило нѣсколько голосовъ.

— А вотъ что, дѣтушки. Слушайте-ка.

Казачата снова притихли, какъ будто ихъ и не было. Слѣпой началъ:

— Давненько, а какъ давненько, признаться, не умѣю сказать, запамятовалъ, довелось мнѣ разговаривать, вотъ этакъ, какъ теперича съ вами, довелось, говорю, разговаривать съ однимъ отставнымъ солдатикомъ, и онъ разсказывалъ мнѣ вотъ какія вещи. Служилъ онъ, этотъ солдатикъ, на своемъ вѣку въ матросахъ и былъ на безвѣстныхъ корабляхъ. А знаете-ли вы, что такое „безвѣстные“ корабли? — спросилъ слѣпой слушателей.

Отвѣтъ былъ отрицательный. Каждый изъ казачатъ, разумѣется, имѣлъ общее понятіе о кораблѣ, но безъ всякихъ прилагательныхъ, а просто какъ о суднѣ, на которомъ плаваютъ по водамъ. Но что такое „безвѣстный“ корабль? вотъ это было для каждаго изъ нихъ новостью. Слѣпой пустился объяснять.

— Безвѣстный корабль значитъ... — началъ-было старикъ, но объясненіе его не ладилось: на словѣ „значитъ“ старикъ

запнулся; за словомъ этимъ другого, разумѣется, самаго главнаго, не послѣдовало.

Слѣпой сталъ въ затрудненіе, чего съ нимъ почти никогда не бывало; разсердился слѣпой, не зная или не умѣя въ короткихъ словахъ объяснить значеніе „безвѣстнаго“ корабля, на что вызвался самъ. Почмокавъ губами или, какъ говорится, помузюкавъ немного и потеревъ по́ лбу кулакомъ, старикъ сообразилъ мысли и сызнова приступилъ къ объясненію.

— „Безвѣстный“ корабль значитъ вотъ какая штука,— сказалъ слѣпой.— Теперича, къ примѣру сказать, проштрафится какой ни на есть изъ набольшихъ: со всякимъ грѣхъ случается... Сослать такого гуся сиволапчатаго въ ссылку, примѣрно туда, гдѣ солнца не видать, иль-бо смертію казнить, жалко: сердце-то не камень. Вотъ и велятъ, до поры до времени, посадить его, голубчика, въ сибирку. „Посиди-ка тамъ“, скажутъ доброму молодцу, „такъ и узнаешь кузькину мать“. Приспокоятъ этого, а тамъ, глядишь, еще какой-нибудь гусь голанской свихнется съ пути истиннаго, позарится, примѣрно сказать, на царскую казну, да и запуститъ грабли-то глубоконько, индо не вытащитъ... Ну, и этого лакомку туда же, въ сибирку, чтобы, этакъ, знаете, отбить у него охоту лазить въ неположенное мѣсто... Наберется такихъ молодчиковъ не одинъ, не два, а многонько-таки. Знамо, кормить ихъ даромъ убыточно. Вотъ и велятъ посадить ихъ на корабль — для этого и корабли особые имѣются, старые, чтб выслужили срокъ,— да и выпустить въ „кіянь-море“. „Ступайте-ка, голубчики, на всѣ четыре стороны“, скажутъ имъ: „вы намъ не нужны“. А у кіянь моря и береговъ-то нѣтъ: кіянь-море, знаете, на китъ-рыбѣ стоитъ. Поплавай-ка по кіянь-морю — спокаисся, другу-недругу закажешь сосать невинну кровь... И простыхъ солдатъ посадятъ на этотъ корабль, чтобы было кому работать на немъ; безъ людей, знамо, съ лодкой не справишься, не токма что съ такой махиной, какъ корабль... Солдатъ тоже берутъ больше изъ проштрафленныхъ, примѣрно изъ острога иль-бо изъ ристанскихъ ротъ,

значитъ вмѣсто пропажи. Ну, конешно, не все штрафованныхъ, сажаютъ и хорошихъ, нештрафованныхъ солдатъ, примѣрно музуриковъ, тоись матросиковъ, которые по компасу понимаютъ. Тамъ какіе ни на есть будь мудреные люди, а ужь безъ компаса соваться въ море не моги: заблудисся и въ первый же день пропадешь. Этихъ бѣдненькихъ, тоись музуриковъ, по жеребью посылаютъ, кому ужь такой выпадетъ. Дадутъ всему „кипажу“, тоись всѣмъ людямъ на кораблѣ, - они всѣ сообча зовутся „кипажемъ“, такъ мнѣ матросикъ сказывалъ, — дадутъ всему „кипажу“ провизіи на годъ, а раньше пяти годовъ вертаться домой не велятъ. Если найдешь въ кіянь-морѣ чѣмъ питаться, питайся на доброе здоровье: не найдешь — умирай, а раньше пяти годовъ все-таки на Русь не вертайся; такъ ужь исконибѣ узаконено, говорятъ, Петромъ Первыимъ, что бороды велѣлъ брить! Если вернесся раньше, все едино, что въ морѣ пропалъ: смертію казнятъ, аль бо живаго въ столбъ закладутъ: и на это есть законъ. Въ старые годы такихъ кораблей въ кіянь-море много выпускали, и почитай всѣ они пропадали безъ вѣсти. Развѣ-развѣ, что изъ десяти одинъ, за чьи-нибудь молитвы, вернется, а то всѣ сплошь пропадали: отъ этого и называются корабли безвѣстными, что безъ вѣсти пропадаютъ *).

---

*) Нужно ли пояснять, о какихъ корабляхъ разсказываетъ слѣпой старикъ казачатамъ? Безъ всякихъ, думаемъ, поясненій, читатели поймутъ, и поняли уже, что тутъ рѣчь идетъ о корабляхъ, отправляющихся въ кругосвѣтныя путешествія. Что народная фантазія довольно-таки исказила смыслъ этихъ путешествій, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Народная фантазія бываетъ иногда до поразительности остра, а подъ-часъ до крайности наивна, чтобы не сказать, глупа, за то она и народная фантазія... Кто прислушивался къ толкамъ и сужденіямъ простолюдиновъ, прозябающихъ на вольномъ свѣтѣ, какъ христіанскомъ, такъ и басурманскомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, слыхалъ не такія еще искаженія, какъ это, т.-е. искаженія о корабляхъ, совершающихъ кругосвѣтныя путешествія, и, главное, о лицахъ, тутъ участвующихъ. Да не обидятся ученые труженики, жертвующіе изъ любви къ наукѣ, слѣдовательно изъ любви къ ближнему, всѣми благами жизни, и даже самою жизнію!... Народной фантазіи, ежели она иногда и слишкомъ ударится въ народность, Богъ проститъ!

— Нынѣче,—продолжалъ слѣпой—нынче, говорятъ, мало стали посылать въ кіянь-море безвѣстные корабли; оттого, говорятъ, мало, что корабли жаль губить: корабли-то, вишь, нынѣ стали дороги. Взамѣнъ того, нынче стали давать волчьи билеты...

— Вы, чай, и объ этихъ билетахъ ничего не знаете? — сказалъ слѣпой. — Это значитъ вотъ что,—продолжалъ онъ,— когда казачата отозвались, что въ первый разъ слышатъ о такой мудреной вещи.... Коль-скоро, слышите, проштрафится кто, и обличенъ будетъ, ему и дадутъ въ руки чистую оставку, то-исть билетъ съ печатью, а въ немъ красными, будто огненными словами и напишутъ: Больше де трехъ денъ сего человѣка ни въ какомъ жительствѣ не держать, и въ обчество отнюдь не принимать: съ виновныхъ-де штрафъ большой. Вотъ онъ, этотъ проштрафленный съ ербовымъ билетомъ за пазухой, и ходитъ, и бродитъ весь свой вѣкъ, пока не умретъ, изъ села въ село, изъ города въ городъ, аки волкъ презрѣнный. Отъ этого и билетъ прозывается волчьимъ *).

— Ровно два годика, сказывалъ мнѣ матросикъ, плавали они по кіянь-морю,—продолжалъ слѣпой.—Провизія почитай вся вышла, даромъ-что потребляли ее по полпорціямъ. Попадались имъ по морю кой-какіе острова, и къ нимъ они приставали. На иныхъ находили еще какую ни на есть пищу, примѣрно: травы, коренья, иль-бо птицъ, звѣрей; всѣмъ этимъ по малой толикѣ запасались и пробавлялись. Иные острова были совсѣмъ пусты, хоть шаромъ покати — одни гальки да ракуша (раковины). А на иныхъ островахъ встрѣчали дивіихъ людей: на лбу, примѣрно, одинъ глазъ, а посередь живота ротъ. На такіе острова и не выходили, а мимо обходили: только съ корабля видали, какъ дивіи люди грозили имъ, да зубами щелкали.

---

*) Здѣсь, т.-е. въ понятіи о волчьемъ билетѣ, народная фантазія также не премнула нѣсколько разыграться, но за то отъ смысла не отстала, мало того, она даже съострила ловко.

— А ужь на самомъ кіянь-морѣ какихъ чудесъ не видали, Господи, ты мой Боже! просто ужасти! Какъ зачнетъ, бывало, матросикъ разсказывать, такъ вчуже морозъ по кожѣ подираетъ, индо волосъ дыбомъ стоитъ, просто такія страсти, что сказать не въ мочь. Въ ину пору плыветъ корабль по зеленой водѣ, а вода-то свѣтла, что твоя слезочка, все дно видно; а на днѣ гомозятся и ползаютъ разные такіе гады, что смотрѣть мерзко; иные на манеръ раковъ съ верблюда величиной, съ пребольшущими клещами: какъ взглянешь на нихъ, такъ сердце замретъ. Это, сказывалъ матросъ, море называется: чудовищное море.

Въ ину пору корабль плыветъ по водѣ красной, что твоя кровь, только будто сейчасъ изъ быка выпущена, индо паръ отъ нея валитъ, словно на бойнѣ. Это—красное море.

Въ ину пору корабль плыветъ по водѣ желтой, что твой сабуръ или серпій. Это—желтое море.

Въ ину пору корабль наплыветъ на такое мѣсто, что воды не знать, а замѣсто воды только букашки да вошки гомозятся, словно черви въ падали. Корабль еле-еле движется по такой кашѣ, и того и гляди, какъ совсѣмъ остановится и застрянетъ. Это—вшивое море.

Въ ину пору корабль плыветъ хоша и по обнаковенной водѣ, но за то по сторонамъ-то его безперечь выныриваютъ чудовища: отъ головы до пояса — человѣкъ, а отъ пояса до ногъ—соминой плескъ. Вынырнетъ это чудовище, встряхнетъ зелеными длинными волосами, индо брызги на версту летятъ, да и закричитъ глухимъ хриплымъ голосомъ: „фараонъ!“ Это фараоновы воины, что за Мысеимъ гнались, да потонули. Въ ину пору эти самыя чудовища, ихъ тоже зовутъ фараонами, ухватятся за корабль ручищами, словно граблями, да и спрашиваютъ: „когда Осподь съ судомъ сойдетъ?“ „Завтра“ ильбо „послѣ завтра“, скажутъ имъ съ корабля, чтобъ только отвязаться. Ну, и отстанутъ, а безъ того ни за что не отстанутъ, такіе привязчивые, право. Имъ, вишь, узаконено жить въ морѣ до преставленья свѣта. Тогда, вишь, ихъ и разсудятъ съ царемъ фараономъ: изъ-за него, вѣдь, погибли и

сдѣлались получеловѣками. Это море такъ и прозывается: фараонское море.

Однова, сказывалъ мнѣ матросикъ, подплыли они къ острову и остановились за версту отъ него. Ближе нельзя было подойти: кругомъ острова, вишь, камни изъ воды торчали. А островъ былъ большой, и весь заросъ лѣсомъ. Обрадовались они этому острову: чаяли найти на немъ и воды прѣсной, и дичи всякой, а дотолева долго не видали такого острова. Поспускали съ корабля нѣсколько шлюбокъ, тоись маленькихъ лодочекъ; и цѣлая рота солдатъ съ ружьями съѣхала на берегъ. По долобкѣ (по тропѣ), скрозь густой лѣсъ, пошли солдатики въ середку острова, и вскорости вышли на поляну. Глядятъ и видятъ: въ одной сторонѣ стоитъ широкій дворъ, обнесенъ высокимъ тыномъ, точь-въ-точь острогъ веселый. Съ другой стороны, видятъ: изъ лѣса вышло стадо овецъ, а овцы такія прекрупнѣйшія, съ коровъ нашихъ. Позадь овецъ идетъ человѣкъ, какъ есть человѣкъ, истовый человѣкъ, но такой превеличайшій, что твоя колокольня. Въ рукахъ у него цѣлое березовое дерево, въ обхватъ толщиной, и не срублено, а просто-на-просто съ корнемъ изъ земли вырвано, а онъ, этотъ уродина, помахиваетъ имъ, деревомъ-то, словно нашъ братъ тоненькой хворостинкой. Поровнялся онъ съ солдатами, глянулъ на нихъ, да и заворотилъ деревомъ-то всю роту къ овечьему стаду, а потомъ погналъ вмѣстѣ съ овцами, будто дѣло сдѣлалъ. Солдаты и офицеръ, что былъ съ солдатами, перепугались на-смерть, не знаютъ, что начать, и по-неволѣ идутъ, только поглядываютъ другъ на дружку, да молитвы шепчутъ. Загналъ великанъ овецъ и солдатъ на дворъ, поставилъ чиннымъ манеромъ овецъ въ уголъ, а солдатъ въ другой. На дворѣ у одной стѣны врыты въ землю четыре огромнѣйшихъ, може ведеръ по́-сту, котла, а около котловъ навалены „урсы“ *) обглоданныхъ костей: значитъ,

*) Кучи въ большихъ размѣрахъ. Урсъ, урсы, испорченное ярусъ, ярусы. По крайней-мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ слѣдуетъ сказать: ярусы, уральскій казакъ говоритъ: урсы.

тутъ обжорство творится. У другой стѣны стоятъ ведра, по сороковой бочкѣ кажинно водро, да разная посуда, и все это во сто разъ больше обнаковенной нашей посуды.

Натаскалъ великанъ воды откуда-то, изъ моря ли, изъ рѣки ли какой, солдатамъ изъ-за ограды не видать было; натаскалъ онъ это воды, палилъ въ котлы и развелъ огонь, а ворота-то на запоръ. Смотрятъ солдаты, что-то будетъ. Стала въ котлахъ вода закипать. Тогда великанъ подошелъ къ солдатамъ, и взялъ пятерыхъ иль шестерыхъ подъ мышку, столько же подъ другую, отнесъ къ одному котлу, да и швырнулъ ихъ въ него: только, бѣдненькіе, и свѣту видѣли!...

Послѣ того великанъ опять подошелъ къ солдатамъ. Но солдатики, видя бѣду неминучую, рѣшились обороняться: не даромъ видно есть поговорка: „страхъ силы придаетъ“. Видя бѣду неминучую, солдатики и рѣшились попробовать: всѣмъ разомъ выстрѣлить въ великана. „Что будетъ, думаютъ солдатики: убьемъ не убьемъ, а попробуемъ: не даромъ же на варево идти“. Какъ только великанъ подошелъ къ нимъ, они и грянули изъ всѣхъ ружей, да прямо ему въ рожу: глазато ему и выбили. Вотъ онъ и зареви благимъ матóмъ, да и давай кидаться со слѣпу-то изъ стороны въ сторону. А солдаты тѣмъ временемъ и улепетнули. Ворота хоша были и заперты, но подворотни не было. Великану, конечно, не въ домёкъ, что подворотни нѣтъ; вѣдь у него подъ полотнище воротъ и лапа не подлѣзала, а для обнаковеннаго человѣка оставалось тутъ просторнаго мѣста почесть по колѣнки. Вотъ въ эту-то щель солдатики и повылѣзали. А великанъ, знай, оретъ себѣ во все горло, а изъ лѣсу ему откликаются другіе, его братья; тѣ еще страшнѣе ревутъ, индо лѣсъ трясется, земля дрожитъ. Тутъ-то ужь такой страхъ нашелъ на солдатиковъ, что и ружья, и муницу всю побросали, да давай Богъ ноги! Бѣгутъ, голубчики, чуть не задыхаются, бѣгутъ молодчики, земли не касаются, только пятки взмываютъ... Лишь только солдатики побросались въ шлюбки и отсунулись отъ берега, еще до корабля-то не доплыли, какъ на то мѣсто, гдѣ стояли ихни шлюбки, прибѣжали великаны, человѣкъ до

ста иль больше. Подняли они такой ужасный вой, индо лѣсъ закачался, море взволновалось. Принялись они изъ корня рвать сыры-матеры дубы и кидать ими по лодкамъ и по кораблику, одну лодку раскололи и затопили, да чуть-чуть и кораблика не повредили. Насилу пушками съ корабля отъ нихъ отбились, и отплыли въ море.

— Вотъ какія бываютъ на вольномъ свѣтѣ страсти и ужасти,—прибавилъ слѣпой.—Немного погодя, онъ продолжалъ:

— Такимъ-то манеромъ, сказывалъ матросикъ, проплавали они два года, а на третій годъ корабль ихъ разбило бурей. Опъ, этотъ матросикъ, да еще одинъ музурикъ, его товарищъ, ухватились за корабельную машту (мачту), и дня три носило ихъ на ней по морю. На четвертый день море затихло и машту прибило въ берегу... Въ ту пору корабль-то изъ кіянъ-моря вышелъ въ обнаковенное море; рѣшились они, значитъ, пристать въ иномъ какомъ царствѣ и отдаться невѣрному царю, чтобы не умереть съ голода—нужда до всего доводитъ... Отдохнули они, то есть матросикъ и его товарищъ, на берегу, да и пошли въ горы,—по берегу тянулись превысокія горы.

Много-ли мало-ли ходили они по горамъ, да и наткнулись на избушку или землянку—все едино: не то изба, не то нора вырыта была въ горѣ, одна дверь да маленькое окошечко съ пузыремъ,—вотъ и все. Вошли они въ избушку и видятъ: въ переднемъ углу на лавкѣ лежитъ человѣкъ, не молодой, да и не старый, а такъ себѣ „сердовичъ“; на немъ красная ликсандревская рубаха, козловые сапоги съ кисточкой на голенищахъ—значитъ, щеголь какой-нибудь. Глаза у этого человѣка закрыты, а самъ онъ такой худой, такой блѣдный, что̀ твой мертвецъ. Сначала они подумали, что онъ мертвый, а какъ немного всмотрѣлись, увидали, что спитъ. Не трогая его, солдатики тоёжъ секунду бросились къ печкѣ и на шесткѣ въ горшкѣ нашли не то кашу, не то кисель, Богъ знаетъ что, не могли разобрать, да и некогда было разбирать,—вѣдь голодъ не свой братъ, а у нихъ съ голоду кожа трещала; шутка-ли! три-четыре дня были не ѣмши. Покамѣстъ возились они около горшка, хозяинъ-то проснулся, сѣлъ на

лавку, да и говоритъ имъ тихохонько по-рассейски: „вы, братцы, мотрите... не много ѣшьте этой пищи: не хороша она для непривычнаго человѣка...“

Услыхамши рассейскій языкъ, солдатики обрадовались, пуще не знай чего; бросили ѣду, подбѣжали къ неизвѣстному человѣку, да въ одинъ голосъ и сказали:

— Неужто мы въ Рассейской землѣ?

Покачалъ этотъ человѣкъ головой, да и сказалъ:

— Нѣтъ, родимые: эта земля турскаго салтана.

— Да ты-то кто?—спросили солдатики.

— Я, говоритъ онъ, Степанъ Разинъ: слыхали, чай, о богомерзкихъ дѣлахъ моихъ...

Тѣхъ такъ и ошеломило.

— Вамъ диво это?—говоритъ онъ.

Тѣ ничего не говорятъ, только блѣднѣютъ, да пучатъ глаза на человѣка, что Разинымъ назвался.

— Вы не бойтесь,—говоритъ онъ.—Хотя я и настоящій Разинъ, но ужъ не тотъ, что въ мое время разбойничалъ на православной Руси и творилъ всякое беззаконіе въ угоду врагу рода человѣческаго, сатанѣ триклятому: теперь я совсѣмъ иной человѣкъ. Присядьте-ка и выслушайте меня, родимые, и послѣ повѣдайте міру, какъ тяжело и горько окаянному грѣшнику отвѣтъ давать за дѣла безбожныя.

И говоритъ это Разинъ тихо, плавно, смиренно, внятно, словно какой начетникъ по книгѣ иль-бо изъ книги. Солдатики отудобили, присѣли на скамеечкѣ супротивъ Разина. И онъ сталъ имъ говорить:

— Отъ начала міра и до сегодня, не было ни въ человѣкахъ—человѣка, ни въ звѣряхъ—звѣря, ни въ зміяхъ—змія, ни въ гадахъ—гада, подобнаго мнѣ, не было ни единой на свѣтѣ твари, коя-бы равнялась со мной по злобѣ и лютости: я всѣхъ превышилъ!.. Многое-множество пролилъ я крови христіанской; многое-множество загубилъ душъ неповинныхъ. Мало того: я Царю благовѣрному измѣнилъ, надъ вѣрой православной надругался, отъ Бога истиннаго отрекся, сатанѣ триклятому предался — и вотъ за то мучусь и страдаю

теперь. Вы, чай, знаете, что меня заживо предали анаѳемѣ, и потомъ, какъ поймали, казнили, тѣло мое на огнѣ сожгли, а прахъ развѣяли по вѣтру. Но этимъ дѣло не завершилось. Аки богоотступника, душегубца, измѣнника, еретика, душу свою и тѣло отдавша сатанѣ, меня ни въ рай не впустили, ни въ адъ не приняли; отъ меня и земля, и вода, и огонь, и воздухъ со вѣтрами буйными отказались. Тогда сила невидимая прахъ мой собрала и оживила, и вотъ въ сіи мѣста уединенныя поселила. Здѣсь я буду жить до втораго пришествія, до Суда Страшнаго; тогда судьба моя окончательно рѣшится, тогда и муку мнѣ положутъ настоящую, по дѣломъ моимъ, какую заслужилъ. Теперь же пока тирапятъ меня два змія ужасные. По Божьему велѣнью, въ мѣсяцъ разъ, они приползаютъ ко мнѣ и сосутъ кровь изъ меня, почти всю до капли высасываютъ. Одинъ запуститъ жало подъ мышку, а другой подъ другую, и такимъ родомъ точутъ кровь мою. Третьяго дня они у меня были, — вотъ и раны, посмотрите, не зажили еще; а черезъ двадцать семь-восемь денъ, какъ я поправлюсь, кровью-то соберусь, они опять приползутъ. И вотъ такимъ то родомъ мучусь я цѣлыхъ полтораста лѣтъ, не умираю и не умру, до Христова пришествія не умру: земля меня, душегубца и еретика, не принимаетъ... вотъ что!.. А всего горше для меня бываетъ въ тѣ дни, когда въ церквахъ анаѳему мнѣ провозглашаютъ. Вотъ что!..

„ — Питаюсь я глиной: есть, неподалеку отсюда, въ одной горѣ, такая глина, что похожа на муку, говоритъ Разинъ. Варю ее, эту глину, въ водѣ, и изъ того выходитъ какой-то кисель—что сейчасъ и вы ѣли. Сначала пища эта мнѣ не нравилась, какъ грузило ложилась въ животѣ, а потомъ мало-по-малу сталъ привыкать къ ней, и вотъ ужъ полтораста лѣтъ питаюсь—и ничего.

„ — Я видаю иногда, что по близости меня люди ходятъ, но ни меня, ни избушки моей не замѣчаютъ: невидимая сила, значитъ, закрываетъ. Вотъ вы первые увидали и зашли ко мнѣ: значитъ, невидимая сила надъ вами сжалилась, чтобы вы не умерли съ голоду. По утреннимъ и вечернимъ зарямъ

а слышу отсюда на солнечномъ восходѣ колокольный звонъ: значитъ, тамъ городъ христіанскій или село есть: въ землѣ турскаго салтана и христіане живутъ. Ступайте въ ту сторону.

И точно, заключилъ слѣпой, солдатики въ тотъ же день къ вечеру пришли въ селеніе, гдѣ жили греки, что турскому салтану подвластны. Онъ нихъ уже, чрезъ сколько-то времени, и вышли они на Русь святую.

— Вотъ, дѣтушки, какія чудеса бываютъ на вольномъ свѣтѣ, прибавилъ слѣпой. Вдругорядь я поразскажу вамъ еще кой о чемъ, чего вы не знаете, а теперь, не безсудьте, усталъ, отдохнуть пойду.

Съ этимъ словомъ Ефимъ Наумовъ всталъ съ мѣста и, ощупывая впереди себя дорогу посохомъ, направился къ обозу. Но не прошелъ слѣпой еще десяти шаговъ, не успѣли еще казачата сдѣлать ни одного замѣчанія на счетъ разсказа его, какъ изъ обоза раздался голосъ казака. Стоя на возу и махая руками, казакъ кричалъ:

— Ай! ай! Киргизы! Киргизы!... Лошадей нашихъ Киргизы гонятъ.

И всѣ рыболовы пришли въ смятеніе, засуетились и кинулись кто къ ружью, у кого было ружье, кто къ веслу, у кого ружья не было, кто схватилъ „чекушку“, кто топоръ; словомъ, заварилась каша, поднялась ужасная суматоха, или, какъ выражаются казаки, „ватарба“.

Но отчего случилась такая бѣда? Откуда взялись Киргизы, да еще среди бѣлаго дня, когда за Ураломъ разставлены казачьи пикеты? Въ томъ-то и сила, что казаковъ за Ураломъ въ тотъ день уже не было: они еще наканунѣ, съ вечера, оставили посты и пріютились подъ теплымъ крылушкомъ благовѣрныхъ сожительницъ... Пикетнымъ казакамъ слѣдовало пробыть на постахъ еще дня два, пока „войско“ ушло бы внизъ за Кулагинскую крѣпость; но они соскучились о блинахъ и лепешкахъ, да о молодыхъ женушкахъ, а главное,—понадѣялись на Яикушку, что вотъ-де онъ, батюшка, разольется, какъ кіянь-море, что тогда-де черезъ него не только поганому киргизишкѣ переплыть, но и птицѣ въ-чередъ пере-

летѣть; понадѣялись такъ-то на Никушку и, не дождавшись урочнаго времени, съѣхали съ постовъ безъ спроса и позволенія приказнаго, Ефремова, распоряжавшагося всѣмъ форпостомъ. Пріѣхавъ въ тихомолку на форпостъ, они разбрелись по домамъ и не показались приказному, зная, что онъ прогналъ бы ихъ опять за Уралъ или, по-крайней-мѣрѣ, разослалъ бы по обыкновеннымъ пикетамъ, такъ называемымъ „реданкамъ“ и „третямъ“, устроеннымъ на правомъ берегу Урала; а имъ хотѣлось попраздновать дома... Глядя на Красноярскихъ, то же самое сдѣлали и Харкинскіе казаки, занимавшіе пикеты ниже пикетовъ Красноярскихъ, т.-е. противу дачъ своего форпоста. Такимъ образомъ, цѣлыхъ два промежутка, отъ верхней межи Красноярскаго до нижней межи Харкинскаго форпоста, остались открытыми, т.-е. на этомъ протяженіи не осталось ни одного поста ни на правой (Внутренней или Самарской), ни на лѣвой (Зауральской или Бухарской) сторонѣ Урала. Уралъ же, мы видѣли, только поманилъ, только подумалъ взыграть да разлиться, но не взыгралъ и не разлился, а это Киргизамъ и на руку. Пользуясь кустарникомъ да перелѣсками, они подкрались къ берегу, переплыли, человѣкъ до 20-ти, рѣку повыше того мѣста, гдѣ располагались рыболовы-севрюжники, да и кинулись къ ихъ лошадямъ, съ цѣлью, разумѣется, угнать ихъ за Уралъ.

Но какъ ни ловки, какъ ни проворны Киргизы въ подобнаго рода продѣлкахъ, однакожъ предпріятіе это имъ не удалось; ухватки и увертки ихъ на этотъ разъ позамедлились оттого, что казачьи лошади паслись не всѣ вмѣстѣ, а бродили врознь, гдѣ двѣ, гдѣ три лошади, по „гривамъ“, раздѣленнымъ одна отъ другой водой. Для того, чтобы согнать лошадей въ одинъ „косякъ“ и потомъ удобнѣе, за одинъ пріемъ, переплавить ихъ за Уралъ, Киргизамъ нужно было въ иныхъ мѣстахъ безпрестанно переѣзжать съ „гривы“ на „гриву“ черезъ воду, а это не то, конечно, что скакать по чисту полю; въ иныхъ же мѣстахъ доводилось обскакивать кругомъ болѣе глубокіе заливы и лощины и, такимъ

образомъ, колесить на одномъ мѣстѣ въ ущербъ времени. Къ тому же большая часть казачьихъ лошадей была спутана, а съ спутанными лошадьми возиться не ловко и не легко. Все это замедлило дѣйствія Киргизовъ и дало рыболовамъ время оправиться, обсудить и сообразить степень опасности и съ толкомъ пуститься отстаивать свою собственность отъ непрошенныхъ гостей.

Часть казаковъ, человѣкъ до десяти, съ винтовками въ рукахъ, бросилась въ луга, гдѣ работали Киргизы около лошадей. Нѣсколько человѣкъ безъ ружей, съ одними шестами да чекушками, сѣли въ бударки и пустились, что было силымочи, плыть вверхъ по Уралу, къ тому мѣсту, гдѣ, по соображенію казаковъ, Киргизы должны были обратно переплывать рѣку. Тѣ же, которые остались на стану, преимущественно старики, начали на всякій случай огораживаться телѣгами — предосторожность необходимая; ибо вскорѣ послѣ того, какъ завязалась у казаковъ съ Киргизами драка на этой, то-есть на правой сторонѣ Урала, показалась на лѣвомъ берегу другая партія Киргизовъ, человѣкъ до сорока или больше; даже было пущено оттуда нѣсколько стрѣлъ въ казачій станъ, но стрѣлы не долетали и падали на серединѣ Урала.

Казаки, побѣжавшіе въ луга, увидали, что имъ „пѣшимъ боемъ“ не угоняться за конными Киргизами, и потому сочли за полезное разсыпаться по берегу и засѣсть въ кустахъ, съ цѣлью отрѣзать Киргизамъ путь къ отступленію, или, по крайней-мѣрѣ, встрѣтить и проводить ихъ огнемъ, когда они пойдутъ на утекъ, въ чемъ казаки не сомнѣвались; но маневръ этотъ не удался. Киргизы почуяли тревогу въ станѣ рыболововъ, и лишь только завидѣли казаковъ съ винтовками, тотчасъ же бросили казачьихъ лошадей, и давай, какъ говорится, Богъ ноги. Натурально, пѣшіе казаки не успѣли забѣжать впередъ и преградить дорогу коннымъ Киргизамъ. Послѣдніе хотя и проскакали подъ выстрѣлами казаковъ, но на столь далекомъ разстояніи, что выстрѣлы не сдѣлали бѣглецамъ никакого вреда, а только напугали ихъ вдосталь. Какъ

угорѣлые, Киргизы кинулись въ Уралъ и поплыли на Зауральскую или Бухарскую сторону, держась, какъ обыкновенно водится при подобнаго рода переправахъ, кто за гриву, кто за хвостъ лошади. Со страха Киргизы не оглядѣли мѣстность и попались въ просакъ. Противоположный берегъ, гдѣ имъ доводилось приставать, будто въ наказанье воришкамъ, оказался довольно-таки крутъ, а подъ самымъ яромъ было топко, или вязко, такъ что лошади ихъ, утопая и вязнувъ въ илѣ, не могли выпрыгнуть изъ воды. По необходимости Киргизы должны были спуститься по водѣ, т.-е. внизъ по теченію рѣки, до того мѣста, гдѣ берегъ былъ отлогій, песчаный, но, спускаясь внизъ, они какъ разъ наткнулись на казаковъ, плывшихъ въ бударкахъ. И тутъ-то вотъ пошла потѣха, потѣха славная, по замѣчанію казаковъ. „Индо", разсказывали старики, участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ, „индо Яикушка застоналъ, какъ пошли наши глушить нехристей, словно бѣлугъ". Въ самомъ дѣлѣ, будто осетровъ или бѣлугъ, казаки принялись тузить воришекъ шестами и чекушками Человѣкъ съ десять Киргизовъ пошло ко дну, остальные кое-какъ вскарабкались на берегъ и бросились подъ защиту своихъ сообщниковъ, остававшихся на Бухарской сторонѣ и прискакавшихъ къ мѣсту драки. Киргизы отбили казаковъ отъ Бухарскаго берега, выпустивъ въ нихъ десятка два стрѣлъ. Не имѣя ружей, казаки отплыли къ Самарскому берегу, взяли на бударки своихъ товарищей, у которыхъ были ружья, и снова перекинулись на Бухарскій берегъ; но Киргизы отступили и удалились въ степь.

Послѣ этого подвига, казаки собрали своихъ разсѣянныхъ по лугамъ лошадей, захватили часть киргизскихъ, выплывшихъ послѣ убіенія хозяевъ на Самарскій берегъ, и стали собираться въ путь-дорогу. Они рѣшили уѣхать по-добру поздорову съ этого мѣста и присоединиться къ „войску". Но, между тѣмъ, послали двоихъ гонцевъ въ Красноярскій форпостъ сказать, что-де неблагополучно на Яикѣ, что-де такъ и такъ: Киргизы обижаютъ. Вотъ появленіе этихъ-то гонцевъ на форпостѣ и встревожило Красноярцевъ и помѣшало, какъ

мы ужъ видѣли, Кузьмѣ Семенычу Ефремову угостить бузой Кузьму Безсуднаго и прочую „харабру-братью“, а Ивану Метлину читать наставленія куму Нефеду.

IV.

— Ахъ, мошенники! ахъ, варвары! Что надѣлали, каторжные! Подумать страшно! Шутка-ли! бросить пикеты — а! Что это такое? на что это похоже? — Ужъ не съ-ума-ли я спятилъ? Не во снѣ-ли мнѣ это мерещится? Охъ, Господи, ты мой Боже! За чьи грѣхи така бѣда на меня накачалась! А что теперича „войско“ скажетъ? Срамъ! срамъ! срамъ!... А все вы, подлецы, виноваты — издохнуть бы вамъ! Вы всему причиной, каторжные!

Такъ, бѣгая по форпосту, кричалъ Кузьма Семенычъ Ефремовъ на казаковъ, которые самовольно оставили пикеты за Ураломъ, — о чемъ сказано въ предъидущей главѣ.

Между тѣмъ, всѣ казаки, сколько ихъ было въ наличности, сѣдлали лошадей, вооружались и готовились въ погоню за Киргизами.

Правда, не для чего было бы пускаться за Уралъ. Киргизы, нарушивъ покой казаковъ, поплатились уже за то: мы знаемъ, что человѣкъ десять изъ нихъ отправились на дно рѣки. Кромѣ того, ни одну казачью лошадь Киргизы не угнали, а напротивъ, своихъ нѣсколько лошадей оставили въ добычу казакамъ; слѣдовательно, послѣднимъ не предстояло особенной нужды скакать за Уралъ и тѣмъ болѣе не нужно было по-пусту рыцарствовать, что Киргизы удалились въ степь. Довольно было разставить по-прежнему пикеты.

Такъ думали, и отчасти справедливо, нѣкоторые старики. Но приказный Ефремовъ думалъ иначе. Гордый своей репутаціей, онъ не хотѣлъ потерять ее, онъ не хотѣлъ запятнать себя ни однимъ недостойнымъ дѣломъ; пуще Богъ знаетъ чего онъ боялся, чтобы въ „войскѣ“ не сказали про него, что онъ „саныга“ (соня), что киргизы подъ носомъ, въ глазахъ у него,

врываются въ Самарскую сторону, что команда не слушаетъ его (послѣдняя мысль кидала его и въ жаръ, и въ ознобъ). Вотъ эта-то причина и побудила Ефремова пуститься въ погоню за Киргизами и, во что бы то ни стало, нагнать и хорошенько пощипать хищную птицу, какъ звалъ онъ киргизовъ.

— Мало съ насъ одного срама, что Киргизовъ проспали, прозѣвали,—говорилъ онъ:—видно еще надо, видно желательно вамъ, чтобы про насъ сказали, что мы трусы, Киргизовъ боимся.

Говоря это, Ефремовъ скрипѣлъ зубами и торопилъ казаковъ.

Скоро вкругъ него собралось человѣкъ до тридцати „храброй братьи", почти весь наличный комплектъ служащихъ казаковъ. Съ ними Ефремовъ махнулъ за Уралъ, оставивъ при будкѣ, т.-е. при караульномъ домѣ, на часахъ человѣкъ пять-шесть.

Въ торопяхъ Кузьма Семеновичъ забылъ послать гонцовъ или вѣстниковъ въ сосѣдственныя станицы—въ Калмыковскую крѣпость и въ Харкинскій форпостъ—извѣстить тамошнихъ казаковъ, дабы они, въ силу существующаго на Уралѣ обычая или постановленія, выѣзжали за Уралъ, на помощь Ефремову и его командѣ. Уже съ Бухарской стороны онъ прокричалъ оставшимся на Самарскомъ берегѣ казакамъ, чтобы они сами распорядились этимъ дѣломъ.

Выбравшись изъ луговъ на степь, Ефремовъ сдѣлалъ смотръ командѣ; на форпостѣ въ горячности онъ этого не успѣлъ сдѣлать. Оказалось, что всѣ казаки, кромѣ одного, были въ исправности, на хорошихъ скаковыхъ лошадяхъ. Только Нефедъ Ж... оказался неисправнымъ; лошадь подъ нимъ была нехороша, тяжела на бѣгу, просто-на-просто маштакъ, у котораго нѣтъ ни рыси, ни скачи, и который годенъ только для воза, но не для верховой ѣзды, особенно для такой, которая предстояла Ефремову съ командой. Нефеда забраковали и велѣли вернуться назадъ. Стыда ради, онъ началъ-было доказывать, что не отстанетъ отъ другихъ,

но его не слушали, да и слушать не слѣдовало: улика была на лицо.

— Ступай домой, тебѣ говорятъ!—сказалъ Ефремовъ Нефеду.—Рази не знаешь, что пѣшій конному не товарищъ. Ступай домой!

— Ахъ! кумъ, кумъ!—заговорилъ Иванъ Метлинъ, подъѣхавъ съ боку къ Нефеду и трепля его за плечо.—Не слушаешь добрыхъ людей, а слушаешь жены. Что чалаго не засѣдлалъ? Вѣдь, онъ у тебя, знаю, дома. Жена, что ли, не велѣла?—Гмъ... знаю, знаю, да никому не скажу. Вотъ кабы ты понялъ, да въ толкъ взялъ, что въ книгѣ блаженнаго Августина...

— Ну, не растабарывать!—сказалъ Ефремовъ и указалъ въ степь, а въ степи въ это время, довольно далеко отъ казаковъ, взвилось облако пыли.

— Молись, ребята!—сказалъ Ефремовъ, и, снявъ шапку, перекрестился. Команда сдѣлала тоже.

— Съ Богомъ!—сказалъ Ефремовъ.

И припавъ къ лукѣ, съ никами на перевѣсъ, понеслись казаки на облако пыли.

Пристыженный и сконфуженный, Нефедъ Ж... остался и поворотилъ пѣгаго маштачка къ Уралу.

Казаки скакали молча; кругомъ ихъ была глушь и тишь страшная,—только конскій топотъ отъ песчанаго грунта, по которому скакали казаки, какъ-то глухо отдавался въ ушахъ, но и тотъ оставался позади и замиралъ въ воздухѣ; да по-временамъ Кузьма Семенычъ тихо, чуть не шопотомъ, проговаривалъ: „сдержи!“, когда считалъ нужнымъ придержать лошадей, чтобы дать имъ перевести духъ, или: „припусти!“, когда находилъ возможнымъ прибавить бѣга.

Скачутъ казаки не версту, не двѣ,—а скачутъ казаки десять, скачутъ пятнадцать, двадцать верстъ. Вотъ облако пыли стало рѣдѣть, вотъ въ срединѣ его, какъ въ туманѣ, показалась черная точка; точка эта растетъ, увеличивается; изъ точки образуется большое пятно, огромная масса; вотъ наконецъ черная масса распадается на отдѣльныя дви-

жущіяся точки, каждая точка обозначается, обрисовывается ясно: это—киргизскіе наѣздники, бѣгущіе отъ казаковъ. Вотъ они, эти бѣглецы, близко, близко; вотъ какихъ нибудь полверсты осталось до нихъ, „Ну! пущай, чья возьметъ!“ сказалъ Ефремовъ. (Подъ словомъ чья разумѣлась лошадь). Дотолѣ казаки, сдерживая по приказу Ефремова лошадей, скакали всѣ вмѣстѣ, кучкой; но при послѣднихъ словахъ приказнаго, каждый казакъ, закричавъ и загайкавъ, далъ волю своей лошади; и тогда, въ нѣсколько секундъ, казаки развернулись и вытянулись въ одну линію, и тѣ изъ нихъ, у кого лошади были рѣзвѣе, стали настигать Киргизовъ и неслись, какъ говорится, на хвостахъ киргизскихъ лошадей.

Впереди всѣхъ скакали два казака, оба молодые ребята, въ первый разъ попавшіе на ратное дѣло. Подобрались казачата къ заднимъ Киргизамъ близко; вотъ, вотъ, сейчасъ, сію минуту, того гляди, ударятъ по спинѣ непріятеля, но со стороны послѣдняго есть отпоръ: два наѣздника, два храбрыхъ батыря, на легкихъ туркменскихъ аргамакахъ, словно гонные волки отъ собакъ, отгрызаются отъ казачатъ. Отдѣлясь отъ своей партіи, одинъ вправо, другой влѣво, эти наѣздники, время-отъ-времени, оборачиваются и съ боку, описывая дугу, быстро съ пронзительнымъ крикомъ и воплемъ, наскакиваютъ на казачатъ; бить не бьютъ, а длинными-предлинными пиками задаютъ казачатамъ не малую острастку. Казачата невольно придержатъ лошадей, укрѣпятся на стременахъ и обернутся лицомъ къ нападающимъ, чтобы не прозѣвать и смѣлѣе встрѣтить ихъ пиками; но киргизскіе смѣльчаки, подскакавъ къ казачатамъ на близкое разстояніе, круто и мгновенно поворачиваютъ назадъ и летятъ прочь.

Повидимому, въ этомъ манёврѣ ничего нѣтъ важнаго, но въ сущности онъ много приносилъ пользы бѣгущимъ Киргизамъ. При столкновеніи киргизскихъ наѣздниковъ съ казачатами, послѣдніе, по чувству самохраненія, хоть на нѣсколько секундъ, умѣрятъ, укоротятъ бѣгъ своихъ лошадей, иногда вовсе пріостановятся, чтобы безопаснѣе принять и ловче отвести непріятельскіе удары; а этимъ самымъ временемъ бѣгущая кир-

гизская партія, нѣсколькими лишними скачками, подвинется впередъ и выйдетъ изъ подъ казачьихъ пикъ.

Кузьма Семенычъ, скакавшій за казачатами, не спускалъ съ нихъ глазъ и время-отъ-времени ободрялъ ихъ своими кликами.

— Вправо, вправо забирайте, ребятушки! — кричалъ онъ казачатамъ, когда замѣчалъ, что они, какъ новички въ дѣлѣ ратномъ, поступали не такъ, какъ бы слѣдовало, и тѣмъ подвергали себя опасности быть сколотымъ.

«Забирать вправо», т.-е. держаться самому правой стороны, а преслѣдуемаго непріятеля оставлять въ лѣвой сторонѣ—значитъ выигрывать перевѣсъ надъ непріятелемъ по самой простой, физической причинѣ: справа влѣво ловко бить пикой, стоитъ только размахнуть рукой, а для этого достаточно одного момента. Слѣва же вправо бить пикой не только не ловко, но и совсѣмъ неудобно; для этого приведется изгибаться на лошади, но какъ ни изгибайся, ударъ не ловокъ, слѣдовательно и не вѣренъ будетъ; для этого приведется поворачивать самую лошадь, а непріятель ждать не будетъ: пока ты будешь поворачивать лошадь, а лошадь, слѣдуетъ замѣтить, и поворачивается вправо не такъ легко и скоро, какъ влѣво; пока ты поворачиваешь лошадь, непріятель, сдѣлавъ только полъ-оборотъ налѣво на сѣдлѣ, взмахомъ руки можетъ сколоть тебя.

Киргизы между тѣмъ употребляли всѣ возможныя уловки, чтобы ускакать отъ казаковъ. Многіе изъ нихъ, для облегченія лошадей, сбрасывали съ себя верхнюю одежду, выбрасывали изъ-подъ себя сѣдельныя подушки, наметы, а иные, отстегнувъ на всемъ скаку подпруги, скидывали и самыя сѣдла. Но ничто не помогало. Съ каждымъ моментомъ казаки подбирались къ Киргизамъ ближе и ближе.

Два киргизскіе наѣздника, о которыхъ сказано выше, видя, что къ безбородымъ казачатамъ подвигаются казаки бородатые, стали рѣже и рѣже наскакивать на нихъ, а наконецъ сами пошли на утёкъ.

Кузьма Семенычъ съ радостію сталъ замѣчать, что арга-

маки подъ киргизскими батырями, отъ безпрестанныхъ и быстрыхъ круженій, видимо утомлялись, а его доморощенный бурый конь чѣмъ дальше скакалъ, тѣмъ больше и больше прибавлялъ бѣгу. Немного погодя, Кузьма Семенычъ сверстался съ казачатами; еще немного погодя, онъ опередилъ ихъ и сталъ помышлять о томъ, за котораго изъ батырей приняться прежде.

Кузьма Семенычъ оглянулся вокругъ себя, ища на всякій случай опоры: на казачатъ, какъ на людей неопытныхъ, онъ много не надѣялся, а одному на двоихъ пускаться все-таки опасно. Явилась Кузьмѣ Семенычу и опора: рядомъ съ нимъ, почти стремя въ стремя, ухо въ ухо, скакалъ еще казакъ, Семенъ Азовсковъ, у котораго игреній конь также сталъ разминаться и скакать быстрѣе и быстрѣе.

— Теперь нашъ чередъ!—сказалъ Ефремовъ Азовскому.— Ты, Сема, бери себѣ голубаго, а я возьму краснаго.

Слова: голубаго и краснаго относились къ киргизскимъ наѣздникамъ, которые были одѣты—одинъ въ голубой чапанъ, а другой въ красный халатъ.

Азовсковъ, рослый и сильный, вмѣсто всякаго отвѣта, кивнулъ головой, поникъ на сѣдлѣ, припалъ почти къ самой гривѣ игреняго, какъ мѣхами потянулъ въ себя воздухъ, и потомъ, испуская его, словно изъ трубы, ринулся на голубаго всадника. Кузьма Семенычъ припустилъ на краснаго.

Загайкали, залюлюкали казаки вслѣдъ Ефремову и Азовскому. «Туту его! возьми его!» кричали иные казаки въ шутку, будучи увѣрены, что Ефремовъ и Азовсковъ, сейчасъ, сію минуту—благо, лошади бѣгутъ—что эти казаки сейчасъ какъ съ полки сдунутъ смѣлыхъ батырей; но не тутъ-то было: дѣло приняло оборотъ не совсѣмъ-то благопріятный. Батырь, въ голубомъ чапанѣ, улепетывая отъ Азовскова и безпрестанно оглядываясь назадъ, сметилъ, вѣроятно, что не уйдти ему отъ казака, и потому рѣшился на богатырскій отчаянный подвигъ: онъ круто повернулъ аргамака назадъ и со всѣмъ отчаяніемъ, испуская пронзительный гикъ, устремился на Азовскова.

— Ловокъ, бестія...—успѣлъ только подумать Азовсковъ, какъ батырь палетѣлъ на него, и, обливаясь кровью, казакъ опрокинулся назадъ... Отчего это такъ случилось? А вотъ отчего.

У Киргизовъ вообще пики длинныя, длиннѣе казачьихъ вполтора, если не больше. При нападеніи, Киргизъ держитъ пику за самый почти конецъ, упирая его подъ мышку или, по крайней мѣрѣ, прижимая его подъ мышкой и напрягая притомъ всю силу, чтобы по возможности соблюсти равновѣсіе и удержать другой, острый, конецъ, т.-е. лезвее пики, въ горизонтальномъ положеніи. Эту манеру или этотъ пріемъ держанія пики Киргизы основываютъ на томъ, что дальше можно достать непріятеля. Конечно, это нелѣпость, и пусть Киргизы остаются при этой нелѣпости, намъ же, Русскимъ, лучше; это нелѣпо потому, что пика, когда ее такимъ образомъ держатъ, какой бы силачъ ею ни владѣлъ, все-таки гнется и жиблется, и острый конецъ ея, отъ давленія воздуха, все-таки клонится долу и ставитъ Киргиза въ неловкое положеніе.

У казаковъ, напротивъ, пики короткія, и казаки держутъ пики не за конецъ, какъ толковые и предусмотрительные Киргизы, а поперекъ или, какъ говорится, на перевѣсъ. У казака, когда онъ идетъ въ атаку или когда бросается одинъ-на-одинъ на непріятеля, положимъ на Киргиза,—у казака въ это время лезвее пики впередъ отъ лошадиной головы высовывается только на полъ-аршина или немного больше, потому во-первыхъ, что пика у казака, какъ сказано, короче, а во-вторыхъ потому, что казакъ относитъ руку немного назадъ, чтобы при ударѣ былъ размахъ; но не смотря на то, это лезвее скорѣе и вѣрнѣе достигаетъ цѣли.

При столкновеніи съ Киргизомъ, казакъ ударяетъ сверху внизъ концомъ своей пики по концу киргизской пики, и послѣдняя, безъ того къ низу клонящаяся, отъ удара мгновенно ныряетъ и утыкается въ землю. Тогда казаку остается только подставить свою пику и Киргизъ грудью или животомъ самъ налетитъ на нее. Разумѣется, все это дѣлается

далеко скорѣе, нежели мы разсказываемъ; все это совершается въ одно мгновеніе, не больше.

При столкновеніи же съ такимъ непріятелемъ, у котораго пика не длиннѣе казацкой, или который держитъ пику не по-киргизски, то-есть, не за самый тупой конецъ, а на перевѣсъ — казакъ отводитъ непріятельскій ударъ, то-есть, непріятельскую пику инымъ манеромъ: онъ ударяетъ по ней не сверху внизъ, а уже снизу вверхъ, такъ, чтобы непріятельская пика взвивалась вверхъ и проносилась мимо казака, или черезъ голову или черезъ плечо. Но эта уловка, эта сноровка, слѣдуетъ замѣтить, трудновата: тутъ нужна ловкость, ловкость да и ловкость, а главное—безстрашіе, безстрашіе, да и безстрашіе! Вотъ и Семенъ Азовсковъ, мы видѣли, попался въ просакъ, а онъ куда былъ ловокъ и безстрашенъ; онъ такъ искусно владѣлъ пикой, какъ только можно владѣть ею ловкому и безстрашному казаку.

Киргизъ, устремившійся на него, нечаянно ли, безъ сознанія, или сознательно, съ обдуманною цѣлью — неизвѣстно, держалъ пику на перевѣсъ; казакъ замѣтилъ это уже тогда, когда врагъ висѣлъ, что называется, у него на носу, оттого-то онъ и не успѣлъ изловчиться и отвести, какъ слѣдуетъ, киргизскую пику. Правда, онъ ударить — ударилъ по ней снизу вверхъ, но не ловко; правда, пика Киргиза взвиться — взвилась вверхъ, но не высоко, а въ самую, какъ выражаются казаки, «припорцію»: киргизская пика ударила Азовскову въ лобъ, надъ лѣвою бровью.

Азовсковъ опрокинулся назадъ, но удержался, съ лошади не упалъ. Хотя пику свою онъ уронилъ, поводья изъ рукъ выпустилъ, но зато обѣими руками ухватился за киргизскую пику.

Повернулись они съ Киргизомъ на мѣстѣ разъ-два: киргизская пика изломалась.

Сцѣпились они съ Киргизомъ, какъ Ермакъ съ Махметъ-Куломъ, крутились, крутились и не одинъ, а оба на-земь свалились.

Тутъ, какъ орлы, налетѣли казаки и приkололи голубаго.

А что красный? Красный бросился-было на помощь къ голубому, когда тотъ катался съ Азовсковымъ по землѣ, но Ефремовъ не допустилъ: онъ пронизалъ его пикой и успѣлъ еще подскакать къ голубому и, за компанію съ другими, кольнуть разъ-другой и этого.

Пріостановились казаки, подосадовали, поскрипѣли зубами на Киргизовъ, перевязали Азовскову рану платкомъ (рана сначала казалась не опасной, но впослѣдствіи была смертельной), дали немного вздохнуть и оправиться раненому, поймали лошадь его, и снова поскакали за Киргизами, а Киргизы, между тѣмъ, умчались далеко.

Была пора казакамъ остановиться; они, вопреки войсковымъ поставленіямъ, слишкомъ уже далеко увлеклись, но казаки не думали останавливаться и возвращаться домой, не пощипавъ хорошенько ордынцевъ. Казаки надѣялись, что къ нимъ можетъ подоспѣть которая нибудь изъ командъ, Харкинская или Калмыковская, извѣщенныя гонцами, ибо, мы слышали, Кузьма Семенычъ, отправляясь въ погоню за Киргизами, велѣлъ послать вѣстниковъ и въ Харкинскій форпостъ, и въ Калмыковскую крѣпость. Кромѣ того, казаки озлобились на Киргизовъ, что они одного изъ нихъ, что ни лучшаго молодца, ранили, а ужь одно это обстоятельство могло разгорячить воображеніе и отуманить всякое мышленіе у казаковъ: они рѣшили гнать за Киргизами, на сколько хватитъ силы въ лошадяхъ.

Между тѣмъ, Киргизы раздѣлились на двѣ партіи: одна партія, человѣкъ изъ 20-ти, направилась на юго-востокъ, а другая, человѣкъ изъ 30-ти, на сѣверо-востокъ. Цѣль у Киргизовъ была — разъединить силы казаковъ, но казаки обману не поддались: они всей командой пустились за одной, пошедшей на сѣверо-востокъ, партіей.

Снова гонятъ казаки Киргизовъ, и начинаютъ нагонять. „Вотъ скоро, думаютъ казаки, будетъ опять работа“. Но Киргизы вдругъ спустились въ лощину и скрылись изъ глазъ казаковъ.

Казаки подскакиваютъ къ лощинѣ, гдѣ скрылись Кир-

гизы, и видятъ чудеса: вся лощина занята огромнымъ лагеремъ и усѣяна Киргизами. „Чтобы не солгать, говорили старики, участвовавшіе въ этой погонѣ, ихъ, то-ись, бусурмановъ, было видимо-не-видимо, большое собранье, человѣкъ ста четыре, иль-бо и больше, да все со значками: что ни кучка, то на пикѣ значки“.

„Плохо“, подумали казаки.

— Слѣзай, ребята! – закричалъ Кузьма Семенычъ.

И въ одно мгновеніе казаки попадали съ лошадей. Назадъ скакать и думать нельзя было, это бы значило гибнуть навѣрное. У казаковъ, проскакавшихъ до 50-ти верстъ, разумѣется, не все въ скачь, а гдѣ рысью, гдѣ и грунью, —у казаковъ, проскакавшихъ такое разстояніе, лошади были сильно истомлены, а у Киргизовъ, отдыхавшихъ на мѣстѣ, лошади были съ свѣжими силами. Слѣдовательно, ускакать казакамъ отъ Киргизовъ не было никакой возможности, и Киргизы, пустившись всей массой за казаками, могли всѣхъ ихъ поодиночкѣ переколоть пиками. Казаки чуяли эту невыгоду и потому спѣшились, сомкнули лошадей въ кучку и переплели ихъ поводьями, чтобы онѣ, при натискѣ Киргизовъ, не разбились и не разбѣжались, а сами прижались со всѣхъ сторонъ къ лошадямъ и взялись за винтовки.

Попались, добрые молодцы, въ осаду.

Какъ море заволновалось киргизское скопище, какъ волны нахлынули ордынцы со всѣхъ сторонъ на казаковъ, и какъ волны же, столкнувшись со скалой, отхлынули назадъ.

Казаки, прижавшись къ лошадямъ и припавъ на колѣни, встрѣтили Киргизовъ выстрѣлами, но не залпомъ (къ этому они пріучены не были), а въ перемежку, или, какъ говорится, черезъ ружье (этому ихъ опытъ и практика научили), и человѣкъ десять киргизскихъ наѣздниковъ свалилось съ лошадей. Этого весьма достаточно было для того, чтобы охладить жаръ нападающихъ. Киргизы, какъ и всѣ вообще азіятцы, только съ перваго раза, такъ сказать, съ-горяча, нападаютъ храбро и стремительно, но если первая попытка не увѣнчается успѣхомъ, особенно, если они замѣтятъ на комъ-либо

изъ своихъ кровь, а ужъ объ убитыхъ говорить нечего, — храбрость ихъ колеблется, слабѣетъ и пропадаетъ: тогда самими ими овладѣваетъ страхъ и ужасъ.

Такъ было и теперь при нападеніи на горсть красноярскихъ казаковъ. Спачала, поднявъ страшный неумолкаемый крикъ и гикъ, ордынцы, по выраженію казаковъ, такъ зажгли, т.-е. такъ горячо и стремительно атаковали Русскихъ, что у иныхъ казаковъ, надо правду сказать, волосъ сталъ дыбомъ; Осинька Вертячкинъ, читавшій про себя, чтобы другіе не слыхали, псаломъ: „Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго...“ забылся и провозгласилъ во всеуслышаніе, на горе себѣ и на потѣху другимъ; ибо казаки не упустили и тутъ предлога пошутить, поскалозубить надъ Осинькой, замѣчая, что онъ дьячекъ славный, хоть куда; а это Осипу Иванычу крѣпко не нравилось.

Но когда казаки, благодаря своей находчивости и опытности, благодаря хладнокровію и сознанію своего достоинства, выдержали натискъ ордынцевъ, когда, сверхъ этого, нѣсколько человѣкъ ордынцевъ попадало съ лошадей, кто убитый, кто раненый, тогда Киргизы отхлынули назадъ и, какъ обваренные кипяткомъ, остановились. Значитъ, спѣсь съ нихъ была сбита.

Немного погодя, Киргизы опять закричали, опять загайкали неистовымъ голосомъ и въ другой разъ пытались-было всей массой атаковать Русскихъ, но только пытались, а не пускались. Правда, являлись смѣльчаки, напускались на казаковъ, взывали къ своимъ, чтобы тѣ слѣдовали за ними, но масса только шумѣла, неистово кричала, да кружилась около казаковъ, а въ атаку не шла.

Казаки вздохнули свободнѣе, ободрились, „отудобили“ казаки. Припадая на ражки, они не торопясь стали отстрѣливаться, выбирая цѣлью тѣхъ ордынцевъ, которые казались имъ вожаками, предводителями.

Казакамъ посчастливилось убить нѣсколько человѣкъ изъ среды послѣднихъ, т.-е. изъ среды предводителей, и между прочими одного, что ни самаго батыря, который, какъ злая

и неотвязчивая оса, надоѣдалъ казакамъ. Этотъ батырь, подъ защитой панцыря, прикрытаго халатомъ, безпрестанно лѣзъ въ глаза казакамъ, помахивая длинной пикой. Казаки нѣсколько разъ стрѣляли по немъ, но не убивали, хотя и попадали. Дивились казаки этому чуду. Наконецъ одинъ изъ нихъ, отличный стрѣлокъ, Трифонъ Махалинъ, разгадалъ причину неуязвимости батыря, изловчился, выстрѣлилъ и попалъ батырю въ лобъ; батырь не дохнулъ.

Послѣ этого Киргизы присмирѣли, нападенія прекратили и отступили, какъ говорится, на благородную дистанцію. Но, не легче того, они окружили казаковъ густой стѣной, преградили имъ дорогу и отняли у нихъ всякую возможность къ отступленію, а потомъ стали безпокоить казаковъ стрѣльбой изъ луковъ и ружей: у иныхъ изъ Киргизовъ были и ружья, хоть сами собой плохія, съ фитилемъ, но все-таки ружья.

Правда, казаки не боялись, собственно за себя, ни стрѣлъ, ни пуль киргизскихъ: и стрѣлы и пули киргизскія, за дальностью разстоянія (Киргизы держались далеко, чтобы самимъ быть внѣ казачьихъ выстрѣловъ) не могли быть ни вѣрны при полетѣ, ни смертельны при ударѣ. Стрѣлы рѣдко долетали, но и долетая, падали въ казачій кружокъ съ навѣсу, тихо. Казакамъ видно было, какъ спускались на нихъ стрѣлы, слѣдовательно казаки легко успѣвали отъ нихъ увертываться— и увертывались. Только одинъ Осинька Вертячкинъ какъ-то сплоховалъ, и то оттого, что былъ нѣсколько косоватъ, и стрѣла ранила его въ плечо, но легко и не опасно. Пули киргизскія не опаснѣе были стрѣлъ. Кромѣ того, что Киргизы стрѣляли издалека, выстрѣлы ихъ не могли равняться съ выстрѣлами казачьими еще потому, что и ружья ихъ, противу казачьихъ, были плохія, и заряды скудные — порохомъ Киргизы бѣдны—и пули не такія, какъ казачьи: киргизская пуля—не иное что, какъ округленный камушекъ или галька, облитая свинцомъ или даже не облитая, а просто-на-просто обвернутая листочкомъ изъ свинца. Натурально, такія пули не могли быть ни вѣрны при полетѣ, ни смер-

тельны при ударѣ. Изъ всѣхъ одна только пуля, поувѣсистѣе другихъ, попала Ивану Метлину въ бокъ, такъ что казакъ свалился съ ногъ, но дѣло кончилось одной контузіей. Если и былъ вредъ отъ киргизскихъ пуль и стрѣлъ, особенно отъ стрѣлъ, такъ это былъ вредъ иного рода: пули и стрѣлы попадали иногда въ казачьихъ лошадей, и лошади, служившія нѣкотораго рода защитой или, такъ сказать, оплотомъ казакамъ, бѣсились, рвались и грозили выйти изъ послушанія, разстроить и смять самихъ казаковъ.

Положеніе казаковъ было незавидное; выйдти имъ изъ этого положенія не легко было безъ помощи командъ сосѣдственныхъ станицъ: Харкинской и Калмыковской. Но команды эти не являлись на выручку, хотя и давно настала пора имъ явиться. Атакованные Красноярцы часовъ пять-шесть толкутся на одномъ мѣстѣ, вотъ уже вечеръ насталъ, скоро солнышко зайдетъ, а помощи все-таки нѣтъ.

Ждали, ждали Красноярцы подмоги, но не дождались, смотрѣли, смотрѣли въ ту сторону, откуда сами скакали, и откуда ждали помощи, но ничего, кромѣ неба да земли, не видали, наконецъ перестали ждать, перестали и смотрѣть. Нечего было попусту тратить время, уже солнце закатилось. Такъ ли, сякъ ли, нужно было спасаться, пока не совсѣмъ еще стемнѣло: ночью опасность могла увеличиться. Рѣшились они тѣсной толпой, какъ стояли, подвигаться къ Уралу, идя шагъ за шагомъ, время отъ времени отстрѣливаясь отъ непріятеля и ведя за собой лошадей, большею частію скошеванныхъ, т.-е. связанныхъ по шеямъ поводьями. По мѣрѣ того, какъ казаки подвигались, Киргизы отступали передъ ними, а наконецъ разступились и открыли казакамъ дорогу, слѣдуя однакожъ по ихъ пятамъ и по сторонамъ, какъ будто тѣлохранители какіе. Киргизы, разступившись передъ казаками, вѣроятно надѣялись, что казаки, увидавъ открытое поле, сядутъ на лошадей и поскачутъ. Сдѣлай это казаки, т.-е. сядь только на лошадей, пропали бъ казаки; но казаки, наученные опытомъ, обману не поддались.

Прошла или нѣтъ такимъ образомъ пасака съ версту, какъ со стороны Урала показался всадникъ.

— Наши, наши!—закричало нѣсколько голосовъ, когда верховикъ приблизился на такое разстояніе, что можно было узнать въ немъ казака.

Краснозарцы запрыгали отъ радости и громко, громко прокричали: „ура!“ такъ что озадачили Киргизовъ; тѣ даже остановились, думая, что казаки рѣшились идти на нихъ въ атаку.

— Постойте, постойте, братцы, радоваться.—сказалъ не веселымъ тономъ Ефремовъ, пристально глядя на приближавшагося всадника.—Всмотритесь-ка хорошенько, кто это?

Казаки устремили глаза на всадника и ахнули отъ удивленія. Казакъ, котораго они приняли за передоваго вспомогательныхъ командъ, былъ, кто бы вы думали?—Нефедъ Ж...

Какимъ образомъ, или какимъ чудомъ онъ, этотъ несчастный Нефедъ, явился тутъ, когда товарищи оставили его близъ Урала, въ виду форпоста, и велѣли ему вернуться домой? Это осталось отчасти тайной. Впрочемъ казаки тайну эту весьма легко разгадали. И догадка или разгадка казаковъ въ этомъ случаѣ достойна всякаго вѣроятія. Нефедъ—иной причины не могло быть—Нефедъ не вернулся на форпостъ, а рѣшился тащиться по слѣдамъ товарищей по весьма простой и натуральной причинѣ: ему, извольте знать, какъ забракованному, стало быть (по казачьей логикѣ) ледащему казаку, стыдно было глаза показать домой; вѣдь ему не дали бы впослѣдствіи прохода, засмѣяли бы товарищи, вѣдь на него стали бы пальцами указывать; вѣдь ему, чего добраго, дали бы кличку, напримѣръ: „бракованный“ или въ родѣ того, а эта кличка осталась бы за нимъ на всю жизнь; мало того, эта кличка могла бы перейти и на дѣтей его, словомъ, на все потомство, до седьмаго колѣна или дальше; все это въ характерѣ казаковъ: не любятъ они давать пощады ничему и никому. Зная это, могъ ли несчастный Нефедъ не бояться стыда и поношенья.

— Ну! конченъ балъ!—сказалъ кто-то изъ казаковъ, и не безъ причины.

Въ ту самую минуту человѣкъ пятнадцать Киргизовъ отдѣлились отъ толпы и понеслись отъ толпы на-встрѣчу Нефеду. Нефедъ бросился-было въ сторону, но напрасно. Лошадь подъ нимъ едва-едва переваливалась или, по выраженію казаковъ, только, только-что ковыляла. Бѣдняжка спрыгнулъ съ лошади, палъ на колѣни, выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ Киргизовъ, но другіе мгновенно окружили его и плѣнили.

Все это свершилось такъ быстро, что казаки не могли опомниться. Впрочемъ, казаки ничего не могли сдѣлать въ пользу Нефеда; выручить его они никоимъ образомъ не могли: для того казакамъ слѣдовало бы сѣсть на лошадей и скакать къ Нефеду, но сѣсть на лошадей, значило бы самимъ всѣмъ гибнуть.

Связали Киргизы Нефеду руки назадъ, посадили его на его же лошадь и повлекли къ своему сборищу. Бѣдный Нефедъ видѣлъ своихъ, кивалъ имъ головой, кричалъ что-то, но за шумомъ и крикомъ казаки не слыхали его словъ. Замѣтно, что онъ прощался съ ними.

— Прощай, прощай, товарищъ! — кричали казаки Нефеду.

— Прощай, прощай, любезный кумъ! — кричалъ, въ числѣ другихъ, и Иванъ Метлинъ.—Теперь, чай, вспомнилъ меня, да поздно,—добавилъ онъ тономъ иронiи, хотя и напрасно, потому что Нефедъ не могъ слышать его словъ. Говорилъ я тебѣ, что въ книгѣ блаженнаго Августина...

— Перестань, Иванъ!—сказалъ Ефремовъ тономъ увѣщанія и укора, схвативъ Метлина за руку.—Какъ тебѣ не грѣхъ насмѣхаться надъ человѣкомъ въ безвременьи!

— Ахъ, Кузьма Семенычъ!—возразилъ Метлинъ плачевнымъ голосомъ. — Радъ бы молчать, да сердце не терпитъ. Вѣдь онъ, Нефедъ-то, кумъ мой, и жаль мнѣ его, и досада-то беретъ: вѣдь изъ-за жены и пропадаетъ...

— Молчи! не время объ этомъ толковать, — сказалъ сурово и повелительно Ефремовъ.

Метлинъ замолчалъ.

Между тѣмъ Киргизы, плѣнившіе Нефеда, подъѣхали къ

своимъ и смѣшались съ толпой. Нефедъ пропалъ и его никто уже больше не видалъ, по-крайней-мѣрѣ живаго.

Вскорѣ все киргизское собранье столпилось въ одну кучу, потомъ раздѣлилось на нѣсколько отрядовъ и отхлынуло отъ казаковъ въ разныя стороны. Казаки дивились и радовались такому обороту дѣла. Впослѣдствіи, по показанію мирныхъ Киргизовъ, объяснилось, что Нефедъ назвался передовымъ командъ другихъ казачьихъ станицъ и объявилъ Киргизамъ, что команды тѣ сейчасъ, сію минуту должны прискакать съ Урала на выручку своихъ товарищей. Киргизы, не могшіе справиться съ одной командой, натурально, боялись встрѣтиться еще съ нѣсколькими и удалились въ степь, держась разныхъ направленій.

А гдѣ вспомогательныя команды Харкинская и Калмыковская? — Дома. Онѣ и не думали ѣхать на выручку Красноярской. Почему? Да потому, что и въ Харкиномъ и въ Калмыковой узнали про погоню Красноярскихъ казаковъ слишкомъ поздно, уже ночью, когда Красноярцы возвращались на Уралъ.

Казакъ, молодой парень, поскакавшій гонцомъ въ Харкинскій форпостъ, подъ самымъ почти этимъ форпостомъ, въ лугахъ, между кустарникомъ тальника, неожиданно столкнулся съ Киргизами. Въ тотъ день, пользуясь случаемъ, что не было нигдѣ пикетовъ, Киргизы разъѣзжали по лугамъ въ дачахъ Харкинскаго форпоста и высматривали добычи. Семеро Киргизовъ, нечаянно, изъ-за кустовъ, вдругъ бросились на казака съ пиками. Погибъ бы казакъ, если бы только на мгновеніе остановился и вздумалъ защищаться. Одному противъ семерыхъ возможно ли устоять! Казакъ спрыгнулъ съ коня и бросился въ кусты; Киргизы бросились за нимъ и успѣли ранить его пикой, но не смертельно. Спасаясь, казакъ кинулся въ воду, въ разливы, и запрятался въ трущобы тальника и куги, залитыхъ водой. Забившись въ воду по самую шею, казакъ просидѣлъ тутъ весь день. Уже ночью, истекая кровью, онъ выплелся изъ трущобы и съ величай-

шимъ трудомъ дотащился до Харкинскаго форпоста, когда уже дѣло въ степи было кончено.

Въ Калмыковскую крѣпость поѣхалъ старикъ Михайло Бакировъ, и не по наряду: какъ старикъ, онъ уволенъ былъ отъ всякой службы, а по собственной охотѣ: ему нужно было и безъ того тамъ быть. Сватъ его, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, женилъ сына, и въ тотъ день дѣлалъ заключительный пиръ для однихъ близкихъ родственниковъ. Вотъ къ этому-то родственнику Михайло Михайлычъ и собрался ѣхать въ гости.

— Зачѣмъ посылать нарочнаго: васъ и безъ того мало,— говорилъ онъ казакамъ, хлопотавшимъ о томъ, кого бы послать другимъ гонцомъ. — Кстати, я ѣду въ Калмыковъ по случаю; ну, и ваше дѣло справлю—будьте благонадежны.

И поѣхалъ Михайло Михайлычъ въ Калмыковъ и пріѣхалъ туда благополучно. Но дѣла казачьяго, какъ обѣщалъ, не справилъ—вотъ бѣда! Во всю дорогу онъ думалъ больше объ ожидавшемъ его пирѣ, чѣмъ о казачьемъ дѣлѣ; а пріѣхавъ въ Калмыковскую крѣпость, онъ прямо съ коня попалъ въ объятія свата и всей честной компаніи (сватъ жилъ на самомъ краю крѣпости, какъ въѣзжать въ нее изъ Красноярскаго форпоста). Тутъ пошли обниманья, да поздравленья, начались тары-бары, да растабары, то о томъ, то о другомъ, а потомъ, по обычаю предковъ, и чарочка загуляла. Такъ не мудрено, что безпечный старикъ совсѣмъ забылъ о казачьемъ дѣлѣ. Вспомнилъ о немъ уже тогда, когда на пиръ пришелъ Калмыковскій есаулъ, а есаулъ пришелъ въ компанію уже вечеромъ, когда зажгли огни. Слѣдовательно и Калмыковской командѣ поздно было скакать за Уралъ. Притомъ еще Михайло Михайлычъ, сообщая эту новость Калмыковскому есаулу, прехладнокровно прибавилъ:

— Пустяшно дѣло, есаулъ! наши только сгоряча погнали, на вѣй вѣтеръ, что называется, и теперича, чай, ужь дома.

— Ну, коли пустяшно дѣло, такъ нечего и толковать, — сказалъ есаулъ. — Значитъ, можно погулять?

ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ
А. С. ПУШКИНА

— Можно!.. — сказалъ Михайло Михайлычъ, и со всей беззаботностью махнулъ рукой.

Красноярцы возвратились на Уралъ, но долго, долго помнили этотъ славный и несчастный день.

Славенъ этотъ день для казаковъ былъ тѣмъ, что горсть казаковъ, меньше чѣмъ 30 человѣкъ, выдержала нападеніе огромнаго скопища ордынцевъ и съ честію возвратилась на Уралъ. Несчастенъ этотъ день былъ тѣмъ, что два казака погибли: Семенъ Азовсковъ *), раненый киргизскимъ наѣздникомъ пикой въ лобъ, на третій день умеръ, а бѣдняжка Нефедъ Ж... остался въ рукахъ Киргизовъ, и погибъ.

Спустя два мѣсяца, въ самую сѣнокосную пору, пришелъ въ домъ Нефеда Киргизъ изъ числа мирныхъ и съ подобающею таинственностію, свойственною ордынцамъ, объявилъ плачущей Нефедовой женѣ, что мужъ ея лежитъ въ степи тамъ-то. Тотчасъ послали туда команду, и привезли на форпостъ полуистлѣвшій трупъ несчастнаго Нефеда.

Плѣнивъ Нефеда, Киргизы отдали его въ полное распоряженіе брату того самаго Киргиза, котораго Нефедъ, при столкновеніи, ранилъ изъ ружья. Пока раненый Киргизъ былъ живъ—живъ былъ и Нефедъ, но когда Киргизъ умеръ, тогда братъ умершаго зарѣзалъ Нефеда и тѣло его бросилъ въ степи на съѣденье волкамъ. Но Бочка—имя Киргиза, который указалъ, гдѣ лежалъ трупъ бѣднаго казака—наблюдалъ за этимъ трупомъ и берегъ его по возможности отъ совершеннаго истребленія. Не думайте, однакожь, не воображайте, что Бочка дѣлалъ это изъ какихъ-либо человѣколюбивыхъ побужденій. Совсѣмъ нѣтъ. Побужденіе въ этомъ дѣлѣ у Киргиза было одно — корысть. Онъ зналъ, что за указаніе, гдѣ лежало тѣло казака, онъ получитъ — и получилъ, разумѣется,—с ю ю н ч и, т.-е. вознагражденіе.

Москва. 1859 г.

---

*) Житель Калмыковской крѣпости. Въ тотъ годъ онъ былъ въ стойкѣ въ Красноярскомъ форпостѣ, т.-е. состоялъ въ линейной Красноярской командѣ.

II.

САЙГАЧНИКИ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сайгачникъ на языкѣ уральцевъ значитъ охотникъ за сайгаками *). На Уралѣ только недавно стали называть охотника за какою-либо дичью „охотникомъ“; въ старину же охотникъ назывался гулебщикомъ, конечно, отъ слова— гульба. Нынче слово „гулебщикъ“ употребляется между казаками весьма рѣдко, и то бо́льшею частью въ видѣ ироніи, остроты, насмѣшки или надъ охотникомъ, которому „не задалась“ охота, или надъ охотникомъ завсегда плохимъ. Но въ этомъ случаѣ, то-есть, когда казакъ вздумаетъ „подтрунить“, „посквалыжничать“ надъ охотникомъ,—къ слову „гулебщикъ“ онъ непремѣнно прибавитъ слово или имя Исай; безъ этого и острота будетъ не въ остроту.

— Ну, что̀, „Исай-гулебщикъ“, много-ли набилъ? (подразумѣвается дичи). Чай, вся умирать разлетѣлась, да разбѣжалась.

Вотъ замѣчаніе остряка или образчикъ казачьей остроты. Отвѣтъ бываетъ всякій, смотря по тому, кто надъ кѣмъ сострит. Иной разъ, какъ случается вездѣ и во всемъ, „гулебщикъ“, не имѣвшій удачи на охотѣ, находитъ ее въ

*) Родъ дикихъ козъ, водящихся въ Киргизской степи и около Урала. О нихъ я разскажу подробнѣе ниже, въ своемъ мѣстѣ.

спорѣ, и если не наповалъ, то, по-крайней-мѣрѣ, до полусмерти забиваетъ остротами своего противника и торжествуетъ, а острякъ остается съ-носомъ.

Съ чего взялась поговорка или, правильнѣе, насмѣшка: „Исай-гулебщикъ“ — неизвѣстно. Я разспрашивалъ многихъ стариковъ-казаковъ объ этомъ, но и старики ничего положительнаго не сказывали; говорили и такъ, и сякъ, а бóльшею частью отзывались однимъ: „И мы съ молоду поговорку эту слыхали только отъ стариковъ, а причинъ не вѣдаемъ“. Во всякомъ случаѣ полагать надо, что какой-нибудь старинный „гулебщикъ“, по имени Исай, не слишкомъ-то ловко отличился на охотѣ. Есть пословица: „мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову“. Могло статься, пословица эта какимъ нина-есть образомъ сбылась въ старину надъ бѣднымъ Исаемъ-гулебщикомъ. Въ этомъ предположеніи убѣждаетъ меня одинъ анекдотъ — истинный ли, вымышленный ли, Богъ-вѣсть — но только довольно не плохой, приправленный солью и направленный противъ несчастныхъ, достойныхъ состраданія и жалости мужей, которыми „командуютъ“ жены или которыхъ, по выраженію казаковъ, жены водятъ за́-носъ, какъ киргизки водятъ верблюжатъ за „бурундукъ“ *). Вотъ этотъ анекдотъ.

Пожилому казаку, бывшему долгое время вдовцомъ и только-что женившемуся на молодой, но, къ несчастью, черезъчуръ капризной женщинѣ, довелось не малое время жить на „передовыхъ постахъ“, за рѣкой Ураломъ, недалеко отъ линіи. Новобрачный соскучился о молодой женѣ, а самому ѣздить въ домъ было нельзя. Вотъ онъ и сталъ звать ее къ себѣ на пикетъ, хоть на короткое время, раздѣлить съ нимъ грустное одиночество. Женѣ не хотѣлось исполнить желаніе стараго мужа, за котораго и за́мужъ-то она вышла собственно для того только, чтобы, какъ говорится, прикрыть голову волосникомъ (кокошникъ). Не хотѣлось, говорю, казачкѣ ѣхать къ мужу, а отказаться было неловко: и совѣстно, и боязно. Совѣстно добрыхъ людей, потому-что жены нѣкоторыхъ каза-

*) Поводъ, прикрѣпленный къ ноздревому хрящу верблюда.

ковъ, товарищей ея мужа, навѣщаютъ же своихъ мужей и живутъ съ ними на пикетахъ, какъ дома; слѣдовательно, за отказъ съ ея стороны ее осудили бы люди, а она не хотѣла, безъ особой крайности, подвергать себя людскому суду. Боязно... чего? ну, разумѣется, чего — нагайки. Вѣдь рано ли, поздно ли, муженёкъ припомнилъ бы ей упрямство ея и исписалъ бы ей спину нагайкой, какъ „городецкій“ пряникъ. А подобной любезности со стороны мужа она не желала испытать на себѣ и боялась ея гораздо больше, чѣмъ суда людскаго. Дѣлать было нечего; оставалось женѣ выбирать изъ двухъ золъ одно, мѣньшее: или быть битой, или ѣхать къ старому мужу. Жена выбрала послѣднее. Съ грустью поѣхала молодая жена къ старому мужу, поѣхала разряженная и расфранченная въ пухъ и въ прахъ, просто — не подходи! Пріѣхала. Мужъ не помнитъ себя отъ радости, увиваясь вьюномъ вкругъ жены. Пожила молодая на пикетѣ день, пожила другой, и соскучилась. Стала молодая проситься домой, но мужъ не пускаетъ. Стала молодая капризничать: то хочется ей того, другого, пятаго-десятаго, то того, чего не только за Ураломъ, на пикетѣ, но и въ цѣлой области казачьей нельзя было сыскать ни за какія деньги. Мужъ кое-какъ извивается, изъ кожи лѣзетъ, въ нитку тянется, всѣми силами старается угодить ненаглядной своей женушкѣ: и торну, и ежевики для нея наберетъ, и рыбки живенькой наловитъ, и самъ похлёбку сваритъ. и съ осетриной пельменей наготовитъ, и гусей, и уточекъ настрѣляетъ — ничто не помогаетъ: дуется жена на мужа, какъ мышь на крупу, да и на — поди!

Товарищи-казаки все это замѣчаютъ и подсмѣиваются, а мужъ, бѣдняжка, страдаетъ и терзается. Наконецъ, жена раскапризничалась не на шутку, наложила на себя такую блажь, отъ которой посторонніе „съ диву упали“. Она объявила мужу, что ей „мочи нѣтъ“, что у нея „головушка болитъ“, что „въ ушахъ стрѣляетъ“, что она „животикомъ разстроилась“, и что причиной всему этому (прошу покорно, какія нѣжности!) проклятая ворона, которая часто каркаетъ около ихъ лачужки.

— Иванычъ, слышь ты, убей каргу *): терпѣть не могу!

Такъ безпрестанно твердила жена мужу и, наконецъ, надоѣла ему, какъ горькая рѣдька.

Какъ ни жаль было заряда, а мужъ долженъ былъ уважить капризъ жены, чтобы удержать ее при себѣ хоть одинъ лишній день. Вотъ онъ, въ какомъ-то азартѣ, схватилъ со стѣны ружье, выбѣжалъ на дворъ, увидѣлъ на плетнѣ ворону, приложился и — бацъ! Но нужно же было случиться тому, чему, кажись, не должно бы случиться. Иванычъ, говорятъ старики, мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову, лежавшую подъ плетнемъ, на которомъ сидѣла ворона-разбойница.

Ужъ не Исаемъ ли звали этого угодливаго и несчастнаго Иваныча? Можетъ-быть и такъ. Но далѣе.

Подъ словомъ гулебщикъ разумѣлся въ старину, какъ отчасти и нынче, охотникъ за дичью вообще. Но такъ-какъ видоизмѣненій охоты, по роду дичи, можетъ быть нѣсколько, то и старинный уральскій гулебщикъ имѣлъ нѣсколько частныхъ названій. Охотнику, занимавшемуся самой прибыльной или такъ-называемой капитальной охотой, какъ-то: охотой за кабанами, волками, выдрами, лисицами и другими пушными звѣрями, принадлежало неотъемлемое и всѣми уважаемое имя гулебщикъ.

Другіе же виды не такъ прибыльной охоты давали охотнику, между-прочимъ, названія:

Сайгачникъ — отъ охоты за сайгаками, какъ я уже сказалъ.

Стрѣлокъ — отъ ружейной охоты за гусями, утками и прочей птицей.

Собачникъ (самое плачевное и унизительное названіе)— отъ травли звѣрей собаками.

Послѣдній родъ охоты какъ въ старину не уважался, такъ и нынче не уважается простымъ классомъ казаковъ. Этимъ родомъ охоты и въ старину занимался и нынѣче занимается, для удовольствія, въ часы досуговъ (и не въ часы досуговъ,

*) Мѣстное названіе вороны.

если случится только хорошая пороша), бо́льшею частью одинъ чиновный классъ, то-есть, храброе офицерство, отъ ранга хорунжаго до ранга полковничьяго, а пожалуй и дальше: дѣло не въ томъ, что генералъ не поѣдетъ на охоту, а въ томъ, что генераловъ-то у насъ и было, и есть мало.

Тотъ охотникъ, который выѣзжаетъ въ поле съ борзыми или, за неимѣніемъ ихъ, съ дворняшками, да шляется по рощамъ и кустарникамъ съ ружьемъ за зайцами, много теряетъ въ мнѣніи простаго и разсудительнаго казака, и отчасти справедливо.

Про охоту съ собаками старики говорятъ вотъ что:

„Бѣжитъ копѣйка, гонитъ сто рублей, а сидитъ или правитъ тысяча“.

Эту поговорку казаки объясняютъ такъ:

Копѣйка, это—несчастный заяцъ, или, по мѣстному казачьему названію, тушканъ; сто рублей, это—лошадь подъ охотникомъ, а тысяча, это—голова самого охотника-собачника. Погнавшись за копѣечнымъ, дескать, тушканишкомъ, безразсудный охотникъ заморитъ и испортитъ сторублевую лошадь, а при случаѣ, скувырнувшись съ лошади, можетъ потерять и свою голову, которая, дескать, на худой конецъ, стоитъ тысячу рублей, а хорошая и удалая голова и того дороже.

Не принимая въ разсчетъ того, что охота съ борзыми за зайцами — пустая забава, трата времени, убытокъ, простые казаки не уважаютъ ее еще потому, что тутъ дѣйствуетъ и подвизается больше собака, чѣмъ самъ охотникъ. По понятіямъ казаковъ, только та охота считается достойной уваженія и почета, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ бываетъ самъ охотникъ, гдѣ все зависитъ отъ его неутомимости и предусмотрительности, отъ его искусства и ловкости, отъ его смышлёности и изобрѣтательности. Это же самое можно сказать и на счетъ рыболовства. Напримѣръ, поставить капканъ на осторожнаго волка или на хитрую лисицу по черностопу (то-есть, когда нѣтъ снѣга), поставить такимъ образомъ, чтобы звѣрь не подозрѣвалъ капкана, или, напримѣръ, поймать

рыбу такимъ орудіемъ, которое дотолѣ никому не было извѣстно — дѣло весьма трудное и мудрёное, для большинства охотниковъ и рыболововъ почти-что недоступное; но ловкій и искусный охотникъ, или опытный и смышленый рыболовъ, съумѣетъ это сдѣлать, и такъ съумѣетъ, что плохому и неопытному охотнику и рыболову или вообще человѣку, непосвященному во всѣ тайны охоты и рыболовства, покажется невѣроятнымъ, а простаку даже сверхъестественнымъ. Нынче, конечно, народъ, по выраженію казаковъ, сталъ хитрый, хитрѣе, говорятъ, самого „англичанина“; нынче, слѣдовательно, искусству охотника или рыболова не станутъ дивиться, какъ чуду какому, а развѣ только позавидуютъ, да похвалятъ такого молодца, или „ловчагу“. Но въ старину не то было. Тогда умнаго и смѣтливаго человѣка, гулебщика или рыболова—все равно, тотчасъ производили въ колдуны. Не угодно ли, благосклонные читатели, выслушать въ этомъ родѣ два анекдота, не вымышленные, а истинные, случившіеся съ людьми, которыхъ я очень хорошо зналъ и знаю.

II.

ДВА АНЕКДОТА.

Однажды, лѣтней порой, тому уже будетъ около сорока лѣтъ, ѣздили гурьевцы (казаки, жители Гурьева-городка) большой ватагой въ бударкахъ за чилимомъ *). Переѣзжая изъ ерика въ ерикъ, изъ ильменя въ ильмень, они достигли моря, и въ глубокихъ прибрежныхъ проранахъ замѣтили множество сомовъ. Сомъ, извѣстно, самая смѣлѣйшая и блудли-

*) Водяное растеніе съ плодомъ въ родѣ угловатаго, покрытаго колючими шипами орѣха. Ядро чилима довольно вкусно и пріятно; высушенное—оно вкуснѣе даже ядра обыкновеннаго лѣсного орѣха. Чилимъ росъ и разстилался съ травой по дну озеръ и ильменей. Нынче въ окрестностяхъ Гурьева ни одной чилиминки не встрѣтишь, потому что озера и ильмени, гдѣ чилимъ водился, всѣ повысохли.

вѣйшая изъ рыбъ: сомъ всегда трется около лодокъ, плотовъ и тому подобнаго, чтобы чѣмъ-нибудь поживиться отъ людей. Случалось не разъ, что онъ вырывалъ изъ рукъ женщинъ бѣлье, которое онѣ полоскали въ водѣ. Говорятъ даже, что онъ хваталъ и хватаетъ купающихся людей за ноги, и глоталъ маленькихъ дѣтей. За такія проказы люди прозвали его: сомъ-блудникъ.

Вода въ проранахъ, гдѣ плыли казаки и гдѣ разгуливались сомы, отъ долгаго затишья отстоялась и сдѣлалась свѣтлой и прозрачной до такой степени, что сомовъ въ ней хорошо и ясно было видно. Гурьевцы, имѣя при себѣ въ бударкахъ, между разною-разностью, багры, вздумали, отъ-нѣчего-дѣлать, побагрить блудниковъ и, въ свою очередь, полакомиться на счетъ ихъ щербой (ухой) и пирогами. Опуская съ величайшею осторожностью и тишиною въ воду багоръ, казакъ старался подвести его снизу подъ сома и забагрить блудника. Но подобныя штуки удавались немногимъ: сомъ въ прозрачной водѣ такъ же ясно видѣлъ багоръ, какъ казакъ видѣлъ сома, и уклонялся.

Въ числѣ гурьевцевъ былъ старый казакъ, Ѳедоръ Андреичъ Поповъ, человѣкъ умный и изобрѣтательный. Жилъ онъ противъ другихъ гурьевцевъ весьма богато; въ сомахъ, а тѣмъ болѣе въ чилимѣ, онъ нисколько не нуждался, и ѣздилъ тогда съ сосѣдями собственно для того, чтобы доставить сыну своему, двѣнадцатилѣтнему мальчику, больше практики, безъ которой, конечно, нельзя быть хорошимъ ни рыболовомъ, ни охотникомъ. Ѳедоръ Андреичъ правилъ бударкой, а сынъ сидѣлъ въ веслахъ. Ѳедору Андреичу наскучило по-пустякамъ возиться съ сомами. Бросивъ багоръ, онъ оставилъ это занятіе и вздумалъ съ „устатку“ поѣсть. Для этого досталъ изъ мѣшка кокурку *), переломилъ ее на двѣ части, одинъ ку-

*) Небольшой бѣлый хлѣбъ, испеченный на скоромномъ или постномъ маслѣ. Кокурка — любимое и почти всегдашнее яство уральскаго казака, замѣняющее у него, во время путешествій, обыкновенный хлѣбъ. Грѣшные люди—казаки любятъ лакомиться.

сокъ оставилъ у себя, а другой кинулъ сыну, сидѣвшему на носу бударки. Мальчикъ не поймалъ брошеннаго ему куска, и кусокъ, упавъ въ воду, пошелъ ко дну. Отъ неловкости мальчикъ сконфузился и ждалъ хорошей нотаціи отъ отца, который терпѣть не могъ неловкости и никогда не пропускалъ подобнаго случая безъ того, чтобы хорошенько не поучить уму-разуму возлюбленнаго сынка своего. Но, къ немалому удивленію сына, отецъ ни слова не сказалъ ему, а пристально и молча смотрѣлъ въ воду, гдѣ потонулъ кусокъ кокурки. Чрезъ нѣсколько секундъ, старикъ бросилъ въ воду и свой кусокъ и вслѣдъ затѣмъ самодовольно улыбнулся. Онъ видѣлъ въ водѣ, какъ сомъ быстро бросился сначала на одинъ, а потомъ на другой кусокъ кокурки, и сглотнулъ ихъ.

„А! — произнесъ Ѳедоръ Андреичъ голосомъ человѣка, случайно открывшаго величайшую изъ тайнъ: — вотъ она въ чемъ, штука-то! Да ты, вижу, лакомка, пострѣлъ, любишь сдобное и скоромное. Постой же, когда такъ, я попотчую, если не тебя, такъ другого — все равно, попотчую свѣженькой кокурочкой, да ужь не простой, а съ приправой, это лучше будетъ“.

Потомъ, обратясь къ сыну, старикъ спросилъ:

— Платоша! есть ли съ нами самоловки?

Сынъ, порывшись подъ ногами на днѣ бударки, досталъ и показалъ отцу связку бичевокъ съ крючьями *).

— Хорошо, хорошо, сыночекъ! — сказалъ отецъ, взявшись за кормовое весло: — брось пока это, а возьмись за весла да греби.

Съ этимъ словомъ Поповъ поплылъ впередъ, удалился отъ своихъ товарищей и вскорѣ скрылся въ другомъ проранѣ. Гурьевцы не обратили никакого вниманія на удалившагося и скрывшагося отъ нихъ сосѣда и продолжали плыть потихоньку вслѣдъ за нимъ. Между тѣмъ, Ѳедоръ Андреичъ, скрывшись

*) Эти-то крючья, о которыхъ будетъ сказано нѣсколько словъ ниже, называются и удочками, и самоловной снастью, и просто самоловками.

отъ товарищей, остановился, распуталъ пукъ бичевокъ, выбралъ одинъ, поострѣе другихъ, самоловикъ, отрѣзалъ ломоть кокурки, нацѣпилъ его на самоловикъ и опустилъ самоловикъ въ воду. Не прошло и минуты, какъ огромной величины сомъ схватилъ крюкъ, прикрытый ломтемъ кокурки, и сомъ повисъ на крюкѣ. Ѳедоръ Андреичъ подтащилъ сома къ борту, „оглушилъ“ или, какъ еще говорятъ казаки, „учекушилъ“ его и положилъ въ бударку. Послѣ того Ѳедоръ Андреичъ снова опустилъ въ воду крюкъ, разумѣется, съ новымъ кускомъ кокурки, и вскорѣ другой сомъ очутился въ бударкѣ.

Тѣмъ временемъ стали подплывать къ Попову товарищи. Желая подшутить надъ ними, Ѳедоръ Андреичъ, при приближеніи ихъ, спряталъ веревку съ самоловикомъ, взялся за обыкновенный багоръ и сталъ водить имъ въ водѣ, показывая видъ, что сомовъ поймалъ онъ не другимъ чѣмъ, а этимъ багромъ. Гурьевцы, увидѣвъ у Попова въ бударкѣ сомовъ, слегка позавидовали его удачѣ и стали около него багрить въ той надеждѣ, что Поповъ открылъ ятовь (то-есть, большое сборище сомовъ); но сомы ни имъ, ни самому Попову на обыкновенные багры не поддавались.

Прошло сколько-то времени, и случай этотъ немного позабылся. Ѳедоръ Андреичъ снова удалился отъ товарищей и безъ свидѣтелей успѣлъ опять самоловикомъ съ кокуркой изловить нѣсколькихъ сомовъ. Въ другой разъ гурьевцы настигли его и не безъ удивленія замѣтили, что число сомовъ въ его бударкѣ удвоилось. Это повторялось нѣсколько разъ, и всякій разъ, нагоняя Попова, который не переставалъ маневрировать отъ товарищей, и видя, что число сомовъ въ его бударкѣ прибавлялось, гурьевцы удивлялись все больше и больше; наконецъ удивленіе ихъ, достигнувъ огромныхъ размѣровъ, вдругъ разрѣшилось догадливостью (надо понимать наоборотъ, и выйдетъ безтолковостью) одного старика, который первый подалъ голосъ, что Ѳедоръ Поповъ — колдунъ.

— Какъ же онъ не ворожецъ-то? — сказалъ догадливый старикъ, по имени Николай, или, какъ звали его гурьевцы—

Микулушка, а по прозванью Хохлачевъ. — Какъ же онъ не ворожецъ, Ѳедоръ-то Поповъ? – говорилъ Хохлачевъ: — посмотрите-ка, при насъ-то онъ ни одного сома не ныматъ, а безъ насъ то, за глазьями, чертову гибель таскатъ. Чаво еще надо? Знамо, черти ему на багоръ сажаютъ.

Такъ и было рѣшено: ворожецъ, да ворожецъ Ѳедоръ Поповъ, а Ѳедоръ Поповъ ни душой, ни тѣломъ не былъ причастенъ такому грѣху; одна причина: онъ былъ много толковѣе и умнѣе другихъ.

Другое обстоятельство, гораздо серьёзнѣе этого, еще больше усилило въ суевѣрныхъ казакахъ подозрѣніе къ своему сотоварищу, мнимому колдуну.

Въ старину уральцы рыбачили въ Каспійскомъ морѣ, между прочимъ, удочками или крючьями, или такъ-называемой самоловною снастью, о которой упомянуто выше. Нынче эта снасть, какъ самая гибельная и опустошительная для рыбы, запрещена. Но не въ томъ дѣло. Рыбачили, говорю, уральцы (преимущественно гурьевцы) удочками. Снасть эту казаки, безъ сомнѣнія, заимствовали отъ астраханцевъ. По ихъ же примѣру, они насаживали на удочку небольшую, по возможности живую, рыбку, напр., леща, воблу, язя и тому подобное, и потомъ удочку эту, на тонкой бичевкѣ, опускали сквозь проруби въ воду почти вплоть до дна. Бѣлуга, самая жадная и прожорливая изъ рыбъ, сглатывала насаженную на крюкъ рыбку, и сама попадалась на крюкъ. Но уловъ рыбы не очень-то былъ обильный и прибыльный: бѣлуги этимъ способомъ ловилось все-таки мало. Только одинъ рыболовъ, извѣстный намъ Ѳедоръ Андреичъ Поповъ, ловилъ рыбы много, и богатѣлъ. Бывало, артель рыболововъ, человѣкъ изъ пяти или десяти, отправившись въ море на переборку, то-есть, на пересматриваніе крючьевъ, воротится въ домá съ рыбой или, ужъ, много, съ двумя на человѣка. Между тѣмъ, Ѳедоръ Андреичъ, одинъ, съ малолѣтнимъ сыномъ, какъ ни поѣдетъ въ море, такъ, на удивленіе людямъ, везетъ два-три воза рыбы.

— Что за оказія такая?—говорили съ удивленіемъ гурьевцы.

Рази у насъ не такія же снасти, какія у Ѳедора Попова? А онъ всѣхъ насъ облавливаетъ.

— Что за оказія! — замѣчали иные: — знамо какая тутъ оказія: Ѳедоръ ловитъ не спроста — Ѳедоръ колдунъ, Ѳедоръ ворожецъ! ему шишиги (черти) сажаютъ на удочку бѣлугъ.

— Для того, чтобы прослыть нехорошимъ человѣкомъ, достаточно одного, кѣмъ-либо на вѣтеръ брошеннаго слова. Такъ случилось и съ Ѳедоромъ Андреичемъ: ни съ того, ни сего произвели его сосѣди въ колдуны — да и на-поди.

Между-тѣмъ, мнимый колдунъ ѣзжалъ въ Саратовъ и Астрахань, встрѣчался и бесѣдовалъ со многими опытными людьми и рыболовами; изъ разговоровъ съ ними и изъ собственныхъ наблюденій дошелъ онъ до открытія, что крючья безъ „наживы“, то есть, безъ насаживанія на нихъ мелкой рыбы, гораздо „уловистѣе“, чѣмъ съ „наживой“. Причина тутъ вотъ какая: крючья съ „наживой“ опускались, какъ уже сказано, почти до самаго морскаго дна, и, отягченные, словно грузиломъ, насаженной на нихъ рыбой, висѣли почти неподвижно; между-тѣмъ голые крючья, съ заостренными, какъ игла, концами или „жалами“, опускались въ полъ-воды и даже меньше. Отъ малѣйшаго колебанія воды (а вода въ морѣ безпрестанно движется) крючья колеблятся и движутся изъ стороны въ сторону или, по выраженію рыболововъ, „играютъ“ въ водѣ. Чтобы попасться на крюкъ съ „наживой“, бѣлугѣ непремѣнно нужно сглотнуть его; иначе онъ нисколько не опасенъ; напротивъ, крюкъ безъ „наживы“ зацѣпляетъ и губитъ бѣлугу и другую крупную рыбу при одномъ приближеніи и прикосновеніи къ нему. Предпочитая мертвой рыбкѣ, насаженной на крючья — если бы даже рыбку посадили на крюкъ и живую, то она черезъ нѣкоторое и, конечно, непродолжительное время должна все-таки „заснуть“, умереть — предпочитая мертвой рыбкѣ живую рыбку, которая собирается около крючьевъ на свѣтъ, проходящій въ воду сквозь проруби, гдѣ разставлены крючья, бѣлуга гоняется за послѣдней, то есть за живой рыбкой, и, гоняясь за ней, насѣкается на острые крючья. Довольно и одному крючку вцѣ-

питься въ тёшку или въ другое какое мѣсто бѣлуги, чтобы она сдѣлалась добычей рыболова. Если при этомъ бѣлуга вздумаетъ забѣситься, то въ нея влѣпится тутъ же еще нѣсколько другихъ крючьевъ, которые опускаются въ воду подъ ледъ рядами, довольно-часто, на аршинъ крюкъ отъ крюка, и тогда бѣлугѣ нѣтъ спасенія.

Вотъ такимъ то образомъ, Ѳедоръ Андреичъ втихомолку, не открывая никому изъ казаковъ секрета (онъ былъ сердитъ на казаковъ за то, что они прозвали его колдуномъ за ловлю сомовъ), ловилъ рыбу и ловилъ, какъ сказано, больше всѣхъ. Для вида онъ возилъ съ собой въ море и длинные крючья, и мелкую рыбу или „наживу“, или, какъ еще называютъ, „животку“; но въ дѣло употреблялъ новаго, улучшеннаго вида крючья.

Не зная секрета, которымъ пользовался Поповъ, суевѣрные сосѣди прозвали его колдуномъ. „Колдунъ, да колдунъ Ѳедоръ Поповъ“, твердили гурьевцы; а мнимый колдунъ покачивалъ головой, да улыбался, да иногда поговаривалъ: „прости имъ, Господи, не вѣдятъ бо, что̀ говорятъ“, да тѣмъ временемъ ловилъ рыбу и богатѣлъ.

Продолжалось это нѣсколько зимъ съ-ряду. Наконецъ, однажды, въ сумерки, толпа гурьевцевъ возвращалась съ неудачнаго рыболовства въ домы и нечаянно наѣхала на становище Ѳедора Попова. Гурьевцы были, что̀ называется, навеселѣ; а предметомъ ихъ разговора во всю дорогу былъ Ѳедоръ Андреичъ и его мнимое колдовство; слѣдовательно, настроеніе духа у казаковъ было не въ пользу Попова. Можно ли пропустить удобный случай и не посмѣяться надъ колдуномъ? Узнавъ по кошару (шатрику) станъ Попова, казаки остановились.

— Давайте, братцы, „переберемъ“ (то-есть, пересмотримъ) съ молитвой его снасти, перерѣжемъ ихъ, да поспускаемъ съ нихъ рыбу: авось черти-то не станутъ больше служить ему, — сказалъ одинъ изъ казаковъ, болѣе другихъ завидовавшій успѣху Ѳедора Попова.

— Что же? давайте! — отозвались прочіе.

Сказано — сдѣлано. Но пересматривая снасти Попова, гурьевцы удивились, увидѣвъ, что онѣ сдѣланы и разставлены совсѣмъ другимъ манеромъ, нежели какъ у нихъ. Тутъ только казаки догадались, что Ѳедоръ Андреичъ не ворожецъ, а такой же, какъ они, православный человѣкъ, но гораздо поумнѣе ихъ.

Съ тѣхъ самыхъ поръ всѣ рыболовы сдѣлались колдунами.

III.

ПОВѢРЬЯ И ПРЕДАНЬЯ.

Разсказавъ два случая о томъ, какъ и отчего гурьевцы сочли сосѣда своего, Ѳедора Попова, за колдуна, я вовсе не думалъ выставить ихъ черезъ-чуръ людьми безтолковыми и тѣмъ меньше на что-либо дѣльное неспособными; напротивъ, долженъ сказать, что всѣ вообще казаки — люди смѣтливые и смышлёные — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но новизна предмета и, главное, суевѣріе или, правильнѣе, вѣра въ колдовство и во все сверхъестественное озадачили и сбили съ толку гурьевцевъ, которымъ удача Попова съ перваго раза показалась явленіемъ не простымъ, а чудеснымъ. Это было, въ отношеніи къ уральцамъ, слишкомъ давно, было тогда, когда на Уралѣ господствовалъ туманъ старины, когда вполнѣ вѣрили въ заговоры, да въ наговоры, да во всякія такія дьявольскія штуки и выходки; слѣдовательно, ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что и неглупые отъ природы, но мало или вовсе неразвитые люди платили, говоря слогомъ высокимъ, дань своему вѣку. Кажется, никто не можетъ усумниться, что и теперь отыщется не только на Уралѣ, но вездѣ и всюду, гдѣ живутъ и благоденствуютъ православные и неправославные, много изъ простого класса людей, въ своемъ родѣ умныхъ и дѣльныхъ, но еще вѣрующихъ въ колдовство.

Я зналъ въ Гурьевѣ-городкѣ казака, семидесяти-лѣтняго старика, Степана Гладова, не такъ давно умершаго. Гладовъ былъ умный старикъ и вовсе не суевѣрный, какъ другіе,

но въ извѣстныхъ случаяхъ поддавался суевѣрію. Объ этомъ я разскажу послѣ, а теперь, для послѣдовательности, укажу на тѣ пункты повѣрій, которыхъ Гладовъ былъ чуждъ.

Напримѣръ, онъ никогда не лѣчился отъ лихорадки заговорами и нашептываньями, какъ лѣчатся многіе суевѣрные простолюдины (чуть-ли, нѣтъ такого грѣшка и за иными непростолюдинами), считающіе лихорадку не за натуральную болѣзнь, а за мученіе, причиняемое человѣку проклятыми дочерьми царя Ирода. Напротивъ, у Гладова (въ фантастическихъ дочерей Ирода, нечего и говорить, онъ не вѣрилъ) было свое лѣкарство, самимъ имъ случайно открытое, лѣкарство простое и дѣйствительное, дѣйствительнѣе, пожалуй, многихъ аптечныхъ порошковъ и капель, по крайней мѣрѣ, для натуръ крѣпкихъ отъ природы и неиспорченныхъ частымъ употребленіемъ лѣкарствъ.

Однажды на охотѣ приняла Гладова трепать лихорадка. Пароксизмъ до такой степени былъ силенъ, что Гладовъ, какъ ни крѣпился, вынужденъ былъ лечь на землю и переждать, пока кончится припадокъ. Извѣстно, что въ лихорадкѣ томитъ жажда. Такъ было и съ Гладовымъ: его томила жажда, но утолить ее было нечѣмъ: подъ нимъ и вкругъ него разстилалась одна только горькая полынь и нигдѣ ни капли прѣсной воды. Во рту у Гладова сдѣлалась страшная горечь. Гладовъ тосковалъ и сердился. Наконецъ, въ досадѣ на лихорадку и на полынь, которая даромъ занимаетъ на землѣ мѣсто, Гладовъ принялся рвать зубами и жевать полынь. Черезъ нѣкоторое время онъ почувствовалъ какъ будто облегченіе. Тутъ онъ, вспомнивъ поговорку или манеру русскаго человѣка: „клинъ клиномъ выбивать“, принялся еще усерднѣе жевать полынь и всасывать въ себя горькій ея сокъ; лихорадка совсѣмъ прошла. Съ тѣхъ поръ Гладовъ до самой смерти ничѣмъ другимъ, кромѣ настоя полыни въ водѣ или въ водкѣ, не лѣчился, училъ и другихъ этимъ лечиться.

Когда же кто-нибудь замѣчалъ ему, что отъ лихорадки скорѣе можно избавиться „отпиской“ какого-нибудь знахаря

или знахарки, Гладовъ качалъ головой и сквозь зубы съ улыбкой говорилъ: „эку чертовщину выдумали!“

Выходя или выѣзжая изъ дома на охоту или на другой какой промыселъ, Гладовъ не боялся встрѣчи съ такими людьми или животными, встрѣча съ которыми считается многими неблагопріятной. Кто бы ни переходилъ или ни перебѣгалъ ему дорогу, онъ не обращалъ никакого вниманія. Противъ подобныхъ встрѣчъ онъ даже не прибѣгалъ ни къ какимъ, кое-кому извѣстнымъ и кое-кѣмъ употребляемымъ, предосторожностямъ; все это Гладовъ считалъ пустымъ, бабьимъ повѣрьемъ.

У казаковъ (можетъ быть, и у другихъ русскихъ — я этого не знаю) есть повѣрье, что простолюдинамъ грѣшно употреблять въ пищу лебяжье мясо; что право ѣсть лебедей предоставлено однимъ только дворянамъ или, по выраженію казаковъ, „боярамъ“; что объ этомъ сказано въ „писаньѣ“, а ужъ въ какомъ — объ этомъ исторія молчитъ; во всякомъ случаѣ, полагать надо, въ тѣхъ рукописныхъ тетрадяхъ, которыя ходятъ по рукамъ нѣкоторыхъ простолюдиновъ, и въ которыхъ, между прочимъ, говорится и о „проклятой травѣ табацѣ“, и о томъ, что „злѣе льва аспидъ, злѣе аспида дьяволъ, злѣе дьявола жена, а злѣе жены — ничто“, и проч., и проч. Но Степанъ Гладовъ въ грошъ не ставилъ это повѣрье. Въ спорахъ съ казаками по этому поводу онъ много не толковалъ, а говорилъ всегда коротко и ясно: „пустяки, пустяки, атаманы-молодцы! казаку лебедя ѣсть можно“.

Въ окрестностяхъ Гурьева-городка, по морскому прибрежью, около ильменей, рѣчекъ, прорановъ — словомъ, вездѣ, гдѣ только есть вода и камышъ, водится множество ужей и змѣй, такъ называемыхъ водяныхъ. Нынче отъ упадка водъ окрестности Гурьева, да и все морское прибрежье во сто кратъ противъ прежняго высохли и превратились почти въ голыя степи, слѣдовательно, и количество змѣй гораздо противъ прежняго поуменьшилось; но за всѣмъ тѣмъ, ихъ такъ еще много, что человѣкъ, которому въ первый разъ довелось бы побывать въ гурьевскихъ камышахъ, у береговъ неизсякшихъ

еще ильменей и ериковъ, не можетъ не содрогнуться при видѣ ужей и змѣй, или вьющихся клубами, или снующихъ взадъ и впередъ подъ ногами. Это и нынче можно видѣть, но въ старое время не то можно было увидѣть: въ старину, говорятъ казаки, на каждую тростинку, на каждую былинку приходилось и по ужу, и по змѣѣ. Змѣи нѣсколькихъ видовъ: есть какъ смоль черныя, есть бурыя и сѣрыя, есть большія и маленькія, длинныя и коротенькія, толстыя и тоненькія; есть съ хвостами длинными, какъ будто нарочно заостренными, есть и съ хвостами короткими, какъ будто обрубленными, словомъ — всякія есть змѣи.

Не говоря объ ужахъ, которые вездѣ, сколько я знаю, пользуются извѣстностью своей незлобивости и безвредности, за что́, по понятіямъ казаковъ, и украсилъ ихъ Господь Богъ вѣнчикомъ, то-есть оранжевой полоской на затылкѣ; не говоря о безвредности ужей, слѣдуетъ сказать, что и всѣ змѣи, которыя водятся въ окрестностяхъ Гурьева, совершенно безвредны. Сотни лѣтъ существуетъ Гурьевъ, но не было ни одного примѣра (по крайней мѣрѣ, преданіе объ этомъ не говоритъ), чтобы когда-нибудь умеръ человѣкъ отъ ужаленья водяной змѣи. А сколько такихъ случаевъ, когда змѣи могли бы вредить людямъ, но не вредятъ! Напримѣръ, казаки поѣдутъ на сѣнокосъ, гдѣ-нибудь расположатся въ камышахъ, постелятъ кошму (войлокъ), разставятъ отъ комаровъ и мошекъ пологъ, и лягутъ спать. Вставъ поутру, казаки собираютъ постель и — что жъ? и въ пологу, и около полога, и подъ кошмой, и на кошмѣ, и подъ подушками и на подушкахъ, и подъ одѣяломъ, и на одѣялѣ, словомъ — во всякой одежонкѣ казачьей „бездна“ змѣй, преспокойно проводившихъ ночь около казаковъ. Казаки до такой степени привыкли къ сосѣдству змѣй, что рѣшительно не боятся ихъ. Большая часть казаковъ вѣритъ, что змѣи заговорены извѣстнымъ разбойникомъ Разинымъ, который, во время оно, скитался около тѣхъ мѣстъ.

Разумѣется, повѣрье это — чистый вздоръ, химера, плодъ суевѣрія и праздной фантазіи. Натурально, змѣй никто не

заговаривалъ и, конечно, не могъ заговорить, а змѣи тѣ, о которыхъ рѣчь идетъ, сами по себѣ, отъ природы, незлобны и лишены всякаго яда. Но казаки, хоть не всѣ уральскіе, положимъ, а одни гурьевцы — потому что есть такіе казаки, которые не только змѣй, водящихся при морѣ, но и самаго моря не видятъ, — но казаки-гурьевцы, какъ я сказалъ, вѣрятъ этому мнимому чуду, какъ вѣритъ почти весь простой русскій народъ тому, что сороки не могутъ водиться и жить, подобно воронамъ и другой птицѣ, въ Москвѣ, потому, дескать, что какой-то святой человѣкъ проклялъ ихъ.

Да, вѣрятъ гурьевцы, что Разинъ заговорилъ, заклялъ змѣй. Но Степанъ Гладовъ, о которомъ я завелъ рѣчь, не вѣрилъ этому преданію, и не потому не вѣрилъ, чтобы считалъ дѣло это совершенно невозможнымъ; напротивъ, онъ все-таки вѣрилъ въ возможность заговоровъ, но только не въ отношеніи къ гурьевскимъ и ко всѣмъ вообще водянымъ змѣямъ, а къ кой-чему другому, о чемъ будетъ сказано ниже. Не вѣрилъ Гладовъ этому преданью по здравому разсудку и по разсчету своего практическаго ума.

„Когда я былъ молодъ, когда я дальше гурьевскихъ камышей нигдѣ не бывалъ, то вѣрилъ эвтой сказкѣ», — говорилъ Гладовъ казакамъ, если рѣчь заходила о змѣяхъ. — А какъ пожилъ подольше, да помыкался по бѣлу-свѣту, такъ и узналъ, своими глазами увѣрился, что все это — пустяки. Есть-когда взаправду Разинъ заговорилъ въ нашихъ мѣстахъ змѣй, то зачѣмъ онъ заговорилъ однѣхъ только водяныхъ, а не заговорилъ, вѣдь, степныхъ, да горныхъ, которыя живутъ въ норахъ, около, примѣромъ сказать, Горской крѣпости, да въ Индерскихъ горахъ — а? Что вы на эвто скажете? Вѣдь, что ни толкуй, степныя-то змѣи, даромъ-что онѣ маленькія, въ полъ-аршина длины, или эвтого меньше, а не даютъ спуску ни человѣку, ни скотинѣ; вѣдь степныя-то змѣи, какъ хотите, братцы мои, не заговорены. На водяную-то змѣю хошь ногой наступи, она только станетъ вертѣться, да извиваться, какъ бы только улизнуть, живой вырваться. А со степной змѣей не шути, не тронь ее, дальше отъ нея ходи, не точію на-

ступить на нее, но сохрани Господь Богъ и близко мимо нея пройдти: какъ-разъ, шельма—ей и имя-то ехидна—какъ-разъ, говорю, шельма, ужалитъ".

Дѣйствительно, въ противоположность безвреднымъ водянымъ змѣямъ въ землѣ Уральскихъ казаковъ, въ степяхъ, особенно въ возвышенностяхъ, окружающихъ знаменитое соляное Индерское озеро (это ужъ за Ураломъ) водятся змѣи вредныя, ядовитыя. Эти змѣи цвѣтомъ сѣрыя или сѣропестрыя, какъ-будто исписанныя, небольшія, величиной съ обыкновенное бабье веретено, даже на него похожія. По сходству съ веретеномъ, змѣю этой породы казаки называютъ веретянкой. Змѣи эти, опытомъ дознано, злы и ядовиты. Къ счастью, ихъ не очень много. Вотъ про этихъ-то змѣй и говорилъ Гладовъ.

— Ась? Что вы, пустыя головы, на эвто скажете? — говорилъ обыкновенно Гладовъ землякамъ своимъ, когда у него заходилъ съ ними споръ по поводу преданья о мнимомъ заговорѣ змѣй. — То-то, братцы, не всякому слуху вѣрьте: не все то̀ правда, что изстари идетъ, да разную дребедень за собой ведетъ. Ну, хорошо, будь по-вашему, согласенъ: заговорилъ Разинъ водяныхъ нашихъ змѣй, а степныхъ-то, положимъ, позабылъ заговорить,—вѣдь могло и эвто статься; пускай будетъ такъ, перечить вамъ не стану. Но отвѣчайте-ка, атаманы-молодцы, вотъ на что̀: кто заговорилъ водяныхъ змѣй въ другихъ-то мѣстахъ—а? Вѣдь такой породы змѣи, что̀ водятся у насъ въ Гурьевѣ, такой породы змѣи, слышите, нигдѣ не кусаются. Я бывалъ во многихъ мѣстахъ, былъ въ степяхъ Киргизскихъ (доходилъ, почесть, до Хивы), былъ на Сыръ-Дарьѣ, былъ около Аральскаго моря, былъ на Марышлакѣ (на полуостровѣ Мангишлакѣ), былъ и въ Туманныхъ (мангишлакскихъ) горахъ, въ тѣхъ горахъ, гдѣ, знаете, въ старое время, должно-быть при царѣ-Горохѣ, казаки, сирѣчь старики наши, чекушками сахарныя головы сбивали (на счетъ этого обстоятельства Гладовъ, по обыкновенію, острилъ). Да гдѣ я не былъ? Сами знаете, что я во многихъ земляхъ былъ. Но тамъ я видалъ не меньше

нашего змѣй, при водѣ — водяныхъ, въ степяхъ и въ горахъ — степныхъ, али веретянокъ. Тамъ, кажись бы такъ, Разинъ не бывалъ, да и не по что было ему туда ѣздить, стало быть тамошнихъ змѣй Разинъ не заговаривалъ; а междутѣмъ водяныя то змѣи и тамъ не кусаются, а степныя-то змѣи и тамъ спуску не даютъ. Вотъ и выходитъ, что нашихъ-то, сирѣчь, водяныхъ змѣй никто не заговаривалъ, а такъ Господь Богъ отнялъ у нихъ и злость, и ядъ, для пользы человѣкамъ. Мало ли какія есть на вольномъ свѣтѣ твари, всякія: и вредныя, и полезныя. Стало-быть, не слѣдъ приплетать Стеньку къ такому дѣлу, къ которому онъ не былъ причастенъ. Еще вотъ что́ скажу я вамъ, храбрабратья,—говаривалъ Гладовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда споръ завязывался жаркій и когда дѣло шло на сильныя доказательства. — Разинъ, толкуете вы, заговорилъ змѣй. Хорошо; быть по вашему. Значитъ, Разинъ былъ дока—не правда ли? ну да! Разинъ заговаривалъ змѣй, я думаю, для пользы, чтобъ змѣи не кусались — вѣдь такъ должно быть? ну да! Слушайте же теперича: когда Разинъ былъ до́ка и умѣлъ заговаривать змѣй, чтобъ онѣ не кусались, то разсудите, зачѣмъ онъ не заговорилъ тарантуловъ, чтобъ и они не кусались—а? Вѣдь тарантулы-то, сами знаете, и теперь спуску не даютъ, только сплошай, да подставь голую руку, али ногу. Вотъ оно и опять выходитъ, что Разинъ не заговаривалъ змѣй нашихъ, а такъ, змѣи наши отъ природы не кусачки и не ядучи (не ядовиты). Если Господь Богъ и сохраняетъ насъ отъ эвтого гада, сирѣчь отъ тарантула, то первымъ долгомъ слѣдуетъ благодарить Его, Царя небеснаго, а вторымъ долгомъ не надо забывать, что намъ много въ эвтомъ дѣлѣ помогаютъ кошмы (войлоки) и овчины (бараньи шкуры).

Слова Гладова насчетъ кошмы и тарантуловъ понятны только казакамъ, и то не всѣмъ, а для васъ, читатели не-казаки, конечно, совсѣмъ темны. Съ вашего позволенія, я прерву не надолго разсказъ, и разъясню это дѣло.

Тарантуловъ въ окрестностяхъ Гурьева-городка много, а

въ степяхъ киргизскихъ еще больше. Судя по этому, можно думать, что жить и путешествовать по степямъ, гдѣ водятся тарантулы, весьма опасно. Совсѣмъ нѣтъ, опасности особенной не предстоитъ. Хотя тарантулъ и ядовитъ. хотя онъ, при удобномъ случаѣ, и не прочь укусить человѣка, но—въ томъ-то и сила — ему рѣшительно почти не представляется случаевъ кусать человѣка. Когда человѣкъ, одѣтый и обутый разумѣется, идетъ пѣшкомъ или идетъ верхомъ на лошади. тогда, конечно, тарантулу нѣтъ возможности укусить путешественника: вѣдь тарантулъ не звѣрь какой лютый, не бросится же онъ на человѣка, когда человѣкъ его не трогаетъ! Тарантулъ кусается большею частью тогда, когда его самого тронутъ, а безъ того онъ прячется въ норы; слѣдовательно, съ этой стороны человѣкъ обезпеченъ. Можетъ тарантулъ укусить только соннаго, лежачаго и вообще безпечнаго человѣка, но никто, ни казакъ, ни Киргизъ, не ляжетъ въ степи голымъ тѣломъ на голую землю, а ужъ непремѣнно постелетъ подъ себя или лоскутъ кошмы, или баранью овчину, или „джибагу“ *). Вотъ эти-то простыя, но всегда случающіяся въ степи подъ-рукой вещи и спасаютъ человѣка отъ тарантула. Почему? А вотъ почему: кошма, извѣстно, валяется изъ бараньей шерсти; „джибага“ — та-же баранья шерсть; объ овчинѣ и говорить нечего: извѣстно, что́ это за вещество такое; словомъ, всѣ поименованныя вещи — принадлежности или части барана. Бараны же, какъ говоритъ общій голосъ Киргизовъ и казаковъ, самые злые враги и истребители тарантуловъ. Бараны не только не боятся тарантуловъ, но даже поѣдаютъ ихъ, лакомятся ими. Сколько разъ случалось пастухамъ, Киргизамъ и некиргизамъ, видѣть, какъ бараны, на ихъ глазахъ, гонялись за тарантулами и поѣдали ихъ. Въ какой степени это справедливо—утверждать не могу, потому-что самъ этого не видѣлъ, а слышалъ отъ Киргизовъ и Рус-

*) Нѣчто среднее между войлокомъ и бараньей овчиной. Это—свалявшаяся на баранѣ и потомъ снятая съ него ножницами шерсть. Изъ „джибаги“ Киргизы и бѣдные казаки шьютъ шубы и одѣяла.

скихъ, людей опытныхъ и часто странствующихъ по степи. Но они, однакожъ, говорятъ, что только старые трехгодовалые бараны, такъ-называемые „чалаусы", ѣдятъ тарантуловъ, но молодые бараны не ѣдятъ, а бьютъ ихъ копытомъ. Если правда, что баранъ ѣстъ тарантула, то нельзя же допустить, чтобъ тарантулъ нисколько не защищался; ужъ, вѣроятно, онъ кусаетъ барана въ то время, какъ баранъ хватаетъ его; но баранъ остается цѣлъ и невредимъ; должно быть, ядъ тарантула нисколько не дѣйствуетъ на кровь барана. Напротивъ, Киргизы отъ укушенія тарантула лечатся посредствомъ барана же. Ту часть тѣла, гдѣ укуситъ тарантулъ, они подставляютъ подъ морду барана, и баранъ, почуя, вѣроятно, запахъ знакомаго гада, тотчасъ начинаетъ лизать ранку и весь ядъ вылизываетъ, безъ малѣйшаго для себя вреда.

Страшась барановъ, тарантулы, натурально, должны бояться и запаха ихъ шерсти, по крайней мѣрѣ свѣжей, то-есть, не такъ давно снятой съ барана, слѣдовательно, не успѣвшей еще утратить природнаго запаха. Поэтому туда, гдѣ только есть войлокъ, джибага, овчина, или какой бы то ни было клокъ бараньей шерсти, тарантулъ, говорятъ, не смѣетъ ногой ступить, а, напротивъ, бѣжитъ того мѣста дальше *).

Есть на Уралѣ, впрочемъ, не у казаковъ, а у Киргизовъ, въ этомъ родѣ преданіе, которое кстати можно здѣсь привести и которое гласитъ вотъ что:

Когда-то, давно, два Киргиза, косяшники (то-есть конные пастухи), одинъ старикъ, другой молодой, ѣздили по степи и отыскивали пропавшихъ лошадей. Цѣлый день они проѣздили, пропавшихъ лошадей не нашли, а тѣхъ, на которыхъ ѣздили, заморили. Косяшники заночевали въ степи. Но въ томъ мѣстѣ, гдѣ они остановились, было множество

*) По словамъ автора, въ одной ненапечатанной его рукописи, онъ ошибся въ объясненіи причины того обстоятельства, что тарантулы боятся войлока: мелкіе волосы просто колятъ нѣжную лапку насѣкомаго. Оно боится и аркана изъ конскаго волоса. *Ред.*

тарантуловъ. Боясь ихъ, Киргизы рѣшились всю ночь не спать, и долго ходили около лошадей, но усталость и сонъ взяли свое: Киргизы заснули. Одинъ изъ нихъ, старикъ, легъ на землю, постлавъ подъ себя „потникъ“ *) и совѣтуя молодому товарищу сдѣлать то же; но тотъ не послушался,— онъ рѣшился заснуть, сидя на лошади. Замотавъ поводъ на луку сѣдла, чтобъ лошадь стояла смирно и не наклоняла морды къ землѣ, гдѣ, слѣдуетъ замѣтить, не было ни одной былинки, молодой косяшникъ сѣлъ на лошадь и, склонясь къ лукѣ, взялъ въ руки крюкъ или „укрюкъ“ **), опершись имъ о землю, чтобъ соблюсти, по возможности, равновѣсіе и не упасть на землю, и задремалъ. Старикъ, спавшій на землѣ, на войлокѣ, остался цѣлъ и невредимъ, а съ молодымъ стряслась бѣда: тарантулъ по „укрюку“ доползъ до голыхъ рукъ Киргиза и укусилъ его. Несчастный чрезъ нѣсколько дней послѣ того умеръ.

Мнѣ самому случалось не разъ спать на войлокахъ, въ степи, гдѣ было много тарантуловъ, но, благодаря Бога, я не подвергался укушенію ихъ. Между-тѣмъ, лѣтъ девять назадъ, именно въ 1847 году, одинъ, достойный всякаго уваженія генералъ, на походѣ отъ Орской крѣпости къ Аральскому морю, кажется, въ пескахъ „Кара-Кумъ“, былъ укушенъ тарантуломъ въ то время, когда спалъ на походной, чуть-ли не на желѣзной кровати, а рука его спустилась, во время сна, съ кровати и касалась земли.

Вообще, на сколько правдиваго и на сколько сказочнаго въ извѣстіи о тарантулахъ — не могу сказать положительно. Это подлежитъ изученію и рѣшенію ученыхъ. Съ моей стороны, я считаю обязанностью передать, и передаю только то, что слыветъ между казаками и степнымъ народомъ повѣрьемъ.

Изъ вышеприведенныхъ словъ Степана Гладова видно, что онъ не такой былъ суевѣръ, какъ другіе казаки. Гладовъ,

*) Подсѣдельный намётъ, небольшой кусокъ войлока,

**) Длинный и тонкій шестикъ, на концѣ котораго дѣлаютъ петлю изъ аркана или веревки, когда хотятъ поймать въ табунѣ лошадь.

мы слышали, соображалъ, разсуждалъ и говорилъ всегда дѣльно, можно сказать, логично, значитъ, онъ былъ гораздо умнѣе и толковѣе другихъ своихъ земляковъ, но за всѣмъ тѣмъ онъ вѣрилъ въ существованіе кладовъ.

— Кладъ кладу рознь,—говорилъ Гладовъ, когда я нарочно наводилъ разговоръ на этотъ предметъ, чтобъ услышать сужденіе и выпытать образъ мыслей Гладова.—Иной кладъ положенъ, примѣромъ сказать, въ землю спроста, такъ-себѣ, для сбереженья казны, а послѣ, какимъ ни-на-есть случаемъ, его позабудутъ, такъ онъ тамъ, въ землѣ-то, сирѣчь, и останется. Пройдетъ сколько-нибудь лѣтъ, копается какой-нибудь человѣкъ въ землѣ, ради какой-нибудь нужды, да нечаянно и выкопаетъ эвтотъ кладъ — ну, его счастье, возьметъ денежки, да и заживетъ припѣваючи, бариномъ, спи рука, спи нога. Отъ эвтакаго клада никакого худа не приключится, да и кладъ эвтакой, сказать правду, не кладъ, а просто-на-просто находочка.

— А вотъ заколдованный есть кладъ, — ну, эвто особь статья. Такого клада нечаянно не найдешь, когда онъ самъ не дастся. А ужь есть-когда дастся, такъ не задаромъ дастся, не на спасибо — нѣтъ, такой кладъ — мое почтеніе! такой кладъ вотъ куда взъѣдетъ (съ этимъ словомъ Гладовъ закинулъ руку на затылокъ), да вотъ здѣсь отдастся (тутъ Гладовъ опустилъ и приложилъ руку къ сердцу)... Да, въ эвтомъ не надо сумлѣваться.

Я спрашивалъ Гладова, на основаніи какихъ фактовъ онъ вѣритъ въ существованіе „заколдованныхъ“ кладовъ. О кладахъ, по его опредѣленію, „простыхъ“, не было надобности толковать, потому-что много-ли, мало-ли, были въ самомъ дѣлѣ на Уралѣ примѣры, что люди находили въ землѣ деньги и разныя цѣнныя вещи, особенно близь нынѣшней Сарайчиковской крѣпости, гдѣ, въ давнія времена, жили татары такъ называемой Золотой Орды *). И Гладовъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай.

*) Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка славился несмѣтнымъ, относительно къ казакамъ, богатствомъ, житель Сарайчиковской

— Въ молодости моей я знавалъ одного старца, — говорилъ Гладовъ. —Старецъ эвтотъ жилъ въ землянкѣ, на „Маяшномъ Бугрѣ“ *), тамъ и умеръ. Что онъ былъ за человѣкъ — Богъ вѣдаетъ; о себѣ онъ ничего не разсказывалъ, да и вообще о житейскомъ онъ былъ неразговорчивъ. Ну, насчетъ духовности можно было съ нимъ поговорить: онъ эвто любилъ. Въ Гурьевъ онъ хаживалъ весьма рѣдко, какихъ-нибудь раза два-три въ годъ придетъ, да и то за самымъ нужнымъ дѣломъ, примѣрно, за Божьими свѣчками, да кой-за-чѣмъ, все по духовности. На счетъ пищи онъ, почитай, не заботился, какъ птица небесная. Принесетъ, бывало, кто-нибудь ему мучки или крупки — хорошо, возьметъ, — не принесетъ — не гнѣвался, не спрашивалъ; питался кое-чѣмъ: морковкой, рѣдечкой и разной огородной зеленью. Какъ есть святой былъ эвтотъ старецъ. Когда, бывало, случится на охотѣ заночевать, близь его кельи, особенно зимней порой, ну, возьмешь, да и зайдешь къ нему и переночуешь. Однажды, наканунѣ Благовѣщенья, умудрилъ меня шишига (дьяволъ) идти на охоту... Знаете, хотѣлось на святой разговѣться дичин-

---

крѣпости, казакъ Захаръ Матыгинъ. Подъ пьяную руку, онъ обыкновенно хвастался и вызывалъ желающихъ на пари, что онъ отъ Сарайчика до Яманхалинскаго форпоста, на разстояніи 23-хъ верстъ, всю дорогу можетъ устлать красными и бѣлыми ассигнаціями. Разумѣется, никто съ нимъ пари не держалъ и потому неизвѣстно, сколько было у Матыгина денегъ. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: про Матыгина народная молва гласила, что онъ вырылъ въ землѣ, близь Сарайчика, на урочищѣ „Мажары“ или „Маджары“ цѣлый челнокъ или лодку золотыхъ и серебряныхъ монетъ; отъ этого будто бы онъ и разбогатѣлъ. Но я не раздѣляю этого народнаго мнѣнія. По всей вѣроятности, Матыгинъ разбогатѣлъ не отъ клада, а отъ прибыльной мѣны съ Киргизами въ то благословенное время, когда баранъ, стоющій нынче до трехъ руб. сер., пріобрѣтался у Киргизовъ на хлѣбъ, да кой-какія ничтожныя русскія издѣлія за 50 или за 80 коп. мѣди, а продавался въ Руси за нѣсколько рублей. Вотъ въ чемъ, вѣроятно, заключался кладъ. Этого рода кладомъ не одинъ Матыгинъ пользовался, а многіе другіе.

*) Прежде островъ, а нынче полуостровъ, выдвигающійся въ море, вправо въ устьяхъ Урала, верстахъ въ 15-ти.

кой... Оттого ли, что я не почелъ праздника, или отчего другого—Богъ знаетъ, охота мнѣ не задалась. Два раза цѣлилъ въ борова (кабанъ) близёхонько, почесть-что въ упоръ, и въ оба раза ружье дало осѣчку; третій разъ выстрѣлилъ, но далъ промахъ. Подползалъ нѣсколько разъ къ гусямъ, и хорошо подползалъ,—не точію-что изъ ружья, а полѣномъ можно было бы ушибить, но какъ ни выстрѣлю — мимо да мимо, словно и дроби въ ружьѣ не было. Это меня взбѣсило. Со такой со досады я поднялъ ружье на плечо и хотѣлъ было идти домой, но тутъ и вспомнилъ про старца: дай, думаю, зайду къ отцу Борису (старца звали Борисомъ); землянка же его была недалеко. Пришелъ къ нему.

— Богъ пóмочь, говорю, отецъ Борисъ!

— Добро пожаловать, говоритъ онъ.

Немного погодя, онъ спросилъ меня:

— А что, какова охота, Стёпушка?

Тогда я былъ почитай-что мальчишкой, по эвтому старецъ и называлъ меня Стёпушкой.

— Плоха, говорю.

— То-то, дитятко,—сказалъ старецъ:—праздники нужно почитать, особенно завтрашній: эвтотъ праздникъ большой, строгій праздникъ, на него и птица гнѣзда не вьетъ, а ты еще, словно еретикъ какой, вздумалъ кровь проливать. Въ большіе праздники или наканунѣ праздниковъ не моги, голубчикъ, ходить на охоту: Богъ пути не дастъ, да и несчастье можетъ приключиться. И „писанье“ говоритъ, что лишь только „чуточку“ христіанинъ забудется, окаянный какъ-разъ къ нему подвернется, напуститъ въ глаза туману, обморочитъ какимъ-ни-на-есть манеромъ, а тамъ и поминай несчастную душеньку, какъ звали. Чаще всего онъ, шишигато — не здѣсь будь помянутъ — нападаетъ на гулебщиковъ— замѣть эвто, Стёпушка, — покажется сначала какимъ-нибудь звѣремъ или какой птицей, а потомъ превратится въ чудо, напуститъ на человѣка „рабу“ (ужасъ); человѣкъ испугается; у человѣка языкъ отнимется, умъ помрачится; человѣкъ и умретъ, пожалуй, съ испуга, безъ языка, а умереть безъ

языка, значитъ—безъ покаянія умереть, а эвто, знаешь, дьяволу и на-руку. Хочешь, говоритъ мнѣ старецъ, я разскажу тебѣ эвтакой случай.

— Разскажи, пожалуйста, говорю.

И старецъ разсказалъ мнѣ вотъ что:

— Одинъ гулебщикъ, на Страшной недѣлѣ — помнится, старецъ сказывалъ, въ великій четверекъ, а эвто было давно: старецъ-то разсказывалъ мнѣ назадъ лѣтъ пятьдесятъ, да допрежде того времени, какъ онъ мнѣ разсказывалъ, случилось лѣтъ за тридцать; значитъ, тому времени будетъ лѣтъ восемьдесятъ — вотъ ходилъ гулебщикъ, въ великій четверекъ, по Маяшному бугру, гдѣ жилъ эвтотъ старецъ. Долго ли, коротко ли ходилъ гулебщикъ — неизвѣстно, но только не удалось ему убить ни звѣря, ни птицы. Вотъ онъ и остановился около одного „марика“ *) отдохнуть, остановился и облокотился на ружье. Вдругъ земля разступилась и прикладъ ружья провалился внизъ. Гулебщикъ подумалъ, что тутъ „тюлёчья“ (лисья) или корсучья нора, и сталъ „ражками“ **) раскапывать землю. Земля такъ и осыпается, такъ и падаетъ внизъ, будто въ пропасть. Скоро сдѣлалась въ томъ мѣстѣ порядочная дыра. Гулебщикъ заглянулъ въ нее и увидѣлъ, что эвто былъ какой-то погребъ, а совсѣмъ не нора. Гулебщикъ давай еще больше ковырять землю и расковырялъ еще шире, такъ-что въ отверстіе слободно можно было пролѣзть человѣку. Сперва гулебщикъ попробовалъ шомполомъ, опустилъ шомполъ до дна погреба, смѣрялъ — всего оказалось по грудь ему, а потомъ, не перекрестясь, не благословясь, спустился туда и самъ. Тамъ было темно. Гулебщикъ припалъ къ полу, осмотрѣлся и увидалъ: въ одномъ углу стоитъ кадка, въ другомъ другая, въ третьемъ третья, въ четвертомъ четвертая. Подошелъ къ одной кадкѣ; въ ней налито красное вино и плаваетъ ковшикъ; къ другой — въ той мѣдь (мѣдныя деньги); бросился къ третьей—серебро; къ

*) Уменьшительное названіе маръ, а маръ значитъ холмъ, курганъ.

**) Вилкообразная подставка ружейная.

четвертой... батюшки-свѣты!.. у гулебщика въ глазахъ зарябило: четвертая кадка, сударь ты мой, полна золота!.. Тоё-жь минуту гулебщику вспало на умъ, что въ эвтой землянкѣ жили когда-нибудь разбойники и добро эвто осталось послѣ нихъ. Вотъ онъ скинулъ съ ногъ „бахилы“ *) и давай нагребать въ нихъ золото. Насыпалъ обѣ бахилы чуть не полны, связалъ верхніе концы ихъ кушакомъ, едва-едва взвалилъ на плечо и, наклонясь, почти ползкомъ добрался до отверстія, гдѣ видѣнъ былъ свѣтъ. Хотѣлъ-было карабкаться вонъ изъ землянки, да вздумалъ — вѣстимо, лукавый попуталъ — вздумалъ выпить ковшикъ-другой вина, чтобъ съ силами собраться. Зачѣмъ дѣло стало? Вино-то подъ руками. Бросилъ гулебщикъ на полъ бахилы съ золотомъ, подошелъ къ кадкѣ, гдѣ было вино, зачерпнулъ ковшикъ и — на лобъ. Вино гулебщику понравилось; онъ хватилъ другой ковшикъ, а за нимъ третій, за третьимъ четвертый. Схмѣлѣлъ гулебщикъ, но и повеселѣлъ. Оно и было отчего повеселѣть: и вино ядрено, и золота бездна. Послѣ эвтого, гулебщикъ забралъ золото и сунулся къ выходу — но не тутъ-то было: отверстіе закрылось, свѣтъ пропалъ и вокругъ гулебщика сдѣлалась тьма кромѣшная: хоть глазъ выколи — ничего не видать. Гулебщикъ давай шарить руками и по стѣнамъ, и по потолку, но выхода нѣтъ, какъ-будто его и вовсе не было. Измучился гулебщикъ, искамши выхода, и опустилъ бахилы съ золотомъ на полъ. Лишь только онъ эвто сдѣлалъ — отверстіе открылось. Обрадовался гулебщикъ и схватилъ опять въ руки золото, но выходъ опять закрылся, опять сдѣлалась тьма кромѣшная. Гулебщикъ нѣсколько разъ то бросалъ золото, то бралъ его; какъ броситъ — выходъ откроется, какъ возьметъ —

---

*) Родъ большихъ и длинныхъ кожаныхъ чулокъ, надѣваемыхъ вмѣсто сапогъ рыболовами и охотниками, когда приводится имъ въ холодное время ходить въ водѣ и по болотнымъ мѣстамъ. Когда ходятъ собственно по болотамъ, да по камышамъ, тогда охотники поверхъ бахилъ надѣваютъ поршни — родъ башмаковъ со сборками, сшитыхъ изъ сырой коневьей или воловьей кожи.

выходъ закроется. Вонъ она какая притча-то! Сначала, съ пьяна-то, гулебщикъ въ толкъ эвтого не могъ взять, а какъ вдругъ надоумился, что эвто вѣрно заколдованный кладъ, такъ его морозъ по кожѣ подралъ, волосъ дыбомъ сталъ, и руки опустились, и ноги подкосились, и языкъ отнялся. Кое-какъ, кое-какъ, крестясь и творя въ мысляхъ молитву, гулебщикъ добрался до выхода и выползъ на свѣтъ Божій; золото онъ бросилъ. Лишь только гулебщикъ отползъ на нѣсколько шаговъ отъ землянки, сзади его запищали, завизжали и закричали на разные голоса. „Ну, счастье твое, что во́-время догадался“, закричали ему изъ землянки: „а то былъ бы нашъ!“ Тутъ ужъ, сударь ты мой, гулебщикъ начисто оробѣлъ и замертво упалъ. На другой день гулебщика эвтого, еле живаго, безъ языка, разутаго, исцарапаннаго и безъ ружья, нашелъ въ полѣ старецъ Борисъ и принесъ къ себѣ въ келью. На третій день гулебщикъ очнулся, покаялся, успѣлъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, разсказать старцу свое страшное приключеніе, и тутъ же отдалъ Богу душу.

— Вотъ она, какая притча-то!—сказалъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Гладовъ: — вотъ они каковы, заколдованные-то клады; они не дадутся спроста, а ужъ безпремѣнно на голову. Эвтотъ кладъ, растолковалъ мнѣ старецъ, былъ положенъ съ такимъ заговоромъ, что изъ него чего-нибудь одного можно было взять, примѣрно, серебра, али золота, али вина, ну, словомъ, одного чего-либо, а гулебщикъ-то, окромя золота, захотѣлъ еще вина выпить: такъ дѣло-то и вышло, съ позволенья сказать, дрянь. Возьми онъ одного золота — глядишь бы и унесъ его, что бы тамъ опосля ни случилось, а то, вишь, гулебщикъ-то захотѣлъ винца хватить, и хватилъ, да только голову свою и сложилъ. Хорошо еще, что онъ умеръ христіаниномъ на свѣтѣ Божьемъ, успѣлъ покаяться; а каково было бы душенькѣ его на томъ свѣтѣ, когда бы онъ напился вина до безчувствія и свалился бы въ погребѣ: ночью-то бы окаянные безпремѣнно задушили его. Вотъ они каковы, заколдованные-то клады! — заключилъ Гладовъ.

— И ты, дѣдушка, вѣришь, что съ гулебщикомъ случилась такая „притча“ отъ клада?—спросилъ я Гладова.

— Какъ же не вѣрить?—сказалъ Гладовъ:—вѣдь старецъ Борисъ эвто разсказывалъ; а онъ никогда ни въ чемъ не лгалъ—такая степенная и умная душа была.

— Да вѣдь, возразилъ я,—съ гулебщикомъ такая „оказія“ могла случиться спроста. Онъ дѣйствительно могъ случайно, какъ ты сказалъ, открыть землянку и въ ней найдти вино, которое осталось тамъ отъ старинныхъ жильцовъ ея, хоть разбойниковъ какихъ; вѣдь ты же сказалъ, что и гулебщику сначала показалось такъ—все это дѣло подходящее къ правдѣ; могъ гулебщикъ и выпить вина, и это—дѣло обыкновенное, да, видно, онъ черезчуръ хватилъ вина: тутъ, знаешь, какъ стукнуло ему въ голову, какъ въ глазахъ-то у него зарябило, потемнѣло, тутъ, знаешь, и представились ему и кадки, и золото, и бахилы, и выходъ безъ выхода, и визгъ, и крикъ, и разная такая чертовщина. Дивлюсь даже, присовокупилъ я, какъ ты, Степанъ Петровичъ, при такомъ здравомъ умѣ, вѣришь въ такіе пустяки. Вѣдь ты не вѣришь въ заговоры лихорадокъ, змѣй и въ разныя разности, такъ не слѣдуетъ вѣрить и въ заколдованные клады.

Гладовъ только кашлянулъ, но ничего не сказалъ.

— Чтó-жъ ты на это скажешь?—спросилъ я, немного погодя.

— Гм!... Да я вотъ что скажу, не обидьтесь только—проговорилъ старикъ:—вы молоды, вы зелены, зеленѣе травочки весенней, вы все книжечки читаете, оттого-то нашимъ простымъ и правдивымъ словамъ вѣры не даете. Конечно,—присовокупилъ старикъ,—вѣрить всему нехорошо, а не вѣрить ничему вдвое хуже.

Тутъ Гладовъ обратилъ рѣчь на другіе предметы, заговорилъ о томъ, какъ онъ въ гвардіи служилъ, какъ у батюшки-царя, Павла Петровича, въ палатахъ на часахъ стоялъ, какъ въ малиновомъ зипунѣ щеголялъ, какъ лѣтомъ въ Фонтанкѣ купался и какъ притомъ сомъ плескомъ потѣ-

шался *) и проч., и проч. Но все это къ настоящему разсказу нейдетъ. Обращаюсь къ сайгачникамъ и къ охотѣ за сайгаками. Но слѣдуетъ разсказать предварительно, что́ за звѣрь или что́ за животное этотъ сайгакъ.

IV.

САЙГАКИ **).

Въ началѣ этой статьи, въ выноскѣ, сказано, что сайгакъ — родъ дикой козы. Для тѣхъ, кто бывалъ въ Оренбургскомъ краѣ или въ Киргизскихъ степяхъ и видалъ сайгаковъ, или хоть слыхалъ о нихъ, достаточно, конечно, этого одного названія; но для тѣхъ, кто незнакомъ ни съ Оренбургскимъ краемъ, ни со степями Киргизскими (а такихъ людей въ Россіи, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ первыхъ) не лишнимъ, думаю, сдѣлать небольшое поясненіе о сагайкѣ.

---

*) Выраженіе „сомъ плескомъ потѣшался“ понятно только казакамъ-уральцамъ, а постороннимъ читателямъ, вѣроятно, темно. Поэтому считаю нужнымъ сдѣлать маленькое поясненіе. У казаковъ такая беззаботная, игривая и шаловливая натура, что они нигдѣ, даже и въ водѣ, не упустятъ случая подшутить другъ надъ другомъ. Напримѣръ, купаясь, казакъ или казаченокъ нырнетъ въ воду и подъ водой приблизится къ тому товарищу, съ которымъ вздумаетъ сыграть шутку: не показываясь самъ изъ воды, забавникъ выкинетъ граціознымъ манеромъ одну только ногу, размахнетъ ею въ воздухѣ и будто не онъ, а сомъ плескомъ, то-есть плёсомъ, хватитъ по головѣ или по чемъ попадетъ товарища. Конечно, при этомъ случаѣ забавникъ можетъ и промахнуться и, въ свою очередь, подвернуться подъ ногу другого. Чѣмъ вѣрнѣе ударъ, разумѣется, болѣе или менѣе слабый — дѣло не въ томъ, чтобъ зашибить товарища, а чтобъ только попасть въ него — тѣмъ бываетъ живѣе и веселѣе смѣхъ свидѣтелей. Это и значитъ, „сомъ плёскомъ пошутитъ“. *Авт.*

**) Въ этой главѣ редакція сдѣлала кое-какія измѣненія, основываясь на замѣткахъ автора по поводу своихъ же разсказовъ, — замѣткахъ, оставшихся въ рукописи. Авторъ нашелъ въ своемъ разсказѣ о сайгакахъ довольно крупныя ошибки, въ которыя впалъ, довѣрясь книжкѣ г. Левшина „Историческое и Статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ“. Эти-то ошибки въ замѣткахъ выяснены и здѣсь исправлены. *Ред.*

Итакъ, сайгакъ — дикая коза. Правильное названіе ей— сайга. Ученые естествоиспытатели называютъ ее: antilopa saiga. Русскіе, я такъ полагаю, изъ сайги переименовали ее въ сайгака. Киргизы называютъ этихъ козъ кіиккъ. Есть сайги и на Кавказѣ, но совсѣмъ не такія, какія за Ураломъ, въ степи Киргизской: и видомъ, и складомъ кавказскія сайги много отличаются отъ Киргизскихъ. Вообще, порода сайгъ разнообразна, и Киргизская сайга имѣетъ свой отличительный видъ.

Сайгакъ (я буду слѣдовать этому названію) величиной съ обыкновенную домашнюю козу или овцу, но гораздо потоньше козы и овцы или, такъ сказать, постатнѣе и покрасивѣе ихъ сложенъ; а всего ближе сайгакъ складомъ подходитъ къ оленю. Ноги у сайгака длиннѣе овечьихъ чуть не вдвое, тонкія, сухія и жилистыя, отчего сайгакъ обладаетъ чрезвычайной быстротой. Нѣтъ ни лошади, ни собаки, которая бы, въ обыкновенное лѣтнее время, словомъ, не по снѣгу, могла догнать взрослаго сайгака. Маленькихъ, двухъ-трехмѣсячныхъ сайгачатъ, случалось, заганивали лѣтней порой казаки, Киргизы и Башкирцы на лошадяхъ; я самъ бывалъ этому, во время степныхъ походовъ, свидѣтелемъ и отчасти былъ дѣйствующимъ лицомъ; но и тутъ сайгачата гибли собственно отъ безтолковости, а не отъ недостатка быстроты. Напримѣръ, слѣдуетъ по степи огромный обозъ тысячи въ двѣ телѣгъ; идетъ обозъ двумя линіями, параллельно одна другой, линія отъ линіи въ разстояніи ста саженей: это—такъ-называемая колонна. По сторонамъ и сзади колонны идутъ и ѣдутъ большими толпами казаки, Башкирцы и Киргизы. Вдругъ или около самой колонны, или въ срединѣ ея, между двухъ рядовъ телѣгъ, вскочитъ заспавшійся сайгаченокъ. Вмѣсто того, чтобъ мгновенно взглянуть на мѣстность и сразу, какъ дѣлаютъ взрослые сайгаки, нечаянно, врасплохъ застигаемые, направить бѣгъ въ одну сторону, сайгаченокъ, какъ глупое дитя, бросится, куда ни попало. Смотришь, онъ бросился или подъ телѣги, или подъ ноги людей и лошадей; а тутъ со всѣхъ сторонъ поднимется страшный шумъ, гикъ,

крикъ, хлопанье кнутами, щелканье нагайками — словомъ, сдѣлается цѣлый адъ. Сотни вершниковъ окружатъ бѣднаго сайгаченка: тотъ броситъ въ него шашку, тотъ нагайку, этотъ пику, а этотъ закричитъ, зазѣваетъ что есть силы-мочи, такъ-что иной человѣкъ содрогнется, не только-что сайгаченокъ. Сайгаченокъ оторопѣетъ и какъ шальной бросается то въ ту сторону, то въ другую, то къ тому вершнику, то къ другому, закружится, бѣдняжка, и — смотришь, или на пику наткнется, или подъ шашку подвернется, или отъ удара толстой нагайки свернется. Но когда удавалось сайгаченку выбѣжать изъ толпы всадниковъ въ открытое поле, онъ убѣгалъ отъ нихъ цѣлъ и невредимъ.

На Уралѣ много ходитъ удивительныхъ, почти баснословныхъ, но на самомъ дѣлѣ истинныхъ разсказовъ на счетъ быстроты бѣга сайгачатъ. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ. Однажды казаки, верхомъ на лошадяхъ, гнались за сайгакомъ, за суягной самкой. Въ верстѣ или ближе коза остановилась и въ виду казаковъ выкинула сайгаченка. Пока казаки подскакали къ ней, она успѣла облизать дѣтёныша, и тотъ, вскочивъ, побѣжалъ за матерью. Вскорѣ и самка, и дѣтёнышъ скрылись изъ вида.

О взрослomъ сайгакѣ и говорить нéчего: онъ бѣжитъ, какъ птица летитъ, какъ вѣтеръ несется. На бѣгу сайгакъ дѣлаетъ частые и высокіе прыжки и такъ легко и свободно, что, если бы какимъ ни-на-есть образомъ подвернулась къ нему собака или онъ къ собакѣ, то однимъ такимъ прыжкомъ онъ очутится внѣ опасности.

Разъ, понадѣясь на мою лошадь, съ которой ни одна изъ казачьихъ лошадей не могла равняться въ рѣзвости, я погнался за сайгакомъ и что жъ?—совѣстно сознаться: я осрамился! Правда, товарищъ мой, Б. К...въ, и казакъ-деньщикъ, пустившіеся за мной,—одинъ изъ чувства соперничества, а другой изъ чувства состраданія, чтобъ не заскакали, дескать, храбрые „лыцари“ на край свѣта,—отстали отъ меня за версту, но я-то отсталъ отъ сайгака дальше и потомъ вскорѣ потерялъ его изъ вида. У казаковъ и киргизовъ быстрота сайгака

вошла въ поговорку или въ сравненіе. Если казакъ или Киргизъ хочетъ высказать достоинство лошади, онъ, между прочимъ, говоритъ: „она (лошадь) бѣжитъ, какъ сайгакъ“.

Самцы или такъ-называемые козлы имѣютъ рога, а у самокъ (козочекъ) ихъ нѣтъ. У послѣднихъ, вмѣсто рогъ—небольшія костяныя шишечки или, какъ называютъ казаки, „спенечки“. Рога у самцовъ торчатъ прямо надъ головой, рогъ рогу почти-что параллельно, съ едва замѣтнымъ расширеніемъ наверху; они круглые, четверти въ полторы длины; у молодыхъ, разумѣется, меньше, цвѣтомъ изъ-желта-сѣроватые, въ основаніи довольно толстые, кверху постоянно утончающіеся, самые же кончики острые и загибающіеся немного назадъ. На вершокъ отъ основанія (эта часть рога покрыта какой-то шелухой или корой) начинаетъ вокругъ рога идти винтомъ кверху рубчикъ, который, по мѣрѣ приближенія къ концу, дѣлается тоньше, сглаживается и къ самому концу совсѣмъ исчезаетъ. По рубцу этому казаки и киргизы опредѣляютъ число лѣтъ сайгаку, полагая на каждый оборотъ рубца около рога по сколько-то лѣтъ, по два или по три года—не знаю, забылъ, да и вообще опредѣленіе это должно быть невѣрно.

Шерсть на сайгакѣ желтовата или изъ-красна-желтовата, а подъ брюхомъ бѣловата; это—лѣтній цвѣтъ шерсти: зимой же она превращается въ сѣроватую; желтизны въ ней тогда незамѣтно. Цвѣтъ шерсти зимой на сайгакѣ ближе подходитъ къ зимней шерсти волка. Лѣтомъ шерсть на сайгакѣ короткая, гладкая и глянцовитая, а зимой длинная или, какъ говорится, уроslая, весьма-грубая и рѣшительно ни на что негодная. Изъ лѣтнихъ шкуръ казаки шьютъ иногда архалуки и „дохи“ (родъ шубы, шерстью вверхъ), но зимнія кожи почти ни на какое употребленіе нейдутъ: онѣ до такой степени плохи, что ихъ большею частью бросаютъ.

Мясо сайгачье вкусомъ похоже на баранье, но немного отзывается по́томъ и какою-то прѣлостью. Если сварить его безъ всякихъ предварительныхъ мѣръ, а прямо послѣ того, какъ будетъ убитъ сайгакъ, оно многимъ не нравится; но

если одну ночь, лѣтнюю, напримѣръ, продержать это мясо въ водѣ (не въ кадкѣ, однакожъ, а въ рѣкѣ или въ озерѣ) и потомъ ужъ готовить, оно дѣлается гораздо-вкуснѣе и пріятнѣе: дурной запахъ его уничтожается. Зато студенистая и огромная, въ сравненіи съ небольшимъ ростомъ сайгака, морда его весьма-вкусна: мордѣ сайгачьей, думаю, позавидовалъ бы любой гастрономъ, не выключая даже знаменитаго и всѣмъ извѣстнаго гоголевскаго Пѣтуха.

Есть еще кое какія особенности у сайгака, но о нихъ мы узнаемъ изъ послѣдующаго разсказа объ охотѣ.

V.

ОХОТА ЗА САЙГАКАМИ.

Охота за сайгаками—одна изъ самыхъ трудныхъ и утомительныхъ охотъ. Чтобы заслужить имя сайгачника, для этого мало одного умѣнья стрѣлять мѣтко — нѣтъ, для этого охотникъ долженъ терпѣливо сносить жажду, страшный зной и духоту, долженъ большое пространство, иногда цѣлыя версты перепалзывать на брюхѣ, не поднимая головы и ни на волосъ не отдѣляясь отъ земли, долженъ имѣть силу физическую и силу воли твердую, стойкую, до упрямства стойкую: безъ всего этого можно только пугать сайгаковъ, а не убивать, можно сдѣлаться только пугаломъ, а не охотникомъ-сайгачникомъ.

Ни весной, ни осенью, ни зимой сайгаковъ не стрѣляютъ, то-есть, не охотятся нарочно за ними: въ эти времена года охотнику нѣтъ никакой возможности среди гладкой степи подползти или, какъ говорится, подкрасться къ сайгаку. Причина этому вотъ какая: въ дни холодные, прохладные и, вообще, не въ жаркіе дни, сайгакъ безпрестанно бродитъ по степи. Пока охотникъ проползетъ десять шаговъ, тѣмъ временемъ сайгакъ нѣсколькими прыжками удалится отъ него на полверсты. У сайгаковъ есть манера, безъ всякой, пови-

димому, причины, дѣлать прыжки, когда они ходятъ по степи. Между-тѣмъ казаки, наученные опытомъ, говорятъ, что сайгаки дѣлаютъ это съ цѣлью обозрѣть окрестность—нѣтъ ли, дескать, гдѣ скрытаго врага.

Бываетъ, что и весной, и осенью убьетъ казакъ сайгака, но только ужъ какъ-нибудь случайно, когда сайгакъ самъ нечаянно наткнется на казака, засѣвшаго отъ-нечего-дѣлать на какомъ-либо промыслѣ, или у водопоя, куда придетъ сайгакъ напиться, или гдѣ-либо въ овражкѣ, если таковой въ степи, гдѣ водятся сайгаки, случится, или за какимъ-нибудь маромъ. Но все-таки это не охота, а исключеніе изъ настоящей сайгачной охоты.

Бываетъ, что казаки бьютъ, даже много бьютъ сайгаковъ и зимой, когда суровая зима, а, главное, когда глубокій и зачерепившійся, то-есть обледенѣвшій сверху снѣгъ сгонитъ сайгаковъ со степи въ луга, къ берегамъ Урала, Илека и другихъ, впадающихъ въ Уралъ рѣчекъ или въ гурьевскіе камыши. Но эту охоту совсѣмъ нельзя назвать охотой; это скорѣе ловля или даже бойня, а ужъ ни въ какомъ случаѣ не охота. Въ этомъ случаѣ казаки не изъ ружей стрѣляютъ сайгаковъ, а, пользуясь глубиной снѣга и худобой еле-движущихся отъ безкормицы сайгаковъ, загоняютъ ихъ на лошадяхъ, бьютъ дубинами, колятъ пиками, травятъ, какъ зайцевъ, собаками и ловятъ капканами. Этимъ способомъ казакъ хоть цѣлый табунъ сайгаковъ перебьетъ — случалось и это—а никто не назоветъ его сайгачникомъ, да и самъ онъ не станетъ гордиться такой охотой, а развѣ только похвастается лошадью, да собакой, какой-нибудь Валеткой или Арешкой.

Настоящая же охота за сайгаками бываетъ среди лѣта, въ самый зной, въ самую духоту, когда солнцемъ, какъ огнемъ, палитъ, когда въ воздухѣ не дохнетъ, не шелохнетъ, какъ-будто все замретъ. Вотъ тогда-то, въ такую пору, когда иной человѣкъ и въ тѣни не находитъ мѣста отъ жары, сайгачникъ и открывай свой „талантъ“, удаль, сметку, проворство, терпѣнье и силу богатырскую.

Во время лѣта на спинѣ у сайгаковъ, подъ кожей, заводятся какіе-то, въ видѣ піявокъ, черные черви, которыхъ казаки называютъ угрями. Отъ жаровъ угри эти гомозятся и производятъ, разумѣется, въ тѣлѣ сайгака зудъ, отчего сайгакъ приходитъ въ какое-то изступленное состояніе, бѣснуется и кидается въ двѣ крайности: или, какъ бѣшеный, бѣгаетъ, что есть силы-мочи, по степи, или, какъ шальной и одурѣлый, стоитъ на одномъ мѣстѣ. Чаще всего сайгакъ остается на одномъ мѣстѣ. Въ этомъ состояніи онъ безпрестанно мотаетъ головой, бьетъ и роетъ копытомъ землю, выбиваетъ подъ собою „кобло“ (яму); то въ „кобло“ это ляжетъ и уткнетъ морду въ землю, то снова вскочитъ и забарабанитъ ногами: это, по выраженію казаковъ, сайгакъ кобится. Вотъ въ эти самые часы, когда сайгакъ „кобится“, охотникъ и можетъ подползти къ нему на ружейный выстрѣлъ, а въ другое время рѣшительно нѣтъ возможности приблизиться къ сайгаку. Подползши къ сайгаку на выстрѣлъ, охотникъ бьетъ или изъ винтовки одной пулей, или изъ фузеи нѣсколькими пулями, которыя покрупнѣе дроби-безымянки и извѣстны собственно у казаковъ подъ именемъ летокъ, а у прочихъ охотниковъ въ Россіи подъ именемъ „картечи“; летками или картечью, однакожъ, бьютъ весьма-рѣдко, одни только начинающіе охотники. Обыкновенно сайгачники стрѣляютъ одной пулей изъ винтовки или изъ долгоствольной турки.

Или у сайгака нѣтъ такого тонкаго чутья и слуха, какими одаренъ, напримѣръ, кабанъ, волкъ и другіе звѣри, или сайгакъ, принадлежа къ породѣ барановъ, недалеко ушелъ отъ нихъ въ сметкѣ — не могу положительно сказать, но то вѣрно (я это и самъ испыталъ, о чемъ разскажу послѣ и отъ охотниковъ слыхалъ), что сайгакъ мало боится или вовсе не боится ни шороха, ни шума, ни даже ружейнаго выстрѣла. Случалось сайгачникамъ, при благопріятной мѣстности, запалзывать въ средину сайгачнаго стада и, не сползая съ избраннаго мѣста, дѣлать по нѣскольку выстрѣловъ то въ ту сторону, то въ другую, то въ того сайгака, то въ другого,—

и сайгаки оставались на своихъ „коблахъ“ дотолѣ, пока не усматривали охотниковъ. Значитъ, выстрѣлы для сайгаковъ ни почемъ. Говорю это не по однимъ слухамъ, а по опыту *).

Живя нѣкогда въ одномъ изъ степныхъ укрѣпленій, за рѣкою Ураломъ, въ богатой и благодатной... ошибся... не въ благодатной, а въ пустынной, безплодной и безотрадной степи Киргизской, я, отъ-нéчего-дѣлать, нерѣдко ѣзжалъ на охоту за сайгаками, видѣлъ ихъ вблизи, стрѣлялъ по нихъ, хотя (зачѣмъ хвалиться?) никогда не убивалъ, но все-таки охотился за ними, слѣдовательно, имѣлъ возможность сколько-нибудь познакомиться съ этой охотой и повѣрить разсказы казаковъ о сайгакахъ на самомъ дѣлѣ. Однажды на такого рода охотѣ случилось вотъ что́. Въ ясный осенній день, я и товарищъ мой, И. И. А...нъ, отправились верстъ за четырнадцать отъ Уральскаго укрѣпленія, на востокъ отъ рѣки Иргиза, и взяли съ собой двоихъ казаковъ, записныхъ охотниковъ, М. Лагашкина и С. Жигина. Хотя осенью неудобно, почти невозможно охотиться за сайгаками, какъ сказано выше, но мы поѣхали, въ буквальномъ смыслѣ, отъ нéчего-дѣлать, съ цѣлью прогуляться. Думали и то, что́ авось (мало ли что ни дѣлается на „авось“) гдѣ-нибудь у водопоя навернется сайгакъ. Оно такъ и случилось; но исторія объ этомъ впереди.

Мѣсто, гдѣ мы остановились, было такого рода: версты на двѣ въ длину и на полверсты въ ширину шла лощина, довольно-низкая или, правильнѣе, довольно-глубокая; въ срединѣ ея вился ленточкой камышъ, а въ немъ мѣстами была вода, но, къ несчастью нашему, горькосолёная, смѣшанная съ бѣлымъ иломъ. Степь, окружавшая лощину, во всѣ стороны разстилалась гладкой равниной, исключая немногихъ, едва-замѣтныхъ бугорковъ, да немногихъ рытвинъ, или водо-

---

*) Относительно этого мѣста въ своихъ „Замѣткахъ“ авторъ пишетъ, что чутье у сайгака очень тонкое и сильное, но что онъ не боится шума, если не чуетъ и не видитъ человѣка. *Ред.*

моинъ; самая же лощина, повидимому, служила когда-то, конечно давно, ложемъ озеру; поэтому пространство ея, незанятое камышомъ и примыкавшее къ бывшимъ берегамъ, къ „кряжу“ или, по выраженію казаковъ, къ „увалу“, было покрыто кое-какой травкой, немного-позеленѣе и посочнѣе той, которая росла и отъ лѣтнихъ жаровъ выгорѣла на степи и по всему увалу. Казаки наши тотчасъ смекнули, что сайгаки, гдѣ бы ни разгуливали, этой лощины, пожалуй, не минуютъ, что все-таки они прійдутъ и травкой полакомиться, и водицы хлебнуть. „Хотя вода въ лощинѣ и горьковата, и солоновата, но сайгаку, разсуждалъ М. Лагашкинъ, не прихотничать стать, вѣдь онъ не господинъ какой, а сайгакъ — больше ничего“.

Разсѣдлавъ лошадей и поставивъ ихъ въ камышѣ (необходимая предосторожность, чтобы не испугать сайгаковъ, ежели они вздумаютъ пожаловать на это мѣсто), казаки разошлись—Жигинъ въ одинъ конецъ лощины, а Лагашкинъ въ другой; мы же съ товарищемъ остались на стану и принялись хлопотать около чайника *). Вышли мы на „увалъ“ посмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ сайгаковъ; но ихъ нигдѣ не было. Не хотѣлось намъ безъ толку ходить по степи, и мы остановились около одного бугорка, обросшаго полынью, легли и закурили трубки. Немного погодя, мы услыхали ружейный выстрѣлъ, раздавшійся въ одномъ концѣ лощины (то былъ выстрѣлъ охотника Жигина по сайгаку), приподняли головы и увидѣли: со степи, прямо на насъ, шелъ табунъ сайгаковъ, головъ до тридцати. Сердце въ насъ забилось; мы снова прилегли къ землѣ, боясь дохнуть и пошевелиться; между тѣмъ сайгаки, пощипывая травку, тихонько подходили къ намъ. Тутъ у насъ съ товарищемъ завязался споръ о томъ, кому изъ чего стрѣлять. У насъ, нужно замѣтить, было два ружья: одно обыкновенное охотничье, заряженное картечью,

*) Но вода оказалась горько-соленой и, несмотря на всѣ наши манипуляціи надъ ней, ни къ чему не годилась, такъ что мы принуждены были отказаться отъ чая.

а другое—винтовка, заряженная, по обыкновенію, одной пулей. Каждому изъ насъ хотѣлось завладѣть охотничьимъ ружьемъ, и каждый отталкивалъ отъ себя винтовку, вотъ по какой причинѣ: мы были увѣрены, что сайгаки подойдутъ къ намъ вплоть, въ упоръ, какъ говорится; тогда на весьма близкомъ разстояніи, изъ охотничьяго ружья, заряженнаго нѣсколькими картечами, навѣрное можно было убить сайгака, между тѣмъ изъ винтовки, одной пулей, скорѣе можно было промахнуться, особенно намъ съ товарищемъ, горячимъ охотникамъ и притомъ рѣдко стрѣлявшимъ изъ винтовокъ. Теперь понятно, почему мы спорили изъ-за ружей.

Наконецъ товарищъ мой, правдой-неправдой, завладѣлъ ружьемъ, употребивъ при этомъ случаѣ тонкую хитрость, которой дотолѣ я въ немъ и не подозрѣвалъ: онъ, злодѣй, польстилъ мнѣ, что я вообще лучше его стрѣляю, слѣдовательно, долженъ уступить ему на этотъ разъ ружье, а винтовку взять себѣ. Доказывать противное некогда было: сайгаки находились отъ насъ шагахъ въ полутораста. Впереди шелъ огромный, въ сравненіи съ другими, козелъ; онъ часто озирался по сторонамъ, иногда припрыгивалъ отъ земли. Это — вожакъ, руководящій всѣмъ стадомъ. Но какъ ни хитрилъ сайгачій вожакъ, увидѣть насъ не могъ: бугорокъ и кусточки растущей на немъ полыни хорошо насъ укрывали. Мы уговорились: первому стрѣлять мнѣ, а товарищу послѣ.

Мы ждали, вотъ подойдутъ къ намъ сайгаки въ упоръ, и мы дадимъ имъ знать; но не такъ случилось. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, передній козелъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ поворотилъ, подъ прямымъ угломъ, направо; все стадо послѣдовало за нимъ. Досадно, а дѣлать было нечего, оставалось стрѣлять наудачу. Конечно, для отличнаго стрѣлка разстояніе въ полтораста шаговъ ничего не значило, но для меня значило много. Я приложился къ винтовкѣ, утвержденной на рожкахъ, нацѣлилъ въ задняго сайгака, который, щипля траву, сталъ ко мнѣ бокомъ, спустилъ курокъ, но... по выраженію казаковъ, „безлядъ“ случился.

Винтовка была не моя, а казачья; заряжена была дня за два, зарядъ отсырѣлъ, при вспышкѣ на полкѣ зашипѣло и изъ затравки, по охотничьему выраженію, потянуло; я, признаюсь, не выдержалъ, мигнулъ, вѣроятно, и вздрогнулъ, отчего направленіе выстрѣла измѣнилось, пуля взяла внизъ, пролетѣла подъ брюхомъ у сайгака, взорвавъ землю чуть не у самыхъ переднихъ копытъ его. Сайгакъ сдѣлалъ два-три отчаянныхъ прыжка, остановился и сталъ смотрѣть въ нашу сторону. Въ то-же время и другіе сайгаки шарахнулись, но, сдѣлавъ нѣсколько скачковъ, также остановились и также стали глядѣть въ нашу сторону. Мы, разумѣется, не шевелились и почти не дышали. Потомъ сайгаки пошли-себѣ тихонько, какъ будто ничего не было. Незамѣтно они поворотили къ лощинѣ, подошли къ ней шаговъ на десять и снова наткнулись на выстрѣлъ, на этотъ разъ удачный: одинъ изъ казаковъ, М. Лагашкинъ, прежде насъ замѣтилъ сайгаковъ, шедшихъ изъ степи, и, пользуясь увaломъ, успѣлъ забѣжать имъ впередъ и встрѣтить выстрѣломъ. Не даромъ говорится: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“. Лагашкинъ убилъ передняго козла или вожака. Пока этотъ козелъ, смертельно раненый, барахтался на землѣ, другіе сайгаки, отскочивъ отъ него на весьма малое разстояніе, остановились и, какъ дураки, смотрѣли на корчи своего собрата. Тогда только они пустились бѣжать безъ оглядки во всѣ стороны — и ужь какъ пустились! въ нѣсколько мгновеній скрылись изъ вида—но тогда только, говорю, пустились бѣжать, когда изъ-за увала показался казакъ Лагашкинъ.

Этотъ случай убѣдилъ меня, что сайгакъ мало боится, или почти вовсе не боится выстрѣла, если не видитъ охотника. Но зато сайгакъ черезчуръ пугливъ и робокъ или, какъ говорятъ казаки, „строжóкъ“, когда увидитъ охотника— трусливѣе всякаго звѣря и птицы. Лишь только чуть мелькнетъ въ полѣ голова или платье охотника, сайгакъ стрѣлой

летитъ прочь, и охотникъ остается ни при чемъ. Казаки говорятъ: „сайгакъ такой мудреный и безтолковый звѣрь, ндо не знаешь, что сказать про него: умный онъ или дуракъ. Ни шуму, ни стуку сайгакъ не вѣритъ, а вѣритъ только глазамъ и чутью. Подползи къ нему и чѣмъ-нибудь ткни его въ бокъ, онъ, если не увидитъ тебя, не тронется съ мѣста, а развѣ только лягнетъ; а завидь онъ тебя хошь за версту, хошь за двѣ, такъ „чухнетъ“ (побѣжитъ), что и не взвидишь“.

Зная, что́ за животное этотъ сайгакъ, охотникъ принимаетъ свои мѣры. Завидѣвъ „кобящагося“ сайгака, сайгачникъ за версту, за двѣ и даже дальше, смотря по мѣстоположенію, сходитъ съ лошади, сбрасываетъ съ себя верхнюю одежду, остается только въ рубахѣ, да въ шараварахъ, надѣваетъ налокотники и наколѣнники, то-есть обвязываетъ локти и колѣнки лоскутомъ кошмы, обтянутой съ внѣшней стороны кожей, и приближается къ сайгаку сначала наклонкой, потомъ на четверенькахъ, а наконецъ на брюхѣ, вытягиваясь при этомъ случаѣ, что называется, въ нитку. Проползти такимъ образомъ съ версту, иногда двѣ версты и больше, при тридцати или тридцати-пяти градусахъ жара, когда снаружи палитъ солнце, а внутри жжетъ и томитъ жажда, что-нибудь да значитъ. Вотъ по этой причинѣ, повторю, охотнику мало одного умѣнья хорошо и вѣрно стрѣлять, а нужно имѣть дьявольское терпѣнье, желѣзное сложенье и крѣпость мышцъ богатырскую.

А каково, представьте себѣ, читатель, положеніе сайгачника, когда онъ, промаявшись часъ-два времени, проползши нѣсколько верстъ на брюхѣ, исцарапавши притомъ себѣ лицо и руки и набивъ мозоли на локтяхъ и колѣняхъ — подползетъ къ пустому коблу? А подобныя неудачи весьма-часто случаются. Тутъ, кажется, лошадиное терпѣнье лопнетъ. Отъ такой неудачи нетерпѣливый и мало-упражнявшійся охотникъ проклянетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, и сайгаковъ, и охоту за ними. Но настоящій, такъ сказать, записной сайгачникъ перенесетъ неудачу эту хладнокровно; развѣ-развѣ, въ при-

падкѣ неудовольствія на сайгака, проговоритъ не очень лестное для него привѣтствіе, въ родѣ слѣдующаго: „ахъ, одрало бы тебя! Удралъ, подлецъ!“ Потомъ отдохнувъ немного и положивъ въ ротъ пулю (пуля, положенная въ ротъ, постоянно поддерживаетъ слюну, а слюна, извѣстно, умѣряетъ немного жажду; по крайней мѣрѣ, она не даетъ совершенно сохнуть во рту, а это, конечно, ослабляетъ томленіе жажды), сайгачникъ снова продолжаетъ ползти по тому направленію, по которому убѣжитъ взбѣсившійся отъ угрей сайгакъ, ежели онъ остановится недалеко или хотя въ виду охотника; въ противномъ случаѣ сайгачникъ высматриваетъ другого сайгака и начинается та же исторія. Съ сайгачника течетъ не потъ, а кровь, какъ говорится, но онъ не унываетъ и, во что̀ бы ни стало, достигаетъ своей цѣли и убиваетъ жертву. Вотъ тогда-то уже, забывъ труды и неудовольствія, сайгачникъ весь превращается въ восторгъ и удовольствіе, что могутъ понять только одни охотники. Чтобы обмануть зоркость сайгака, охотники прибѣгали иногда къ хитрости: они покрывали себя сайгачной шкуркой, а на голову надѣвали родъ шапки или, пожалуй, родъ шлема, сшитаго изъ головной кожи сайгака, и непремѣнно съ рогами. Одѣвшись звѣремъ, или преобразившись въ звѣря, охотникъ приближался къ дѣйствительному звѣрю, не бывъ узнаваемъ имъ. Но этотъ способъ подкрадываться къ сайгаку употреблялся, однакожъ, весьма рѣдко, и то въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, сайгакъ держался слишкомъ на ровной и гладкой степи, гдѣ не было ни одной лощинки, ни одной возвышенности, ни одного овражка, изъ-за которыхъ можно было бы подползти къ сайгаку. Употребляли этотъ способъ рѣдко потому, что окутаться съ головы до ногъ кожей и ползти въ ней во время сильнаго зноя, когда и безъ того жара́ душитъ, естественно, весьма трудно и для человѣка здороваго и сильнаго, а для тщедушнаго (охотники не всѣ же Ильи-Муромцы) почти невозможно; кромѣ того, одѣваться на охотѣ въ сайгачную шкуру въ нѣкоторомъ отношеніи и опасно.

Однажды двое охотниковъ, принявъ на себя образъ сай-

гаковъ, поползли съ противоположныхъ сторонъ къ сайгачному стаду и подползли весьма удачно. Одинъ изъ нихъ даже вползъ въ средину самаго стада, но медлилъ, не стрѣлялъ, а ждалъ товарища. Наконецъ, подползъ и этотъ къ стаду. Первый охотникъ сталъ высматривать, въ котораго бы ему сайгака выстрѣлить, а послѣдній скоро высмотрѣлъ, приложился къ винтовкѣ и—каково покажется! сталъ цѣлить въ своего товарища. Этотъ долженъ былъ вскочить на ноги и закричать запальчивому охотнику, чтобъ онъ удержался и образумился. Разумѣется, сайгаковъ въ одно мгновеніе не стало, и сайгачники, одураченные, съ одной стороны оплошностью, а съ другой запальчивостью или пучеглазостью, остались не при чемъ. Ошибка эта произошла вотъ отъ чего. Отправившись подъ сайгаковъ, сайгачники привязали красненькія тесемочки къ рогамъ, которые возвышались у нихъ на шапкахъ. Но у одного изъ охотниковъ, который первый вползъ въ средину сайгачнаго ста́да, какимъ-то образомъ, когда еще онъ ползъ, тесемочка съ роговъ спала. Это самое и сбило съ толку его товарища, который выбиралъ и выбралъ было звѣря покрупнѣе и поздоровѣе. Хорошъ бы вышелъ, подумаешь, звѣрь, не́чего сказать, еслибъ сайгачникъ успѣлъ спустить курокъ прежде, чѣмъ звѣрь не вскрикнулъ голосомъ человѣческимъ. Это случилось, я слыхалъ, съ казаками Мергеневскаго форпоста. Послѣ того, говорятъ, сайгачники стали мало-по-малу бросать и, наконецъ, совсѣмъ бросили привычку маскироваться сайгаками.

Слѣдуетъ, однакожъ, сказать, что охота за сайгаками годъ отъ году падаетъ и падаетъ, и, кажется, скоро, скоро совершенно прекратится, потому что самые сайгаки сдѣлались нынѣче почти-что рѣдкостью. Прежде они важивались и въ „барханахъ“ *), и по склонамъ Общаго-Сырта, и вообще по степямъ, внутри Уральскихъ земель лежащимъ, какъ-то: около рѣкъ Чагана, Деркула; всѣ эти мѣста на правой сторонѣ Урала; но съ 1830 годовъ или даже немного раньше, рѣ-

*) Песчаные, должно быть наносные холмы, которыми усѣяна степь между низовьями Волги и Урала.

шительно въ тѣхъ мѣстахъ пропали. Теперь сайгаки водятся исключительно за рѣкой Ураломъ, въ такъ называемой Киргизской степи, но держатся весьма далеко отъ линіи. Только или въ суровыя и многоснѣжныя зимы, или въ срединѣ лѣта, въ самые жары, сайгаки подходятъ къ лугамъ, то-есть къ долинѣ, по которой течетъ Уралъ. Зимой невозможность достать травы, заваливаемой снѣгомъ, сгоняетъ сайгаковъ со степи въ луга, о чемъ уже сказано выше, а лѣтомъ—жажда. Хотя сайгакъ и рѣдко нуждается въ водѣ (въ недѣлю, говорятъ казаки, раза два), но все-таки нуждается. Послѣ весны въ степи, отъ таянія снѣга, остается вода въ какихъ-либо незначительныхъ рѣчонкахъ, озерцахъ, лощинкахъ, впадинахъ, и тому под., и сайгаки пользуются этой водой; но лѣтомъ, отъ сильныхъ жаровъ, она испаряется и высыхаетъ; тогда сайгаки, по необходимости, приближаются къ Уралу. Ночью они спускаются въ луга, напиваются воды и ночью-же опять выходятъ на открытое мѣсто, въ степь, не отходя, однакожъ, отъ линіи далеко, съ той, конечно, цѣлью, чтобъ на будущій разъ не идти къ водопою лишнія три, четыре версты. Казаки знаютъ время, когда сайгаки подходятъ къ Уралу, выбираютъ самые жаркіе и душные дни и отправляются на охоту *).

А изъ-за чего старается и мучится сайгачникъ? Изъ за выгодъ? изъ за барышей? Совсѣмъ нѣтъ. Мясо сайгачье никуда въ продажу не шло и нейдетъ, а ѣлось и ѣстся самими охотниками, да ихъ сосѣдями. Шкуры, употребляемыя изрѣдка на „дохи“, почти никакой цѣны не имѣютъ, о чемъ уже было въ своемъ мѣстѣ сказано. Одни рога продавались и продаются отъ полтины до рубля ассигнаціями за пару, но и для роговъ не стоило и не стоитъ хлопотать и изнурять себя охотнику: роговъ немного можно добыть, потому что

*) Послѣдніе года 3—4 сайгаки вновь начали появляться по правую сторону Урала и довольно большими стадами. Чѣмъ вызвано это появленіе, неизвѣстно. Замѣчательно, что сайгаки заходятъ довольно высоко по Уралу, напр., до Кожехаровской станицы, чего давно уже не помнятъ старики.
Ред.

хорошіе, то-есть большіе и сколько нибудь цѣнные рога имѣются только у однихъ старыхъ самцовъ (козловъ), у молодыхъ они маленькіе, а у самокъ (козочекъ) ихъ нѣтъ, о чемъ мы уже говорили. Слѣдовательно, выгоды и прибыли отъ охоты за сайгаками почти никакой нѣтъ. Но, несмотря на это, казаки и въ старину охотились и нынѣче отчасти охотятся за ними. Зачѣмъ? спрашивается. А затѣмъ, чтобъ отъ стариковъ не отстать, чтобъ искусство и ловкость свою показать, чтобъ стяжать имя сайгачника, чтобъ потѣшить сердце свое молодецкое и чтобъ, наконецъ (это ужъ я, господа, такъ думаю), оправдать пословицу: „охота пуще неволи“.

Но дорого же иногда обходились подобнаго рода развлеченія! Вотъ что случилось однажды съ сайгачниками.

VI.

САЙГАЧНИКИ.

Лѣтомъ, въ 1820 или 1821 году (устная хроника казачья не въ одно говоритъ) два родные брата, жители Красноярскаго форпоста, Степанъ и Иванъ Бакировы, и третій, охотникъ, товарищъ и сосѣдъ ихъ, Осипъ Вертячкинъ, сговорились ѣхать на охоту за сайгаками на Внутреннюю сторону, въ „барханы“. Втроемъ, верхами на лошадяхъ, выѣхали сайгачники изъ форпоста часу въ десятомъ утра. Имъ нужно было проѣхать только верстъ восемь до рѣчки Багырдая; за этой рѣчкой тотчасъ начинаются уже „барханы“. Тамъ-то казаки надѣялись встрѣтить сайгаковъ.

Версты три охотники отъѣхали отъ форпоста, какъ Осипъ Вертячкинъ остановился и сказалъ товарищамъ:

— Вы, братцы, поѣзжайте себѣ тихонько, а я ворочусь на минуточку домой.

— Зачѣмъ? спросили Бакировы.

— „Безлядъ“, братцы, случился.

— Что такое?

— Янгу *), чтобъ ее намочило, забылъ,—отвѣчалъ Вертячкинъ.

Бакировы посмотрѣли въ торока себѣ и Вертячкину и увидѣли, что дѣйствительно янги ни у кого изъ нихъ не было, а безъ янги на охотѣ было неловко: изъ янги они и воду пьютъ, въ янгѣ и похлебку варятъ; слѣдовательно, янга для охотниковъ вещь необходимая.

— Такъ скорѣе догоняй насъ,—сказалъ одинъ изъ Бакировыхъ:—въ Багырдаѣ мы напоимъ коней и немного подождемъ тебя, а ежели не застанешь насъ тамъ, то ищи около „Дюрт-Кудуковъ“ **).

Послѣ этого Бакировы поѣхали въ степь, а Вертячкинъ воротился на форпостъ. Слѣдовало бы, конечно, Вертячкину при этомъ случаѣ поторопиться и пустить гнѣдка своего, по крайней мѣрѣ, рысью, но Осинька (такъ звали Красноярцы Осипа Вертячкина съ молоду и такъ величали его подъ старость) не благоразсудилъ поторопиться: онъ былъ въ своемъ родѣ большой оригиналъ. Если достанетъ у читателей терпѣнья пробѣжать нѣсколько строчекъ, я познакомлю ихъ съ личностью этого казака, который недавно, года три назадъ, умеръ и котораго я имѣлъ случай хорошо знать. О братьяхъ Бакировыхъ я ничего особеннаго не могу сказать, потому что я ихъ никогда не видывалъ. Когда они поѣхали на охоту, меня еще не было на свѣтѣ, а съ охоты Бакировы не возвратились. Объ этомъ исторія впереди. Начну рѣчь мою объ Осинькѣ Вертячкинѣ.

Прежде всего скажу, что Осинька Вертячкинъ былъ косой, то-есть, не самъ онъ косой, а глаза его были косые (что, впрочемъ, кажется, одно и тоже), разбѣгавшіеся въ стороны. По этой причинѣ Осинька ничего почти прямо впереди себя не видѣлъ. Если, напримѣръ, онъ шелъ по улицѣ, то без-

*) Родъ желѣзнаго большого, котлообразнаго, съ ручкой, ковша.

**) Киргизское названіе „четырехъ колодцевъ“. *Дюртъ* значитъ четыре, а *кудукъ*—колодецъ.

престанно вертѣлъ головой то вправо, то влѣво, пуча при этомъ глаза вверхъ. Не знавшій Осиньку могъ подумать, что Осинька глазѣетъ или на кровли домовъ, или на верхи заборовъ, или на летающихъ воронъ и галокъ, но въ дѣйствительности онъ разглядывалъ дорогу впереди себя, употребляя для того въ дѣло поперемѣнно то правый глазъ, то лѣвый. Это главный, такъ сказать отличительный признакъ его наружности. Далѣе.

Осинька былъ роста средняго, коренастъ, широкъ въ плечахъ. Несмотря на его шестьдесятъ лѣтъ (въ 1840 годахъ, какъ я знавалъ его, ему было подъ шестьдесятъ), онъ былъ здоровъ и бодръ, какъ сорокалѣтній мужчина. Волосы на головѣ онъ носилъ по старинному, вѣнчикомъ, то-есть самую макушку выстригалъ кружкомъ почти до гола́, а снизу волосы подрѣзывалъ кружкомъ же. При такой стрижкѣ голова Осиньки походила на подсолнечникъ. Бороду, разумѣется, Осинька отъ роду не брилъ, и она у него, запушивъ все лицо, помеломъ разстилалась по груди.

Одѣвался онъ хорошо, даже, по званію простого казака, роскошно. На что́ другое онъ былъ скуповатъ, а ужъ одеждой любилъ щегольнуть. Лѣтомъ онъ одѣвался въ шелковый полосатый или пестрый бухарскій халатъ, зимой въ лисью, крытую чернымъ плисомъ, шубу. На головѣ носилъ лѣтомъ поярковую, съ высокой тульей, шляпу—отличительный признакъ стариковъ-казаковъ, которыхъ и теперь можно увидѣть на Уралѣ красующихся въ шляпахъ, а зимой высокую, какъ тумба, на манеръ хивинскихъ, шапку или изъ черныхъ, или изъ сѣдыхъ, или—какъ еще ихъ называютъ—изъ голубыхъ мерлушекъ, съ малиновымъ или алымъ верхомъ. Рубахи у Осиньки были всегда или яркихъ цвѣтовъ ситцевыя или шелковыя: тафтяныя, канаусовыя, и тому под., обшитыя по косому воротнику золотымъ позументомъ—признакъ старинной щегольской привычки. На ногахъ онъ носилъ въ будни обыкновенные яловочные, а въ праздники козловые сапоги, да ужъ не кой-какихъ козловъ, а непремѣнно настоящихъ казанскихъ козловъ.

Судьба надѣлила Осипа Иваныча богатствомъ — онъ былъ первый богачъ между Красноярскими жителями — но за-то крѣпко обидѣла его даромъ слова: онъ трехъ словъ не могъ выговорить безъ того, чтобъ не разсмѣшить людей. Осинька не то, чтобъ заикался, не то, чтобъ картавилъ, не то, чтобъ шепелявилъ, а какъ-то, Богъ его знаетъ, бормоталъ по своему и не договаривалъ слова, отчего только домашніе да близкіе люди хорошо понимали его, но постороннимъ для того, чтобъ съ разу понять, что́ бормочетъ, бывало, Осинька, непремѣнно нуженъ былъ толмачъ (переводчикъ). Про такихъ людей обыкновенно говорится: „во рту у нихъ мухи путаются".

Отъ того ли, что Осипъ Иванычъ чувствовалъ, что во рту у него мухи путаются, или ужъ у него нравъ былъ такой крутой, неспокойный—Богъ вѣдаетъ, только онъ, бывало, минуты не пробудетъ молча, а все бормочетъ, все бранится. То примется бранить жену или снохъ... (сыновей — а у него ихъ было трое — онъ никогда почти не бранивалъ, даже грубымъ словомъ не взыскивалъ, потому ли, что сыновья его были молодцы, ребята умные, дѣльные и кроткіе, во всемъ успѣвавшіе угождать взыскательности неугомоннаго отца. или ужъ Осипъ Иванычъ, вполнѣ сознавая нравственное превосходство сыновей надъ собой, стыдился, вслѣдствіе своего самолюбія и вслѣдствіе своего краснорѣчія, увидѣть улыбку на устахъ сыновей — неизвѣстно; достовѣрно только, что съ сыновьями онъ обходился кротко, чинно, вѣжливо и, если можно такъ выразиться, деликатно, чего прекрасные молодые казаки вполнѣ заслуживали).

То, говорю, Осинька вскинется, бывало, на жену или на снохъ, которыя не по немъ вымыли или выгладили бѣлье, или не по его вкусу испекли пирогъ съ осетриной, и тому под.; то пустится корить сосѣдей своихъ, со двора которыхъ на дворъ къ нему какъ нибудь нечаянно забредетъ корова или лошадь; то ропщетъ, бывало, лѣтомъ на вѣтеръ, когда тотъ, не спросясь Осиньки, сильно дуетъ и мѣшаетъ Осинькѣ въ лугахъ вершить стога сѣна, а зимой — на буранъ (мятель, вьюга, пурга), когда тотъ наноситъ въ степяхъ и лу-

гахъ много снѣга, отчего Осипу Иванычу приходилось кормить стада свои готовымъ сѣномъ, а этого онъ страхъ, какъ не любилъ; то изливаетъ, бывало, негодованіе свое на пастуховъ-Киргизовъ, которые не такъ, какъ бы слѣдовало, стерегутъ стада его, чрезъ что̀ хищные волки частенько поѣдаютъ барановъ и задушаютъ жеребятъ; то примется, бывало, расписывать полѣсовщиковъ *), будто-бы они не берегутъ лѣсъ и худо смотрятъ за водами, будто и лѣсъ (котораго, замѣтить въ скобкахъ, почти-что нѣтъ) рѣдѣетъ, и рыба въ Уралѣ, на „ятовяхъ“, пропадаетъ; то пустится честить, на чемъ свѣтъ стоитъ, зайцевъ, за то, что они по ночамъ забираются въ его садикъ, стоящій въ лугахъ, подъ горой, недалеко отъ дома, и портятъ яблони, а яблоней во всемъ саду счетомъ пять-шесть деревцевъ; то взъѣстся, бывало, на полую воду, какая бы она ни была, слишкомъ-ли большая, или слишкомъ малая — все равно: Осипъ Иванычъ находилъ предлогъ бранить и ту, и другую. Большую полую воду онъ бранилъ за то, что она заливала всю долину Урала, отъ кряжа до кряжа, и потопляла въ лугахъ остатки его стараго сѣна, отчего онъ терпѣлъ убытокъ; малую же полую воду Осинька бранилъ за то, что она не поливала его садика, отчего яблоки не родились, или хотя родились, но малыя и притомъ кислыя; словомъ, не было ни одного предмета, ни одного лица, кромѣ, какъ уже сказано, сыновей, которымъ бы Осинька былъ вполнѣ доволенъ и съ которымъ бы жилъ въ ладахъ.

Чаще всего, однакожъ, Осинька схватывался съ женой. Не проходило ни дня, ни ночи, чтобъ онъ не поругалъ жену и не погрозилъ ей или кулакомъ, или вилами, или чѣмъ другимъ, что̀ попадетъ подъ руку; но дѣло одной только угрозой и оканчивалось: ни разу въ жизни Осипъ Иванычъ не наложилъ, какъ говорятъ казаки и казачки, руки на добронравную и веселую свою „сожительницу“. Осипъ

*) Родъ лѣсничихъ, которые, сверхъ лѣса, надзираютъ и за р. Ураломъ, чтобъ никто не ловилъ рыбу въ запрещенное время.

Иванычъ только на словахъ храбрился и ярился, „аки звѣрь дубравный“, а когда дѣло доходило до развязки, превращался въ „агнца смиреннаго“.

Жена привыкла къ мужу, хорошо знала его характеръ или, по словамъ казаковъ, обычай, и потому, разумѣется, нисколько не боялась угрозъ его, будучи увѣрена, что угрозы такъ и останутся угрозами. Она иногда и сама, смѣха ради, подстрекала муженька своего противъ себя, чтобъ испытать, достанетъ ли у него духу и храбрости ударить ее, но за всѣмъ тѣмъ ни разу въ жизни не удалось ей испытать такого удовольствія. Однажды, сказывали старики, жена Осипа Иваныча выходкой своей въ этомъ родѣ разсмѣшила весь форпостъ до слезъ и заставила улыбнуться самого Осиньку, что́ случалось съ нимъ весьма рѣдко.

Осипъ Иванычъ ѣхалъ изъ луговъ съ возомъ сѣна. (Хотя онъ былъ и богатъ, но не любилъ сидѣть, сложа руки, безпрестанно чѣмъ-либо занимался, пріучая къ труду и сыновей, о чемъ будетъ сказано ниже). Лошадь устала и съ трудомъ тащила возъ; на улицѣ, за нѣсколько шаговъ до дома, она совсѣмъ выбилась изъ силъ и остановилась. Сначала Осинька понукалъ ее, а потомъ, по манерѣ казаковъ, принялся колотить ее вилами по бокамъ и по чемъ ни попало. Лошадь, бѣдняжка, и взвивалась на дыбы, и падала на землю, но съ мѣста не трогалась. Казаки, бывшіе въ тотъ разъ на улицѣ, рады были случаю подшутить и посмѣяться надъ Осипомъ Иванычемъ, потому особенно были рады, что усталая лошадь была собственнаго его завода, которымъ Осинька не переставалъ всегда хвастаться.

— Хорошенько ее, Осипъ Иванычъ! Хорошенько ее, разбойницу! По бокамъ-то, по глазамъ-то ее! Вотъ такъ! вотъ такъ! — кричали со всѣхъ сторонъ казаки.

Осинька еще больше злился и выходилъ изъ себя, вымѣщая злость свою на бѣдной лошаденкѣ.

Вдругъ отворились ворота его дома и вышла на улицу Афимья Сидоровна, дражайшая его супруга. Покачавъ головой и всплеснувъ руками, Афимья залилась звонкимъ смѣ-

хомъ; потомъ, подавивъ, чуть не со слезами, смѣхъ, она обратилась къ толпѣ казаковъ, обступившихъ со всѣхъ сторонъ храбрившагося героя, и громко, съ разстановкой, сказала имъ, указывая рукой на мужа:

— Вотъ, атаманы-молодцы, смотрите и замѣчайте: ужъ есть-когда который мужъ больно бьетъ лошадь, тотъ, необлыжно говорю, вовсе не бьетъ жену свою!

Слова эти, сказанныя женой, повидимому, въ накладъ самой себѣ, разумѣется, вызвали изъ толпы сильный взрывъ смѣха и, ко всеобщему юмору, мгновенно разнеслись по всему форпосту. Не выдержалъ и самъ Осинька: онъ улыбнулся и тотчасъ ушелъ въ избу, гдѣ сѣлъ за щи и кашу, а лошадь передалъ дѣтямъ или работникамъ. Этимъ исторія и кончилась.

Сказано, что Осинька былъ богатъ. Но богатствомъ своимъ онъ не умѣлъ распоряжаться, или распоряжался посвоему, наперекоръ здравому смыслу. Денегъ у Осиньки было много, но онѣ лежали у него подъ спудомъ, въ корчагахъ, да въ кувшинахъ; въ торговые обороты онъ ихъ не пускалъ, по крайней мѣрѣ, въ большіе обороты.

Вообще Осинька не любилъ торговли, не дозволялъ и дѣтямъ заниматься ею, исключая мелочной мѣны съ Киргизами. Напримѣръ, во время „плавеннаго“ (осенью) или „севрюжнаго“ (весной) рыболовства по Уралу, дѣти его просятъ у него денегъ, чтобъ ѣхать на рыболовство не въ качествѣ ловцовъ, а въ качествѣ торговцевъ, то-есть, вмѣсто того, чтобъ самимъ рыбачить, дѣти желаютъ покупать рыбу у казаковъ-рыболововъ и потомъ перепродавать ее иногороднымъ торговцамъ, что́ гораздо вѣрнѣе и прибыльнѣе, чѣмъ самимъ рыбачить. Но Осинька покачаетъ, бывало, головой и съ ироніей скажетъ:

— Какъ же, сейчасъ дамъ я вамъ денегъ!.. вишь каки проявились купцы; желалъ бы знать, изъ какой страны пожаловали — изъ Москвы, что-ли, аль изъ Питера? Нѣтъ, соколики, не торговать, не барышничать, а рыбку ловить поѣзжайте-ка; садитесь-ка въ бударки, да поработайте до́ поту

лица, какъ я работалъ, какъ дѣдушка и прадѣдушка вашъ работали; это будетъ лучше. Барышъ мнѣ вашъ не нуженъ, плевать я на него хотѣлъ! Мнѣ нужно, чтобъ вы были настоящи казаки, а не лежебоки, не блинники каки, да не чихирники, знали бы на самомъ дѣлѣ нужду казачью, какова есть она, нужда-то казачья. А вотъ, присовокупляетъ, бывало, Осинька:—послѣ меня, какъ я умру, что́ хотите, то́ и дѣлайте—перечить вамъ не стану (какаяс нисходительность!), а при мнѣ, пока я живъ, нѣтъ мово вамъ благословенья, чтобъ идти въ кущцы. Не безмѣномъ, не аршиномъ рудайте, а багромъ да весломъ — это будетъ лучше и казаку слично (прилично).

Ежели что и было у Осиньки на виду, такъ это косякъ лошадей, въ 400 или 500 головъ, да небольшія партіи барановъ; но и этимъ добромъ упрямый Осинька распоряжался не по-людски, а по-своему

Извѣстно, что всякій скотъ на Уралѣ круглый годъ ходитъ въ степи или въ лугахъ на подножномъ корму. Если зима легка и снѣга неглубоки, то скотъ безъ нужды, или съ маленькой нуждой, довольствуется травкой, какую добудетъ копытомъ изъ-подъ снѣга; но если зима сурова и снѣга глубоки, хозяева кормятъ скотъ готовымъ сѣномъ, что́, безъ сомнѣнія, сопряжено съ большими расходами и убытками. Въ неблагопріятныя, то-есть, суровыя и многоснѣжныя зимы, хорошіе и толковые хозяева изъ послѣдняго, какъ говорится, бьются и хлопочутъ, чтобъ не уморить скотъ голодомъ: весь запасъ сѣна, у кого какой есть, искармливаютъ скоту; недостаетъ своего сѣна—покупаютъ, тратя для того послѣднюю копѣйку или входя въ долги, чтобъ весной съ выгодой продать сбереженный скотъ и остаться въ барышахъ. Но Осинька и тутъ являлся Осинькой. Несмотря на то, что въ лугахъ у него стоятъ, бывало, десятки стоговъ и скирдовъ сѣна, онъ не тронетъ это сѣно до тѣхъ поръ, пока на лошадяхъ и баранахъ останется отъ безкормицы одна кожа да кости; но тогда и сѣно ужъ не помогаетъ. Къ веснѣ, послѣ суровой зимы, глядишь, у Осиньки если не все, то большая половина

стадъ и табуновъ издыхаетъ. Ему говоритъ кто нибудь изъ сосѣдей, зачѣмъ онъ во время не кормитъ скотъ сѣномъ, когда у него есть сѣно? „Зачѣмъ?“ возражаетъ Осинька, „вотъ тебя не спросился. Самъ-то ты больно хорошъ, что и баять“.

Послѣ такого несчастія Осинька прехладнокровно открываетъ, бывало, которую-либо изъ корчагъ, достаетъ оттуда лобанчики да крестовики и снова пополняетъ убыль въ табунахъ и стадахъ.

Изъ того, что́ сейчасъ сказано, можно подумать, что Осинька былъ или недальновиденъ, то-есть, по просту сказать, глуповатъ, или черезчуръ скупъ. Ни то, ни другое, ежели строго судить. Осинька вовсе не былъ глупъ—я зналъ его. Скупость за нимъ водилась, правда, но не въ такой степени, чтобъ онъ изъ скупости морилъ свой скотъ—нѣтъ; всему виной въ этомъ дѣлѣ какое-то странное и дикое самолюбіе или, просто-на-просто, упрямство, которое дало поводъ казакамъ говорить про Осиньку вотъ что́: „Осинька не дуракъ, какъ баранъ, но упрямъ, какъ баранъ: гони барана въ воду, онъ вонъ бѣжитъ; тащи барана изъ воды, онъ въ воду лѣзетъ. Такъ и Осинька: толкуй ему это, а онъ дѣлаетъ свое, хотя и знаетъ, что тянетъ не за тотъ гужъ“.

Дѣйствительно, замѣть кто-нибудь посторонній Осинькѣ, что, дескать, пора, Осипъ Иванычъ, взять барановъ на сѣно, Осинька заупрямится и не возьметъ барановъ на сѣно, то-есть, не станетъ кормить ихъ сѣномъ, по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ того, какъ получитъ замѣчаніе или совѣтъ постороннаго, хотя въ душѣ и сознаетъ, что надо бы это сдѣлать Въ оправданіе себя или, правильнѣе, въ утѣшеніе себѣ, онъ обыкновенно говаривалъ въ такихъ случаяхъ вотъ что: „батюшка (отецъ) мой чужимъ умомъ не жилъ, и мнѣ не велѣлъ“.

Осипъ Иванычъ не любилъ знакомства съ начальниками, или есаулами *), особенно же съ начальницами, или есауль-

*) Здѣсь подъ именемъ е с а у л а не должно разумѣть непремѣнно казачьяго офицера въ есаульскомъ чинѣ. Начальниками форпостовъ, или

шами, и, конечно, поступалъ отчасти хорошо, а это даетъ поводъ убѣждаться, что Осинька далеко не былъ по уму баранъ. Ежели какая назойливая есаульша, зараженная примѣромъ такой же атаманши, желающая всѣми правдами-не правдами выманить подарочекъ, вздумаетъ пригласить къ себѣ въ гости Афимью Сидоровну, супругу Осипа Иваныча, то онъ съ негодованіемъ посмотритъ на это приглашеніе и скажетъ: „Пошла!.. понесись!.. Дура! рази ты нужна? Не ты, а подарокъ твой нуженъ“. Говоря это, Осинька — увы! совершенно былъ правъ...

Еще Осинька не любилъ должность полѣсовщиковъ и надсмотрщиковъ за водами и, какъ чумы, боялся этой должности. Казакамъ-старикамъ, назначаемымъ въ эту должность, полагается, въ родѣ жалованья, собираемаго, по раскладкѣ, съ другихъ обывателей-стариковъ до 35 руб. сер. въ годъ. Но Осинька отъ себя готовъ былъ отдать вдвое больше этого, чтобъ избавиться такой „коммисіи“. Зная за Осинькой эту слабость, нѣкоторые, отъ кого зависитъ, нарочно, бывало, пошлютъ объявить Осинькѣ, что онъ выбранъ и назначенъ въ полѣсовщики, хотя полѣсовщики, кромѣ Осиньки, есть уже другіе. И вотъ Осинька сторонкой шлетъ, кому слѣдуетъ, или фунтъ цвѣточнаго чая, или голову сахару, чтобъ выкупить собственную свою голову отъ такой „коммисіи“. Если подобныя продѣлки со стороны нѣкоторыхъ повторятся въ годъ раза три-четыре (да и повторялись почти такъ), Осинька по-неволѣ иногда скажетъ: „На!.. на!.. на!.. Что дѣла-а-а-а-ю-ю-ю-ютъ!.. А еще благородными считаются... Одрало бы васъ!..“

Осинька избѣгалъ должности полѣсовщика не потому, чтобъ она была тяжела и хлопотлива, а потому, что долж-

---

станицъ, бываютъ нижніе чины, напримѣръ, урядники. По старой привычкѣ, казаки всѣхъ форпостныхъ начальниковъ, безъ разбора, кто бы они не были, офицеры ли, урядники ли, называютъ есаулами, а женъ ихъ—еса'ульшами. Дистаночнаго же начальника, завѣдывающаго нѣсколькими форпостами, тоже по старой привычкѣ называютъ атаманомъ, а жену его—атаманшей.

ность эта заставляла его каждое воскресенье являться къ мѣстному начальнику, а когда пріѣдетъ на форпостъ дистаночный атаманъ, то и къ атаману, и „липортовать“ имъ, что „при лѣсахъ и водахъ обстоитъ благополушно“. Вотъ этихъ-то „являться“ и „липортовъ“ Осинька не любилъ, и не почему-либо другому, а потому собственно, что иногда очень-частенько, вопреки души и совѣсти, долженъ былъ говорить „благополушно“, тогда-какъ на-самомъ-дѣлѣ тамъ, гдѣ, по словамъ „липорта“ „благополушно“, чортъ ноги переломаетъ...

Вотъ каковъ былъ Осинька Вертячкинъ.

Подъѣхавъ къ воротамъ дома, Осинька встрѣтилъ ихъ запертыми. Афимья, проводивъ друга своего на охоту, пообѣдала, заперлась и улеглась съ дѣтьми на погребицѣ спать. Скоро ли Осинька достучался жену скоро ли та встала и впустила мужа на дворъ, скоро ли мужъ вымолвилъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ (Осинька вмѣсто-того, чтобъ разомъ спросить о дѣлѣ, вскинулся, по обыкновенію, на жену и сталъ укорять ее, что она все „дрыхнетъ“, а о мужѣ мало думаетъ), скоро ли отыскали янгу, скоро ли вымыли и вычистили ее (она оказалась нѣсколько неопрятной, закопченой), а время, между тѣмъ, шло да шло. Уложивъ янгу въ переметныя сумки у сѣдла, Осинька спросилъ напиться „айряну“ *). Пока жена приготовляла питье, Осинька отправился на задній дворъ дозоромъ, посмотрѣть, не забрались ли туда чужія лошади или коровы, чего Осинька до-нельзя не любилъ. Чужой ни одной скотины не оказалось, но за-то, недуманно-негаданно, явилась своя: въ углу двора, подъ навѣсомъ, Осинька увидѣлъ доморощеннаго околотня, чалаго „маштака“ (плохая лошадёнка), который цѣлую недѣлю передъ тѣмъ находился въ бѣгахъ и котораго только несносная жара и оводъ загнали въ тотъ день изъ луговъ на хозяйскій дворъ. Мотая головой и помахивая хво-

*) Кислое, разведенное водой молоко.

стомъ, чалый тяжело дышалъ и не обращалъ вниманія на хозяина. Осинька сердитъ былъ на чалаго за его бродяжничество и тотчасъ вздумалъ его наказать.

— А, голубчикъ, ты здѣсь! Постой, я проучу тебя, я выбью изъ тебя сыръ-боръ! не станешь впередъ пропадать по цѣлымъ недѣлямъ.

Послѣ этого Осинька разсѣдлалъ хорошую и видную лошадь, на которой передъ тѣмъ выѣзжалъ на охоту, и поставилъ ее въ конюшнѣ, а чалаго, маленькаго и лѣниваго маштачишку, засѣдлалъ съ намѣреніемъ ѣхать на охоту. Хотя вновь засѣданный чалый, въ сравненіи съ разсѣданной лошадью, былъ кляча-клячей, но Осинька разсудилъ, что ему не за лисой или волкомъ гнаться; что для охоты за сайгаками нужно проѣхать какихъ-нибудь верстъ пятнадцать; что на мѣстѣ охоты лошадь оставляется и охотникъ ходитъ пѣшкомъ, слѣдовательно, чалый, употреблявшійся дотолѣ для низкой домашней работы, можетъ отслужить новую службу, а, главное, Осинька въ умѣ своемъ рѣшилъ наказать чалаго за бродяжничество.

Пока Осинька возился около чалаго, выбирая изъ гривы его и хвоста репьи, которыхъ тотъ набрался, блуждая по лугамъ, пока Осинька прохлаждался за айряномъ со льдомъ, прошелъ цѣлый часъ времени; наконецъ, спохватившись, что опоздалъ, Осинька выѣхалъ со двора, ворча на жену и на чалаго, которыхъ почему-то считалъ виновными въ своей медленности, хотя ни жена, ни чалый не были въ этомъ виноваты.

На улицѣ, желая добиться отъ чалаго рыси, Осинька прибѣгъ къ нагайкѣ, но чалый, больше знакомый съ вилами и хворостинами, мало обращалъ вниманія на удары нагайки, вертѣлъ хвостомъ, ёжился, да семенилъ ногами, но въ рысь не пускался... На выѣздѣ изъ форпоста Осинькѣ встрѣтился сосѣдъ, С. Горячкинъ, возвращавшійся изъ луговъ, и спросилъ его:

— Куда ѣдешь, лыцарь?

Осинька ничего не отвѣчалъ, плюнулъ и съ презрѣніемъ

отворотился. Осинька, изволите знать, питалъ сильное предубѣжденіе къ слову куда, просто терпѣть не могъ этого слова, если оно означало вопросъ. Спросить человѣка: „куда идешь“? по мнѣнію Осиньки, значило повредить человѣку. Осинька, придерживаясь кой-какихъ предразсудковъ, свойственныхъ многимъ смертнымъ, между прочимъ, вѣрилъ, что съ человѣкомъ, отправляющимся на какой-либо промыселъ, особенно на охоту, непремѣнно или несчастіе приключится, или большая неудача въ предпріятіи выйдетъ, если человѣка этого при сборахъ кто спроситъ: „куда идешь, или ѣдешь?“. По мнѣнію Осиньки, слѣдовало, если это ужъ необходимо нужно, вмѣсто: куда? спросить: далеко ли, или въ которую сторону идешь или ѣдешь? Спросить, бывало, Осиньку: „куда идешь?“ значило почти одно и то же, что плюнуть ему въ бороду или назвать его неприроднымъ *). Теперь понятно, отчего Осинька не удостоилъ отвѣтомъ Горячкина. Послѣдній спохватился и вспомнилъ, что слово куда для Осиньки хуже остраго ножа и потому поспѣшилъ перемѣнить вопросъ, сказавъ:

— Въ которую сторону собрался, лыцарь удалый?

— Рази не видишь?.. ослѣпъ, что ли... чортъ... со злостью проговорилъ Осинька.

Горячкинъ улыбнулся и снова заговорилъ.

— Осипъ Иванычъ, какъ тебѣ не совѣстно сердиться изъ-за пустяковъ? да какъ тебѣ еще не совѣстно ѣздить на такомъ „саврѣ“ **)? У тебя вѣдь цѣлый табунъ коней: чай, было бы изъ чего выбрать.

— Тебя вотъ не спросился. Самъ-то ты больно хорошъ, чортъ... чаво и бать...— пробормоталъ Осинька, не глядя на Горячкина, и принялся погонять чалаго изъ всѣхъ силъ.

Горячкинъ расхохотался и, немного погодя, проговорилъ вслѣдъ Осинькѣ:

---

*) Разумѣется, казакомъ.

**) Саверъ, одрань, падеръ, карсыгай и многія другія прозвища, которыя не мѣсто здѣсь приводить — прозвища насмѣшливыя, даваемыя казаками плохимъ лошадямъ и... такимъ же людямъ.

— Киргизы!... Убей васъ, гдѣ вы ходите! Пріѣзжайте къ намъ! Возьмите Осиньку и съ чалымъ „аргамакомъ“ его. Киргизы! гдѣ шляетесь? Взгляните на нашего молодца, на такое сокровище! Онъ самъ отдается вамъ въ руки...

Услыхавъ насмѣшку, Осинька оборотился къ Горячкину, послалъ ему какое-то крѣпкое словцо и поѣхалъ дальше, по слѣдамъ Бакировыхъ; но ихъ въ то время, разумѣется, не видно было: они заѣхали ужъ въ „барханы“.

Пока Вертячкинъ ѣдетъ къ товарищамъ, братьямъ Бакировымъ, и разыскиваетъ ихъ въ степи, мы взглянемъ, что̀ они подѣлываютъ.

Проѣхавъ отъ р. Багырдая нѣсколько верстъ, Бакировы встрѣтили сайгаковъ. Слѣзши съ лошадей, охотники стреножили ихъ и пустили на траву, а сами, съ винтовками въ рукахъ, пошли подъ сайгаковъ—одинъ братъ въ сторону, другой въ другую. Младшему брату довелось прежде подползти къ сайгаку и выстрѣлить въ него. Но лишь только казакъ выстрѣлилъ изъ винтовки, на него, какъ снѣгъ на голову, нахлынула партія, человѣкъ до тридцати, Киргизовъ.

За нѣсколько дней до того, Киргизы Зауральской Орды, адайскаго рода, гдѣ-то выше или ниже Красноярскаго форпоста, незамѣтнымъ образомъ перебрались изъ-за Урала на Внутреннюю сторону и углубились въ „барханы“, съ цѣлью поживиться на счетъ русскихъ, или на счетъ своей же братьи, Букеевской Орды Киргизовъ, кочующихъ между Волгой и Ураломъ. Шайка эта отдыхала въ „барханахъ“, недалеко отъ „Четырехъ-Колодцевъ“, куда направлялись, какъ выше сказано, братья Бакировы. Завидѣвъ казаковъ издали, Киргизы разбѣжались по сторонамъ и притаились за холмами, съ намѣреніемъ выждать удобную минуту, чтобы врасплохъ напасть на охотниковъ. Напасть на нихъ прямо Киргизы не смѣли, боясь заряженныхъ винтовокъ.

Когда младшій изъ братьевъ Бакировыхъ выпустилъ зарядъ по сайгаку, Киргизы въ то-же мгновеніе напали на ка-

зака и, не давъ ему оправиться и вновь зарядить винтовки, сшили его, такъ сказать, пиками и добили чаканами *). Несчастный сайгачникъ въ первыя минуты, какъ напали на него разбойники, хотя и отмахивался винтовкой, но не отмахался, только изломалъ ее въ дребезги, не ранивъ притомъ ни одного Киргиза.

Старшій братъ, заслышавъ, вѣроятно, крикъ и визгъ (у Киргизовъ, при нападеніи, дѣло не обходится безъ крика и визга, хотя бы сто человѣкъ нападало на одного), бросился въ ту сторону, гдѣ находился младшій братъ, но, пробѣжавъ саженей сто, встрѣтился съ Киргизами. Убивъ одного охотника, Киргизы напали и на другого; но, видя въ рукахъ послѣдняго винтовку и зная, что она еще не разряжена, остановились. Никто изъ Киргизовъ не смѣлъ съ холоднымъ оружіемъ подступить къ казаку, а огнестрѣльнаго оружія у Киргизовъ не было. Немногіе смѣльчаки, или такъ-называемые „батыри", выскакивали впередъ и напускались на казака съ пикой или чаканомъ въ рукѣ, но въ то-же мгновеніе, какъ казакъ вскидывалъ къ плечу винтовку, осаживали лошадей и возвращались назадъ.

Казакъ, выдержавъ первый натискъ Киргизовъ, видимо оправился, смѣло вскрикнулъ на разбойниковъ, чтобъ они дали ему дорогу, и сталъ подвигаться къ одному холму для того, вѣроятно, чтобъ имѣть больше выгодъ защищаться. Киргизы хотя и старались преградить казаку дорогу, но держались отъ него, такъ-сказать, въ почтительномъ разстояніи, потому, конечно, чтобъ не столкнуться лбомъ съ его пулей. Дѣло казака поправлялось; но вдругъ, такъ ужъ, вѣроятно, судьбѣ было угодно, между Киргизами сдѣлалось сильное движеніе и раздались голоса:

— А гдѣ алачинецъ? Давайте его сюда!...

— Да, да, гдѣ алачинецъ? Онъ хвалился, онъ обѣщался, онъ далъ слово идти на русскаго одинъ-на-одинъ. Давайте его сюда!

---

*) Небольшой топорикъ, насаженный на длинную рукоятку.

— Правда, правда! Пускай исполнитъ обѣщаніе, пускай выходитъ на русскаго. Гдѣ онъ? Давайте его!

— Вонъ онъ, вонъ онъ! Эй! иди сюда, батырь! Эй! докажи намъ, что ты джигитъ.

Киргизы, напавшіе на Бакировыхъ, были, какъ уже сказано, адайскаго рода. Въ степи за Ураломъ, когда они приближались къ линіи, съ намѣреніемъ перейти на Внутреннюю сторону, съ ними встрѣтился бродячій, должно-быть изверженный за что-либо изъ своего рода, Киргизъ алачинскаго рода, тотъ самый, къ которому относились вышеприведенныя слова адайцевъ. Алачинецъ, при встрѣчѣ съ адайцами, сталъ проситься, чтобъ они взяли его съ собой на разбой. Адайцы отказывали; алачинецъ настаивалъ. Наконецъ, адайцы согласились взять алачинца въ свою шайку, но съ условіемъ, чтобъ онъ, если встрѣтится надобность, пошелъ одинъ-на-одинъ на вооруженнаго русскаго, разумѣется, на казака. Алачинецъ согласился и присталъ къ шайкѣ адайцевъ.

Алачинецъ, заслышавъ нерадостные голоса, къ нему взывавшіе, сильно струсилъ; да и было чего струсить: онъ зналъ, что пуля казака не пролетитъ мимо цѣли. Прежде, чѣмъ адайцы стали вызывать его, онъ догадывался или, такъ-сказать, предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется, и потому держался въ сторонѣ, чтобъ, полагать надо, не попасться на глаза главнымъ распорядителямъ шайки, съ которыми онъ заключилъ договоръ идти на русскаго. Безъ сомнѣнія, алачинецъ въ душѣ проклиналъ свое неумѣстное и неосторожное самохвальство и молился, конечно, Богу, чтобъ грозная туча пронеслась мимо, но она какъ-разъ надъ нимъ разразилась.

Адайцы, видя нерѣшительность и уклончивость алачинца, схватили подъ уздцы его лошадь, вывели на средину и, поставивъ противъ казака, сказали:

— Чего еще ждешь? Иди!

Но алачинецъ молчалъ, дрожалъ, пятился назадъ и отрицательно качалъ головой.

— А! ты не хочешь, ты боишься, ты трусишь русскаго?

Ну, хорошо же, мы съ тобой раздѣлаемся!—говорили разсерженные и раздраженные адайцы. — Слушай! ты далъ слово идти на русскаго; мы на тебя понадѣялись и напали на русскаго, а ты теперь измѣняешь. Знаешь ли, что́ изъ этого можетъ выйдти? Русскій отъ насъ уйдетъ, встревожитъ форпостъ, явится сюда команда и — тогда, понимаешь, изъ-за тебя мы всѣ пропали! Не лучше ли одному за всѣхъ гибнуть, чѣмъ всѣмъ за одного—а? Русскій, и то́ можетъ случиться, промахнется, и ты останешься живъ. Слышишь, иди на русскаго!

— Не могу!..—сказалъ дрожащимъ голосомъ алачинецъ.

— Ступай, ступай!—кричали адайцы.—Если не пойдешь на русскаго, то мы сами тебя убьемъ, какъ лгуна — не все ли равно? Выбирай одно: или ступай на казака, или издыхай вотъ здѣсь.

Тутъ нѣкоторые изъ адайцевъ взялись за сабли и не шутя погрозили алачинцу.

— Иду!..—нéхотя, какимъ-то пискливымъ и плачевнымъ голосомъ проговорилъ алачинецъ.

Послѣ того онъ слѣзъ съ лошади, раздѣлся до-нага, оставшись въ однихъ кожаныхъ шараварахъ и прикрывъ голову красной тюбетейкой (родъ ермолки), потомъ талію свою перетянулъ туго-на-туго, въ нѣсколько рядовъ, арканомъ, взялъ на перевѣсъ длинную пику и медленно, бормоча молитву, пошелъ на казака; но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, въ нерѣшимости остановился: ему страшно было взглянуть на казака, стоявшаго предъ нимъ въ грозной позѣ и державшаго въ рукахъ винтовку, готовую въ одно мгновеніе изрыгнуть смерть. Между тѣмъ, сзади алачинца раздавались голоса одобренія и угрозъ. Алачинецъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ. Казакъ, прикладываясь къ винтовкѣ, дрожащимъ, но сильнымъ голосомъ вскричалъ:

— Не подходи!.. Убью!..

Алачинецъ, блѣдный, какъ полотно, снова остановился и съ умоляющимъ видомъ посмотрѣлъ на адайцевъ, а они, ма-

хая саблями и потрясая пиками, держась, однако, въ сторонѣ, въ неистовствѣ кричали:

— Иди, иди!.. не то убьемъ тебя, какъ собаку.

Алачинецъ дико застоналъ, стиснулъ зубы и, пагнувшись, какъ быкъ, кинулся на казака. Казакъ выстрѣлилъ, и пуля попала алачинцу прямо въ темя. Алачинецъ упалъ и, падая, уткнулъ пикой въ землю. Древко пики переломилось на-двое. Казакъ бросился къ алачинцу и схватилъ было отломокъ пики, чтобъ оборониться имъ; но адайцы въ то же мгновеніе напали на него со всѣхъ сторонъ, принялись колоть его пиками и рубить саблями и чаканами... Погибъ и старшій братъ Бакировъ.

Лишь только адайцы успѣли убить несчастнаго охотника, какъ одинъ изъ разбойниковъ, такъ называемый, „махальный", стоявшій на холмѣ, въ родѣ часового, подалъ товарищамъ знакъ, чтобъ они береглись, и адайцы снова разсѣялись и попрятались въ барханахъ. Причиной тревоги киргизовъ былъ Осинька Вертячкинъ.

Вотъ и онъ, молодчикъ, явился на „саврѣ" своемъ, чаломъ маштакѣ. Что-то съ нимъ, съ Осипомъ Иванычемъ, будетъ? Да ничего. Чалый маштакъ... Впередъ, однакожъ, забѣгать не слѣдуетъ. Дѣло скоро разъяснится.

Пріѣхавъ къ рѣчкѣ Багырдаю, гдѣ чаялъ найдти, но не нашелъ товарищей, Осинька съ легкимъ неудовольствіемъ поворчалъ на нихъ, надѣясь еще увидѣться съ ними у Четырехъ-Колодцевъ; потомъ принялся честить чалаго, обѣщая ему и въ хвостъ, и въ гриву милліонъ репьевъ за то, что онъ мало повиновался нагайкѣ и выступалъ себѣ шажкомъ, повиливая хвостомъ и помахивая головой, а потомъ напустился на рѣчку, обѣщая, чтобъ утопилась въ ней паршивая овца. Неблаговоленіе къ рѣчкѣ Осинька питалъ за то, что она, вѣдь, рѣчкой-же слыветъ, а вода-то въ ней тепла, словно щелокъ, утолить жажду нельзя. Побранивъ порядкомъ и чалаго, и рѣчку, Осинька прищурилъ косые глаза и какъ-то

непріязненно взглянулъ на солнце, которое сильно припекало, но не осмѣлился, однакожъ, произнести на счетъ солнца ничего вольнаго, а только проговорилъ, почесавъ за ухомъ:

— Гм!.. кака оказія-та! такъ и жаритъ, словно въ банѣ на полкѣ.

Осинька поѣхалъ дальше. Сначала онъ ѣхалъ по слѣдамъ Бакировыхъ, но потомъ, соскучившись безпрестанно разглядывать на сыпучемъ пескѣ не слишкомъ ясные конскіе слѣды, поѣхалъ самъ по себѣ, отъ „бархана“ къ „бархану“. Наконецъ, пріѣхалъ къ Четыремъ-Колодцамъ, но Бакировыхъ и тамъ не засталъ. Тутъ ужъ Осинька плюнулъ съ досады и разразился сильной бранью на товарищей.

— Вотъ народецъ-то, вотъ народецъ-то!—говорилъ Осинька:—удрали, удрали! Не терпѣлось, ей-Богу, не терпѣлось!.. Что-бъ подождать немного? Куда понеслись на ножъ кадыкомъ-то?.. Ну, ужъ народецъ — нѣчего сказать!.. Стоитъ переломленнаго... рычага... Впередъ водиться не стану...

Послѣ того, Осинька поворотилъ въ сторону, но ужъ не съ намѣреніемъ отыскивать товарищей, а съ цѣлью поохотиться самому за сайгаками, убить, на зло товарищамъ, двати козла и потомъ воротиться домой.

Разъѣзжая по степи, между „барханами“, и не встрѣчая сайгаковъ, которые шайкой Киргизской были распуганы, Осинька приблизился къ тому мѣсту, гдѣ происходило столкновеніе у Бакировыхъ съ Киргизами, услыхалъ и выстрѣлъ послѣдняго изъ Бакировыхъ и поѣхалъ прямо туда. Но такъ какъ знаменитый чалый аргамакъ его не торопился и выступалъ черепашьимъ шагомъ, то Осинька и не поспѣлъ къ мѣсту драки во-время. Между тѣмъ, мы знаемъ, адайцы увидѣли Осиньку и схоронились за холмами. Осинька проѣхалъ близко мимо убитыхъ казака и Киргиза, въ разстояніи какихъ-нибудь ста саженей, но, по причинѣ холмистой мѣстности, не замѣтилъ ихъ.

Пропустивъ впередъ мимо себя Осиньку, адайцы совокупились, взобрались на одинъ изъ большихъ „маровъ“ и на

вершинѣ его, въ глубокой „впадинѣ“ (въ ямѣ), остановились, спѣшились и стали наблюдать за Осинькой.

Постоявъ и повертѣвшись немного на одномъ мѣстѣ, Осинька прокричалъ Бакировымъ, но не получилъ отклика. Подумавъ, что Бакировы слышатъ его, но не хотятъ откликнуться съ намѣреніемъ пошутить, посмѣяться надъ нимъ, Осинька крѣпко обидѣлся и разсердился на товарищей, повоpотилъ чалаго назадъ и поѣхалъ домой, бросивъ охоту за сайгаками.

Слѣдуя обратнымъ путемъ, Осинька проѣзжалъ около самаго подножія того холма, на вершинѣ котораго въ ямѣ скрывались адайцы. Не замѣчая адайцевъ, Осинька продолжалъ свой путь, бормоча на Бакировыхъ и не зная, разумѣется, что они были въ то время покойными.

Когда онъ поровнялся съ адайцами, тѣ, разсчитывая на невзрачную наружность Осинькиной лошади, на близость разстоянія, а главное на то, что винтовка у казака была въ чехлѣ за плечами, думали-было внезапно напасть на него. Многіе изъ адайцевъ готовы ужь были сѣсть на лошадей и броситься на Осиньку. Сдѣлай этой адайцы — пропалъ бы нашъ Осинька, какъ пропали и Бакировы, пропалъ бы Осинька и съ „чалымъ аргамакомъ“, какъ предсказывалъ въ насмѣшку Горячкинъ, при выѣздѣ Осиньки на охоту. Но, къ счастью Осиньки и его „савра“, адайцы не напали. Одинъ изъ старшихъ киргизовъ остановилъ покушеніе смѣльчаковъ.

— Напасть мы, пожалуй, нападемъ, сказалъ этотъ киргизъ:—но ничего не сдѣлаемъ. Русскій отъ насъ ускачетъ, дастъ знать на форпостъ казакамъ; прискачетъ сюда команда и тогда мы пропали.

— Не ускачетъ!—возразили адайцы: — посмотри, какая подъ нимъ лошадь, — мышенокъ, а ружья онъ не успѣетъ достать изъ чехла.

— Мышенокъ не мышенокъ,— сказалъ первый киргизъ,— а лошадка, правда ваша, незавидная—противъ этого спорить не стану, но только, слушайте меня, бывалаго человѣка, эта лошадь ускачетъ отъ нашихъ.

— Почемъ ты знаешь? — спорили иные адайцы, которымъ жаль было упустить Осиньку.

— А вотъ почемъ, — отвѣчалъ осторожный киргизъ: — ужъ если казакъ, да еще низовый (то-есть, линейный), рѣшился ѣхать въ степь на такой съ виду дрянной лошадёнкѣ, значитъ, лошадь эта только съ виду нехороша, а на самомъ дѣлѣ она легка, какъ вѣтеръ, рѣзва, какъ сайгакъ.

Адайцы, выслушавъ старшаго киргиза, согласились съ его доводомъ и пропустили Осиньку мимо себя благополучно.

Когда Осинька скрылся изъ виду, адайцы сняли съ убитыхъ казаковъ одежду (лошади казачьи давно ужъ были въ ихъ рукахъ; они завладѣли ими еще тогда, когда убили перваго сайгачника) и удалились.

Подъѣхавъ снова къ Багырдаю, Осинька остановился, напоилъ чалаго и пустилъ его на траву, а самъ вздумалъ понѣжиться и отдохнуть. Выкупался Осинька въ рѣчкѣ, повалялся на травкѣ близь берега, поѣлъ ватрушки съ творогомъ и, успокоившись, поѣхалъ дальше, мурлыча пѣсни. Подъ конецъ пути, въ виду форпоста, онъ, между прочимъ, запѣлъ слѣдующую, любимую имъ, старинную пѣсню:

Какъ не пыль-то во чистомъ полѣ запылилася,
Не туманушки со синя моря подымалися—
Появлялися со дикой степи таки звѣри:
Не два соболя бѣгутъ со куницею,
Напередъ у нихъ бѣжитъ старъ Устиманъ—звѣрь.
На немъ шерсточка, на Устиманѣ, бумажная,
А щетинушки на Устиманѣ все булатныя,
Какъ на каленной на щетинушкѣ по жемчужинкѣ;
Посередь спины у него, Устина, золото блюдо.
Не чистой-то жемчугъ по блюду разсыпается—
Всѣ то звѣри лютые разбѣгаются.
Подбѣгали звѣри дивные къ Яику—къ рѣкѣ,
Воскричалъ, взгаркнулъ тутъ Устиманъ-звѣрь
Своимъ вельми громкимъ голосомъ.
Всѣ сыры-дубы съ кореньевъ посломалися,
А быстра рѣка Яикушка возмутилася;
Устоялъ только одинъ сыръ-матерый-дубъ.
На дубу на томъ сидѣлъ не сизой орелъ,

Не сизой орелъ—удалый добрый молодецъ.
Ужъ онъ мѣтился изъ винтовочки глазомъ вѣрнымъ.
Попадалъ же онъ Устину-звѣрю въ ретиво сердце,
И падалъ тутъ Устиманъ-звѣрь на мать—на сыру-землю.
Застонала мать сыра-земля и разступилася,
Пожрала она звѣря лютаго, самого Устимана *).

---

*) Смыслъ этой пѣсни, несмотря на ея аллегоричность, довольно ясенъ. Въ лицѣ Устимана-звѣря мы должны видѣть не настоящаго какого-нибудь звѣря, а стариннаго азіатскаго, напримѣръ, татарскаго героя, батыря, который, вѣроятно, дѣлалъ нападенія на русскія жилища, и котораго, по дикости и звѣрству, русскіе уподобили звѣрю. Можетъ быть, имя рыцарю было: Утемисъ, Усманъ и т. п., и русскіе, по созвучію, исказили это имя и превратили въ Устиманъ, или въ Устинъ—все это въ порядкѣ вещей. Поэтому я принялъ за правило, начинать это слово прописною буквою. Даже самое описаніе наружности Устимана-звѣря, какъ не надо больше говорить въ пользу этого предположенія. Напримѣръ: на немъ, на Устиманѣ, шерсточка бумажная—это одежда рыцаря; щетинушки на немъ булатныя—это броня; на каждой на щетинушкѣ по жемчужинкѣ—это украшеніе; посередь спины золото блюдо—это щитъ, или что-нибудь въ родѣ щита, напримѣръ, металлическая блестящая пластинка или дощечка, какія бываютъ на панцыряхъ. Все это такъ правдоподобно, такъ натурально. О дальнѣйшемъ содержаніи пѣсни и говорить нѣчего. Ясно, Устимана-звѣря, или Устимана-рыцаря подкараулилъ и застрѣлилъ съ дерева удалый добрый-молодецъ, но кто такой: яицкій ли, донской ли, гребенской ли казакъ, или другой какой удалецъ, житель южныхъ странъ Россіи, гдѣ, въ былое время, безпрестанно происходили столкновенія у русскихъ съ нехристями—намъ до этого дѣла нѣтъ, да и разобрать это дѣло трудно, просто невозможно: сѣдая древность все поглотила, все стушевала. Хотя въ приведенной мною пѣснѣ упоминается Яикъ рѣка, на берегахъ которой убили Устина-звѣря, но я не дерзаю пѣсню эту выдавать за мѣстную яицкую, то-есть уральскую: это была бы безполезная натяжка, даже хуже, чѣмъ натяжка. Осинькѣ Вертячкину да нѣкоторымъ казакамъ угодно было вклеить тутъ Яикъ-рѣку, но другіе казаки вмѣсто: „къ Яику-рѣкѣ“, поютъ: „къ Непрѣ-рѣкѣ“, что значитъ Днѣпръ-рѣку. Всего вѣроятнѣе, уральцы пѣсню эту заимствовали отъ другихъ казаковъ, напримѣръ, донскихъ, гребенскихъ или даже малороссійскихъ, когда эти послѣдніе существовали и не рѣдко встрѣчались, конечно, въ походахъ съ уральцами. Какъ бы то ни было, старики-уральцы, въ томъ числѣ и О. Вертячкинъ, сказывали мнѣ, что пѣсня объ Устиманѣ-звѣрѣ въ старину была на Уралѣ въ большомъ ходу, но съ 1820-хъ годовъ ея почти не стало слышно. Сколько, думаю, пропало подобныхъ пѣсенъ! Жаль, что и говорить, но пособить горю трудновато.

„Такъ и надо его проклятаго, этого Устимана-звѣря, чтобъ на Русь...

Осинька хотѣлъ сказать: „лиха не думалъ“, но не успѣлъ договорить: на словѣ „Русь“, чалый вдругъ споткнулся и упалъ на колѣни, и Осинька, разнѣжившись и разчувствовавшись, не удержался на сѣдлѣ и полетѣлъ черезъ голову чалаго, но, къ счастью, нисколько не ушибся. Вскочивъ на ноги и схвативъ повода, Осинька прежде всего сталъ озираться по сторонамъ, изъ боязни, не видалъ ли кто его паденія, его срама: вѣдь, упасть съ лошади отъ ничтожной причины, напримѣръ, отъ того, если только лошадь споткнется—великій стыдъ и срамъ для казака. Убѣдясь, что онъ одинъ-одинёшенекъ въ полѣ, Осинька принялся хлестать чалаго нагайкой, приговаривая: „знай край, да не падай!.. знай край, да не падай! Береги хозяйскую голову; вѣдь, она не копѣйка! вѣдь она не копѣйка!“

Осинька снова разгорячился. Домой пріѣхалъ до безконечности злымъ, ругалъ жену и ребятишекъ—на чемъ свѣтъ стоитъ, придирался ко всякой малости, ко всякой бездѣлицѣ. Но что́ ни толковалъ, что ни бормоталъ, а Бакировыхъ не забывалъ: онъ безпрестанно поминалъ ихъ, но только не какъ покойниковъ, а какъ живыхъ обманщиковъ и насмѣшниковъ. Тутъ же досталось на орѣхи и Горячкину за слово: куда.

Домашніе Бакировыхъ, узнавъ о возвращеніи Осиньки, пришли къ нему спросить о своихъ, но Осинька съ сердцемъ отвѣчалъ:

— А я почемъ знаю, гдѣ шляются ваши телята? Я не пастухъ чей, а самъ себѣ господинъ!..

Отъ Осиньки отступились.

Между тѣмъ, прошла ночь, а Бакировы не возвращались съ охоты, тогда какъ имъ слѣдовало возвратиться еще вечеромъ. Прошли сутки, прошли и другія, а Бакировыхъ все нѣтъ, да нѣтъ. Наконецъ, на третьи сутки, высланная форпостнымъ есауломъ казачья команда нашла сайгачниковъ мертвыми.

Близь одного изъ нихъ валялся и трупъ алачинца. Адайцы сколько отъ того, что торопились удалиться отъ мѣста драки, столько и отъ того, что алачинецъ былъ не ихняго рода, не взяли трупа его съ собой или не зарыли въ землю, а покинули его тамъ, гдѣ алачинецъ былъ убитъ.

Похоронили охотниковъ и помянули души ихъ по обряду христіанскому, поплакали и погоревали молодыя вдовы ихъ и родные, потужили объ участи ихъ и сосѣди, покачалъ головой и утеръ слезу кулакомъ и Осинька, порыскали по степи казаки и не нашли разбойниковъ (они давно ужъ были за Ураломъ); поругали православные поганыхъ басурмановъ, но съ тѣмъ и остались; а недѣли черезъ двѣ послѣ этого происшествія Осипъ Иванычъ Вертячкинъ, съ другимъ пріятелемъ своимъ, Ив. Метлинымъ, снова разгуливалъ у Четырехъ-Колодцевъ, съ винтовкой въ рукѣ, ища сайгаковъ.

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Братья Бакировы убиты; киргизъ-алачинецъ, единоборствовавшій съ однимъ изъ нихъ, убитъ тоже; адайцы скрылись, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ безмолвныхъ труповъ; Осинька Вертячкинъ, разъѣзжавшій въ тотъ день на чаломъ аргамакѣ, и казачья команда, ѣздившая послѣ въ поиски, адайцевъ не видѣли: какъ же, спрашивается теперь, сдѣлались извѣстными всѣ подробности смерти казаковъ, какъ-то: нападеніе на нихъ адайцевъ, единоборство казака съ алачинцемъ, сужденіе и переговоры адайцевъ на счетъ Осиньки и его „аргамака“ и проч., и проч.? А вотъ какъ.

Лѣтъ пять спустя послѣ описаннаго происшествія, слѣдовала изъ Гурьева-городка въ Оренбургъ партія плѣнныхъ киргизовъ адайскаго рода, захваченныхъ въ степи, въ 1826 году, казачьимъ отрядомъ, за разбои и хищничество. Вече-

ромъ эту партію привели въ Красноярскій форпостъ и размѣстили частью въ караульной избѣ, а частью на дворѣ. Одинъ изъ киргизовъ, молодой человѣкъ, сидя у горѣвшаго на дворѣ костра, завелъ рѣчь съ казаками о томъ, о семъ и, наконецъ, видя доброе расположеніе и словоохотливость казаковъ, дававшихъ ему хлѣба, спросилъ:

— Вашъ форпостъ какъ называется?

— Тумпакъ-кала *),—отвѣчали казаки.

— Гм!.. такъ... такъ...—проговорилъ киргизъ.

Потомъ, немного погодя, онъ спросилъ:

— Не случилось ли у васъ, года четыре или лѣтъ пять назадъ, лѣтомъ, вотъ въ этой сторонѣ (киргизъ показалъ рукой на западъ, по направленію къ р. Багырдаю) какого несчастія?

Казаки, посмотрѣвъ въ недоумѣніи другъ на друга и не догадываясь, о чемъ спрашиваетъ киргизъ, сказали:

— У насъ много бывало несчастій. Мы не знаемъ, про какое ты спрашиваешь.

— А вотъ про какое: не пропали ли у васъ два казака-сайгачника?

— Пропали, пропали!—заговорили казаки, вспомнивъ о братьяхъ Бакировыхъ. —А что?

— Мы убили ихъ!..—прехладнокровно сказалъ киргизъ.

Тутъ онъ разсказалъ все то, что я впослѣдствіи слышалъ отъ красноярскихъ казаковъ и, въ томъ числѣ, отъ самого Осипа Иваныча Вертячкина, и что сейчасъ пересказалъ вамъ, читатели.

Москва.
1856 г.

---

*) Киргизское названіе Красноярскаго форпоста.

III.

КАРТИНЫ АХАННАГО РЫБОЛОВСТВА.

I.

Главный или, правильнѣе, коренной промыселъ у Уральскихъ казаковъ—рыболовство. Въ старые годы Уралъ до такой степени изобиловалъ рыбой, что казаки ограничивались ловомъ ея только въ рѣкѣ, а о морѣ и не думали: одинъ Уралъ, безотвѣтный данникъ, давалъ имъ всего вдоволь, всего съ избыткомъ,—и оттого-то, славя эту рѣку въ своихъ народныхъ пѣсняхъ, казаки не иначе называли его, какъ „Яикъ *), ты нашъ, Горынычъ; золотое твое донышко, серебряная твоя покрышка“ и проч. Но съ конца прошлаго или съ начала нынѣшняго столѣтія, Уралъ годъ-отъ-году сталъ быстро мелѣть, съуживаться и покрываться косами (островами); устья его засоряются пескомъ, иломъ и ракушей; глубокіе рукава, которыми онъ вливался въ море, пересыхаютъ, такъ что нынѣ изъ множества ихъ осталось только три. да и тѣ, кажется, скоро, засорясь пескомъ и ракушей, скроются подъ землею или, наконецъ, раздробясь въ мельчайшіе протоки, зарастутъ травой и камышемъ и образуютъ болото **). Предположеніе это тѣмъ больше вѣроятно, что на

*) Уралъ до 1775 г. назывался Яикомъ.

**) Подобный неутѣшительный примѣръ представляетъ намъ сосѣдка Урала—р. Эмба. Десять лѣтъ назадъ (писано въ 1853 году) она впадала въ море двумя, хотя небольшими рукавами, но въ 1852 г., весной, Гурьев-

той части морскаго прибрежья, въ которую вливаются устья Урала, показались видимые и подводные каменные и песчаные, смѣшанные съ ракушей, острова, составляющіе кругообразную загороду Урала. Естественно, что, при такомъ упадкѣ водъ *), устья Урала служатъ уже весьма плохимъ проводникомъ рыбы изъ моря, отчего Уралъ до неимовѣрной степени оскудѣлъ, противъ прежняго, рыбой, такъ что разсказы стариковъ о былыхъ, благословенныхъ временахъ,—когда, по ихъ словамъ, рыбы было „что сору",—кажутся намъ, бѣднымъ потомкамъ, баснословными. Между тѣмъ, народонаселеніе въ Уральскомъ Войскѣ увеличивается, а нужды и потребности казаковъ, при ихъ военномъ званіи, съ каждымъ годомъ удвоиваются, утроиваются. Земля же, на которой живутъ Уральцы, большею частію или песчаная, или солонцевато-глинистая и къ воздѣлыванію неспособная, исключая сѣверной и сѣверо-восточной ея части, гдѣ хотя и развивается земледѣліе, но оно, по малому пространству плодородной почвы, не можетъ удовлетворить и третьей доли войсковаго народонаселенія. И вотъ такая-то крайность заставила уральцевъ обратить вниманіе на море. Въ числѣ рыболовствъ, отправляемыхъ ими на Каспійскомъ морѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ Аханное. Оно названо такъ отъ слова аханъ, а аханомъ называется сѣть, которой ловятъ рыбу. Аханнымъ рыболовствомъ на Каспійскомъ морѣ, въ зимнее время, занимаются большею частью одни уральскіе казаки **), и изъ нихъ

скіе казаки ѣздили туда на охоту и уже устьевъ ея не нашли: они совершенно исчезли въ пескахъ и камышевыхъ зарослях; только по примѣтамъ можно было догадаться, гдѣ были устья.

*) Нынѣ самый глубокій фарватеръ въ устьяхъ Урала только 2½ фута, а прежде, лѣтъ 20 тому назадъ, въ немъ проходили, съ полнымъ грузомъ, большія мореходныя расшивы, которыя сидятъ въ водѣ, по крайней мѣрѣ, на 6 или 7 футовъ. Однимъ словомъ, куда ни взглянешь по прибрежью моря,—вездѣ встрѣчаешь быстрый упадокъ водъ: гдѣ прежде плавали суда и большія лодки—тамъ нынѣ бродятъ кулики и цапли.

**) Я такъ говорю потому, что аханами рыбачатъ на Каспійскомъ морѣ и Астраханцы, но въ маломъ размѣрѣ; главную же роль въ рыбо-

преимущественно жители приморскаго городка Гурьева, для которыхъ это рыболовство столько же необходимо, сколько земледѣліе для русскаго поселянина. Оно поитъ и кормитъ, обуваетъ и одѣваетъ казака, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы въ отплату за одолженіе, не рѣдко лишаетъ его послѣдней копѣйки, дѣлаетъ нищимъ и пускаетъ съ сумой по міру. Мало этого, оно подчасъ играетъ и самою жизнію казака, завлекая его въ глубь моря и предавая тамъ ярости волнъ и льдовъ непостояннаго и бурнаго Каспія.

Я, пишущій эти строки, живо помню бѣдственный 1843 годъ, въ который сотни уральцевъ, моихъ земляковъ, лишились почти всего своего достоянія, а нѣкоторые, вдобавокъ, простились и съ жизнію. Тотъ годъ до сихъ поръ еще живетъ и, безъ сомнѣнія, долго будетъ жить, въ памяти рыболововъ, особенно Гурьевскихъ жителей, подъ именемъ несчастнаго. Это-то событіе я и взялъ за основу моего разсказа.

II.

Осень 1842 года стояла въ Гурьевѣ городкѣ тихая и теплая. Ночи были сырыя и туманныя, а дни свѣтлые и ясные, какъ весенніе. Дикіе гуси, утки и другія водяныя птицы зажились на ильменяхъ, заливахъ и проранахъ морскихъ, не думая отлетать въ полуденную сторону на зиму. Промышленники жаркаго рыболовства *) давно уже съѣхали съ моря, суда ввели въ прораны, лодки вытаскали на берегъ и всѣ рыболовные снаряды склали въ амбары. — Неводчики

ловствѣ играютъ у нихъ крючья, употребленіе которыхъ въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ запрещено.

*) Рыболовство, отправляемое казаками на Каспійскомъ морѣ, на судахъ и лодкахъ осенью, названо жаркимъ, въ отличіе отъ другого подобнаго ему, производимаго на тѣхъ же мѣстахъ весною, и извѣстнаго подъ именемъ курхайскаго.

также покинули Уралъ и высушили невода *). Войско **) расплавало послѣднюю гурьевскую я т о в ь и возвратилось въ Уральскъ. Весь Гурьевъ пришелъ въ движеніе. Начались сборы и приготовленія къ Аханному рыболовству. Вновь навязаны и выдублены аханы, старые починены; лошади откормлены и нажированы, можно сказать, до-нельзя; сани, конская упряжь, пѣшни, багры, шесты, словомъ всѣ орудія, большія и малыя, необходимыя къ рыболовству, исправлены, упрочены; провизія людямъ и фуражъ лошадямъ заготовлены. Пора уже ѣхать въ море, но нѣтъ зимы. Исходилъ уже ноябрь, но онъ скорѣе похожъ былъ на весенній, чѣмъ на послѣдній осенній мѣсяцъ. Близокъ былъ и декабрь, но зима все не показывалась.

Аханьщики съ безпокойствомъ посматривали на сѣверъ, ожидая оттуда, какъ благодати, морозовъ. „Вотъ, что-то принесетъ намъ Николинъ день и чѣмъ-то онъ насъ порадуетъ", говорили одни. — „Какъ не будетъ морозовъ, присовокупляли другіе, шабашъ, — пропадай аханы!". Ожиданія ихъ не были напрасны. Съ первыхъ чиселъ декабря появились легонькіе морозы; къ половинѣ того мѣсяца они усилились. Уралъ и море покрылись льдомъ. Скоро черезъ рѣку стали ѣздить на лошадяхъ съ тяжелыми возами; но на морѣ ледъ былъ еще тонокъ, ненадеженъ; только къ концу декабря онъ, повидимому, укрѣпился. Тогда гурьевскій начальникъ, заботясь о благосостояніи ввѣреннаго его управленію народа, выбралъ двоихъ казаковъ, изъ среды самыхъ зажиточныхъ, опытныхъ, знакомыхъ съ моремъ рыболововъ, и послалъ ихъ въ море, освидѣтельствовать толщину и крѣпость льда. Черезъ два дня

---

*) Рыболовство, производимое въ Уралѣ неводами близъ Гурьева, во время глубокой осени.

**) В о й с к о м ъ называется наличный комплектъ казаковъ, которые осенью, зимой и весной рыбачатъ въ Уралѣ общей массой по рубежамъ, или ятовямъ. Я т о в я м и называется такія мѣста въ Уралѣ, гдѣ преимущественно набирается рыба партіями. — Подъ именемъ же р у б е ж а разумѣть надо черту, назначенную начальствомъ въ день рыболовства поперекъ Урала, ниже которой никто не смѣетъ въ этотъ день рыбачить подъ страхомъ наказанія.

посланные возвратились и привезли три куска льда, вырубленные ими въ разныхъ пунктахъ морской глубины. Не успѣли они выйти изъ саней, остановившихся передъ домомъ гурьевскаго начальника, какъ толпа нетерпѣливыхъ казаковъ-рыболововъ окружила ихъ. Всѣ вмѣстѣ, и каждый порознь, наперерывъ, перебивая одинъ другого, закидали пріѣхавшихъ съ моря вопросами: „Что новенькаго скажете намъ?“ спрашивали одни. „Далеко-ли пріятели ѣздили?“ говорили другіе.— „Чѣмъ порадуете насъ, атаманы-молодцы?“ восклицали третьи.

Такимъ и подобнымъ вопросамъ не было конца, и вопрошаемые не знали, на что отвѣчать. Наконецъ, отворились двери дома и на крыльцѣ его показался начальникъ Гурьева, войсковой старшина П. М. Бородинъ, а вслѣдъ за нимъ вышли А. Р. Ливкинъ и И. Ф. Зеленцовъ, оба сотники, назначенные отъ войсковой канцеляріи начальниками на Аханное рыболовство—одинъ въ правую, а другой въ лѣвую сторону отъ устьевъ Урала. Толпа, дотолѣ шумѣвшая и кричавшая, затихла и разступилась. Офицеры подошли къ санямъ. Тутъ одинъ изъ пріѣхавшихъ казаковъ вынулъ изъ-подъ циновки три небольшія льдинки и сказалъ: „Эта изъ черней *), ваше высокоблагородіе, съ $1^1/_2$ сажени. Эта—указавъ на другую, немного тоньше первой—съ $2^1/_2$ саженной глубины; а эта—тутъ онъ взялъ въ руки третью и самую тонкую льдину—съ 4 саженной глубины“.—„Дальше мы не ѣздили,—сказалъ другой казакъ:—ледъ очень тонокъ и пускаться по немъ въ море опасно.

Осмотрѣвъ эти льдинки и убѣдясь по нимъ въ прочности морскаго льда до извѣстныхъ предѣловъ разстоянія, гурьевскій начальникъ, обратившись къ рыбопромышленникамъ, которые

*) Черными казаки называютъ берега моря, и названіе это, вѣроятно, произошло отъ слова „чернь“, такъ какъ морскіе берега, когда приближаешься къ нимъ съ моря, сначала показываются черной полосой на горизонтѣ. Отъ слова „черни“ происходитъ и названіе „черневой“, т.-е. прибереговой. „Я ѣхалъ или стоялъ въ черняхъ“ говоритъ казакъ.— Это значитъ, другими словами: „Я ѣхалъ или стоялъ въ виду или близъ береговъ“.

въ то время обступили его тѣснымъ кружкомъ и молча съ нетерпѣніемъ ждали его рѣшенія, сказалъ имъ: „Теперь, ребята, можете ѣхать на промыселъ; но слушайте! дальше 4-хъ саженной глубины я ѣздить вамъ не совѣтую; поберегите свои животы и имущество и не доводите до отчаянія вашихъ семейныхъ".

— Слушаемъ, ваше высокоблагородіе! Покорнѣйше благодаримъ за отеческое наставленіе и попеченіе! — было отвѣтомъ казаковъ.

Въ минуту всѣ разошлись по домамъ, тревожимые безотчетнымъ чувствомъ радости и печали, надежды и страха на предстоящее рыболовство.

Остатокъ дня и наступившая за тѣмъ ночь прошли въ совершенной тишинѣ и бездѣйствіи; но зато утро слѣдующаго дня было самое шумное. Далеко до разсвѣта Гурьевъ проснулся и всталъ на ноги; каждый домъ представлялъ живую картину, полную дѣятельности и тревожной хлопотливости. Войдемте, читатель, въ одинъ изъ этихъ домовъ и посмотримте, что̀ тамъ дѣлается. Ворота были растворены настежъ. На дворѣ и на улицѣ около воротъ стояли во множествѣ сани; около нихъ ходили, бѣгали и суетились рыболовы-хозяева и работники ихъ киргизъ-кайсаки, укладывая овесъ для лошадей, провизію для себя, аханы и прочую рыболовную принадлежность. Женщины, затопивъ печки, приготовляли для отъѣзжающихъ сытный обѣдъ, а на дорогу напекали имъ мясныхъ пирожковъ и другихъ скоромныхъ яствъ, такъ-какъ это происходило дня за три передъ праздникомъ Рождества Христова. Не забыли между тѣмъ догадливые казаки сходить или спосылать съ 2-хъ или 3-хъ ведернымъ боченкомъ въ питейный домъ и запастись оттуда отрадною жидкостью, которая на морѣ, среди льдовъ и тумановъ, живитъ и грѣетъ казака, замѣняя ему теплую избу.

Наконецъ, въ половинѣ дня все уложено; лошади напоены, накормлены; люди пообѣдали и одѣлись въ дорожное, теплое платье. Тогда одинъ изъ промышленниковъ, отправляющійся на ловъ во главѣ своей артели, идетъ въ конюшню — пред-

варительно помолясь Богу — выводитъ оттуда старую, бывалую на морѣ лошадь и впрягаетъ ее. Смирное, привыкшее къ этому животное стоитъ, какъ вкопанное. Послѣ того, уходя въ избу, онъ даетъ знакъ работникамъ и другимъ промышленникамъ, младшимъ членамъ своей артели. Тѣ живо кидаются къ лошадямъ, каждый къ своей, и также ихъ впрягаютъ въ сани. Но тутъ иногда встрѣчаются маленькія затрудненія. Молодыя изъ лошадей, не бывшія отъ роду въ запряжкѣ или бывшія, да мало, но ходившія дотолѣ въ теченіе всего лѣта въ табунѣ, а передъ тѣмъ мѣсяца два стоявшія въ конюшнѣ на привольномъ корму — разжирѣли и одичали, не подходятъ къ санямъ и бѣсятся. Но Уральскаго казака бѣшенство лошади не смущаетъ и не пугаетъ, а напротивъ, радуетъ. При помощи одного, двоихъ работниковъ, онъ вцѣпится непокорной лошади за уши и втащитъ ее въ оглобли, откуда уже ей не вырваться. Но ежели, сверхъ чаянія, рьяность лошади преодолѣетъ его силу, онъ, самъ разгорячась не меньше ея, оттянетъ и закрутитъ веревкой или такъ называемымъ свистомъ, верхнюю губу животнаго, и — конецъ тогда его бѣшенству. Послѣ того все семейство собирается въ избу, гдѣ всѣ, какъ отъѣзжающіе на промыселъ, такъ и остающіеся дома, съ благоговѣніемъ становятся предъ иконами и зажигаютъ лампады и свѣчи Св. Угодникамъ Божіимъ, особенно предъ ликомъ Николая Чудотворца, котораго казаки преимущественно чтутъ предъ другими Святыми, называя его отцемъ и покровителемъ рыболовства. Старшій въ семействѣ читаетъ вслухъ молитвы; прочіе шопотомъ повторяютъ ихъ за нимъ, сопровождая каждое крестное знаменіе земнымъ поклономъ. По окончаніи молитвъ, начинается прощанье, которое, мимоходомъ сказать, ни въ одномъ домѣ не обходится безъ слезъ и безъ водки.

Между тѣмъ, на дворѣ происходитъ въ своемъ родѣ подобная этой картина. Работники-Киргизы, по вѣроисповѣданію магометане, сходятся въ одно мѣсто, становятся въ кружокъ, присѣдаютъ на корточки или опускаются на колѣни, склоняютъ головы на распростертыя ладони рукъ и, въ молча-

ніи, зажмуривъ глаза, внимаютъ съ набожностію одному, посреди ихъ сидящему, который, зная мало-мальски наизусть нѣсколько молитвъ, читаетъ ихъ вслухъ и, безпрестанно ударяясь лбомъ о землю, взываетъ къ Аллаху, прося его о сбереженіи ихъ жизни и здоровья. Заключивъ молитву проведеніемъ рукъ по лицу, Киргизы встаютъ и также, въ свою очередь, прощаются съ своими родственниками, которые приходятъ къ нимъ для того изъ-за Урала, изъ своихъ бѣдныхъ юртъ.

Настала пора ѣхать. Всѣ на своихъ мѣстахъ, у своихъ саней. Вотъ тронулись сани передоваго, старшаго въ артели; за ними потянулись прочія. При выходѣ изъ воротъ на улицу казаки снимаютъ шапки и крестятся. Киргизы, изъ подражанія Русскимъ, тоже скидаютъ тумаки съ бритыхъ своихъ головъ. Отъ двора до Урала аханьщики не ѣдутъ, а идутъ пѣшкомъ около саней, держа въ рукахъ возжи. Въ такомъ видѣ они достигаютъ рѣки и по отлогому берегу ея спускаются на ледъ. Туда за ними слѣдуютъ матери, жены, дѣти, сестры, словомъ — всѣ члены семейства, которые могутъ ходить, и уже тамъ окончательно съ ними прощаются. Такимъ образомъ изъ всѣхъ прочихъ домовъ, артель за артелью, съѣзжаются сюда аханьщики. Здѣсь, на льду Урала, въ виду своихъ домовъ, собирается почти все народонаселеніе Гурьева, какъ участвующее въ Аханномъ рыболовствѣ, такъ и неучаствующее, изъ одного только любопытства. По поданному начальниками рыболовства знаку, сотни промышленниковъ, обнявъ въ послѣдній разъ своихъ родныхъ, вспрыгиваютъ на воза, подбираютъ возжи, чтобы укротить нетерпѣливость и рьяность лошадей, которыя, почуя подъ собою ледъ, храпятъ, взвиваются на дыбы и рвутся впередъ, — и потомъ съ словами: „прощайте, родные! молитесь Богу!“ гикнутъ: кони взовьются и полетятъ; зазыблется, зашумитъ и загудитъ ледъ подъ санями; посыплются хрустальною пылью брызги изъ-подъ копытъ; раздадутся и разольются веселыя пѣсни удалыхъ казаковъ, которые, то разъединяясь, то съѣзжаясь въ кучки, скрываются наконецъ, толпа за толпой, за ближайшимъ поворотомъ рѣки.

Скорѣе, чѣмъ черезъ часъ ѣзды, аханьщики достигаютъ устьевъ Урала, отстоящихъ отъ Гурьева городка въ 14 верстахъ. Тамъ, въ виду пустыннаго моря, они останавливаются, чтобы запастись топливомъ изъ растущаго по взморью камыша, а также и для того, чтобы, поздоровавшись съ батюшкой синимъ-моремъ, какъ величаютъ его казаки, выпить про его бурную милость и про свое здоровье по чаркѣ водки; потомъ, поговоривъ и посудивъ между собой на счетъ рыболовства, раскланиваются другъ съ другомъ и, взаимно пожелавъ одинъ другому счастливаго, прибыльнаго залова, разстаются; одни ѣдутъ вправо, другіе влѣво, держась береговъ; а третьи, самые зажиточные, слѣдовательно и превосходящіе другихъ числомъ и качествомъ рыболовныхъ снастей,—прямо отъ устьевъ Урала на югъ, въ открытое море, искать добычи на глуби. Ѣдутъ они отсюда уже не шибко, какъ изъ домовъ, а тихо, мѣрною грунью, и не толпами, а вереницей въ однѣ сани. Передовой, самый опытнѣйшій казакъ и знающій море, какъ свой дворъ, ведетъ за собой прочихъ, повѣряя по временамъ путь свой компасомъ, который у него, а равно и у всѣхъ рыболововъ, всегда, и днемъ и ночью, лежитъ за пазухой.

III.

Мѣсто около устьевъ Урала, дотолѣ шумное и многолюдное, опустѣло. Только близь одного островка осталось трое саней. Около нихъ ходили: казакъ, довольно пожилыхъ лѣтъ, молодой казаченокъ, да Киргизъ-работникъ. Старикъ рылся въ возахъ, отыскивая въ нихъ чего-то съ озабоченнымъ видомъ. Наконецъ, отошедъ отъ послѣдняго и бросивъ съ досадой подъ ноги холщевый мѣшокъ, изъ котораго посыпались пирожки и кокурки, онъ съ какимъ-то страхомъ сказалъ:

— Такъ и есть! Забыли нашего кормильца.

— Чего забыли, дѣдушка?—спросилъ молодой казаченокъ.

— Миколу Святителя,—отвѣчалъ старикъ, будто нехотя,

сквозь зубы, и потомъ, обратясь въ Киргизу, сказалъ:— Бисбатырка! выпряги пѣгаго, да скачи домой, скорѣй скачи, дуй во всѣ лопатки! Скажи Татьянѣ: я забылъ образъ Миколы Святителя, знаешь? онъ тамъ въ мѣшочкѣ, на образной полицѣ.

— Знай, бачка, знай!—пробормоталъ Киргизъ и стремглавъ бросился выпрягать лошадь. Черезъ двѣ минуты онъ мчался уже на пѣгомъ, забывъ даже второпяхъ скинуть съ него хомутъ.

По отъѣздѣ работника, старикъ присѣлъ на возъ и призадумался. Внукъ, собравъ съ полу разсыпанные дѣдомъ пироги и кокурки, подошелъ къ нему. Оба молчали. Наконецъ, парень заговорилъ:

— Дѣдушка!

— Что тебѣ надо?

— Зачѣмъ ты Бисбатырку послалъ домой, въ такую даль? вѣдь туда, да оттуда будетъ безъ мала верстъ 30; наврядъ-ли онъ вернется сюда и къ ночи.

— Зачѣмъ! Развѣ ты не слыхалъ зачѣмъ?

— Слышать-то слышалъ, дѣдушка, да...

— Что да?

— Да вѣдь образъ-то у насъ есть еще другой.

— Какой?

— Складной. Мнѣ бабушка дала.

— А что на немъ?

— На немъ Спаситель, Пречистая Богородица, Иванъ Креститель.

— Гм...

— Что же ты, дѣдушка, ничего не скажешь? Развѣ мало съ насъ одного образа? Есть на что помолиться.

— Мало-не мало, а все-таки образъ не тотъ!

— По мнѣ, такъ все равно: тотъ-ли образъ, другой-ли, былъ-бы только истовый.

Старикъ искоса посмотрѣлъ на внука и покачалъ головой. Потомъ, окинувъ его грустнымъ взоромъ, сказалъ:

— Ты, Миша, молодъ и больно глупъ! Ничего не смыс-

лишь, ничего не знаешь, а споришь со мной, со старикомъ. Слава Богу, шестой уже десятокъ доживаю на бѣломъ свѣтѣ,— всего извѣдалъ, всего натерпѣлся. А ты что? Ты еще молокососъ! у тебя и матернино молоко на губахъ не обсохло. Ты ни на грошъ не понимаешь; такъ я тебѣ скажу: Миколинъ образъ—родительское благословеніе. Покойникъ мой батюшка—царство ему небесное, не ной его косточки въ сырой землѣ—оставилъ мнѣ этотъ образъ; съ нимъ онъ и самъ во всю жизнь не разставался. Бывалъ онъ и на службѣ царской, бывалъ и въ сраженіяхъ. Разъ въ Туречинѣ, подъ Анапой—онъ сказывалъ—Турокъ выстрѣлилъ въ него изъ пищали, почитай въ упоръ; но Микола Святитель закрылъ, защитилъ его: басурманская пулька попала въ образъ, который висѣлъ у отца на шеѣ, и разлепешилась.—Я и самъ, въ свою пору, когда былъ молодъ и когда силъ было побольше, потаскался по походамъ довольно-таки. Гдѣ я не-былъ? Былъ и на Аральскомъ морѣ съ Бергомъ, былъ и съ Цилковскимъ въ степи, былъ и съ Мансуровымъ на Марышлакѣ *); но вездѣ возилъ съ собой Миколу Святителя и всегда, по его заступленію, возвращался цѣлъ и невредимъ, даже не одинъ конь подо мной никогда не издыхалъ; а чего ужъ мы тамъ не терпѣли: и голодъ, и холодъ, всего, всего вдоволь, что́ только казакъ можетъ вынести!—На рыболовства-ли какія я отправлялся, въ Астрахань-ли плавалъ—чуть не въ рѣшетѣ, ты знаешь, какое у меня было плохое суденышко, на охоту-ли за лебедями или за кабанами ѣздилъ—Микола Святитель всегда былъ со мной и оттого-то я всегда и вездѣ имѣлъ удачу, а ежели и случались въ иную пору маленькія неудачи, такъ, по крайности, большого несчастія не видалъ. Одинъ разъ только, тому, не солгать, будетъ лѣтъ 20-ть—я по гробъ это не забуду—поѣхалъ я на Городище **) по звѣря и какъ-то второпяхъ забылъ образокъ и вовсе, окаянный, не помолился

*) Полуостровъ Мангишлакъ.

**) Урочище на морскомъ берегу, между Золотинскимъ и Перетаскинымъ устьями Урала.

св. Угоднику. Что-жъ, думаешь, случилось? То, что и разсказывать идно стыдно: звѣря-то я не убилъ, чего со мной, почесть, никогда не случалось, а только слегка ранилъ, а онъ былъ, безъ хвастанья скажу, превеличайшій кабанъ, какихъ только мнѣ доводилось на моемъ вѣку видѣть, чуть не съ полуторника. Вотъ онъ и бросился на меня прямо—а винтовки-то, вишь, зарадить я ужъ не успѣлъ,—да и какъ успѣешь,—да и давай изъ стороны въ сторону косить рубить, чуть-чуть не выпустилъ мнѣ кишки. Я совсѣмъ думалъ было проститься съ вольнымъ свѣтомъ; да, по счастью, недалеко былъ ерикъ: я какъ бросилъ въ звѣря винтовку! онъ какъ принялъ ее на клыки! а я, этимъ временемъ,—бухъ въ воду! да на другой берегъ, въ камышъ,—тѣмъ и спасся! Винтовку ужъ на третій день я взялъ; вся она была измята, а ложа изгрызена въ щепки. Хоша я дешево отдѣлался отъ звѣря, однакожъ по сю пору у меня на икрахъ, да на бедрахъ остались рубцы отъ ранъ, которыхъ, по милости кабана, было штукъ десять. Съ тѣхъ поръ до сего времени не случалось со мной такой напасти, да и не дай Богъ. А нынѣче, вотъ видишь...

Съ послѣдними словами старикъ замолчалъ, опустилъ голову и призадумался. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ снова, не приподнимая головы, заговорилъ, но уже не съ прежнимъ жаромъ, а съ какою-то грустью, тихо, будто самъ съ собой:

— Да, да! Это не къ добру... быть несчастью надъ моей головушкой! Или лошадушекъ съ сбруей я въ синемъ морѣ погублю, или животикъ свой тамъ схороню... Думалъ-было я пристать къ артели Мирошихина и отправиться въ глубь, въ вольны воды, но видно теперь пораздумать приведется... Хорошо было бы оставаться въ черняхъ... безопасно... но чортали, Господи прости, я тамъ добьюсь? да это еще —Христосъ съ нимъ—не терпитъ!—Тутъ онъ положилъ руку на сердце и, помолчавъ немного, продолжалъ: — Такъ и быть! поѣду же! Одинъ поѣду, свою одну голову понесу, а Мишу оставлю въ черняхъ... Пропадать, такъ ужъ пропадать мнѣ, старику, а

ему надо еще пожить на утѣху и на подпору матери-сироткѣ. Быть по сему!

Кончивъ рѣчь, старикъ выпрямился, поднялъ сѣдую голову и, положивъ руку на плечо внука, съ прежнимъ веселымъ видомъ сказалъ:

— Не тужи, не думай ни о чемъ, Миша! Чему быть, того не миновать! Учись у меня, пока я живъ, быть твердымъ, молодцемъ, настоящимъ казакомъ. Спознавайся и съ моремъ; когда-нибудь доведется и одному тебѣ по немъ разъѣзжать. Главное, помни Бога и Святыхъ Его, да не пренебрегай родительскимъ благословеніемъ, а о другомъ-прочемъ и думочки не думай.

— И радъ-бы не думалъ ни о чемъ, дѣдушка, да по-неволѣ думается. Вотъ, какъ мы сидимъ себѣ здѣсь безъ дѣла, а этимъ временемъ другіе по прежде насъ и займутъ хорошія мѣста, такъ мы и съѣдемъ послѣ на голыхъ. Небось, есть о чемъ подумать.

— Нечего объ этомъ думать! Господь Богъ милостивъ: Онъ за насъ обдумаетъ; на Него надо надѣяться.

— Какъ же! Разставляй карманы; большая нужда до насъ Богу; больно люди-то мы важны,—нельзя не заботиться о насъ Богу.

— Э, э, э, касатикъ! Ты, какъ видно, изъ молодыхъ, да ранній. Желалъ-бы знать, откуда ты это наимался такого духа? Смотри, голубчикъ, берегись: у Бога востеръ топоръ. Не залетай больно высоко, — такъ рѣзнешься оттуда, что и своихъ не узнаешь! Кстати, я разскажу тебѣ на это одинъ случай. Помнишь ты Ивана Иваныча Есырева? Да какъ тебѣ его не помнить: десяти годовъ еще нѣтъ, какъ угомонили его, сердечнаго, басурманы.—Онъ былъ казакъ хорошій, степенный и отважный; силу онъ имѣлъ богатырскую, ну, просто молодецъ, какихъ рѣдко. Исходи хоть изъ конца въ конецъ все наше войско, немного сыщешь такихъ, каковъ былъ Иванъ Иванычъ; только одинъ грѣшокъ водился за нимъ, не въ укоръ будь сказано его памяти: онъ ужъ слишкомъ много надѣялся на себя. Все: „я, да я; мы, да мы“, а о Богѣ ни

слова. „Самъ плохъ — говорилъ онъ завсегда — не дастъ Богъ“. — Оно, пожалуй, и такъ съ одной стороны, но съ другой не очень-то ладно. Есыревъ забывалъ или вовсе не зналъ другую поговорку старыхъ людей, которые даромъ-что были все люди простые, съ виду немудрящіе, говорили безъ затѣй, спроста, но пустяковъ никогда не говорили, какъ нынѣшняя ваша братья, молодежь. Когда я еще былъ мальчишкой, какъ ты теперь, я слыхалъ отъ стариковъ, что „безъ Бога — ни до порога“ и доселѣ этого правила держусь; помни и ты его, Миша. Есыревъ-то, вишь, этого знать не хотѣлъ и оттого онъ угодилъ въ просакъ. Много ходитъ толковъ на счетъ этого, но или кто перевретъ, или кто не довретъ, а изъ этого и выходитъ чушь. Пока Бисбатырка ѣздитъ домой, я успѣю поразсказать тебѣ, какъ это было. Слушай-ка!

— Однимъ лѣтомъ — кажись въ 1836 году — поѣхали наши Гурьевцы въ Астрахань на судахъ гурьбой. — Такъ приказано было отъ начальства, чтобы сподручнѣе отбиваться отъ Туркменцевъ, которые въ тѣ времена, за грѣхи, видно, наши, сильно разбойничали на нашемъ морѣ и полонили русскихъ людей. — Въ числѣ другихъ поѣхалъ въ Астрахань и Есыревъ. Тамъ ему удалось прежде всѣхъ нагрузить судно подрядомъ. Вотъ онъ накупилъ и для себя хлѣба и собрался плыть назадъ въ Гурьевъ одинъ, не дождавшись товарищей. Съ нимъ была жена его съ маленькой дочерью и двое работниковъ-Киргизовъ. Жена и товарищи уговаривали его подождать прочихъ и всѣмъ вмѣстѣ плыть въ Гурьевъ, какъ плыли они изъ Гурьева. Но онъ не слушалъ никого. Ему говорили о Туркменцахъ. Куда-те! Иванъ Иванычъ плевалъ на нихъ. „Развѣ у меня отсохли, что-ли, руки!“ кричалъ онъ. „Развѣ меня даромъ называютъ Иванъ-батырь!“

Его дѣйствительно такъ называли Киргизы за его молодечество. Жена совѣтовала ему хоша отслужить молебенъ Господу Богу. — „Молись, если хочешь, сама!“ сказалъ онъ ей съ сердцемъ. „Ты баба; это твое дѣло; а меня, казака, и безъ того Богъ знаетъ“. И не разсуждая ни съ кѣмъ больше,

онъ закричалъ своимъ работникамъ: „якорь чигарь! парусъ куттерь!“ *). Сѣлъ на румпель, да и былъ таковъ.

— Дня черезъ три по выѣздѣ изъ Астрахани, разыгралась сильная буря и отнесла Есырева къ туркменскимъ берегамъ, къ Колпиному кряжу. Когда буря затихла, онъ направилъ судно къ Гурьеву; но послѣ шторма вѣтеръ дулъ тихонькій, и судно чуть-чуть двигалось впередъ. — Вотъ въ одну темную ночь Есыревъ замѣтилъ лодку, которая подплывала къ нему сбоку. Онъ окликалъ её, и ему съ лодки отозвались по-русски, что то́ были астраханцы. — „Чего вамъ надо, друзья? спросилъ Есыревъ.—„Хлѣба, отвѣчали ему съ лодки: выручи насъ, Бога ради, да укажи, по какому курсу намъ держаться; насъ этимъ штормомъ отбило отъ судна, и мы теперь безъ компаса не можемъ попасть на него; оно около Кулаковъ *).

— Хорошо, братцы,—сказалъ Есыревъ, и передалъ румпель Киргизу, а самъ спустился въ трюмъ, чтобы достать оттуда хлѣба.

Не вышелъ еще Есыревъ изъ трюма, какъ на палубѣ раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ.

— Эхъ, мошенники! надули, бестіи!—закричалъ Есыревъ и, какъ тигръ, выпрыгнулъ изъ трюма. Туркменцы кинулись на него кучкой, человѣкъ до 10-ти. На ту пору случился на палубѣ желѣзный ломъ. Есыревъ какъ схватитъ этотъ ломъ, да какъ примется крестить имъ и вправо, и влѣво — только шлычки басурманскіе полетѣли на полъ! Двоимъ разбойникамъ онъ раскроилъ башки; двоимъ или троимъ переломалъ ребра: кому отшибъ руку, кому ногу. Но вѣдь одинъ въ полѣ богатырь не будешь, голубчикъ, и на рать, говорится, не песокъ сыпать.—Къ Туркменцамъ подоспѣли изъ лодки еще товарищи. Какъ вода, нахлынули они, собаки, на Ивана Иваныча, и влѣпили въ него нѣсколько сабель и ча-

---

*) Это значитъ: якорь вынимай, парусъ поднимай!

**) Названіе острововъ.

кановъ *); брызнула на всѣ стороны кровь Есырева и залила его, сердечнаго; онъ упалъ безъ памяти... Киргизы же, его работники, какъ только Туркменцы вскочили на судно и выстрѣлили изъ ружей, пали ницъ и не шевелились.

Вотъ такимъ-то манеромъ заполонили нехристи нашего Есырева и поплыли на его суднѣ къ Марышлаку.—У туркменцевъ, надо сказать тебѣ, былъ въ полону астраханецъ; его-то они застращали и принудили говорить съ Есыревымъ, когда подплывали къ его судну; этимъ они его и обманули, а безъ того-бы имъ, собакамъ, и во снѣ не видать заполонить его; онъ-бы и близко не допустилъ ихъ къ судну; вѣдь у него въ казенкѣ всегда были на-готовѣ заряжены два ружья, да пребольшая турецкая сабля.

На берегу разбойники судно сожгли; хлѣбъ же и все добро, какое въ суднѣ было, а также и людей, раздѣлили по себѣ. Есыревъ достался одному, жена его другому, а малютка-дочь третьему.—Работниковъ Есырева, Киргизовъ, какъ одной съ собой вѣры, разбойники отпустили на волю.

Въ то время у Туркменцевъ былъ праздникъ или просто-на-просто поминки, которыя они дѣлали по убитымъ своимъ товарищамъ. На этихъ поминкахъ разбойники хотѣли было зарѣзать Есырева, чтобы, по своему закону, отлить кровь за кровь; но одинъ какой-то аксакалъ (старикъ) разговорилъ это дѣлать; онъ присовѣтовалъ лучше продать русскаго въ Хиву, за дорогую цѣну. Такъ и положили.

Недѣли черезъ три, когда поджили немного у Есырева раны, Туркменцы повезли плѣнниковъ въ Хиву. Есыревъ, какъ человѣкъ опасный, былъ закованъ въ желѣзы. Дня три Туркменцы ѣхали по степи, и вотъ вечеромъ остановились въ лощинѣ ночевать. Иванъ Иванычъ каждую минуту только и думалъ—какъ-бы избавиться отъ разбойниковъ и отомстить имъ за безчестье своей жены, которую, вишь, одинъ изъ

---

*) Общеупотребительное киргизское оружіе, состоящее изъ небольшаго топорика на длинной, аршина въ два, рукояткѣ. Раны, нанесенныя чаканомъ, особенно по головѣ, смертельнѣе сабельныхъ.

Туркменцевъ безъ церемоніи прибралъ къ себѣ... Какой мужъ вынесетъ такую кровную обиду! Не стерпѣлъ Иванъ Иванычъ! Не смотря на слова жены, которая уговаривала его покориться волѣ Божіей, не смотря ни на что — онъ рѣшился дѣйствовать не на животъ, а на смерть. Въ полночь, когда туркменцы спали, онъ всталъ, сотворилъ крестное знаменіе, благословился и сорвалъ съ ногъ своихъ желѣзы почесть съ кожей и мясомъ; подошелъ сперва къ тому разбойнику, который завладѣлъ его женою,—размахнулъ кандалами и раскроилъ злодѣю черепъ! Послѣ того онъ принялся и за другихъ,—размозжилъ голову еще одному поганцу; хотѣлъ урѣзать третьяго, но тотъ, бестія, проснулся и закричалъ; Туркменцы вскочили и бросились на Есырева.—Долго онъ, бѣдняжка, отбивался отъ нихъ кандалами; долго они съ нимъ возились и не одолѣвали; напослѣдокъ, человѣкъ съ шесть или съ семь разбойниковъ окружили его со всѣхъ сторонъ, изранили его саблями и кинжалами, кинулись на него кучкой, повисли у него на рукахъ и на ногахъ, повалили его на земь, и тутъ ужъ изрубили въ куски.

Кончивъ это, старикъ вздохнулъ, снялъ шапку, перекрестился и сказалъ: „царство небесное тебѣ, нашъ храбрый Иванъ Иванычъ!“

Потомъ, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Конечно, кому что́ на роду написано, того не обойдешь, не объѣдешь; ну, а все-таки лучше выйдетъ, ежели мы станемъ во всемъ полагаться на Господа Бога и надѣяться на Его помощь и заступленіе, а не на свою силу и молодечество.

— А вонъ, дружище, смотри-ка,—прибавилъ старикъ: и Бисбатырка къ намъ летитъ, да какъ скоро! Видно съ образомъ ему на дорогѣ повстрѣчались.

Черезъ четверть часа послѣ того старикъ съ маленькою своею артелью скрылся въ морѣ и догонялъ уѣхавшихъ прежде него рыболововъ.

IV.

Далеко въ правую сторону отъ устьевъ Урала, еще дальше прямо отъ береговъ въ море, собрались казаки и остановились на льду широкимъ, шумнымъ табором. Въ серединѣ, между саней и лошадей, виднѣлась раскинутая кибитка. Въ ней распорядитель рыболовства, атаманъ *), сидѣлъ около огонька и переписывалъ на списокъ промышленниковъ и ихъ работниковъ, отмѣчая противу имени каждаго рыболова число лошадей и ахановъ и повѣряя, по данной ему отъ войсковаго начальства инструкціи, не имѣетъ-ли кто изъ казаковъ лишнихъ и запрещенныхъ снастей, вопреки общественнымъ постановленіямъ. Кончивъ перепись и повѣрку и разсчитавъ, какое пространство должны занять рыболовы снастями, а также на сколько частей или участковъ должно будетъ раздѣлить занятое ими пространство, начальникъ вышелъ изъ кибитки и предложилъ промышленникамъ, по искони-существующему обычаю, бросить жребій — кому какимъ пользоваться участкомъ. Изготовленные прежде билеты съ №№, начиная съ перваго до послѣдняго, сколько было тутъ артелей **), положили въ шапку одного казака, покрыли платкомъ и поставили въ кругу на льду. Тогда каждый артельщикъ подходилъ и вынималъ изъ шапки билетъ; какой номеръ на билетѣ, тѣмъ онъ владѣлъ и участкомъ. По разобраніи билетовъ аханьщики всѣмъ обозомъ подались немного къ чернямъ и остано-

---

*) Въ давнее время, когда Уральское казачье войско управлялось по своимъ казачьимъ обычаямъ, всякій офицеръ или старшина или просто-напросто выбранный обществомъ казакъ, назначаемый на какое-либо рыболовство, назывался атаманомъ. — Слово это и до сихъ поръ осталось въ употребленіи у народа.

**) Каждая артель ограничивается числомъ 10 лицъ войсковаго сословія. Работники не изъ казачьяго званія, какъ простые помощники по рыболовству, въ счетъ нейдутъ и на нихъ никакого участка не отводится. Артель можетъ состоять изъ меньшаго, но ни въ какомъ случаѣ изъ бо́льшаго числа людей.

вились. Въ минуту сдѣлали во льду прорубь и воткнули въ нее пукъ камыша. Этимъ означили они точку, отъ которой уже въ глубь моря, прямо на югъ, по стрѣлкѣ компаса, провели линію, обозначивъ ее вѣхами. Эта линія называется у промышленниковъ б а к е н о м ъ. Послѣ того бакенъ раздѣлили между себя на участки по доставшимся жеребьямъ, и тогда уже каждый рыболовъ съ своею артелью расположился на мѣстѣ, и—ловъ рыбы начался.

Здѣсь, съ позволенія читателей, я остановлюсь и займусь вообще описаніемъ Аханнаго рыболовства.

Точно такой же бакенъ, параллельно первому, проводится въ одно и то же время и въ лѣвой сторонѣ отъ устьевъ Урала, гдѣ, въ свою очередь, часть промышленниковъ рыбачитъ подъ начальствомъ другого офицера. — Та же часть аханьщиковъ, которая отправится на глубь, въ вольныя воды, состоитъ подъ распоряженіемъ начальника правой стороны.—Стороны обоихъ бакеновъ, обращенныя къ устьямъ Урала, и, слѣдовательно, лежащія одна противъ другой, называются лицевыми; пространство между ними остается неприкосновеннымъ, для того, чтобы устье рѣки всегда было открыто со стороны моря для входа рыбы. Кто осмѣлится тутъ (т.-е. между бакенами) выставить хотя одну сѣть,—тотъ, какъ воръ, какъ нарушитель общественныхъ правъ, отдается подъ военный судъ.—Въ бакенахъ, въ жеребьевыхъ участкахъ, полагается каждому казаку, будь онъ служащій, отставной, малолѣтокъ *), все равно—выставлять только 15-ть ахановъ, и то въ три ряда, слѣдовательно, по 5-ти ахановъ въ рядъ; оберъ-офицеру вдвое, а штабъ-офицеру втрое больше казака **). Позади же бакеновъ, а также и тамъ, гдѣ они оканчиваются и гдѣ начинаются

*) Малолѣтками называются казачьи дѣти, отъ 15-ти до 18-ти-лѣтняго возраста, не зачисленные въ казаки, но несущіе повинности, т.-е. отправляющіе въ войскѣ своего рода службу. *Авт.*

**) Въ настоящее время — безъ опредѣленія числа параллельныхъ рядовъ—казаку полагается выставлять по 50 аханов, малолѣткамъ—25, оберъ-офицерамъ (не получающимъ содержанія)—75, штабъ-офицерамъ—100, генераламъ—150. *Ред.*

вольныя воды, дозволяется всѣмъ вообще лицамъ казачьяго сословія, какого бы они чина не были, выставлять столько ахановъ, сколько кто можетъ по своему состоянію.

Ограниченіе числа ахановъ въ бакенахъ сдѣлано на томъ основаніи, что въ лицевой сторонѣ каждаго бакена рыбы гораздо больше ловится, чѣмъ позади бакеновъ, потому что рыба собирается партіями на зиму преимущественно противъ устьевъ Урала, на прѣсной или, по крайней мѣрѣ, на опрѣснѣвшей отъ впаденія рѣки водѣ и, разгуливая тамъ, какъ разъ, чуть коснувшись сторонъ, запутывается въ аханы; а потому бакены, какъ наиболѣе прибыльныя мѣста, и дѣлятся поровну между промышленниками.—Внѣ же бакеновъ, т.-е. на глуби, въ такъ называемыхъ вольныхъ водахъ *), гдѣ самые льды непостоянны, а ходячи, случается порой уловъ рыбы въ наибольшемъ количествѣ, чѣмъ даже въ самыхъ бакенахъ,—но тамъ просторъ, раздолье,—тамъ никто никому не помѣшаетъ, никто никого не стѣснитъ, притомъ еще не всякій туда поѣдетъ; только зажиточный казакъ или слишкомъ предпріимчивый, у котораго девизъ: „панъ или пропалъ“,—только такой казакъ пускается на рискъ и, попади онъ на рыбу, которая, по замѣчанію старожиловъ гурьевскихъ, живетъ на глуби огромными партіями или, по выраженію казаковъ, ятовями,—попади онъ, говорю, на эти ятови, и будь къ тому зима морозная, тихая и малоснѣжная,—онъ счастливъ, онъ въ барышахъ. Но въ противномъ случаѣ, т.-е., когда судьба не наведетъ его на рыбу (казакъ крѣпко убѣжденъ, и ничто его въ томъ не разувѣритъ, что каждый его шагъ заранѣе разсчитывается и предопредѣляется судьбой), притомъ будь зима маломорозная, вѣтреная и многоснѣжная — конецъ концовъ, казакъ разорился! Но—(вотъ удивительный характеръ!) онъ

---

*) Подъ именемъ вольныхъ водъ не должно разумѣть, что воды эти въ Каспійскомъ морѣ не принадлежатъ Уральцамъ. Нѣтъ, онѣ—собственность казаковъ, собственность, Высочайше дарованная Монархами. Названы же онѣ вольными только въ отличіе отъ бакеновъ, гдѣ казакъ рыбачитъ не по произволу, какъ въ вольныхъ водахъ, а по жеребью.

хладнокровно ждетъ слѣдующаго рыболовства. Не помогло оно, ждетъ еще слѣдующаго. Такимъ образомъ, вытягиваясь въ нитку, онъ, можно сказать, бьется съ счастіемъ не на животъ, а на смерть. Вышелъ побѣдителемъ — а для этого достаточно ему одной удачной зимы—хорошо: онъ снова заживетъ припѣваючи. Нѣтъ—безропотно идетъ въ работники къ другому, бывшему у него же, можетъ-статься, года за три прежде, въ работникахъ, или же, наконецъ, нанимается на внѣшнюю службу. Изъ этого видно, и на самомъ дѣлѣ бываетъ такъ, что нынче этотъ богатѣетъ, а тотъ бѣднѣетъ; завтра—наоборотъ. Но что-бы ни терпѣлъ казакъ, гурьевскій житель, ежели есть только малѣйшая возможность, онъ ни за что въ свѣтѣ не разстанется съ моремъ, съ которымъ онъ съ дѣтства сроднился, безъ котораго онъ жить не можетъ и въ которомъ заключается источникъ его богатства, источникъ его матеріальной и нравственной силы, раздольное поприще его отваги, его молодечества!

Рыболовство, отправляемое въ бакенахъ и за бакенами, вблизи ихъ на одной съ ними глубинѣ, обходится безъ большихъ расходовъ; слѣдовательно, при неудачной зимѣ, рыболовъ тутъ не терпитъ и большого убытка, какой въ подобныхъ случаяхъ неизбѣжно выпадаетъ на долю того, кто рыбачитъ на глуби, въ вольныхъ водахъ. Двое, трое казаковъ съ работниками свободно обходятся въ бакенахъ, и вообще въ черняхъ, двумя лошадьми при маломъ количествѣ ахановъ; на глубь же требуется на каждаго человѣка лошадь съ упряжью, при большомъ числѣ снастей. Въ черняхъ нѣтъ опасности; въ морѣ же, на глуби она каждый часъ, каждую минуту смотритъ въ глаза. Въ черняхъ сохраняются рыболовныя снасти; на глуби онѣ могутъ погибнуть въ одинъ часъ, въ одну минуту. Насупротивъ устьевъ Урала есть въ морѣ острова. Между ними и берегами ледъ во всю зиму стоитъ неподвижно, и съ какой бы стороны ни дули вѣтры, и какъ бы они сильны ни были — черневой ледъ, по которому проводятся бакены, стоитъ нетронутымъ; поэтому рыболовы живутъ на немъ, какъ на сушѣ, внѣ всякой опасности. За

островами же, гдѣ конецъ бакеновъ, ледъ подверженъ дѣйствію вѣтровъ; оттого тамъ казакъ не смѣй дремать, а то какъ разъ лишится лошадей и всѣхъ рыболовныхъ снастей а подчасъ и самъ успѣй отвернуться отъ гибели. Впрочемъ, объ этомъ ниже, въ своемъ мѣстѣ, будетъ разсказано.

Чтобы собраться на глубь, казакъ долженъ по меньшей мѣрѣ обзавестись четырьмя лошадьми, ежели не больше; иначе онъ не въ состояніи поднять и завести въ море рыболовныя снасти и другіе припасы. Управляя одною лошадью самъ, для остальныхъ онъ нанимаетъ работниковъ-Киргизовъ, если нѣтъ у него дѣтей, братьевъ или кого нибудь изъ домашнихъ. Надобно замѣтить, что 12-ти лѣтній казаченокъ сопутствуетъ уже отцу или брату во всѣхъ промыслахъ, въ томъ числѣ и въ аханномъ, несмотря на трудность и опасность послѣдняго. Покупка лошадей и ихъ содержаніе, постройка аханов и другихъ рыболовныхъ орудій, наемъ и содержаніе работниковъ обходятся весьма дорого. Напримѣръ, каждая лошадь стоитъ отъ 30 до 50 р., кормъ ей въ теченіе 5-ти мѣсяцевъ до 20 р., плата работнику съ содержаніемъ и частію одежды до 20 р., аханы, которыхъ на каждую лошадь полагается 50 штукъ, до 50 р.,—сани съ подрѣзами и конская упряжь до 20 р.,—другихъ мелочей къ тому, какъ-то: багровъ, пешней, попонъ, веревокъ и проч. на 5 р.—Вообще, сборъ одной лошади, ежели обзаводиться снова, обходится, среднимъ числомъ, въ 150 р., слѣдовательно, четыре лошади въ 600 р. серебр. *). Есть семейства въ Гурьевѣ-городкѣ, которыя собираются каждую зиму на аханное рыболовство на 10, 20 и 30 лошадяхъ. Судите, послѣ того, чего будетъ стоить такая сборка. Впрочемъ, разъ сдѣланные аханы, сани и другія вещи служатъ. при ремонтѣ, по нѣсколько лѣтъ сряду. Но какъ бы то ни было, аханное рыболовство сопря-

*) Цѣны относятся къ концу 50-хъ годовъ. Въ настоящее время сборка одной лошади на аханы значительно дороже, вслѣдствіе вздорожанія цѣнъ на лошадей, рабочихъ и рыболовные припасы; её можно опредѣлить въ 200 слишкомъ рублей, если обзаводиться снова, и въ 150, при ежегодной сборкѣ. *Ред.*

жено съ большими расходами; словомъ, нѣтъ въ Войскѣ Уральскомъ ни одной рыбной ловли, которая бы хотя приблизительно равнялась съ этимъ рыболовствомъ въ столь огромномъ требованіи денегъ на сборы *).

Казаки, отправляющіеся рыбачить на глубь, въ вольныя воды, ѣдутъ отъ черней вмѣстѣ, по одному пути, до 4-хъ саженной глубины,—что̀ будетъ отъ берега верстъ за 50. Тамъ они, раздѣлясь на артели, разстаются: кто остается тутъ, кто ѣдетъ вправо, кто влѣво, а кто прямо на югъ въ море, еще верстъ за 20. Каждая артель на избранномъ ею мѣстѣ располагается станомъ и помѣщается въ раскинутыхъ на льду войлочныхъ шатрахъ, имѣющихъ видъ усѣченныхъ конусовъ и называемыхъ кошарами **). Внутри кошаровъ дѣлаютъ подстилку изъ камыша или сѣна и на нее набрасываютъ кошмы (войлоки), оставляя въ срединѣ мѣсто для разведенія огня. Вокругъ кошаровъ разставляютъ сани и къ нимъ привязываютъ лошадей, которыя отъ вѣтровъ и бурановъ защищаются кошемными попонами. Попоны эти дѣлаются большія: начинаются онѣ отъ ушей животнаго, и обнимая весь его корпусъ, оканчиваются у самыхъ копытъ заднихъ ногъ, облекая такимъ образомъ лошадь, какъ въ броню. Кромѣ того, промышленники защищаютъ лошадей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и себя ***), еще подобіемъ двора или загороды, которую они дѣлаютъ полукругомъ, со стороны вѣтра, изъ камыша, заготовленнаго для топлива, сѣна, мѣшковъ съ овсомъ и проч. При перемѣнѣ вѣтра, они измѣняютъ и положеніе сдѣланныхъ на живу-руку загородъ, перенося ихъ съ одного мѣста на другое. Но все это, говорить правду, плохая оборона отъ зимнихъ вьюгъ и мятелей, среди глад-

*) Исключеніе изъ этого можетъ составить „Курхай“, въ вольныхъ водахъ. *Ред.*

**) Отъ киргизскаго слова: кошъ или коссъ, т-е. станъ. *Авт.*

***) Считаю нужнымъ замѣтить, что первая забота у аханьщиковъ о лошадяхъ. Да и вообще, гдѣ бы не былъ казакъ, на промыслахъ-ли, въ походахъ-ли, онъ больше всего, больше самого себя, печется о лошади. „Конь подо мной, говоритъ казакъ, то и Богъ надо мной“. *Авт.*

каго и открытаго моря. Только казачья натура, укоренившаяся годами привычка, да жажда прибыли дѣлаютъ казака нечувствительнымъ къ перенесенію стужи. О спутникѣ его, киргизъ-кайсакѣ, и говорить нечего: онъ почти родится на снѣгу и весь вѣкъ свой проводитъ на открытомъ воздухѣ.

Съ первозимья, когда замерзаетъ на морѣ ледъ, не обходится безъ того, чтобы его не ломало, не крошило, отъ чего во многихъ мѣстахъ на поверхности льда образуются ледяные же бугры, валы и кочки, которые извѣстны у казаковъ подъ именемъ храповъ. Нагроможденныя въ безпорядкѣ одна на другую, льдины въ этихъ храпахъ, находясь долгое время на воздухѣ, вывѣтриваютъ, и ежели растопить ихъ въ котлѣ, онѣ даютъ прѣсную воду. Эту-то самую воду аханьщики употребляютъ въ питье и на ней приготовляютъ пищу, такъ какъ морская вода, извѣстно, и ледъ, на ней плавающій,—горько-солоны. Но лошади лишены этого удобства, по той причинѣ, что добываніе воды изо льда, таяніемъ его на огнѣ въ котлахъ, для 5, 10 и болѣе лошадей, совершенно невозможно по недостатку не только времени, но и дровъ, въ которыхъ на морѣ встрѣчается больше нужды, чѣмъ въ самой провизіи; поэтому лошади довольствуются уже, вмѣсто пойла, снѣгомъ, а за неимѣніемъ его (иногда далеко въ морѣ вовсе не бываетъ снѣгу) мелко-истолченнымъ льдомъ изъ храповъ. Такого рода лишеніе весьма изнурительно для лошадей, ибо не удовлетворяя вполнѣ жажды, онѣ мало уже ѣдятъ корму, отъ чего худѣютъ; но, благодаря ихъ дикой, степной породѣ, онѣ съ честію выносятъ трудность аханнаго рыболовства, и за то, въ родѣ награды, отъ весны вплоть до зимы, отдыхаютъ и отъѣдаются на пастбищахъ.

Въ началѣ моей статьи сказано, что аханъ — не иное что, какъ сѣть. Аханы, связанные изъ обыкновенной (конопляной), тонкой и выдубленной пряжи *), у всѣхъ рыбопро-

*) Аханы изъ выдубленной пряжи служатъ до 3-хъ лѣтъ и больше,— но изъ невыдубленной за одну зиму въ водѣ испрѣваютъ и уже на другую зиму дѣлаются негодными, а потому такіе, натурально, не въ употребленіи.

мышленниковъ имѣютъ одну, установленную войсковымъ начальствомъ, длину — именно 10 саженъ; ширина же ихъ бываетъ различна, отъ 2-хъ до 5-ти саженъ, смотря по тому, на какой глубинѣ онѣ предназначаются къ рыболовству. Чѣмъ мельче вода, тѣмъ полотнище ахана уже, а чѣмъ глубже, тѣмъ оно шире. На этомъ основаніи и ячеи, т.-е. петли у ахановъ дѣлаются также различной величины, отъ 1 до $1^1/_2$ четверти въ длину. Чѣмъ рыба крупнѣе, тѣмъ для нея и ячея должна быть шире, а чѣмъ рыба мельче, тѣмъ и ячея уже. На глуби рыба ловится вообще крупная, а въ черняхъ мелкая; оттого и аханы бываютъ: морскіе крупно-ячейные, а черневые мелко-ячейные.

Аханы разставляются слѣдующимъ образомъ:

Дѣлаютъ во льду круглыя проруби, разстояніемъ одну отъ другой на 10 саженъ, т.-е. во всю длину ахана. Изъ проруби въ прорубь просовываютъ подъ льдомъ длинный шестъ, называемый прогономъ; за прогономъ тянется длинная веревка; посредствомъ этой веревки втягиваютъ подъ ледъ уже и самые аханы, связывая концы подворъ одного съ концами подворъ другого *). Отъ узловъ, гдѣ связаны эти концы или, по выраженію аханьщиковъ, пріухи, выходятъ черезъ проруби на поверхность льда веревки, которыя привязываются за средину небольшихъ ветловыхъ или таловыхъ палочекъ, а тѣ, ложась поперекъ проруби, поддерживаютъ аханы и не даютъ имъ тонуть. Такимъ образомъ, зацѣпленные одинъ за другой аханы висятъ подъ льдомъ на подобіе живой стѣны, безпрестанно движущейся и колыхающейся. Но, чтобы отъ сильнаго теченія воды не могли аханы взвиваться кверху и примерзать ко льду (въ такомъ случаѣ они безвозвратно погибаютъ въ морѣ) — къ нимъ съ-испода привязываютъ небольшіе куски булыжника.

Въ вольныхъ водахъ аханьщики выставляютъ или, по

*) Думаю, не всякому извѣстно, что такое подворы.—Это—не больше, не меньше, какъ веревки, которыя и сверху, и снизу подшиваются или насаживаются къ аханамъ и всѣмъ рыболовнымъ сѣтямъ. Въ иныхъ мѣстахъ подвора называется тетивой.

выраженію ихъ, выбиваютъ аханы произвольно, по своему усмотрѣнію, по разнымъ направленіямъ, около своихъ становъ, въ нѣсколько линій или рядовъ. Линіи эти или ряды аханьщики называютъ порядками.

Съ утра до вечера промышленники ходятъ по порядкамъ и пересматриваютъ или, по словамъ ихъ, перебираютъ аханы. Подошедъ къ проруби, рыболовы сперва разчищаютъ ее отъ льда, за ночь замерзающаго; потомъ берутъ за веревку *), поддерживающую аханы, и, наконецъ, ею слегка ихъ приподнимаютъ. Эта операція дѣлается съ цѣлью узнать— не запуталась-ли въ аханы рыба и называется наслушиваніемъ. Если почуютъ, т.-е. наслышутъ, въ которомъ-либо аханѣ рыбу (а узнать это очень легко по ея движенію и тяжести), то аханъ этотъ тотчасъ съ одного конца отпускаютъ, а за другой вытаскиваютъ на ледъ вмѣстѣ съ запутавшеюся въ него рыбою, ежели она подъ силу людямъ. Но ежели рыба попадетъ въ аханъ очень большая, какъ, напримѣръ, бѣлуга отъ 20 до 35-ти пудовъ, что двое, трое промышленниковъ не могутъ вытащить ее изъ воды, въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ уже къ пособію лошади: тихонько подтянувъ къ себѣ голову рыбы, аханьщики немедленно прорѣзываютъ ей нижнюю губу, вдѣваютъ въ прорѣзь толстую веревку, веревку прицѣпляютъ за гужи и—чудовище на льду. Такія бѣлуги, впрочемъ, рѣдкость нынче; но прежде, лѣтъ 30 или 40 назадъ тому, не только въ 35,—даже въ 45 и 50 пудовъ бѣлуги не считались рѣдкостью. Замѣтно, рыба въ Каспійскомъ морѣ годъ отъ году мельчаетъ и уменьшается въ числѣ. Въ нашихъ, Уральскихъ дачахъ по крайней мѣрѣ видно это; не знаю, такъ ли въ другихъ частяхъ Каспійскаго моря.

Аханами на глуби больше всего ловятъ бѣлугъ; осетры, шипы, особенно крупные, и севрюги попадаются рѣдко. Въ черняхъ же преимущественно ловится бѣлорыбица, мелкіе ши-

---

*) Эта веревка называется наслушкой, а палка, къ которой она привязана, костылемъ.

пята и осетрята, а иногда и стерляди. Наловленную рыбу и добытый изъ нея клей и икру аханьщики. время отъ времени, перевозятъ съ моря въ Гурьевъ, гдѣ и сбываютъ русскимъ торговцамъ, пріѣзжающимъ туда за этимъ собственно каждогодно изъ Московской, Владимірской и другихъ внутреннихъ губерній. Цѣна рыбѣ бываетъ различна, смотря по тому, какой уловъ ея и какой съѣздъ покупателей: если рыбы налавливается мало, а покупателей съѣзжается въ Гурьево много,— то рыба продается дорого; наоборотъ, т.-е. когда рыбы много, а покупателей мало—цѣна рыбѣ понижается. Но вообще крупная рыба—бѣлуги, шипы и севрюги—продается отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к. сер. За пудъ же большихъ осетровъ, вѣсомъ отъ 4 до 8 пудовъ, платятъ отъ 5 до 8 р. сер. Бѣлорыбица отъ 1 р. до 1 р. 50 к. сер. за пудъ.—Мелкіе осетрята, шипята, бѣлужата и севрюжата идутъ иногда въ одной цѣнѣ съ бѣлорыбицей, но большею частію дешевлѣ ея.— Икра зернистая отъ 10 до 15 р. сер. за пудъ. Паюсная же икра для продажи на аханномъ рыболовствѣ не приготовляется, а вязига изъ рыбы вовсе не вынимается. — Клей продается отъ 55 до 65 коп. сер. за фунтъ въ сыромъ состояніи, т.-е. съ пузырями, какъ бываетъ вынутъ изъ рыбы, а очищенный и высушенный отъ 2 р. 30 коп. до 2 р. 60 к. за фунтъ *).

Казаку, собравшемуся на аханное рыболовство на 10-ти лошадяхъ, достаточно поймать до 500 пудовъ рыбы, чтобы выйти изъ убытковъ и получить хорошіе барыши, ежели добычу отъ лова можно назвать барышомъ. Барышомъ казакъ пользуется по своему, чисто по-казачьи, не откладывая копѣйки на черный день и поступая буквально по словамъ Св. Писанія: „не пецытеся объ утрѣ“. Обезпечивъ себя отъ всѣхъ повинностей по войску, о другомъ о чемъ казакъ мало думаетъ; даже не обращаетъ вниманія на расходы по дому,

*) Цѣны эти относятся къ концу 50-хъ годовъ. Теперь онѣ значительно выше: красная рыба отъ 5—6 руб., въ среднемъ, за пудъ, бѣлорыбица 3—5 р., икра, въ среднемъ, не менѣе 40 руб. за пудъ; клей (обработанный) 3 р. и 4 р. за фунтъ. *Ред.*

гдѣ уже самовластно хозяйничаетъ жена его, которая, пользуясь довѣріемъ и безпечностію дражайшаго своего супруга, не забываетъ и себя, стараясь въ житьѣ-бытьѣ своемъ подражать богатымъ боярынямъ. При первомъ пріѣздѣ въ Гурьевъ торговцевъ, она спѣшитъ обзавестись лишнимъ шелковымъ платочкомъ, золотымъ колечкомъ, брилліантовыми сережками и тому подобными дорогими бездѣлушками. Но послѣ, глядишь, при двухъ, трехъ неудачныхъ рыболовствахъ, казакъ садится, такъ сказать, на мель и, чтобы съѣхать съ нея, отбираетъ отъ благовѣрной своей супруги скопленныя ею украшенія и, закладывая или продавая ихъ, собирается уже на рыболовство, а общипанная жена его, вмѣсто штофа и атласа, одѣвается послѣ того въ нанку и китайку. Но въ такихъ случаяхъ казакъ (отдать справедливость счастливому его характеру) не унываетъ самъ и утѣшаетъ огорченную свою подругу слѣдующими словами: „не отъ того мы, голубушка, обѣдняли, что сладко пили-ѣли и одѣвались хорошо — а такъ на наши деньги прахъ пришолъ“.

Аханьщики въ относѣ!—Аханьщики за разносомъ!—Аханьщики попали въ ломъ!—Вотъ три небольшія рѣчи, которыя часто слышутся въ Гурьевѣ-городкѣ, почти изъ устъ каждаго обывателя, когда производится аханное рыболовство. По числу словъ, рѣчи эти весьма кратки, но смыслъ ихъ пространенъ и дѣйствія, ими выражаемыя, различны, потому что различны слова: относъ, разносъ и ломъ, вполнѣ понимаемыя только Гурьевскими обывателями. Относъ для аханьщиковъ можетъ быть и благотворнымъ, и зловреднымъ; разносъ—ни тѣмъ, ни сѣмъ, а только иногда замедленіемъ хода рыболовства; но ломъ—чистою гибелью, ежели не людямъ, то лошадямъ и рыболовнымъ снастямъ.

Тихо и морозно. Море спокойно и ледъ недвижимъ. Рыбаки обычной чередой ходятъ по порядкамъ и выбираютъ изъ ахановъ рыбу, стаскивая ее къ кошарамъ на станъ. Вдругъ налетаетъ сильный, порывистый вѣтеръ съ сѣвера или отъ сѣверо-запада. Вода подъ льдомъ заколышется и ударится къ

югу или юго-востоку. Ледъ не выдерживаетъ стремленія воды, лопается на необозримое пространство, почти поперекъ всего моря, и уносится туда же, унося съ собой и промышленниковъ съ ихъ станами и рыболовными припасами. Пять, десять, пятнадцать верстъ, даже и больше иногда плывутъ аханьщики на льду по теченію воды или стремленію бури до тѣхъ поръ, пока ледъ подъ ними не упрется въ другой, плавающій въ открытомъ морѣ. а тотъ, въ свою очередь, не приткнется къ неподвижному льду, около береговъ Мангишлака или Калпинаго кряжа. Это — относъ.

Часто случается, что аханьщики вовсе не замѣчаютъ, когда ихъ отнесетъ. Такъ напримѣръ, ложась съ вечера спать головою къ востоку, просыпаются по утру головою къ западу. Тогда они уже понимаютъ, въ чемъ дѣло и, тотчасъ опуская въ воду шестъ или на веревкѣ камень, измѣряютъ глубину моря и по ней дѣлаютъ заключеніе (всегда, надобно замѣтить, справедливое)—около какихъ мѣстъ они находятся. Относъ бываетъ и въ совершенно тихую погоду. отъ одного только теченія или колебанія воды. — Иногда, при вѣтряной погодѣ, аханьщики въ теченіе цѣлой зимы безпрестанно дѣлаютъ на льдинахъ невольныя путешествія по Каспійскому морю, не съѣзжая даже при этомъ съ мѣста. Подобнаго рода странствіе покажется для васъ, читатель (я разумѣю всякаго не-Уральца), страннымъ, опаснымъ, даже невозможнымъ; но для насъ, Уральцевъ, оно вошло въ привычку. и каждый казакъ, который занимается морскимъ рыболовствомъ, смотритъ на все это, какъ на дѣло очень обыкновенное.

Счастливы аханьщики, ежели относъ совершится безъ особыхъ явленій, просто, какъ я описалъ. Тогда имъ ни до чего нѣтъ надобности. Главное вниманіе обращаютъ они на дно морское: если оно илистое, — то и рыба тутъ держится во множествѣ, а аханьщикамъ только это и нужно. Благословляя судьбу, перенесшую ихъ на хорошее мѣсто, они съ радостію продолжаютъ облегчать нѣдра моря отъ лишняго бремени, вовсе не обращая вниманія на то, что позади ихъ къ чернямъ открылась широкая зіяющая полоса воды. Пройдетъ

три, четыре дня, полоса эта покрывается, при тишинѣ и морозѣ, новымъ льдомъ, по которому, ежели толщина его достигнетъ до полутора вершка, аханьщики спѣшатъ отправлять въ Гурьевъ наловленную рыбу и рыбные продукты, чтобы выгоднѣе ихъ тамъ сбыть.

Переѣзды на тяжелыхъ возахъ черезъ эти молодые льды, или такъ называемые разносы, вполнѣ характеризуютъ казаковъ, какъ воиновъ, издавна славящихся безстрашіемъ и безпечностію къ опасностямъ. Такъ напримѣръ, выпивъ стаканъ, другой водки, надвинувъ на бекрень шапку или лисій тумакъ, помахивая, отъ нечего-дѣлать, кнутомъ, напѣвая или насвистывая родную, доморощенную пѣсню — казакъ безъ оглядки скачетъ на своемъ любимомъ буланомъ конѣ, не страшась того, что ретивый и также, какъ самъ онъ, безстрашный буланка пробиваетъ до воды подковой ледъ. Да и съ какой стати бояться этого казаку? Онъ по опыту знаетъ, что конь его не боится воды, да едва ли провалится сквозь ледъ. Скорѣе провалятся съ рыбой сани, которыя во много разъ тяжелѣе лошади. Но и противъ этого казакъ принимаетъ заранѣе мѣры: за сани привязана крѣпкая веревка, другой конецъ которой заткнутъ у казака за кушакомъ. Лишь только обрушатся сквозь льда сани, онъ въ тоже мгновеніе соскакиваетъ съ нихъ и поддерживаетъ ихъ веревкой, чтобы не грузнули. Между тѣмъ, сбѣгаются къ нему товарищи или работники; кто выпрягаетъ лошадь, кто рыба-по-рыбѣ облегчаетъ сани, кто вытаскиваетъ ихъ изъ воды, и — путешествіе снова продолжается, какъ будто ничего не бывало. Такимъ образомъ выѣзжаютъ на твердый ледъ, а тамъ, какъ говорятъ казаки, завей возжи — и дома.

Но не всегда удается аханьщикамъ такъ скоро перелетать черезъ разносы. При теплой или вѣтряной погодѣ, разносы долго не замерзаютъ, отчего по нѣсколько недѣль приходится казакамъ жить за водою и тѣмъ самымъ, во вредъ своему хозяйству, не быть въ состояніи доставлять во время въ Гурьевъ рыбу, цѣна которой понижается по мѣрѣ того, какъ аханное рыболовство приближается къ концу.

Кромѣ обваловъ на тонкомъ, молодомъ льду, путь аханьщиковъ затрудняется иногда и на старомъ, твердомъ разсѣлинами, извѣстными подъ именемъ зярыковъ *). Ежели зярыкъ не широкъ, напримѣръ, въ аршинъ или полтора, его проѣзжаютъ, не замѣчая. Передовая и, слѣдовательно, самая смѣлая и пріученная въ обозѣ лошадь, нагнувъ голову и навостривъ уши, сама собой, безъ понужденія со стороны хозяина, перескакиваетъ черезъ такой зярыкъ, перенося почти на спинѣ возъ; другія, за ней слѣдующія, лошади дѣлаютъ то-же. Но ежели зярыкъ слишкомъ широкъ, отъ нѣсколькихъ аршинъ до нѣсколькихъ саженей, тогда передовая лошадь, приблизясь къ краю зярыка и обнюхавъ воду, останавливается, фыркаетъ и отступаетъ назадъ. Это даетъ знать аханьщикамъ, что надобно дѣлать мостъ, и они его дѣлаютъ, употребляя при этомъ пѣшни за сваи, веревки за переклады и за связи, а льдины за подстилку. Такого рода мостъ или, правильнѣе, изъ такого рода матеріаловъ мостъ, дѣлается слѣдующимъ образомъ: сообразно ширины зярыка выкалываютъ изъ льда четыреугольную льдину; шестами и баграми всовываютъ ее въ зярыкъ на то мѣсто, гдѣ предполагается переправа, наблюдая при томъ, чтобы края этой льдины какъ можно ближе касались краевъ зярыка; потомъ подъ льдину съ двухъ сторонъ подпускаютъ толстыя, крѣпкія веревки; одни концы этихъ веревокъ привязываютъ къ двумъ пѣшнямъ, на-крѣпко вбитымъ въ твердый ледъ на сторонѣ зярыка, а другіе концы веревокъ прикрѣпляютъ къ двумъ же пѣшнямъ, утвержденнымъ на противоположномъ краю зярыка. Послѣ того, наконецъ, какъ по мосту, по этой льдинѣ, поддерживаемой веревками, предпріимчивые аханьщики, возъ-за-возомъ, и переѣзжаютъ.

Выше я сказалъ и здѣсь повторю, что счастье аханьщикамъ, ежели ихъ отнесетъ тихо, спокойно, всею артелью вмѣ-

*) Слово зярыкъ Уральцы усвоили отъ сосѣдей своихъ, Киргизовъ, на языкѣ которыхъ зярыкъ или зяртыкъ значитъ диру или худое мѣсто на чемъ-нибудь.

стѣ, со всѣмъ станомъ, со всѣми аханами и лошадьми. Но бывали и бываютъ случаи, что ледъ треснетъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ раскинуты ихъ станы, такъ что часть рыбаковъ съ лошадьми остается на мѣстѣ, а другая, противъ воли, уплываетъ на оторванной льдинѣ въ море. Въ такихъ случаяхъ аханьщики теряютъ не мало времени на соединеніе другъ съ другомъ. Та часть изъ нихъ, на сторонѣ которой останется меньше ахановъ, выбирая или, по выраженію казаковъ, выдирая ихъ изъ воды, отыскиваетъ другую, разумѣется, тогда, когда представится къ тому возможность, т.-е., когда разносъ, — неизбѣжное слѣдствіе относа, — покроется снова льдомъ. Были примѣры, что ледъ разрывало въ срединѣ самыхъ кошаровъ. Можно себѣ представить, какая тогда должна произойдти между рыбаками суматоха, особенно, ежели явленіе это застигнетъ ихъ ночью спящими. Вотъ, что̀ недавно случилось на стану одного изъ Уральскихъ офицеровъ. Вечеромъ, часу въ 8-мъ, онъ сидѣлъ въ кошарѣ и пилъ чай, въ ожиданіи осетриной ухи, варившейся въ котлѣ на таганѣ. Дворовый человѣкъ сидѣлъ напротивъ своего господина и подкладывалъ въ огонь подъ котелъ камышъ. Рабочіе люди уѣзжали въ то время въ Гурьевъ съ рыбою. Все было тихо. Вдругъ раздался подо льдомъ ударъ, подобный пушечному выстрѣлу; рыболовы вздрогнули; кошаръ потрясся; огонь, ярко горѣвшій дотолѣ въ кошарѣ, потухъ, а котелъ съ похлебкой покачнулся и въ ту-же минуту упалъ съ тагана и юркнулъ въ воду. Г-нъ Назаровъ (это былъ войсковой старшина Иванъ Петровичъ) понялъ, въ чемъ дѣло, въ одно мгновеніе приподнялъ снизу кошмы кошара и выскочилъ вонъ, схвативъ, такъ сказать на-лету (и самъ не зная зачѣмъ, какъ онъ самъ послѣ сказывалъ), таганъ, на которомъ стоялъ котелъ и который, окунувшись до половины въ воду, чуть не нырнулъ вслѣдъ за котломъ, — тогда какъ подлѣ Назарова лежали вещи во сто разъ получше тагана, напримѣръ, волчій тулупъ или небольшой чайный погребчикъ, въ которомъ, сверхъ того, было немало и денегъ. — Служитель послѣдовалъ примѣру своего господина; но, къ сожалѣнію, выпрыгнулъ въ

противоположную сторону. Вскорѣ кошаръ разодрало на-двое, и все, что́ было въ немъ изъ одежды и провизіи, потонуло. По счастію, и на той, и на другой сторонѣ разноса были неподалеку кошары другихъ аханьщиковъ; въ нихъ-то г. Назаровъ и дворовый его человѣкъ нашли себѣ пристанище.

Но все это для привыкшихъ и освоившихся съ опасностію аханьщиковъ чистый вздоръ. Вотъ бѣда для нихъ. Льдина, на которой ихъ отнесетъ и которая простирается въ длину и ширину на 30 или 50 верстъ, столкнется съ другой, такой же величины, если не больше, стремящейся на встрѣчу первой, противъ вѣтра, отъ внутренняго колебанія моря. При столкновеніи такихъ огромныхъ льдинъ, онѣ обѣ потрясаются, испускаютъ громы, лѣзутъ одна на другую, уничтожаютъ сами себя, разбиваясь съ краевъ въ куски. Куски эти, сильно напираемые съ обѣихъ сторонъ огромными льдинами, вертятся, трутся и громоздятся другъ на дружку; одни лѣзутъ вверхъ, а другіе погружаются внизъ и упираются въ морское дно, такъ что въ короткое время на томъ мѣстѣ, гдѣ столкнутся льдины, образуются огромные высокіе бугры, похожіе на вершины горъ и извѣстные подъ именемъ шихановъ. При этомъ случаѣ самый вѣтеръ, какъ замѣчаютъ казаки, дувшій дотолѣ по одному направленію, останавливается, превращается въ вихрь и, сцѣпившись со льдомъ и водой, помогаетъ имъ разыгрывать чертовскую, какъ выражаются казаки, свадьбу. Это — ломъ.

Всё, что́ ни попадется въ ломъ, сокрушается, уничтожается и погибаетъ. Ломъ прекращается уже тогда, когда между двухъ враждебныхъ льдинъ станутъ, упершись въ морское дно, шиханы. Аханьщики, предвидя ломъ, по долетающимъ до нихъ звукамъ, происходящимъ отъ взлома и трескотни льда, заблаговременно приготовляются увернуться отъ гибельнаго дѣйствія этого разрушительнаго явленія. Немедленно впрягаютъ лошадей, укладываютъ въ сани все, что́ можно увезти, и, держа подъ уздцы лошадей, стоятъ, какъ на стражѣ, готовые каждую минуту броситься въ противоположную сторону отъ лома, туда, гдѣ надѣются спасти свою жизнь,

не помышляя уже объ аханахъ, которые остаются въ водѣ на жертву лома, по той причинѣ, что выборка ихъ изъ воды требуетъ весьма долгаго времени. Но когда ломъ застигнетъ аханьщиковъ неожиданно, врасплохъ, т. е., когда онъ начнется близко отъ стана, — тогда они, забывая всякую мысль о спасеніи имущества, садятся верхомъ на лошадей и скачутъ съ того мѣста на другое, гдѣ нѣтъ лома. Черезъ нѣсколько часовъ тамъ, гдѣ кипѣла дотолѣ жизнь, являются одни шаханы, поглотивъ въ себя все достояніе казаковъ. Послѣ того, разумѣется, аханьщики, повѣсивъ головы, возвращаются домой, утѣшаясь надеждою на будущія рыболовства.

Но ежели вся эта кутерьма кончится безъ ущерба рыболовнымъ снастямъ, казакъ беззаботно предается рыболовству, посмѣивается изподтишка надъ Каспіемъ и надѣляетъ его не очень-то лестными для него привѣтствіями, заключивъ ихъ такими словами: „ну, что, обжора... взяло?“ У казаковъ вообще, а у аханьщиковъ въ особенности, въ высшей степени развито чувство безстрашія, самонадѣянности и безпечности къ опасностямъ. Во всѣхъ критическихъ обстоятельствахъ и невѣрныхъ предпріятіяхъ они подкрѣпляютъ и напутствуютъ себя общею русскою поговоркою: „волка бояться — въ лѣсъ не ходить“.

Но пора, наконецъ, обратиться къ аханьщикамъ, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ моего разсказа.

V.

Прошло недѣль шесть со дня выѣзда ихъ въ море. Погода, сверхъ обыкновеннаго, во все время стояла теплая, пасмурная. Аханьщики въ вольныхъ водахъ рыбачили на глубинѣ 4-хъ саженей. Помня добрый отеческій совѣтъ благоразумнаго гурьевскаго начальника, дальше, по тонкости льда, они не заѣзжали. Въ бакенахъ и вообще на мели въ черняхъ рыба ловилась, но на глуби, въ вольныхъ водахъ, мало. Хотя до срока рыболовства (онъ всегда полагается 1-го марта)

оставалось еще долго, но аханьщики вольныхъ водъ помышляли уже, выбравъ изъ воды аханы, ѣхать въ дома, какъ вдругъ въ половинѣ февраля (это было въ 1843 году) сильнымъ южнымъ вѣтромъ взломало ледъ со стороны моря, вплоть до острововъ, лежащихъ въ войсковыхъ дачахъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ устьевъ Урала. Не успѣли аханьщики опомниться — вѣтеръ заворотилъ отъ сѣвера, и вотъ разнесло и разсѣяло ихъ на льдинахъ по всему морю! Болѣе двухъ сотъ человѣкъ казаковъ и Киргизовъ подверглось этой плачевной участи.

Ахнули гурьевскіе жители, когда узнали объ этомъ, безпримѣрномъ въ памяти ихъ относѣ, и призадумались. Хотя не было дотолѣ примѣровъ смертности на аханномъ рыболовствѣ, но Гурьевцамъ нельзя было не бояться за участь отнесенныхъ аханьщиковъ, смотря на наступившую въ то время оттепель. Даромъ, что былъ февраль, дожди почти каждый Божій день шли; ледъ на Уралѣ совсѣмъ пропалъ; словомъ. настала чистая весна. Между тѣмъ, какъ на зло, ледъ въ морѣ, противъ устьевъ Урала и по всѣмъ чернямъ казачьихъ дачъ, еще держался и, какъ не былъ онъ рыхлъ, но все-таки преграждалъ собою путь Гурьевцамъ, пытавшимся ѣхать на легкихъ судахъ и лодкахъ спасать аханьщиковъ. Думали-было обратиться въ астраханскіе предѣлы на тамошнія рыбныя ватаги, но та-же самая причина заставляла отказаться отъ такого предпріятія; само собой разумѣется, что съ тѣхъ ватагъ, гдѣ на морѣ стоялъ еще ледъ, ѣхать на судахъ такъ же, какъ изъ Гурьева, было бы невозможно; а на тѣхъ ватагахъ, которыя были очищены отъ льда, нельзя уже было застать ни одного судна, потому что Астраханцы всегда вмѣстѣ со льдомъ, лишь только тронется онъ отъ черней, выѣзжаютъ въ море на бой тюленей. И такъ, жители Гурьева-городка, по необходимости, съ горемъ на сердцѣ, должны были, какъ говорится, сложа руки, ждать конца участи аханьщиковъ и молиться Богу за ихъ спасеніе. Не было почти въ Гурьевѣ ни одного семейства, которое не оплакивало бы въ то время одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ или родственниковъ.

Между тѣмъ, вѣсть объ этомъ ужасномъ относѣ дошла до Оренбурга и встревожила начальника Оренбургскаго края, В. А. Обручева. Онъ немедленно командировалъ въ Гурьевъ адъютанта своего, штабсъ-ротмистра Габбе, для изысканія на мѣстѣ средствъ къ спасенію аханьщиковъ. Не успѣлъ этотъ офицеръ выйти въ Гурьевъ изъ экипажа, какъ пріѣхалъ туда, за этимъ же дѣломъ, генералъ Строевъ. Но что въ состояніи сдѣлать сила человѣческая, какъ бы силенъ и могучъ не былъ человѣкъ—противъ дѣйствій природы!

Все осталось по прежнему. Гурьевъ впалъ въ уныніе, но однакожъ не отчаявался. Одинъ изъ тамошнихъ старожиловъ, проведшій всю жизнь въ морѣ, П. Деревяновъ, бывшій за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ относѣ и выѣхавшій оттуда въ саняхъ на бурдюкахъ, утѣшалъ осиротѣвшія семейства.

— Зачѣмъ плакать,—говорилъ онъ всѣмъ и каждому, въ особенности казачкамъ:—развѣ я даромъ, что ли, плавалъ на пузыряхъ? *) Показалъ примѣръ — и баста! Стыдъ и срамъ послѣ того казакамъ-молодцамъ пропасть въ морѣ, когда я, посмотрите-ка на меня, старикашка дряхлый, да и то выѣхалъ изъ него здоровъ и невредимъ. Дайте-ка срокъ, родныя: вотъ какъ будетъ потеплѣе, такъ, небось, приплывутъ къ намъ наши рыболовщички.

— Да какъ же оно сбудется, П. Д.....чъ?—возражали ему старушки.—Ты говоришь, когда будетъ потеплѣе; а тогда, вѣдь, знаешь, и льду-то на морѣ не останется.

— Въ томъ-то и штука, мои касатушки,—отвѣчалъ Деревяновъ.—Вотъ извольте-ка понять и обсудить, что я, глупая голова, скажу. Извѣстно, отъ самыхъ Пешныхъ **) теперь вода; тамъ за ними ледъ въ морѣ взломанъ, плаваетъ ку-

---

*) Пузырями казаки называютъ бурдюки, а что такое бурдюки, всякому, думаю, извѣстно; впрочемъ, ниже, въ своемъ мѣстѣ, я разскажу о нихъ.

**) Названіе острововъ, лежащихъ въ морѣ и принадлежащихъ Уральскимъ казакамъ.

скими; на этихъ-то льдинкахъ мотаются наши удальцы. Выѣзжать имъ оттуда, полагать надобно, приведется ужъ на пузыряхъ, а на это-то они и не тотчасъ рѣшатся. Ну, къ чему они, примѣромъ сказать, твои дѣтки, даромъ зарѣжутъ теперь лошадушекъ, когда подъ ними ледъ еще твердый и они въ чаяніи проплавать на немъ нѣсколько недѣль? Можетъ случиться, напримѣръ, и то, что носитъ, носитъ ихъ на льдинѣ, да и принесетъ къ другой; ежели она побольше, да попрочнѣе ихней — они и переберутся на нее, а ту, глядишь, поднесетъ къ другой, еще побольше и покрѣпче—они и на ту маршъ; а тамъ, съ помощью Божіею, и къ черневому льду недолго добраться; въ черняхъ же ледъ теперь еще держится. Но когда этого имъ не удастся и когда льдины будутъ исчезать,—вотъ ужъ тогда-то аханьщики и примутся за лошадей: снимутъ съ нихъ кожи; сдѣлаютъ..... извѣстно какъ, что вамъ объ этомъ говорить..... сдѣлаютъ пузыри, да и поплывутъ на нихъ, какъ на косныхъ *), съ Христомъ Богомъ, кому куда поближе, какъ я грѣшный, плавалъ въ прежни годы. Такъ, стало быть, тужить и горевать не о чемъ!

Слушали казачки рѣчь Деревянова и, вспоминая его приключеніе, отъ котораго онъ такъ удачно отдѣлался, утѣшались.

Что же дѣлали въ это время аханьщики? Они бѣдствовали, въ полномъ смыслѣ этого слова. Когда взломало ледъ и разнесло ихъ на льдинахъ по морю, они ясно увидѣли, что имъ приходится не до рыболовства и не до сбереженія рыболовныхъ снастей, а только бы какъ-нибудь спасти себя. У кого аханы были вынуты изъ воды, тѣ взяли ихъ, а у кого они остались въ водѣ, тѣ такъ тамъ ихъ и бросили, и всѣ устремились къ Гурьеву. Но было ужъ поздно: кругомъ охватило ихъ волнующееся море!

---

*) Названіе извѣстнаго устройства небольшихъ легкихъ лодокъ, употребляемыхъ на Каспійскомъ морѣ разъѣздными уральскими чиновниками, оберегающими морскія воды отъ тайныхъ (воровскихъ) рыболовствъ.

VI.

Съ людьми, говорится, смерть красна. Слѣдуя этой пословицѣ, аханьщики стали собираться партіями, чтобы вмѣстѣ, общими силами, изыскивать средства къ своему спасенію. Примѣръ Деревянова былъ еще свѣжъ, памятенъ имъ. Сначала онъ былъ не нуженъ имъ; они надѣялись, какъ-нибудь и гдѣ-нибудь, выѣхать къ чернямъ, но подъ конецъ они убѣдились, что нѣтъ другого средства избавиться смерти, какъ сѣсть на бурдюки. Но, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ рыболововъ не знали искусства—какъ снять съ лошади кожу, чтобы вышелъ изъ нея годный бурдюкъ. Это проявилось въ артели С. Затворникова, молодого, лѣтъ 22, казака. Въ его артели было четверо Киргизовъ, людей неопытныхъ и отъ природы трусливыхъ, двое казачьихъ мальчиковъ, которые не больше смыслили въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ Киргизы, — да, къ довершенію несчастія, двое русскихъ мужиковъ, которые только и знали, во все время бѣдствія, что плакать. Бѣда приходила Затворникову съ такими товарищами. Еще хуже было то, что льдина, на которой онъ держался съ артелью, попала не изъ толстаго, съ первозимья образовавшагося, льду, а изъ тонкаго, покрывавшаго гдѣ-нибудь передъ тѣмъ какой-либо разносъ. Вскорѣ льдина эта, обтираясь и обламываясь съ краевъ объ другія, мелкія, но не меньше того вредныя въ этомъ случаѣ, начала уменьшаться и недѣли въ двѣ до того уменьшилась, что стала погружаться, такъ что аханьщикамъ доводилось стоять на ней по щиколотку въ водѣ. Въ такой крайности Затворниковъ рѣшился столкнуть и столкнулъ въ воду пять лошадей, чтобы облегчить льдину. Бѣдныя животныя не могли сразу утонуть и, плавая около льдины, жалобно ржали и вскидывали переднія ноги на льдину.— „Сердце такъ и вело коробомъ, говорилъ послѣ Затворниковъ: слезы, противъ воли, такъ и текли изъ глазъ, какъ я смотрѣлъ на муку лошадей!“ — Чтобы скорѣе покончить страданія лошадей, давнишнихъ своихъ спутницъ по морю, Затворниковъ билъ по го-

ловамъ ихъ пѣшней и тѣмъ помогалъ имъ уходить ко дну.— „Меня такое взяло въ то время зло (слова Затворникова), что я забылъ о Богѣ, забылъ о грѣхѣ, — былъ какъ бѣшеный, — и чуть-чуть, въ азартѣ, не огрѣлъ одного изъ мужиковъ по башкѣ пѣшней, за то, что они мнѣ ни въ чемъ не помогали, сидѣли въ саняхъ, какъ бабы, и выли голосомъ, словно за покойника".

Между тѣмъ, день отъ дня становилось теплѣе, льдина часъ отъ часу исчезала, и Затворниковъ каждую минуту видѣлъ неминуемую гибель; но, какъ казакъ, какъ сынъ стараго моряка, не унывалъ и старался, какъ умѣлъ, утѣшать и ободрять своихъ горемычныхъ товарищей. — „Посмотрите-ка, братцы! — говорилъ онъ имъ:—вонъ впереди насъ шиханы! они, я знаю, около Пешныхъ, недалеко отъ черней; насъ къ нимъ уваливаетъ и сей-часъ ударитъ о нихъ; но слушайте-ка! льдина подъ нами и безъ того чуть держится, а какъ толкнетъ ее въ шиханъ, такъ и поминай какъ звали. Что призадумались? Аль боитесь утонуть? Гмъ! Какъ бы не такъ! Ужъ эта стара штука! Видали мы еще не то, да не трусили. Вотъ веревка, возьмись каждый крѣпче за нее, да и держись. Не всѣ сразу утонемъ; насъ не одинъ; кто-нибудь успѣетъ вскочить на шиханъ, а тамъ, одинъ за другимъ, и всѣ вскарабкаемся на него, а тамъ, Богъ милостивъ, переберемся и на черневой ледъ; а ежели не удастся — такъ наѣдутъ какіе-нибудь ловцы или тюленьщики; теперь ужъ время такое, чай полно на морѣ астраханскихъ судовъ.

Лишь только успѣлъ Затворниковъ кончить рѣчь свою, какъ льдину поворотило въ сторону и внесло въ мелкій, подобный кашѣ ледъ, который казаки называютъ саушъ. Тутъ она увязла и остановилась. — „Опять, чортъ возьми, неудача!" вскричалъ Затворниковъ голосомъ человѣка, разсерженнаго на весь свѣтъ, плюнулъ съ досады и сѣлъ въ раздумьѣ на сани.

Затѣмъ наступила темная ночь, не первая, надобно замѣтить, а ужъ двадцатая съ того времени, какъ Затворниковъ скитался по морю. Товарищи его рыдали и тѣмъ его бѣсили. — „Слушайте... трусы! сказалъ онъ имъ: ежели вы

не перестанете плакать, да сидѣть, спустя рукава, — то въ послѣдній разъ видите меня съ собой! — Завтра, чѣмъ свѣтъ, брошу васъ здѣсь, какъ подлецовъ! Хоть вплавь, хоть какъ-нибудь доберусь до шихановъ. Пропадайте вы тутъ, какъ собаки! Лучше, спокойнѣе десять разъ умереть одному, чѣмъ съ вами, съ такой, Господи прости, дрянью...

— Да что́ же мы будемъ дѣлать? — проговорили сквозь зубы мужики.

— Что́ хотите, олухи, только не плачьте! Изрубите которыя-нибудь сани, разведите огонь, сядьте кругомъ его, да сказки сказывайте или пѣсни пойте; боритесь или хоть деритесь; тогда все-таки будетъ какъ-то повеселѣе. А то, вишь, какъ расхныкались, словно дѣвки, которыхъ насильно замужъ выдаютъ. По нашему, не робѣть — такъ выйдетъ дѣло! Двухъ смертей, знаете, не будетъ, а отъ одной не отмолился и Аника-воинъ, а онъ, вѣдь, не намъ чета былъ. Ну, молодцы, за дѣло!

Ободренные, а быть можетъ, и устрашенные угрозою Затворникова, артельщики и работники его развели огонь.

— Вотъ хорошо; давно-бы такъ, болваны! — сказалъ Затворниковъ. — А что, Петя, много-ли у насъ хлѣба? — спросилъ онъ одного изъ казачатъ.

— Много еще, — отвѣчалъ тотъ.

— А сколько, по твоему, много?

— Да цѣлыхъ два мѣшка.

— Ну, не больно много. Нынче на ночь, такъ и быть, по витушкѣ на брата, а завтра на двоихъ одну. Станемте, братцы, какъ въ походѣ, порціями ѣсть, чтобы послѣ не голодать, да маханину не жрать. А вы, нехристи, хотите лошадинки? Зарѣжьте чубараго, да и полакомьтесь, все равно, бурдюковъ дѣлать не станемъ, не умѣемъ.

Киргизы, къ которымъ были обращены послѣднія слова этой рѣчи, отрицательно покачали головами; имъ было не до ѣды, не до лакомства.

— Ну, не хотите—какъ хотите! — сказалъ Затворниковъ. — Была-бы честь предложена, а убытка Богъ избавилъ.

Разсвѣтало. Солнце жарко пекло аханьщиковъ. — Это было

уже въ первыхъ числахъ марта. — Льдина, на которой они держались, таяла; цѣлыя стаи чаекъ вились и играли надъ ними; вокругъ нихъ, время-отъ-времени, выныривали тюлени и, плавая около льдины, съ какой-то завистію посматривали на людей, овладѣвшихъ льдиной, на которой только-бы имъ, жителямъ моря, слѣдовало полежать и погрѣться на весеннемъ солнцѣ. Виднѣвшіеся съ вечера вблизи шиханы тонули въ синей дали; ясно было, что аханьщиковъ за ночь отнесло отъ нихъ въ глубь моря. Спутники Затворникова, Киргизы, начисто оробѣли, пали внизъ лицомъ и готовились къ смерти. Смотря на нихъ, можно было подумать, что они мертвы, еслибы по временамъ не слышались испускаемые ими глухіе стоны и частыя воззванія: Алла! Русскіе хотя и держались на ногахъ, но находились не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ самые Киргизы. Одинъ Затворниковъ бодрствовалъ. Онъ сдвинулъ въ одно всѣ сани и связалъ ихъ между себя веревками, надѣясь держаться еще сколько-нибудь на такомъ, весьма ненадежномъ плоту. Послѣдній овесъ, какой у него къ тому времени оставался, онъ разсыпалъ по полу и подпустилъ къ нему лошадей, чтобы онѣ, голодуя дотолѣ на малыхъ порціяхъ, хотя бы передъ концомъ жизни насытились вдоволь; но бѣдныя животныя, какъ бы предчувствуя по инстинкту, что имъ не пережить этого дня, только понюхали овесъ, но ѣсть его не стали. Это озадачило и бодраго Затворникова, а трусливыхъ его товарищей и подавно.

Черезъ нѣкоторое послѣ того время Затворниковъ увидѣлъ вдали черную точку, которая мало-по-малу приближалась къ нему и, наконецъ, приблизилась до того, что онъ ясно разсмотрѣлъ троихъ людей съ лошадью. „Видно такіе же, какъ мы, горемыки“, подумалъ Затворниковъ. — Дѣйствительно, то былъ казакъ Алексѣй Курбетевъ съ мальчикомъ и Киргизомъ. Судьба свела страдальцевъ вмѣстѣ. Льдина подъ Курбетевымъ была больше и крѣпче. Затворниковъ съ своими людьми перебрался къ нему.

— Что же вы до сихъ поръ, оболтусы, не дѣлаете пузырей? — былъ первый вопросъ Курбетева Затворникову.

— Не умѣемъ какъ дѣлать, — отвѣчалъ послѣдній.

— Не умѣете... Ахъ, чортъ возьми! да это скверно! Я и самъ-то не мастеръ на эти штуки. Однако, попробуемъ. Много-ли лошадей?... Восемь у васъ, одна у насъ — девять. Людей? Васъ девятеро, насъ трое, всего двѣнадцать человѣкъ. По трое на пару. Одна лошадь въ запасѣ... Гмъ!... поучимся-ка на ней. Я слыхалъ когда-то отъ Деревянова, какъ онъ сочинялъ пузыри; сочинимъ и мы, можетъ статься, не хуже его. Эй, вы, орда проклятая! — закричалъ онъ на Киргизовъ. — Вставайте, да за дѣло принимайтесь! Вишь, какъ они развалялись, словно не до нихъ дѣло. Хорошо вамъ, поганые басурманы, отлеживаться: лишь только на берегъ — вы и пошли себѣ въ аулы на айрянъ, да на кумысъ, а намъ, вѣдь, еще надо службу царску справлять, да на курхай *) собираться. Ну, что разинули рты? Аль хотите, чтобы я нагрѣлъ вамъ бока линьками! Живѣй за работу!

Киргизы, покорные голосу Курбетева, принялись вмѣстѣ съ нимъ и Затворниковымъ за дѣло.

Въ нѣсколько часовъ лошадей не стало; на мѣсто ихъ явились бурдюки.

Бурдюки дѣлаются вотъ какъ: сперва, зарѣзавъ лошадь, отрѣзываютъ ей прочь голову; потомъ съ шеи, кусокъ за кускомъ и кость за костью, отдѣляютъ ножами и вынимаютъ изъ шкуры, какъ изъ мѣшка, все до-чиста мясо и остовъ лошади; послѣ края шкуры у отрѣза надѣваютъ или, иначе сказать, нанизываютъ на острый, сдѣланный изъ дубоваго саннаго полоза, гвоздь; подъ самымъ гвоздемъ сжимаютъ шкурку и крѣпко на крѣпко перетягиваютъ и увиваютъ тонкой бичевкой (веревкой), такъ, чтобы между складокъ не могъ выходить воздухъ; наконецъ, въ ногахъ дѣлаютъ маленькія скважинки, вставляютъ въ нихъ тростниковыя дудочки, и, по-

---

*) Сокращенное слово курхайское рыболовство, отправляемое казаками на судахъ весной, по вскрытіи льда. У казаковъ привычка сокращать названіе рыболовствъ; такъ напримѣръ, они называютъ аханное рыболовство просто аханы; плавенное—плавня, и т. д.

средствомъ ихъ, чередуясь между собой, аханьщики надуваютъ шкуры на подобіе пузырей. Послѣ того бурдюки эти подвязываютъ подъ сани съ боковъ, къ каждымъ санямъ по два бурдюка. Такого устройства плоты или, какъ называютъ ихъ въ шутку казаки, паровые (пароходы), могутъ поднимать двоихъ и троихъ, а по нуждѣ и четверыхъ.

Лишь только Затворниковъ и Курбетевъ успѣли приладить къ санямъ бурдюки, какъ льдина, служившая имъ подножіемъ на такомъ гибкомъ и живомъ пути, отъ волненія разломалась на мелкіе куски и разсѣялась. Къ счастію, у обѣихъ артелей было довольно хлѣба. Раздѣливъ его еще заранѣе поровну, аханьщики усѣлись по три человѣка на каждыя сани и пустились по морю, по направленію къ чернямъ. Чтобы не разнесло ихъ врозь, они связали сани веревкой однѣ за другія. Повременамъ они приставали къ льдинамъ, которыя попадались имъ на пути, и выходили на нихъ, чтобы отдохнуть и расправить свои члены. Тутъ они подновляли воздухомъ и бурдюки, которые отъ продолжительнаго плаванія на водѣ теряли изъ себя часть воздуха и отъ того больше, чѣмъ слѣдовало, грузнули въ воду. Пять дней такимъ образомъ плавали Затворниковъ и Курбетевъ съ товарищами, пробираясь къ чернямъ, но вѣтеръ — къ счастію, не очень рѣзкій — уносилъ ихъ отъ нихъ и кружилъ по морю, мало повинуясь весламъ аханьщиковъ, сдѣланнымъ изъ санныхъ оглобель, да изъ лопатокъ лошадиныхъ ногъ. Наконецъ, въ шестой день такого мучительнаго и гибельнаго состоянія, судьба нанесла ихъ на судно тюленьихъ промышленниковъ. Добросовѣстные Астраханцы немедленно привезли ихъ къ Гурьеву, на Стрѣлецкую косу.

Затворниковъ и Курбетевъ первые съ артелями явились изъ относа въ Гурьевъ-городокъ, гдѣ встрѣтили ихъ сначала какъ выходцевъ съ того свѣта.

— Слава Богу! — говорили, между прочимъ, обрадованные Гурьевцы, — ужъ коли Затворниковъ выплелся (а онъ, замѣтить въ скобкахъ, не изъ самыхъ еще ловкихъ казаковъ), такъ другіе, помолодцоватѣе его, и подавно должны выѣхать!

VII.

Среди пустыннаго, безконечнаго моря, отъ востока къ западу, по краю льдины тянулся обозъ, лошадей до 30; на встрѣчу ему другой, лошадей въ 20. Съѣхавшись, аханьщики — то были изъ числа несчастныхъ, разнесенныхъ по морю — остановились. И тѣ, и другіе искали выѣзда къ берегамъ, а берега-то имъ и не давались. „Куда теперь поѣдемъ, братцы? — спрашивали одни. „Поѣдемте на полдни, отвѣчали другіе: авось тамъ найдемъ большіе льды; вѣдь насъ туда, кажись, уваливаетъ.“. Отправились Но, проѣхавъ версты съ три, они и тамъ встрѣтили волнующееся море, покрытое мелкими, избитыми кусками льду. „Стойте, товарищи! ѣхать некуда!“ Остановились. Старые рыболовы сошлись въ кружокъ и стали думать, да гадать — какъ бы горю помочь. По общему совѣту, снесли со всѣхъ артелей и сложили въ одно мѣсто хлѣбъ и приставили къ этому запасу одного казака, чтобы онъ выдавалъ изъ него на день каждому человѣку опредѣленную, весьма малую порцію. Потомъ отсчитали на каждыхъ троихъ человѣкъ по двѣ лошади и отдали ихъ въ руки Киргизамъ, чтобы они, зарѣзавъ ихъ, снимали съ нихъ, по указанному способу, кожи на бурдюки; лишнія сани изрубили на дрова и велѣли Киргизамъ наварить для себя сколько можно больше лошадинаго мяса, а для Русскихъ — рыбы, чтобы тѣмъ усилить запасъ продовольствія, такъ какъ аханьщики предвидѣли, что дѣло пойдетъ въ оттяжку. Не забыли, между прочимъ, казаки и лошадей, оставшихся въ живыхъ. Весь овесъ (сѣна къ тому времени не осталось ни клока) сложили въ одно мѣсто и положили давать его каждой лошади по пригоршнѣ въ день. Кормъ этотъ, больше чѣмъ скудный, дошолъ въ послѣдствіи до совершеннаго почти уничтоженія, такъ что аханьщики должны были подъ конецъ, для поддержанія жизни въ лошадяхъ, подмѣшивать въ овесъ собственный ихъ пометъ, мелко-изрубленныя рогожи и стружки санныхъ кріулинъ.

Устроившись такимъ образомъ и обезпечивъ себя провизіею, на случай голода, и бурдюками, на случай того, если-бы льдина подъ ними уничтожилась, аханьщики разставили кошары, расположились въ нихъ съ свойственнымъ имъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ и стали ждать развязки страдальческой своей участи. Между тѣмъ, день за днемъ становилось теплѣе и нерѣдко спрыскивалъ аханьщиковъ дождь; льдину подъ ними продолжало носить изъ стороны въ сторону: то подвигало ее къ чернямъ, то снова удаляло въ море. Часто аханьщики, свернувъ рукавицы на подобіе зрительныхъ трубъ, посматривали вокругъ себя, — не шлетъ ли откуда имъ Богъ помощи. „Нечего глазѣть по сторонамъ напрасно!“ сказалъ однажды казакъ Павелъ Голубовъ, изъ числа неустрашимыхъ и отважныхъ рыболововъ. Рано теперь, видите, кругомъ со всѣхъ сторонъ заперло насъ льдомъ, а вотъ подождите съ недѣлю, льдины прорѣдѣютъ и море очистится, тогда, авось, появятся какія нибудь суда астраханскія. Лучше давайте-ка, братцы, отъ скуки, тюленей стрѣлять. Эй, вы, мои гулебщики*)! У кого есть ружья? Берите ихъ, да маршъ за мной! вонъ туда, на край льдины; тамъ, я вижу, есть тюлени, примемся-ка ихъ колотить: они намъ пригодятся.

— Ужъ, чего добраго, не торговать ли ты, дядя Паша, вздумалъ тюленьимъ жиромъ? — замѣтилъ съ улыбкой стоявшій около него казаченокъ.

— На, на, на! ахъ ты, бѣсъ, зелены волосы! Да какъ еще говоритъ, убей его заразой! — отвѣчалъ, обидясь, Голубовъ. Что́ я выдумалъ, того ни тебѣ, ни отцу твоему, старому кобелю, во вѣки вѣковъ не выдумать, — прибавилъ онъ. — Ты еще не знаешь, щенокъ, какое угодье въ тюленьемъ жиру, — больно большое, больше чѣмъ въ тебѣ, а пожалуй, и во всѣхъ, что васъ здѣсь ни на есть, молокососахъ! Онъ, тюленій-то жиръ, во-первыхъ, горитъ, какъ дерево, такъ, стало быть, замѣна дровамъ, въ дровахъ же, ты знаешь, у насъ большая нужда; а во-вторыхъ, онъ плаваетъ на водѣ, не хуже живого

*) Гулебщикъ значитъ охотникъ.

тюленя, такъ, стало быть, подмога будетъ и бурдюкамъ. Да что съ тобой толковать! Постой-ка, голубчикъ, увидишь это на самомъ дѣлѣ, да еще послѣ научишь дѣтей своихъ, ежели они у тебя будутъ, т. е., короче сказать, ежели ты, пострѣленокъ, не нынче, не завтра не отправишься на тотъ свѣтъ и не угодишь къ черту на свѣчку.

— Ну полно, дядя Паша, сердиться, да накликать бѣду; вѣдь я пошутилъ, прости Христа ради,— проговорилъ мальчикъ съ непритворнымъ видомъ смиренія и кротости.

— Нечего мнѣ на тебя сердиться, не стоитъ; дать вотъ тебѣ хорошую подзатылину, чтобъ ты, бестія, впередъ не смѣлъ шутить надъ старшими, такъ станешь знать, небось, прикусишь тогда острый свой язычокъ. Возьми-ка лучше, бѣсенокъ, прогонъ да пѣшню, да и пойдемъ со мной.

Съ послѣднимъ словомъ, вскинувъ на плечо ружье, любимую и неизмѣнную свою турку, Голубовъ пошагалъ къ краю льдины, за нимъ пошли другіе, кто съ ружьемъ, кто съ багромъ, а кто съ шестомъ и веревкой.

Съ часъ аханьщики ходили по окраинѣ льдины и стрѣляли тюленей, которые близко отъ нихъ выныривали. Собирались уже они идти съ добычей на станъ, какъ увидѣли не вдалекѣ отъ себя небольшую льдину, а на ней сани съ привязанной къ нимъ лошадью. Вскорѣ льдину эту принесло къ ихней, и они подошли къ ней, чтобы снять съ нея сани и лошадь. Но какъ же они удивились, когда на днѣ саней увидѣли мертваго человѣка, который, какъ живой, сидѣлъ на корточкахъ, прислонясь спиной къ саннымъ головяшкамъ и держалъ на колѣняхъ въ стиснутыхъ и окоченѣлыхъ рукахъ мѣдную икону. На глазахъ у мертвеца была надвинута баранья шапка. Одинъ изъ аханьщиковъ подошелъ къ нему, приподнялъ съ головы его шапку, и всѣ тогда узнали въ мертвомъ казака Чирова, того самаго, припомните, читатель, который при выѣздѣ изъ дома на рыболовство позабылъ образъ Николая Чудотворца. Вѣрно застигнутый врасплохъ относомъ и отбитый отъ людей, старикъ умеръ съ голоду. Лошадь его, истомленная голодомъ же, походила не на лошадь,

а скорѣе на скелетъ, обтянутый кожей. Увидѣвъ вокругъ себя людей, она хотѣла повернуться къ нимъ, но лишь только переступила одной ногой, какъ тутъ же упала и не могла встать. Не говоря ни слова, казаки взяли въ руки шесты и оттолкнули отъ себя льдину, на которой находился мертвецъ. Отплывъ саженей 50, льдина столкнулась съ другой, вдвое ея большей, не выдержала толчка и разломалась на мелкіе куски. Первая на дно пошла лошадь, за нею сани и въ заключеніе—Чировъ. Въ минуту то мѣсто покрылось наплывшей новой льдиной. „Царство небесное тебѣ, добрый старикъ"! сказали аханьщики и пошли, пригорюнясь, на станъ.

Прошло послѣ того еще недѣли двѣ безъ осо ыхъ приключеній. Во все время аханьщики не сидѣли даромъ, не унывали: одни продолжали стрѣлять тюленей, другіе прилаживали бурдюки къ санямъ, спускали ихъ въ воду и плавали вокругъ льдины, испытывая прочность созданныхъ самими ими плотовъ; иные же устраивали денные и ночные маяки, чтобы дать о себѣ знать Астраханцамъ, если-бы случилось, что эти послѣдніе плыли на суднѣ недалеко отъ нихъ. Днемъ маяки состояли изъ поднятыхъ вверхъ шестовъ, на концахъ которыхъ развѣвались куски рогожъ или кошемъ. Ночью же маяки дѣлались съ огнемъ. Обыкновенно на самый конецъ шеста втыкали кусокъ или цѣлую тюленью шкурку съ жиромъ; немного ниже этой шкуры привязывали къ шесту пукъ мочалы, мочалу зажигали и шестъ тотчасъ поднимали вверхъ. По мѣрѣ того, какъ пламя отъ мочалы взвивалось къ верху, тюленій жиръ таялъ и каплями падалъ на мочалу, отчего огонь въ ней усиливался, и она, не вдругъ уничтожаясь, продолжала горѣть плавно, медленно, какъ свѣтильня въ лампѣ; между тѣмъ, воспламенялась и самая шкура, и все это горѣло до тѣхъ поръ, пока конецъ шеста не обгоралъ и не падалъ на полъ. Тогда маякъ снова возобновлялся.

Была уже половина марта. Сверхъ обыкновеннаго, жара такъ и пекла аханьщиковъ. Льдина подъ ними часъ отъ часу рыхлѣла; нужно было съ осторожностію ходить по ней, чтобы не провалиться. Не въ дальнемъ разстояніи отъ аханьщиковъ

видѣлась гряда шиханов. Рыболовы разсчитывали, что между шиханов лед должен быть тверже того, на котором они держались, а потому и рѣшились переѣхать туда. Начали уже спускать на воду сани съ бурдюками и усаживаться на них, как вдруг, нежданно-негаданно, раздался радостный крик казака: „судно“! — „Судно! судно!“ повторили все за ним и устремили жадные взоры свои въ ту сторону, куда указывал Голубов. Дѣйствительно, виднѣлось не вдалеке от них судно, шедшее прямо къ ним на всѣх парусах. То были Астраханцы-тюленьщики, которые еще за двое суток увидели несчастных ахальщиков, но не могли за льдами къ ним подъѣхать.

Через полчаса ахальщики были уже на суднѣ, а через нѣсколько дней — въ Астрахани, куда вывезли их Астраханцы.

Половина изъ лошадей, незарѣзанных на бурдюки, в тому времени пала отъ безкормицы, а остальныя, полуживыя, брошены были на льдинѣ.

VIII.

Еще на одной изъ безчисленных льдинъ, плававших въ то время по Каспійскому морю, собралась, послѣ взлома льда, партія ахальщиков, состоявшая человѣкъ изъ 30 Уральцевъ и изъ 40 Киргизов. Въ этой партіи, къ сожалѣнію, не было почти никакого порядка, каждый говорилъ свое и никто не хотѣлъ согласиться съ мнѣніемъ другого, а все оттого, что въ партіи этой Гурьевцев было мало. Казаки же, живущіе на форпостах по линіи Урала, не привыкшіе къ ахальному рыболовству и дотолѣ мало видѣвшіе море, недоумѣвали и не довѣряли Гурьевцамъ, считая их, конечно несправедливо, виновниками своего несчастія. „Не смотри на васъ, говорили они имъ, мы бы не заѣхали такъ далеко“.

— А чортъ васъ тащилъ сюда! — отвѣчали безстрашные

Гурьевцы.—Впередъ вамъ, дуракамъ, наука, знайте край да не падайте. Вы всегда лупите на насъ глаза, думаете, что мы чортъ знаетъ, какъ живемъ, что все даромъ намъ достается; вотъ оно какъ даромъ-то!

Разногласіе это породило между аханьщиками споръ; отъ спора дошло до брани, и Гурьевцы, и линейные казаки не затруднялись въ наборѣ ругательныхъ словъ, которыми они честили другъ друга; послѣдніе, наконецъ, отступились и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Что вы лаетесь, собаки! Развѣ нельзя просто говорить, безъ браннаго слова? Бѣлены, что-ли, вы объѣлись?

— Какъ васъ, болвановъ, не ругать,— отозвался со стороны Гурьевцевъ казакъ. Вишь, вы взялись не за свое дѣло, да туда же хорохоритесь, ломаетесь, будто бы что-нибудь тутъ смыслите. Молчали бы ужъ! гдѣ вамъ, аряньщикамъ *)... кисельничать? Знали бы свой Яикъ, лучше было бы.

— Нечего указывать на Яикъ, сами знаемъ, стыдно бы объ этомъ вспоминать, да укорять другъ дружку. Былъ онъ когда-то Яикъ, да сплылъ,—чай извѣстно и вамъ, величали его когда-то Горынычемъ и золотымъ донышкомъ, и тѣмъ, и сѣмъ, и мало ли чѣмъ еще. Но нынѣче онъ уже не тотъ, старъ, видно, сталъ. Бывало, сказываютъ старики, 10 или 12 саженнымъ багромъ насилу дно въ немъ доставали, а нынче, совѣстно сказать, кулики черезъ него бродятъ; гдѣ тутъ водиться рыбѣ. Цѣди себѣ въ немъ воду, сколько хочешь, брусъ съ оселкомъ выцѣдишь! Нѣтъ, ужъ не та пора, отошло оно времячко-то, когда наши старики на выборъ ловили осетровъ. Эхъ, братцы! Если бы не нужда, чортъ ли бы къ вамъ сюда поѣхалъ, Господи прости!

Киргизы, видя несогласіе и раздоры Русскихъ, начисто взбунтовались и отказались отъ повиновенія хозяевамъ. Чело-

---

*) Городскіе казаки, въ насмѣшку, называютъ всѣхъ другихъ, живущихъ по форпостамъ на линіи и питающихся, между прочимъ, молокомъ, аряньщиками, отъ киргизскаго слова: аряньъ или айряньъ. Арянъ—не что иное какъ наквашенное и потомъ разведенное водой молоко.

вѣкъ 20 изъ нихъ, подстрекаемые и возмущаемые однимъ дворовымъ человѣкомъ уральскаго офицера, бросили лошадей, которыми управляли, насовали въ карманы и пазухи хлѣба и, руководимые этимъ крестьяниномъ, пошли прочь отъ партіи на востокъ, къ Прорвинскимъ чернямъ *), которые, по ихъ замѣчанію, находились недалеко отъ нихъ. Верстъ пять или шесть они шли по ровному, твердому льду; но потомъ должны были оставить за собою прочный ледъ, перебираться по взлому, перепрыгивая съ льдины на льдину и подвергаясь каждочасно гибели. Двое изъ Киргизовъ, устрашенные очевидною опасностью, отстали отъ товарищей и возвратились на другой день къ партіи; а тѣ, которые пошли дальше съ крестьяниномъ, всѣ до одного пропали безъ вѣсти. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что они погибли.

Между тѣмъ, въ партіи дѣло все-таки не клеилось, не шло на ладъ. Линейнымъ казакамъ, впервые собравшимся на аханное рыболовство, казалось дико, непонятно — рѣзать лошадей на бурдюки; еще непонятнѣе — какъ плавать на бурдюкахъ по морю, когда они слыхали, что и суда на немъ разбиваются, тонутъ. Тогда Платонъ Поповъ, гурьевскій житель, записной и опытный рыбакъ, вставши на возъ съ аханами и поднявши надъ головой руку, вооруженную кнутомъ, сказалъ:

— Если мы будемъ только спорить, да вздорить, то изъ этого ничего путнаго не выйдетъ!... Лучше разъѣдемтесь-ка, братцы, отъ грѣха врозь, кому куда вздумается, льдины намъ не занимать: она, слава Богу, еще широка, а кому тѣсна, тотъ пускай себѣ ищетъ другую; тогда дѣлай себѣ всякъ, что захочетъ; я съ вами дольше не останусь. Ну, товарищи! Кто охотникъ? За мной! Пошелъ!

Съ послѣднимъ словомъ онъ взмахнулъ кнутомъ и поскакалъ прочь.

---

*) Близь восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, между устьями рѣки Эмбы и уничтоженнымъ Ново-Александровскимъ укрѣпленіемъ, есть острова, называемые Прорвой; отъ нихъ-то и черни называются Прорвинскими.

— Я съ тобой! я съ тобой! — раздалось вразъ нѣсколько голосовъ, и вскорѣ отъ партіи отдѣлилась небольшая толпа аханьщиковъ и скрылась съ передовымъ за ближайшими храпами. Спустя двѣ недѣли, эта маленькая партія, предводимая Поповымъ, перебираясь съ льдины на льдину, добралась, наконецъ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и опасностей, до черневого льду, около Мангишлака, а оттуда, слѣдуя берегомъ, счастливо достигла Гурьева.

Оставшіеся на мѣстѣ рыболовы два дня жили тутъ безъ всякой пользы, были въ нерѣшимости — пуститься-ли имъ вслѣдъ за уѣхавшими аханьщиками или оставаться тутъ. Но вскорѣ потомъ налетѣвшая буря разомъ покончила ихъ раздумье: въ нѣсколько минутъ изъ огромной льдины, на которой они находились, образовались куски, и на нихъ-то аханьщики, гдѣ по трое, по четверо, гдѣ по шестеро, противъ воли, разсѣялись по морю. Тогда они, по необходимости, должны были приняться за бурдюки — эти, повидимому, пустыя, но, на самомъ дѣлѣ, спасительныя штуки.

Считаю лишнимъ уже разсказывать бѣдственное ихъ состояніе, а равно и другихъ, скитавшихся въ разныхъ мѣстахъ по морю аханьщиковъ. Всѣ они, снятые впослѣдствіи на суда Астраханцами, терпѣли одно и то же горе, которое почти во всемъ походило на прежде описанное мною горе другихъ партій. Достойно замѣчанія только приключеніе троихъ казачьихъ мальчиковъ, которые, по несчастію, отдѣлились отъ партіи съ одной только лошадью, да одного казака, котораго въ другомъ мѣстѣ отшибло отъ артели совершенно одного съ небольшимъ хлѣбомъ за пазухой, да съ подбагренникомъ *) въ рукахъ. Первые трое очутились на маленькой льдинѣ, съ которой они вынуждены были столкнуть въ воду лошадь съ санями, чтобы облегчить льдину, потому что она и однихъ ихъ насилу держала. Послѣ того они перебирались съ льдины на льдину, которыя, обтираясь одна объ другую,

*) Родъ багра на короткомъ вязовомъ шестикѣ. Подбагренникъ употребляется при вытаскиваніи рыбъ изъ прорубей.

часу отъ часу мельчали и, наконецъ, до того измельчали, что имъ всѣмъ троимъ нельзя было держаться на одной. Тогда они связали возжи концами вмѣстѣ и сдѣлали, такимъ образомъ, изъ нихъ кругъ. Схватившись за эти возжи, они старались не разъединиться между собою, безпрестанно вытаскивая другъ друга изъ воды, куда, скользя съ маленькихъ льдинъ, они каждую почти минуту падали. Два дня они пробыли въ такомъ гибельномъ состояніи, изнуренные голодомъ и промокшіе до костей. На третій день, когда уже казачата совершенно обезсилѣли, ихъ прибило къ большой льдинѣ. На ней они встрѣтили партію другихъ аханьщиковъ и съ ними уже впослѣдствіи были сняты Астраханцами на суда.

Казакъ же, — то былъ Денисъ Бакировъ, житель Гурьева городка, — перепрыгивая съ льдины на льдину, когда отнесло его отъ товарищей, вскорѣ вышелъ на твердую, большую льдину. Ходя по ней изъ стороны въ сторону, онъ нигдѣ не находилъ выхода: вездѣ встрѣчалъ бушующее море. Одинъ одинехонекъ, среди пустыннаго, навѣвающаго могильнымъ холодомъ моря, страдая голодомъ — Бакировъ близокъ былъ къ отчаянію. Однажды, какъ сказывалъ онъ послѣ, хотѣлъ-было онъ броситься въ воду; но мысль о женѣ и дѣтяхъ, а также и о своей душѣ, остановила его отъ самоубійства. Вооружась терпѣніемъ и положась на Провидѣніе Божіе, Бакировъ машинально, безъ всякаго соображенія, продолжалъ себѣ бродить по льду, куда глаза глядятъ. Шесть дней терпѣлъ онъ муку голода. Наконецъ, судьба сжалилась надъ нимъ и навела его на небольшую рыбу (шипа), брошенную на льду кѣмъ-нибудь изъ аханьщиковъ. Съ жадностію собаки и съ быстротою кошки, онъ бросился на добычу, какъ будто боясь, что она можетъ ускользнуть отъ него. Какъ ни была отвратительна сырая рыба — Бакировъ съ удовольствіемъ и наслажденіемъ принялся ѣсть ее. Насытившись, онъ пошелъ дальше, взявъ съ собой и рыбу. Три недѣли онъ питался этой рыбой, скитаясь по морю и переходя съ льдины на льдину, въ надеждѣ выйти къ чернямъ. Но, видя, наконецъ, что льдины стали рыхлѣть, исчезать, а берега, между тѣмъ,

нигдѣ не показывались, онъ рѣшился взобраться на одинъ изъ встрѣтившихся ему большихъ шихановъ. Тутъ Бакировъ окончательно остановился, въ ожиданіи какого-нибудь судна Астраханцевъ.—„Больше всего, говорилъ онъ послѣ, я терпѣлъ и страдалъ на шиханѣ отъ холода. Днемъ мнѣ было тепло еще отъ солнышка, но по ночамъ... ай, ай, не приведи Богъ злому татарину!.. у меня зубъ на зубъ не попадалъ, словно я былъ въ погребу, во льду, зарытъ".

Сидя на шиханѣ, Бакировъ замѣтилъ однажды, что тюлень, плавая около шихана, посматривалъ на него съ особеннымъ вниманіемъ, пытаясь влѣзть на него. Спрятавшись за одну выдвинувшуюся на шиханѣ неровность, Бакировъ подстерегъ тюленя, когда тотъ вползъ на шиханъ — мигомъ забагрилъ его подбагренникомъ и умертвилъ. Снявши съ тюленя кожу съ жиромъ, Бакировъ досталъ изъ кожаной, висѣвшей на поясу у него сумки, огниво, высѣкъ огня, натеребилъ ваты изъ бывшаго на немъ бухарскаго халата и развелъ огонь. Это было уже къ ночи. Когда Бакировъ сидѣлъ и грѣлся около огня, въ то время плыло мимо шихана судно тюленьихъ бойцовъ. Астраханцы, увидѣвъ огонь, остановились и послали къ шихану лодку. Не будь у Бакирова огня, Астраханцы проѣхали бы мимо его, не замѣтивъ.

IX.

— А что, Денисъ, ты, я думаю, далъ зарокъ не ѣздить больше на аханное рыболовство, когда сидѣлъ на шиханѣ и ѣлъ сырую рыбу? — спросилъ я Бакирова вскорѣ послѣ того, какъ онъ выѣхалъ изъ отпоса.

— Помилуйте, сударь,— отвѣчалъ Бакировъ:—что я за дуракъ такой, что буду отказываться отъ рыболовства и отрекаться отъ батюшки синя-моря, нашего кормильца! Бросать рыболовство нашему брату, гурьевскому казаку, все равно, сударь, что въ землю зарываться: чѣмъ станешь семью кормить, да на что́ службу царску справлять?

— Да вѣдь страшно, Бакировъ, — замѣтилъ я, — какъ разъ утонешь.

— Ну, такъ что жъ? — сказалъ Бакировъ. Съ Богомъ! Двѣ смерти не будетъ, а одной не минуешь, какъ ни шатай, какъ ни валяй. Да что объ этомъ и говорить! — прибавилъ онъ. — Ужъ кому, сударь, на роду написано утонуть тотъ и въ лужѣ утонетъ, а кому еще жить, тотъ и изъ кіянь-моря выѣдетъ здравъ и невредимъ!

И не одинъ Бакировъ, а всѣ Уральцы такого счастливаго мнѣнія.

Въ заключеніе скажу, что аханное рыболовство, какъ ни опасно и какъ, въ случаѣ, ни разорительно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно и благодѣтельно: во-первыхъ, оно даетъ средства къ жизни гурьевскимъ казакамъ; во-вторыхъ, — что́ должно считать еще важнѣе, — оно служитъ для казаковъ отличной школой. На аханномъ рыболовствѣ казакъ съ малыхъ лѣтъ свыкается съ опасностью, не ставитъ впослѣдствіи ее въ грошъ, дѣлается живымъ, ловкимъ, расторопнымъ, смѣлымъ и смѣтливымъ, въ крайнихъ случаяхъ предпріимчивымъ и находчивымъ, привыкаетъ къ трудамъ, къ холоду, а подчасъ и къ голоду; словомъ, казакъ на аханномъ рыболовствѣ укрѣпляется тѣломъ и совершенствуется духомъ.

Москва,

1854 г. Іюнь.

IV.

БАШКИРЦЫ.

Въ одно морозное декабрьское утро—это было въ 1852 г.—я оставилъ Уральскъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ долго въ него не возвращаться безъ особой, крайней нужды, и отправился въ путь-дорогу, а куда—увидимъ ниже.—Обогрѣвшись въ избѣ приказнаго казака на Деркульскомъ уметѣ, я закурилъ сигару и, сказавъ хозяину „спасибо“ за его хлопоты, вышелъ на улицу и снова сѣлъ въ возокъ.

Возокъ у меня, надо сказать, знаменитый возокъ, рѣдкостный возокъ, такой возокъ, какого не только сызранская дорога, но даже и московское шоссе никогда не видывало... Ахъ, нѣтъ, виноватъ, за годъ передъ тѣмъ, въ этомъ самомъ возкѣ изъ Москвы въ Уральскъ прикатилъ на почтовыхъ одинъ изъ моихъ товарищей, гвардейскій корнетъ С..... Онъ, т. е. возокъ, обитъ, обшитъ рогожей; кибитка его покачнулась и нахлобучилась впередъ, какъ старомодный волосникъ (кокошникъ) нашихъ древнихъ Уралокъ; а самъ весь изломанъ, изогнутъ, искривленъ, изуродованъ, какъ нельзя быть хуже, но, за неимѣніемъ другаго, пригодился мнѣ, какъ нельзя лучше.

Черезъ минуту возокъ мой, ковыляя, по своей изможденной натурѣ, со стороны на сторону, тихонько тащился по ровной, гладкой дорогѣ.

Черезъ часъ я былъ уже въ Ливкинскомъ уметѣ—послѣдней станціи Уральскихъ казаковъ. Отъ Ливкина я поѣхалъ черезъ башкирскіе пикеты на Камеликъ, гдѣ должно было кончиться мое скучное путешествіе и начаться еще скуч-

нѣйшее житье, о которомъ и теперь не могу вспомнить равнодушно.—Поѣхалъ, говорю, но какъ поѣхалъ, кто бы зналъ? не приведи Богъ злому такъ ворогу ѣздить: отъ этой поганой ѣзды долго болѣли у меня бока. Дорога хотя шла и по ровной степи, но сама была не ровна, а унизана частыми шиблями и раскатами. И безъ того кривой, сбоченившійся, возокъ мой безпрестанно валялся съ боку на бокъ, и я ежеминутно стукался то головою объ верхъ кибитки, то спиною объ задъ ея, то боками о бока возка, чистое терпѣлъ наказанье. а бѣднаго моего Руслана, сидѣвшаго со мной рядомъ, начисто закачало, такъ-что, не смотря ни на ласки мои, ни на угрозы, онъ выпрыгнулъ изъ возка и рѣшился совершить путешествіе безъ посторонней помощи, на собственныхъ ногахъ. Хотѣлъ-было и я послѣдовать его примѣру, но не осмѣлился: вѣдь у собаки, думаю, четыре, а у меня, грѣшнаго, только двѣ ноги,—за четвероногимъ не угоняешься. Къ тому же я берегъ себя на случай невольнаго путешествія пѣшкомъ, ибо того только и смотрѣлъ, какъ дряхлый возокъ мой, ныряя изъ ямы въ яму, треснетъ и рушится.

Но къ счастію моему и къ чести своей, скрипучій иележивой возокъ мой вынесъ столь для него трудную, а для меня въ высшей степени мучительную дорогу.

На послѣднемъ башкирскомъ пикетѣ, былъ со мной одинъ забавный случай, показывающій смѣтливость Башкирцевъ и то, что къ нимъ волей-неволей начинаетъ мало-по-малу прививаться понятіе о дисциплинѣ и воинскомъ порядкѣ. Пока подводчики (ямщики) хлопотали около лошадей, одинъ изъ Башкирцевъ, съ патронташемъ черезъ плечо и съ саблею на боку (которая, мимоходомъ сказать, ни къ чему не была привѣшена, а придерживалась только рукой воина), подошелъ къ возку и, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Базвольте узнать—какой ви люди?

Я сказалъ свое имя.

— Карáша, ваша благородія, — а есть ли твоя открытый листъ?

— Есть,—отвѣчалъ я.

— Ну-ка, кажи-ка мнѣ его?

— На что тебѣ открытый листъ?—сказалъ я. Вѣдь ты читать, навѣрно, не умѣешь.

— Гм!... Нужна нѣтъ, не умѣю; ты только кажи-ка, а я ужъ свой дѣла... такъ себѣ... мала-мала знаемъ: я не брастой люди, я бриказный.

Съ послѣднимъ словомъ Башкирецъ самодовольно погладилъ рукой свою бороду.

Дѣлать было нечего, я показалъ Башкирцу подорожную и, показывая, не выпускалъ ее изъ рукъ, а держалъ передъ глазами вопрошающаго, и нарочно вверхъ ногами. Взглянувъ на подорожный бланкъ, Башкирецъ сказалъ, махнувъ рукой:

— Караша, караша, ваша благородія; пашла, гуляй съ Богомъ.

Я засмѣялся и сказалъ Башкирцу, что бумага, мной ему показанная, вовсе не открытый листъ.

— Ай, ай, ваша благороді—я—я—я! отвѣчалъ Башкирецъ, лукаво улыбаясь.—Ты, видно, больна хитра, обманить меня хочешь. О—о—о! обманить меня нельзя, дудки!... Вонъ она, смотри его самъ карашенька,—продолжалъ Башкирецъ, указывая пальцемъ на подпись подорожной и поворачивая голову свою немного на сторону, съ небрежностью человѣка, которому все хорошо извѣстно.—Вотъ она, зелена-та.... О—о—о! эта зелена-та чернила-та больна мы караша знаемъ... обманить нельзя... Пашла, ваша благородія, гуляй знай... шалтай балтай ненада, чужой деревня его тащи... А ужъ зелена-та чернила-та мы, башкурскій народъ, хараша знаемъ, чей она чернила-та... заключилъ Башкирецъ рѣчь свою и, лукаво подмигивая лукавыми глазами, поклонился мнѣ въ то время, когда лошади тронули съ мѣста.

Въ сумерки возокъ мой остановился передъ дерновой, засыпанной снѣгомъ, избой. Въ ней жилъ такъ называемый деревенскій приказный (родъ мѣстнаго начальника), живой и бойкій Башкирецъ, по всему видно—преотличный плутишка. Узнавъ отъ подводчика, меня привезшаго, что особа въ лицѣ моемъ не простая, а чиновная, ѣдущая въ ихъ

кантонъ на службу, хозяинъ усадилъ меня на почетное мѣсто и стремглавъ бросился по деревнѣ отыскивать самоваръ, чтобы угостить дорогого гостя чайкомъ: своего-то, вишь, самовара приказный не успѣлъ завести, не разжился еще, не поправился, ну да ужъ за этимъ дѣло не станетъ, былъ бы живъ-здоровъ кантонный... Такая услуга со стороны гостепріимнаго Башкирца, хотя отчасти и по разсчету, въ высшей степени нравилась мнѣ, тѣмъ болѣе, что пора было пить чай; къ тому же я передрогъ во время ѣзды до-нельзя, и стаканъ чаю, въ то время, былъ для меня истиннымъ наслажденіемъ.

Сидя на нарахъ (широкихъ лавкахъ, замѣняющихъ у Башкирцевъ и диваны, и кровати) около кипящаго самовара, покуривая колобовскую сигару и запивая ароматный дымокъ ея горячей, хотя далеко уже не ароматной, но за всѣмъ тѣмъ отрадной влагой, я увидѣлъ подъ потолкомъ избы, за жердочкой, служащей матицей, дудку или такъ называемую чебызгу.

— Кто играетъ на этой чебызгѣ,—не ты ли?—спросилъ я хозяина.

Нѣтъ, ваша благородія, моя малый братъ играетъ,—отвѣчалъ хозяинъ.

— А гдѣ твой братъ?

— Дворамъ гуляетъ, скотина убираетъ; мала-мала сѣна даетъ, сюда въ изба скоро придетъ.

— Хорошо,—подумалъ я,—послушаю игру башкирскаго виртуоза; говорятъ, нѣкоторые изъ нихъ великіе, въ своемъ родѣ, артисты.

— Ну-ка, джигитъ (молодецъ)!—сказалъ я вошедшему въ избу вскорѣ послѣ того музыканту:—сыграй-ка что-нибудь хорошенькое на своей чебызгѣ, я послушаю.

Башкирецъ, восемнадцати лѣтъ парень, не отговариваясь, очень охотно взялъ въ руки чебызгу или, какъ еще называютъ ее Башкирцы, курай, окатилъ внутренность ея теплой водой, прокашлялся, сталъ посреди избы въ самую живописную

позу и принялся играть или, лучше сказать, свистѣть какую-то безтолковщину.

Спустя не много времени, я спросилъ старшаго брата, хозяина: что онъ играетъ?

— Русская пѣсня играетъ.

— Какую?

— Какъ у нашей у воротъ.

— „Ну, такъ оно и есть, очень похоже!“ подумалъ я, едва удерживая смѣхъ, чтобы не оскорбить самолюбіе хозяина, а тѣмъ болѣе его брата, музыканта, у котораго въ ту минуту глаза такъ и свѣтились неподдѣльнымъ огнемъ вдохновенія и самодовольствія.

— Якши, бикъ якши! (хорошо, очень хорошо!) сказалъ я вслухъ. —Но мнѣ хочется послушать башкирскую пѣсню о какомъ нибудь богатырѣ вашемъ или о шайтанѣ. Думаю, у васъ много ходитъ въ народѣ пѣсенъ или сказокъ въ этомъ родѣ.

— Когда нѣтъ! —отвѣчалъ хозяинъ.—Только братишка моя больно маладой человѣкъ,—гдѣ ему много знать? А вотъ наша старый людя больно маштеръ и пѣсня спивать, и сказка сказать. Хаша на чебызга не играетъ, но на словахъ-то больно гораздъ. Утра пора начнетъ—вечеръ пора кончаетъ; вся день говоритъ; только слушай—вся вѣкъ не переслушаешь.

Между-тѣмъ, игравшій на чебызгѣ или кураѣ (отъ этого послѣдняго названія и игрокъ называется курайчи), пріостановясь не надолго, вслушавшись въ нашъ разговоръ, перемѣнилъ тонъ игры на башкирскій ладъ. На этотъ разъ игра его была тихая, унылая, даже плачевная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятная.

Долго курайчи-музыкантъ потѣшалъ игрою насъ и потѣшался ею самъ. Когда онъ кончилъ, я спросилъ, о чемъ онъ игралъ. Мнѣ перевели, что онъ пѣлъ объ одномъ Башкирцѣ, молодомъ, лихомъ парнѣ-джигитѣ, который когда-то, въ давнія времена, ѣхалъ въ первый разъ на свиданье съ невѣстой, но не доѣхалъ: на дорогѣ лошадь подъ нимъ заболѣла и пала. До кочевки, гдѣ жила невѣста, оставалось

всего какихъ-нибудь верстъ пять, но женихъ не рѣшался идти туда. стыдясь на первый разъ показаться невѣстѣ и роднымъ ея пѣшимъ-боемъ. Домой тоже не смѣлъ возвратиться, страшась насмѣшекъ со стороны товарищей. Женихъ-Башкирецъ рѣшился лучше погибнуть въ степи, чѣмъ терпѣть стыдъ и подвергаться насмѣшкамъ. Бросившись на землю и распростершись около трупа вѣрнаго, но несчастнаго коня своего, удалой Башкирецъ принялся распѣвать пѣсни, выражая ими душевную скорбь свою и жалуясь на жестокую судьбу, такъ горько и безчеловѣчно надъ нимъ насмѣявшуюся,—и пѣлъ до тѣхъ поръ, пока не наѣхали на него путешественники и силою не возвратили въ домъ отца.

Я похвалилъ и поблагодарилъ музыканта, а онъ, между тѣмъ, началъ снова играть. Но въ этотъ разъ тонъ чебызги былъ не тихій, унылый, а сильный, рѣзкій, дикій, просто раздирающій и потрясающій слухъ.— Я вопросительно взглянулъ на хозяина, тотъ съ удивленіемъ на играющаго, и потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— На, на, на! вотъ грѣхъ-та! вотъ грѣхъ-та! Я сапсѣмъ не зналъ, ваша благородія, что братишка моя такой маштéръ. Одинъ старый человѣкъ на тою (на праздникѣ или на пиру) безъ чебызга словами эта пѣсня спивалъ; пѣсня больно страшна о сильномъ богатырѣ.

— Ужь не о Саловатѣ ли богатырѣ?—спросилъ я.

— Какой Саловатъ! сказалъ съ видимымъ презрѣніемъ хозяинъ.—Саловатъ что за богатырь? Саловатъ—просто разбойникъ! Такой разбойникъ, какъ Саловатъ, что съ Пугачемъ гулялъ, и у насъ, въ нашемъ мѣстѣ, много было. Вотъ, недавно, лѣтъ двѣнадцать назадъ, два брата Ижбердины, не хуже Саловата, дѣлалъ кутерьма. Они также, какъ Саловатъ, людей рѣзалъ, деньга грабилъ, скотина отгонялъ, все отнималъ. А богатырь, о которомъ моя братишка играетъ, я забылъ какъ его звали... былъ честный человѣкъ, святой богатырь. Только послѣдній канса (конецъ) его былъ некараша. Онъ самъ сдѣлалъ некараша, за то Богъ его и наказалъ, а насъ, Башкирскій народъ, больно обидѣлъ: съ той пора бо-

гатырь у насъ нѣтъ и не будетъ. Когда Богъ серчаетъ— людямъ больно не караша бываетъ.

Это меня заинтересовало, и я полюбопытствовалъ узнать исторію могучаго, но несчастнаго башкирскаго богатыря. Хозяинъ, по просьбѣ моей, разсказалъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, частію по-русски, частію по башкирски, слѣдующую легенду.

Когда-то давно, можетъ быть лѣтъ двѣсти назадъ или еще больше, въ богатой и цвѣтущей Башкиріи, когда народъ ея, живя въ довольствѣ, зналъ только охотиться за дикими звѣрями и пользоваться, безъ малѣйшихъ трудовъ, избыткомъ многочисленныхъ стадъ своихъ и другихъ даровъ природы,— въ семьѣ одного почетнаго Башкирца, видно Богомъ любимаго человѣка, родилось дитя, прекрасной наружности мальчикъ. Съ красотой онъ соединялъ въ себѣ силу могучую, удивительную, а добротѣ души его не было предѣловъ, какъ увидимъ ниже.—Еще въ дѣтствѣ, когда ему не было и десяти лѣтъ, онъ усмирялъ, какъ ягнятъ, самыхъ дикихъ необузданныхъ лошадей, съ которыми цѣлыя толпы Башкирцевъ, людей взрослыхъ и въ своемъ родѣ лихихъ наѣздниковъ, не могли справиться.

Бывши отрокомъ, ходилъ онъ, и всегда одинъ, съ лукомъ и стрѣлой, на охоту за медвѣдями, и каждый разъ безъ ноши медвѣжьихъ шкуръ не возвращался домой. Не отбивались отъ него и львы могучіе, когда онъ встрѣчался съ ними. О мелкихъ звѣряхъ и птицахъ и говорить нечего: онъ бивалъ ихъ, какъ говорится, пиня ногой, сколько ему хотѣлось. Бывало, только чуть глазъ завидитъ звѣря или птицу—летитъ стрѣла, и—жертва падаетъ мертвою. Но когда онъ достигъ возмужалости — ему не было равнаго въ силѣ въ цѣломъ свѣтѣ, не только между людьми, но даже между лютыми животными,— просто чудо, а не богатырь былъ этотъ человѣкъ! Тотъ край, гдѣ онъ родился и жилъ, отдыхалъ, благоденствовалъ и благословлялъ своего земляка-богатыря. У него, бывало, только и заботы, что защищать своихъ и чужихъ, ежели чужіе прибѣгали къ его помощи; никому не было отказа. — Отгонятъ

ли гдѣ, бывало, воры табунъ коней у Башкирцевъ — богатырь одинъ одинехонекъ скачетъ въ погоню, нагоняетъ хищниковъ, всѣхъ перевѣшаетъ на деревьяхъ или перетопитъ въ водѣ и возвращаетъ коней хозяевамъ.—Сдѣлаютъ ли разбойники набѣгъ на какую кочевку — богатырь явится тутъ, какъ избавитель. — „Всѣмъ недругамъ смерть"! вскрикнетъ, бывало, онъ. И всѣ злодѣи полягутъ на мѣстѣ отъ его острой сабли и булатнаго копья. — Нападутъ ли гдѣ на прохожихъ недобрые люди — богатырь по чутью отыщетъ ихъ, и одна расправа: смерть грабителямъ! Словомъ, что день, то доблестный подвигъ.

Прославился богатырь, прославилась его славой и Башкирія. Богатства лились богатырю со всѣхъ сторонъ, какъ льются весной съ горъ ручьи. Но онъ не скоплялъ богатства — считалъ за грѣхъ—а раздавалъ его бѣднымъ и тѣмъ, кто нуждался. Кромѣ двухъ-трехъ отличныхъ туркменскихъ жеребцовъ, да дорогаго, несокрушимаго оружія, онъ ничего не имѣлъ. Зато друзей, душой и тѣломъ ему преданныхъ, нельзя было перечесть. Всѣ, отъ малаго до большого, отъ убогаго до богатаго, его любили, почитали и благоговѣли передъ нимъ. А молодыя башкирянки... что и говорить? Не было ни одной, которая бы втайнѣ не обожала его и не считала для себя верхомъ блаженства быть его женой, хотя бы на одинъ день...

Вотъ какая была завидная доля красавца-богатыря. Но онъ не долго пользовался счастіемъ и жизнію, которая кипѣла въ немъ молодостью.

Однажды, въ дружеской бесѣдѣ, за чашей кумыса, зашла рѣчь о смерти и загробной жизни, о раѣ и адѣ. Мысль о неизвѣстности и таинственности перехода въ вѣчность, какъ свинецъ, запала въ голову богатыря. Склонивъ голову на грудь, онъ сидѣлъ, задумавшись и не говоря ни слова. Товарищи, изъ уваженія къ нему, хранили глубокую тишину. Долго длилось молчаніе, ничѣмъ непрерываемое. Наконецъ, богатырь поднялъ голову и, воодушевясь какимъ-то неестественнымъ огнемъ, сказалъ:

— Да сдѣлаю же это, поставлю на своемъ! Только вы

помогите мнѣ, друзья мои! Я хочу испытать и испытаю, во что-бы то ни стало,—что́ такое смерть и что́ такое бѣсъ, который таскаетъ души покойниковъ къ себѣ въ адъ. Узнаю и передамъ тайну эту народу...

Товарищи его устремили на него глаза, полные страха и удивленія, и ничего не говорили.

— Что вы удивляетесь, джигиты! — вскричалъ богатырь, и голосъ его, какъ голосъ а р а с л а н а (льва), раздался по рощѣ (друзья пировали въ рощѣ).

— Развѣ вы сомнѣваетесь въ моей храбрости и силѣ! — продолжалъ богатырь. — Развѣ я не встрѣчалъ, при вашихъ же иногда глазахъ, тысячу разъ видимую смерть! Такъ неужели, думаете, струшу мнимой! Неужели побоюсь бѣса, по стопамъ котораго, смѣю похвалиться, я никогда не хаживалъ! — а? — Вы, кажется, не понимаете меня, молодцы,— прибавилъ богатырь, смотря на своихъ собесѣдниковъ и улыбаясь. Вамъ кажутся темны мои слова. Выпейте-ка лучше кумысу, выпью и я; тогда я скажу вамъ, что́ я придумалъ.

Съ послѣднимъ словомъ онъ налилъ огромную чашу кумыса и, говоря: б и ш ь-м и л л я. разомъ опорожнилъ ее. Собесѣдники послѣдовали его примѣру, и скоро, обошедъ кругъ, чаша остановилась посреди пирующихъ. Богатырь продолжалъ:

— Вамъ и всѣмъ правовѣрнымъ извѣстно, что душа умершаго мусульманина, когда его схоронятъ и когда схоронившіе отойдутъ отъ могилы на сорокъ шаговъ, возвращается, по волѣ Аллаха, какъ сказано въ книгѣ премудраго пророка, въ тѣло, и тѣло, лежа въ могилѣ, на время оживаетъ. Вслѣдъ за душой слетаютъ съ неба два духа, два ангела— одинъ свѣтлый, слѣдившій за добрыми, а другой мрачный, наблюдавшій за злыми дѣлами человѣка, во время земной его жизни. Тогда у нихъ въ могилѣ, въ присутствіи ожившаго покойника, идетъ разбирательство о томъ, гдѣ, смотря по дѣламъ, дать покойнику мѣсто, т.-е. въ раю или въ аду. По окончаніи суда и расправы, человѣкъ, не выходя изъ могилы, снова умираетъ, и тогда уже душу его уноситъ съ собой тотъ изъ духовъ, которому она достанется.

Тутъ богатырь замолчалъ, еще опорожнилъ чашу кумыса и продолжалъ:

— Вздумалъ я, друзья мои, сыграть шутку надъ однимъ изъ духовъ, разумѣется, вы догадаетесь, надъ чернымъ, проклятымъ бѣсомъ.—Вѣдь кромѣ смерти, другой бѣды не будетъ; а умирать все равно, нынче или завтра, довелось бы только умереть смѣртью молодецкою. Но если удастся мнѣ эта шутка, вотъ тогда-то мы запируемъ на славу, зададимъ пиръ на весь міръ и вдоволь насмѣемся надъ бѣсомъ, даромъ, что онъ бѣсъ, сатана проклятый. Вотъ что я вздумалъ сдѣлать. Я притворюсь, братцы, мертвымъ, а вы схороните меня, какъ слѣдуетъ, со всею церемоніею, со всѣми обрядами нашей вѣры, чтобы тѣмъ легче ввести въ обманъ дьявола; онъ же, говорятъ, всегда прежде свѣтлаго ангела является за душой покойника,—такая ужъ, видно, у него жадная и ненасытная натура, какъ у какого-нибудь русскаго пристава... Объ народѣ не безпокойтесь, его обмануть не трудно, онъ всему повѣритъ, лишь только выставьте побольше мяса и кумыса. Могилу сдѣлайте просторнѣе, чтобы мнѣ можно было въ ней стать и размахнуться. Около меня положите топоръ, другого оружія не нужно; а то, пожалуй, чего добраго, бѣсъ побоится его и не придетъ ко мнѣ; извѣстно, что кто лукавъ, тотъ трусъ... Народъ, который будетъ на похоронахъ, вы постарайтесь спровадить отъ могилы впередъ себя, а сами останьтесь на нѣкоторое время. Потомъ всѣ трое — товарищей въ бесѣдѣ у богатыря было трое—разомъ двиньтесь отъ могилы, оставивъ въ ней на случай отверстіе, въ которое бы можно было пролѣзть человѣку, и какъ только сдѣлаете сороковой шагъ, то въ то-жъ мгновеніе скорѣе бѣгите къ могилѣ, и вы увидите тогда, какъ я отдѣлаю того, кто осмѣлится придти за моей душой, ни однимъ злымъ дѣломъ не запятнанной.

— Что, друзья мои! вѣдь славную я штуку выдумалъ, неправда ли? присовокупилъ богатырь, послѣ минутнаго молчанія. Собесѣдники его, слыша такой страшный разсказъ, молчали, не шевелились. Ясно было, что голова богатыря

сильно кружилась отъ кумыса, къ которому онъ часто, во время своей рѣчи, прикладывался. А бѣсу — наше мѣсто свято! — это и на руку: ему не въ первый разъ смущать и губить людей, когда они бываютъ въ блаженномъ состояніи отъ частаго возліянія Бахусу. Скажи все это кто другой, а не богатырь — товарищи его насмѣялись бы надъ нимъ, наплевали бы въ лицо дерзкому хвастуну, но ему, могучему и славному богатырю, котораго они привыкли чтить и боготворить, ему они безусловно вѣрили и повиновались.

Не откладывая въ даль, богатырь тогда же приступилъ къ исполненію задуманнаго имъ плана.

Чрезъ нѣсколько часовъ разносится по кочевкѣ, гдѣ жилъ богатырь, горестная вѣсть: „богатырь умеръ!“ Со всѣхъ сторонъ къ одру мнимаго покойника стекается народъ, родные и друзья его. Начинается горькій плачъ и тяжкое рыданье. Наконецъ, какъ слѣдуетъ, богатыря хоронятъ. Друзья его, которымъ извѣстенъ замыселъ его, поступаютъ точно такъ, какъ онъ имъ приказалъ. Вотъ, по уходѣ народа, они рядомъ идутъ отъ могилы и вѣрно считаютъ шаги свои,—но на сороковомъ шагу, лишь только ноги ихъ коснулись земли, раздается изъ могилы ужасный, дикій крикъ, отъ котораго они вздрагиваютъ и чуть-чуть не падаютъ на землю. Оправившись, они стремглавъ бѣгутъ къ могилѣ и видятъ—о, ужасъ! богатырь лежитъ мертвый, съ искаженнымъ страшными муками лицомъ; топорище отъ топора валяется на полу въ углу, а самый топоръ—о, верхъ удивленія и страха! надѣтъ на обѣ ноги мертвеца.

Пораженные страхомъ и еле-живые, друзья богатыря, засыпавъ на глухо его могилу, приходятъ въ кочевку и передаютъ это страшное событіе народу, а народъ, видя въ немъ кару Бога живаго за насмѣшку и за дерзкое желаніе смертнаго узнать тайны судебъ, предается горькой печали и молится за душу погибшаго богатыря. Могила богатыря—заключаетъ преданіе – погребла въ себѣ, вмѣстѣ съ нимъ, и счастіе всего Башкирскаго народа.

Дослушавъ разсказъ Башкирца и кончивъ ужинъ, я снова

собрался въ путь-дорогу. Алла-разы-бульсинъ (благодарю), сказалъ я хозяину, усаживаясь въ возокъ съ осторожностію, чтобы не выронить изъ рукъ закуренной сигары, но не колобовской на тотъ разъ, а дунаевской; колобовскія, какъ лакомство, я берегу и употребляю въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ теперешнемъ, въ честь того, что, при помощи Божіей, мнѣ посчастливилось довести до половины задуманный мною разсказъ о Башкирцахъ.

На разсвѣтѣ я пріѣхалъ въ Камеликъ, въ резиденцію Башкирскаго разз.... такъ и есть, чуть-чуть вмѣсто „Башкирскаго Отдѣленія“, не написалъ кое-что другое, отчасти недолюбливаемое Башкирцами. Пріѣхалъ, говорю, въ Камеликъ и прямо изъ возка, черезъ сѣни, сдѣланныя изъ снѣжныхъ глыбъ, вошелъ въ хоромы, къ которымъ какъ нельзя кстати приходятся стихи русской пѣсни:

Вы, хоромы ли мои, хоромушки,
Не покрытыя, хоромушки, стоите....

Башкирцы, причисленные къ Уральскому казачьему войску, составляютъ отрывокъ девятаго и другихъ кантоновъ нынѣшняго Башкиро-мещерякскаго казачьяго войска, образовавшагося изъ сліянія Башкирцевъ съ Мещеряками.

Первоначальное поселеніе ихъ на настоящей землѣ, носящей названіе „Башкирское Отдѣленіе“, завелось, съ разрѣшенія и утвержденія Правительства, въ концѣ прошедшаго или въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Такъ по крайней мѣрѣ, говорятъ старожилы, помнящіе времена переселенія; но письменныхъ документовъ нѣтъ, да и быть не можетъ въ Отдѣленіи у такого народа, каковы Башкирцы, боящіеся, какъ чумы, всякой формальной письменности.

Но за много еще лѣтъ прежде приходили сюда Башкирцы изъ Башкиріи для звѣриной ловли. По преданію Башкирцевъ, знакомство ихъ съ этими землями современно построенію г.

Уфы *). Когда построилась Уфа, и когда въ окрестностяхъ ея стали селиться Русскіе и другіе народы, — Башкирцамъ сдѣлалось тѣсно тутъ; лѣса начали рѣдѣть и истребляться, а дикіе звѣри, въ нихъ обитавшіе, удаляться въ глухія, дальнія, необитаемыя мѣста. Башкирцы, платя въ тѣ времена нашему правительству подати или такъ называемый ясакъ, не деньгами, а натурою, т.-е., шкурами лисицъ, куницъ и другихъ пушныхъ звѣрей, не находили уже въ прежнихъ своихъ мѣстахъ обилія дичи, а потому, ища добычи, они ходили за ней за предѣлы своихъ владѣній, и такимъ образомъ постепенно углублялись на юго-западъ, къ вершинамъ рр. Иргиза, Каралыка и Камелика, которыя берутъ свое начало изъ западнаго склона Общаго Сырта, гдѣ въ то время была совершенная глушь, заросшая дремучимъ лѣсомъ — прибѣжищемъ разнаго рода звѣрей.

Посмотрѣть теперь на эти голыя мѣста,—и подумать нельзя, чтобы на нихъ былъ прежде лѣсъ: нигдѣ нѣтъ ни деревца, ни кустика, ни даже пенька, по которому бы можно было заключить о присутствіи когда-то здѣсь лѣса. Но въ старину тутъ дѣйствительно росли дремучія рощи, особенно по берегамъ рѣкъ. Рѣка Камеликъ и названіе свое, говорятъ Башкирцы, получила отъ того, что изъ деревъ, по берегу ея росшихъ, выдалбливались лодки. Лодка же по-башкирски называется „кэмэ“ или „камэ“.

Нынѣче по землямъ Башкирцевъ водятся одни только зайцы, да кое-гдѣ рыскаютъ волки; но въ былое время на этихъ земляхъ водились медвѣди и огромныя стаи всякаго рода пушныхъ звѣрей, въ томъ числѣ и бобры. Одна изъ башкирскихъ деревень до сихъ поръ удержала за собой названіе „Бобровъ-гай“. Нельзя не позавидовать приволью, которымъ пользовались прежде тутъ жившіе.

Охотясь за звѣрями, Башкирцы проводили большую часть года въ этой странѣ, никѣмъ тогда ненаселенной и пред-

*) По сказанію Рычкова въ „Топогр. Оренб. края“ — Уфа построена царемъ Ив. В. Грознымъ, вскорѣ послѣ взятія Казани, именно въ 1573 г

ставлявшей всѣ выгоды кочевой и свободной жизни, ибо тутъ были и рѣки, и озера, и лѣса; и дичь, и пажити съ тучной травой, — словомъ, все, что составляетъ главный и любимый предметъ въ жизни человѣка, особенно бродячаго и лѣниваго.

Башкирцамъ-звѣроловамъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скотоводамъ, разумѣется, такія мѣста полюбились. Сначала они разгуливали тутъ одни, а потомъ, мало-по-малу, стали забирать туда къ себѣ лишнихъ, а наконецъ и остальныхъ женъ своихъ. Вскорѣ изъ семействъ охотниковъ образовались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшіе зимовья или хутора. Еще теперь, на берегу Иргиза, въ четырехъ верстахъ ниже Иргизскаго умета, есть урочище, извѣстное подъ именемъ „Улустанъ“, что значитъ по-башкирски главный станъ, притонъ.

Слыша о такомъ привольномъ краѣ, который, сверхъ того, имѣлъ для Башкирцевъ еще ту выгоду, что былъ удаленъ отъ центра дѣйствія русскихъ властей и тѣмъ доставлялъ Башкирцамъ совершенную свободу своевольничать безнаказанно, — слыша о такой, можно сказать, обѣтованной землѣ— Башкирцы изъ Башкиріи стали, одинъ за однимъ, семья за семьей, перебираться сюда же.

По мѣрѣ скопленія Башкирцевъ въ вершинахъ рр. Иргиза, Каралыка и Камелика, лѣса и тутъ стали истребляться, а звѣри переводиться. Тогда нѣкоторые изъ Башкирцевъ подались южнѣе, по теченію р. Камелика, а потомъ еще южнѣе, къ рр. Чижамъ. Такимъ образомъ, подаваясь постепенно все на югъ, Башкирцы разселились, сами того не замѣчая, до самыхъ почти Камышъ-Самарскихъ озеръ, захвативъ въ свое владѣніе пространство больше, чѣмъ на 400 верстъ въ длину. Сначала они дѣлали это безсознательно, по привычкѣ къ бродячей жизни. Но потомъ, видя, что, по распоряженію правительства, отъ луговаго берега Волги въ степь стали заводиться русскія селенія, они тотчасъ догадались, что рано-ли, поздно-ли, селенія эти стѣснятъ ихъ впослѣдствіи; а потому, слѣдуя примѣру Русскихъ, они и сами начали строить деревни и въ нихъ мечети, въ той увѣренности, что изъ осѣд-

лыхъ мѣстъ выгнать ихъ будетъ трудно, и что земли, такимъ образомъ, незамѣтно останутся и укрѣпятся за ними.

Смѣтливость и предусмотрительность въ этомъ случаѣ, замѣтить кстати, дошла у Башкирцевъ до того, что, пользуясь простотой и безпечностью сосѣдей своихъ, они вторглись, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ земли Уральскихъ казаковъ, около Камышъ-Самарскихъ озеръ, гдѣ текутъ рѣки Большой и Малый Узени, принадлежащія Уральцамъ. Здѣсь Башкирцы построили-было уже землянки и сколотили изъ досокъ мечеть. Остались бы они тутъ навсегда, если-бы атаманъ Уральскихъ казаковъ, Д. М. Бородинъ, не понялъ намѣренія ихъ. Этотъ атаманъ, заботясь о пользѣ казаковъ, велѣлъ сказать Башкирцамъ, чтобы они убирались во-свояси; но когда они не послушались, онъ прогналъ ихъ вооруженной силой.

Какъ Уралецъ, я не могу здѣсь удержать моего порыва, чтобы не сказать:—Да вѣчно живетъ память о тебѣ, мудрый и благородный атаманъ, въ сердцахъ народа!

Опираясь на нѣкоторыя грамоты Царей, Башкирцы начали земли эти присвоивать себѣ, называя ихъ землями вотчинными. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ съ крестьянами Саратовской губерніи, Башкирцы основались на теперешнихъ мѣстахъ, войдя впослѣдствіи въ составъ девятаго Башкирскаго кантона, и оставались въ немъ до 1832 года. Въ этомъ году они отошли отъ Башкиро-мещерякскаго казачьяго войска и причислены къ Уральскому.

Называясь нынѣ казаками Уральскаго войска, Башкирскаго Отдѣленія, Башкирцы не пользуются однакожъ правами природныхъ Уральцевъ и за то не несутъ тѣхъ обязанностей службы, какія лежатъ на Уральцахъ.

Принадлежа къ военному званію, Башкирцы, какъ и казаки, податей не платятъ, а отправляютъ службу своей личностью. Но служба ихъ такъ легка, такъ немногосложна, такъ, можно сказать, дешева, что каждый Башкирецъ живетъ, какъ говорится, скиня рукава. Всегдашняя и единственная ихъ служба — нарядъ въ г. Уральскъ для город-

скихъ работъ и для усиленія иногда городскихъ (полицейскихъ) казаковъ. Въ нарядъ этотъ, продолжающійся отъ мая до октября мѣсяца, Башкирцы ходятъ по очереди, отъ 75 до 100 человѣкъ со всего Отдѣленія, и потому въ четыре или пять лѣтъ Башкирцу только разъ доведется оставить домъ и сходить или, по выраженію самихъ Башкирцевъ, с г у л я т ь на службу. Но служба эта нисколько его не обременяетъ ни трудами, ни издержками на сборы. Кромѣ лошади, которую Башкирецъ всегда имѣетъ, и кое-какой телѣженки съ веревочной и мочальной упряжью, отъ него ничего не требуется. Притомъ еще ему дозволяется нанять въ этотъ нарядъ вмѣсто себя другого, ежели самому препятствуетъ хозяйство или мѣшаетъ лѣнь. Во всякомъ случаѣ, нарядъ этотъ Башкирца нисколько не тяготитъ.

Въ окрестностяхъ Уральска отводятъ Башкирцамъ, гдѣнибудь около р. Чагана, лугъ и на немъ они располагаются лагеремъ.—Днемъ они разъѣзжаютъ въ телѣжкахъ, возятъ съ Валькова острова песокъ и камешки, всегда, замѣтить надо, не больше двухъ, трехъ лопатъ въ возѣ,—устилаютъ ими улицы, разчищаютъ канавы, копаются и роются, какъ кроты, въ войсковомъ саду, и т. п. Это ихъ единственное занятіе, которое они однакожъ весьма недолюбливаютъ изъ какого-то самолюбія. Названіе „у р а л ь с к і й р а б о т н и к ъ“ Башкирецъ считаетъ за самую невыносимую обиду, и потому казачьимъ мальчишкамъ не рѣдко достается отъ нихъ, за это выраженіе, или лопатка по боку, или горсть песку по лицу. Вечеромъ, кончивъ работы, Башкирцы собираются въ своемъ лагерѣ, и тутъ-то начинается у нихъ пиръ горой, въ полномъ разгарѣ кочевой жизни. Выпустивъ коней на лугъ, они разводятъ огни, варятъ м а х а н и н у (мясо) или салму, ужинаютъ, пьютъ айрянъ, иногда и водку тянутъ, разсказываютъ сказки, поютъ пѣсни, играютъ на чебызгахъ, гармоніяхъ, и такимъ образомъ проводятъ время какъ будто дома, въ своихъ кочевкахъ. Не служба, а гулянка. Одно лишеніе, которое они тутъ терпятъ, это—нѣтъ кумыса, да нѣтъ съ ними женъ...

Но куда не шли шесть мѣсяцевъ Зато послѣ Башкирецъ живетъ три или четыре года дома, какъ ему хочется.

Кромѣ наряда въ Уральскъ, Башкирцы содержатъ въ трехъ или въ четырехъ пунктахъ въ своемъ Отдѣленіи пикеты, гдѣ круглый годъ отъ пяти до десяти человѣкъ живутъ и отправляютъ подводную и почтовую гоньбу, и — больше ничего!

Луговъ и пахатной земли въ отдѣленіи весьма много. Но Башкирецъ, лѣнтяй отъявленный, не умѣетъ или не хочетъ ими пользоваться. Накосить два-три стога сѣна для двухъ-трехъ лошадей и коровъ, которыя всегда у него подъ рукою и которыя всегдашнія его кормилицы—да и будетъ. Остальной скотъ его, ежели онъ есть у него, обреченъ круглый годъ ходить въ полѣ и зимою добывать себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Случалось, что во время суровыхъ и снѣжныхъ зимъ весь скотъ у Башкирца вымиралъ. Но Башкирецъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не научился благодѣтельному и простому правилу сберегать скотъ свой, обезпечивая существованіе его запасомъ сѣна. Но какъ онъ это можетъ, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать, когда для этого потребенъ усиленный трудъ, а вѣдь Башкирецъ, извѣстно, наслѣдовалъ отъ отцовъ своихъ только лѣнь и праздность.

Засѣетъ одну-двѣ десятины пшеницей или просомъ — да и баста. И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ. Башкирцу заниматься земледѣліемъ и трудиться до по́та лица, когда и этотъ клочекъ земли, воздѣланный даже не руками, а локтями, даетъ ему хлѣба и пшена столько, сколько потребно на салму и на кашу. Было бы молоко, былъ бы кумысъ, была бы маханина—такъ и довольно, а эти предметы всегда будутъ у Башкирца: молоко дастъ ему корова, кумысъ—кобыла, а маханину онъ всегда добудетъ, стоитъ только украсть у сосѣда лошадку, а на это башкирецъ, какъ увидимъ ниже, великій мастеръ.

Изъ выше сказаннаго можно заключить, что остальные луга и земли пропадаютъ. Нѣтъ, они не пропадаютъ, а приносятъ огромную пользу, только не Башкирцамъ, а чужимъ

русскимъ крестьянамъ. Многіе изъ этихъ послѣднихъ, разбогатѣвъ на башкирскихъ земляхъ, вышли изъ крестьянскаго быта и сдѣлались купцами, а сами Башкирцы, эти жалкіе хозяева богатыхъ угодій—бѣдняки бѣдняками.

Въ прежнее время всѣ лишнія земли — а ихъ много, очень много было—Башкирцы отдавали въ оброчное содержаніе крестьянамъ, и отдавали самымъ глупымъ образомъ, за безцѣнокъ, безъ всякой для себя пользы, за мимолетное удовлетвореніе прихоти и роскоши. Такъ напримѣръ, общество одной какой-нибудь деревни, уговорясь съ крестьяниномъ, отдавало ему, подъ пьяную руку, въ окрестностяхъ деревни, большое пространство самой хлѣбородной земли за какихъ-нибудь 50 р. ассиг. въ годъ, или даже и еще дешевле, и деньги эти или пропивало на чаю, или прогуливало на праздникѣ. Крестьянинъ же, получивъ за столь ничтожную плату богатый и обширный участокъ, пользовался имъ, какъ своею собственностію, какъ хотѣлъ. Онъ и самъ распахивалъ землю, косилъ сѣно, разводилъ скотъ и продавалъ другимъ крестьянамъ частички изъ этого участка, разумѣется, за бо́льшую, чѣмъ самъ покупалъ, цѣну. Такимъ образомъ изъ чужого добра извлекалъ добро себѣ.

Такая манера безполезной и вредной отдачи въ оброчное содержаніе земель продолжалась у башкирцевъ до 1841 года, т.-е. до того времени, когда управляющимъ въ Отдѣленіе поступилъ войсковой старшина Е. М. Матвѣевъ. Онъ пресѣкъ это зло. Съ разрѣшенія начальства, онъ установилъ правильную, законную отдачу башкирскихъ земель въ оброчное содержаніе и тѣмъ самымъ посѣялъ первое зерно общественнаго башкирскаго капитала, — зерно, которое возросло и принесло обильный плодъ. Въ десять лѣтъ, изъ пошлинъ, собираемыхъ съ крестьянъ за отводимыя имъ въ оброкъ земли, скопилось у башкирцевъ до 40 тысячъ руб. серебромъ, — капиталъ, хоть куда.

Польза видимая, но, къ сожалѣнію, не всѣ Башкирцы сознаютъ ее: большая часть изъ нихъ ни во что ее не цѣнитъ.— „На что намъ, говорятъ Башкирцы, деньги, которыя не у

насъ въ рукахъ, лежатъ гдѣ-то въ Москвѣ или въ Петербургѣ?“ — Сколько разъ случалось мнѣ спорить съ Башкирцами и доказывать имъ, разумѣется понапрасну, что въ скопленіи и сбереженіи общественнаго капитала заключается огромная, неизчислимая польза цѣлаго народа. Я говаривалъ имъ, что рано ли, поздно ли, заведутъ въ Отдѣленіи училища, въ которыхъ даромъ станутъ обучать ихъ дѣтей и приготовлять изъ нихъ ученыхъ муллъ и дѣловыхъ чиновниковъ; что въ случаѣ народныхъ бѣдствій, каковы: пожары, повсемѣстные неурожаи, повальныя скотскія болѣзни и т. п.— ихъ будутъ снабжать изъ капитала деньгами и тѣмъ избавлять отъ несчастій; что въ случаѣ переселенія ихъ изъ настоящихъ мѣстъ въ другія (о чемъ уже въ послѣднее время было дѣлано предположеніе, но почему-то не приведено въ исполненіе)—капиталъ этотъ имъ пригодится, какъ нельзя лучше, на переѣзды и на новое обзаведеніе хозяйствомъ. Но что ни говори Башкирцу, онъ, по грубости и необразованности, остается при своемъ нелѣпомъ мнѣніи; Башкирецъ какъ есть азіятецъ, тѣломъ и душой, образомъ жизни и нравомъ, такъ азіятцемъ надолго и останется. Чтобы вышелъ изъ него вполнѣ полезный гражданинъ и до самопожертвованія преданный воинъ, каковы всѣ русскіе воины—долго ждать этого доведется.

Хотя одинъ изъ извѣстныхъ литераторовъ, г. Небольсинъ, въ „Замѣткахъ о Башкуртахъ“, напечатанныхъ въ 11 № От. Зап. 1850 г., и хвалитъ Башкирцевъ видѣнныхъ имъ во время своего путешествія, говоря что они (кочевые Башкирцы) во всѣхъ отношеніяхъ въ Оренбургскомъ краѣ занимаютъ первое, послѣ Уральскихъ казаковъ, мѣсто. Но не смотря на то, что самъ я уралецъ — а уральцамъ, какъ видно, если не ошибаюсь, г. Небольсинъ уступаетъ первое мѣсто между народами Оренбургскаго края — я не могу безусловно согласиться съ похвалой, приписываемой Башкирцамъ, какимъ бы то не было, кочевымъ или осѣдлымъ, все равно. Башкирцы одни и тѣ же, я много видалъ ихъ и къ нимъ присмотрѣлся,—не могу согласиться съ этой похвалой потому,

что знаю, что въ Оренбургскомъ краѣ живутъ люди во стократъ лучше Башкирцевъ и образованностію, и нравственностію, и частною и общественною жизнію, и благоустройствомъ своего войска. Я говорю объ Оренбургскихъ казакахъ. — Правда, что недавно переименованные изъ поселянъ въ казаки оренбургцы—плохіе наѣздники, плохіе воины, но зато природные или такъ называемые коренные казаки, происшедшіе отъ древнихъ Волжскихъ, слѣд. Донскихъ казаковъ, — какъ-то: разсыпнинскіе, нижнеозернскіе и другіе, населяющіе правый берегъ Урала, между Орской кр. и Илекскимъ-городкомъ, отцы и дѣды которыхъ вели безпрестанные боевые споры съ Киргизами, — эти казаки, говорю, не только могутъ стать на ряду съ Башкирцами, но далеко превзойдутъ ихъ и молодечествомъ, и храбростью, уже на дѣлѣ, въ бояхъ за Государя и Отечество доказанною.

Но не въ этомъ дѣло. Обратимся къ Башкирцамъ и посмотримъ, что они за люди такіе.

По образу жизни, по роду службы, по обилію плодородной земли и обширныхъ луговъ, по удобству водить, безданно-безпошлинно, огромные табуны лошадей и стада разнаго скота — Башкирецъ, если онъ честный и трудолюбивый человѣкъ, можетъ жить не только безбѣдно, но даже и богато въ сравненіи съ другимъ низшимъ классомъ русскаго народонаселенія. Если мы видимъ Башкирца — я говорю о Башкирцѣ Уральскаго Отдѣленія — въ бѣдности, то причиной этому самъ Башкирецъ, предпочитающій труду и всякому честному занятію постыдную лѣнь и еще постыднѣйшее воровство, особенно конокрадство.

Вотъ портретъ Башкирца, списанный съ натуры, послѣ долгаго и тщательнаго наблюденія.

Лѣнь, праздность и отвращеніе къ труду и занятіямъ — вотъ отличительныя свойства башкирца: оттого онъ отъявленный воръ, конокрадъ. Хитрость, находчивость, уклончивость, изворотливость — вотъ геніальныя способности Башкирца, проявляющіяся въ немъ во всемъ блескѣ совершенства, когда подпадетъ онъ подъ какое-нибудь не только простое, но

даже уголовное дѣло, хотя бы тутъ были всѣ улики на лицо. Съ виду Башкирецъ кажется тихимъ, скромнымъ, вялымъ, безтолковымъ, просто какимъ-то безсознательнымъ существомъ, но въ душѣ онъ хитрѣйшій и смышленѣйшій человѣкъ, какихъ мало на бѣломъ свѣтѣ. -- Никто лучше Башкирца не украдетъ лошади, никто лучше его не схоронитъ слѣды преступленія, никто, вдобавокъ, ловчѣе и хитрѣе его не вывернется изъ бѣды, не выйдетъ, такъ сказать, сухъ изъ воды, — словомъ, никто отчетливѣе Башкирца не обработаетъ воровскаго дѣла, такъ, чтобы нельзя было ни съ которой стороны подпустить иглы подъ него. Сами Башкирцы говорятъ съ какою-то національною гордостью: „какъ съ гуся вода — такъ съ Башкирца бѣда".

Служа въ Башкирскомъ Отдѣленіи, я могъ въ этомъ убѣдиться. Спрашивая, бывало, Башкирца, изобличающагося въ воровствѣ, кромѣ слѣдующихъ трехъ словъ: бильмайманъ, курмадымъ, ишитьмадымъ", т.-е. не знаю, не видалъ, не слыхалъ, ничего другого отъ него не добьешься. Отъ того изъ ста слѣдственныхъ дѣлъ, произведенныхъ надъ Башкирцами, по одному или много что по двумъ совершенно изобличаются преступники, но, замѣтьте, изобличатся только, а не сознаются: собственнаго сознанія въ преступленіи у Башкирца обухомъ не вышибешь. — Рѣдко, рѣдко какъ-нибудь, совершенно спутавшись обстоятельствами и своими словами, Башкирецъ скажетъ „виноватъ"; но скажетъ тогда только, когда вина небольшая и когда знаетъ, что наказаніе за то послѣдуетъ не жестокое,—но скажетъ это только на первыхъ порахъ, когда не успѣетъ хорошенько обдумать плана обороны. Башкирцу не нужно защитника: онъ самъ перещеголяетъ сотню западныхъ адвокатовъ. Сто разъ Башкирецъ откажется отъ своихъ словъ,—сто разъ измѣнитъ свое показаніе, и все такъ ловко, что нельзя ни къ чему придраться. Сказавъ слѣдователю одно, въ судѣ онъ скажетъ другое, совсѣмъ противное Ему возразятъ, что тамъ-то, тогда-то, онъ говорилъ вотъ то-то.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Башкирецъ,—я этого вовсе не говорилъ, да и не думалъ.

— Какъ не говорилъ? Да слова твои вотъ тотъ-то, тотъ-то, слышали.

— Не знаю, бачка! можетъ быть и правда, что я это говорилъ; но я не помню; я былъ тогда нездоровъ: голова болѣла, умъ мой мѣшался, память кончался,—совсѣмъ ничего не знаю.

И въ доказательство справедливости словъ своихъ, плутъ скажетъ, что у него тогда же, послѣ допроса, текла изъ носа кровь, и что это видѣли тотъ-то, тотъ-то.

Наводятъ, говоря слогомъ канцелярскимъ, справку, и тотъ-то, тотъ-то подтверждаютъ слова плута, которому вовсе ничего не стоило нарочно расковырять тогда до-крови носъ.

Мало этого: онъ иногда и въ судѣ, когда придется ему, какъ говорятъ, жутко и когда самъ спутается въ отвѣтахъ, притворяется больнымъ, помѣшаннымъ и не отвѣчаетъ на вопросы или городитъ околесную ни къ селу, ни къ городу. По-неволѣ останавливаются судьи допросомъ, чего только плутъ и добивается: онъ, между тѣмъ, по привычкѣ ордынца и по праву мусульманина, отойдетъ въ уголъ, опустится на полъ, соберется съ духомъ, сообразится съ обстоятельствами, и — дѣло пойдетъ, какъ по маслу.

Кромѣ того, зная отлично хорошо говорить по-русски, Башкирецъ, при слѣдствіи и въ судѣ, никогда не употребляетъ этого языка, а требуетъ переводчика. И это служитъ ему уловкой, чтобы впослѣдствіи свалить вину на переводчика, что „онъ, дескать, не такъ перевелъ мои слова“.

Свидѣтелей Башкирцевъ лучше и не спрашивай: все равно, хоть бы ихъ и не было. Ежели нужно Башкирцу свидѣтельствовать за Башкирца же, противъ Русскаго—онъ все знаетъ, все видѣлъ, о всемъ слышалъ, хотя въ дѣйствительности ничего не знаетъ, ничего не видалъ и ни о чемъ не слыхалъ. Но лишь только коснись дѣла, гдѣ онъ долженъ свидѣтельствовать за Русскаго противъ Башкирца,—то ничѣмъ не выпытаешь изъ него правды: не знаю, не видалъ, не слыхалъ—

вотъ отвѣтъ его, хотя, на самомъ дѣлѣ, ежели не все, то, по крайней мѣрѣ, немного, да что-нибудь, ему извѣстно. — Въ дѣлахъ же между самими Башкирцами свидѣтели переходятъ на ту или на другую сторону, смотря по тому, кто изъ тяжущихся больше дастъ, или кто изъ нихъ въ какихъ отношеніяхъ съ свидѣтелемъ. Сто разъ готовъ Башкирецъ присягнуть для друга, для пріятеля къ его оправданію, а для недруга къ его обвиненію, вовсе не думая о томъ, что лжесвидѣтельство есть смертный грѣхъ. Объ этомъ, впрочемъ, Башкирецъ и понятія не имѣетъ, ибо правила религіи ему почти вовсе неизвѣстны, темны, темнѣе осенней ночи. Муллы, изъ среды самихъ Башкирцевъ, большею частію люди малограмотные, въ грубости и невѣжествѣ не уступающіе своимъ прихожанамъ. Такіе люди, само собой разумѣется, не только не въ состояніи удержать Башкирцевъ отъ преступныхъ дѣйствій, но даже не могутъ разъяснить имъ, что̀ добро и что́ зло. Одного только встрѣтилъ я муллу въ дер. Байгундиной, похожаго на муллу, т.-е. на человѣка, вполнѣ понимающаго свое дѣло, назначеніе и свои обязанности къ прихожанамъ, но этотъ мулла—почтеннѣйшій Явкаичъ—одинъ...

Говорятъ, что лишь бы успѣть поймать конецъ нитки—до клубка добраться не трудно. Правда, но только не между Башкирцами. Это—такой народъ, какого еще свѣтъ не видывалъ: не только не успѣешь счастливо дойти по ниткѣ до клубка, но того и гляди самъ запутаешься, упадешь и не узришь свѣта Божьяго. Сколько было примѣровъ, что офицеры, начальники Башкирцевъ, стремясь по совѣсти къ открытію виновныхъ въ какомъ-либо преступленіи и не поддаваясь искушенію взяточничества, бывали безстыднымъ образомъ сами оклеветываемы Башкирцами въ такихъ небывалыхъ преступленіяхъ, которыя честному офицеру и во снѣ не снились. Вслѣдствіе этого дѣла принимали совсѣмъ другой оборотъ: изъ преступника-Башкирца дѣлался истецъ, а изъ офицера-слѣдователя—отвѣтчикъ!

Окруженные отвсюду Русскими, управляемые начальни-

ками изъ Русскихъ же, которые преслѣдуютъ воровство, — Башкирцы до такой степени ненавидятъ всѣхъ вообще Русскихъ, что украсть что-нибудь у Русскаго они считаютъ не только удальствомъ, молодечествомъ, но даже дѣломъ законнымъ, святымъ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что не всѣ Башкирцы, сплошь и рядомъ, воры и плуты. Есть между ними люди честные, хорошіе домохозяева, непричастные воровству, особенно нѣкоторые изъ потомковъ почетныхъ старинныхъ родовъ (Акировы, Токтаровы). Но эти благонамѣренные люди не въ состояніи ни удержать земляковъ своихъ отъ конокрадства, ни выдавать ихъ въ руки правосудія, боясь неизбѣжной и неотразимой мести. Ежели подпадетъ Башкирецъ подъ слѣдствіе за воровство, и ежели къ обвиненію его будетъ способствовать честный человѣкъ, то этому честному человѣку не взвидѣть ни лошади, ни коровы, ни овцы: его кругомъ обворуютъ товарищи вора, пока тотъ судится, а освободясь отъ суда и слѣдствія, этотъ негодяй во всю жизнь преслѣдуетъ то семейство, изъ котораго хотя бы одинъ человѣкъ когда-нибудь сказалъ про него правду. Однимъ словомъ, честный Башкирецъ, чуждый воровства и не потакающій ворамъ, въ глазахъ послѣднихъ не лучше Русскаго, — а потому и терпитъ отъ своихъ собратовъ одинаковую съ Русскимъ участь. При такихъ обстоятельствахъ, по-неволѣ честный Башкирецъ или присоединится къ ворамъ, или замолчитъ, какъ мертвый.

Разсказываютъ и печатно, и изустно, что Черкесы пріучаютъ дѣтей своихъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, ловко управлять конемъ и искусно дѣйствовать оружіемъ. Наука, что и говорить, полезная и благородная. Подобно Черкесамъ, и Башкирцы дѣтей своихъ не оставляютъ безъ воспитанія и образованія. Они такъ же, какъ и храбрые Черкесы, птенцовъ своихъ, лишь только эти выйдутъ изъ пеленокъ, пріучаютъ и совершенствуютъ, но, замѣтьте, не бранному искусству, а постыдному и унизительному ремеслу — воровству! Трудно

повѣрить тому, что я сказалъ, а между тѣмъ, это—сущая правда. Вотъ какъ это дѣлается.

Башкирецъ, имѣя въ семьѣ своей двоихъ, троихъ мальчиковъ, раздаетъ имъ по яблоку или по прянику и тому подобному лакомству. Раздавши, онъ воспрещаетъ дѣтямъ съѣдать эти лакомства въ теченіе дня, а приказываетъ сберечь ихъ до вечера; тогда уже онъ разрѣшаетъ имъ употреблять эти гостинцы по желанію каждаго. Дѣти повинуются отцу, а онъ, между тѣмъ, одному изъ нихъ, тайно отъ другихъ, даетъ съ приличнымъ наставленіемъ приказаніе—украсть гостинецъ у одного изъ братьевъ или у обоихъ, ежели будетъ возможно. Башкирята проводятъ день въ играхъ, а вечеромъ являются къ отцу. Тотъ требуетъ, чтобы они показали ему свои гостинцы. Двое подаютъ ему свои, а у третьяго не оказывается. Послѣдній плачетъ, бѣдняжка, и жалуется, что яблоко его укралъ у него вотъ онъ-то, указывая на одного изъ братьевъ. Отецъ, принимая строгій видъ, допрашиваетъ воришку, а воришка твердитъ себѣ прежде заученныя слова: „не знаю, не видалъ, не слыхалъ“, да и только.

Обокраденный не можетъ уличить обокравшаго. Тогда отецъ рѣшаетъ споръ. Онъ говоритъ обиженному:

— Ты дуракъ, простофиля! ты просто-на-просто карачекмень! (русскій мужикъ). Ты не уберегъ своего добра, такъ и не пеняй ни на кого, оставайся безъ гостинца. А ты, обращаясь къ воришкѣ — молодецъ! славно смастерилъ свое дѣло; и впередъ, душечка, старайся обрабатывать свои дѣлишки такъ чисто, такъ гладко, чтобы нельзя было и иглы подъ нихъ подпустить; за то и яблоко, которое ты укралъ—твое; пользуйся имъ, какъ законной добычей. Люблю тебя за это, милое дитя мое,—говоритъ въ заключеніе отецъ и треплетъ отъ удовольствія по щекѣ свое чадо, такъ удачно совершившее воровство.

Но ежели случится, что обокраденный Башкиренокъ сошлется на третьяго брата, что онъ, дескать, видѣлъ, какъ воришка спроворилъ у него яблоко, и ежели этотъ третій подтвердитъ слова обиженнаго, тогда споръ оканчивается дру-

гимъ образомъ. Отецъ-судья отбираетъ отъ свидѣтеля яблоко и отдаетъ его тому, у кого яблоко пропало, а свидѣтелю грозно говоритъ:

— Ты, должно быть, не мой сынъ, ты, должно быть, кафиръ, что лѣзешь въ свидѣтели! Сколько разъ я твердилъ тебѣ и всѣмъ вамъ, чтобы вы помнили слова: „не знаю, не видалъ, не слыхалъ", и никогда въ свидѣтели не ходили, особенно другъ противъ друга. Но ты, негодный мальчишка, не берешь себѣ въ голову мудраго совѣта, чему и меня, когда я былъ маленькимъ, учили, да еще, если не понималъ, били. Такъ вотъ тебѣ урокъ, сиди теперь, болванъ, безъ яблока, гляди, да и облизывайся, какъ братья твои станутъ ѣсть. Слушай! — заключаетъ отецъ свое нравоучительное наставленіе: — ежели еще когда-нибудь пойдешь въ свидѣтели, не только противъ брата, но даже и противъ другого мусульманина, буде онъ не въ ладахъ съ тобой, тогда не гнѣвайся, всѣ уши выдеру тебѣ, а о яблокахъ и не думай. Но противъ христіанина, — прибавляетъ отецъ, — это другое дѣло... какъ можно оправдывай своего и тѣмъ закупай себѣ пріятелей, чтобы и они впослѣдствіи оправдывали тебя... это дѣло хорошее.

Можно представить себѣ, какой выйдетъ Башкирецъ, возрощенный въ такихъ правилахъ. Онъ всегда видитъ, слышитъ безчисленные и разнообразные примѣры воровства: съ дѣтства пріучается къ воровству, въ лѣтахъ юношескаго возраста практикуется, а въ дни возмужалости, такъ сказать, укрѣпляется и закаляется въ немъ, изучивъ всѣ хитрыя уловки избавляться бѣды, наказанія. Впрочемъ, наказаніе розгами или прогнаніе сквозь строй, для Башкирца ничего не значитъ. Это, по словамъ самихъ Башкирцевъ, не иное что, какъ горячая лапша, которая отъ непривычки только сначала жжется, а потомъ дѣлается трынъ-травой. Одно, чего Башкирцы, какъ смерти, боятся, это — солдатство, да арестантскія роты. Но этому они весьма рѣдко подвергаются или почти никогда не подвергаются. При допросахъ, какъ уже сказано, Башкирцы до высочайшей степени находчивы и

увертливы; притомъ еще, состоя между собою въ тѣсной связи, конокрады помогаютъ другъ другу, скрываютъ одинъ другого, и дѣло выходитъ чисто.

Судъ, руководствуясь буквально закономъ, не можетъ обвинить Башкирца безъ точныхъ доказательствъ, а Башкирецъ, при помощи своихъ сообщниковъ или своихъ однодеревенцевъ, такихъ же, какъ самъ онъ, плутовъ, скорѣе околѣетъ, чѣмъ дастъ собрать противъ себя ясныя и законныя улики. Рѣшеніе суда, сколько мнѣ случалось видѣть, обыкновенно бываетъ такого содержанія; „Башкирца N N, по неуликѣ въ преступленіи, учинить отъ дѣла свободнымъ, а претендателю А А, по недоказательству, въ искѣ отказать".

Или: „Башкирецъ N. N. влечетъ на себя подозрѣніе въ такомъ-то преступленіи, а потому судъ полагаетъ — оставить его (Башкирца) въ подозрѣніи и отдать подъ надзоръ ближайшаго начальства (а ближайшее начальство — Башкирцы же!), — истцу же отказать (все-таки отказать!).

Или же наконецъ (что, впрочемъ, бываетъ рѣдко), въ рѣшеніи суда можно видѣть слѣдующее: Башкирецъ N N, потому-то, потому-то, да еще по дурному поведенію, влечетъ на себя сильное подозрѣніе въ кражѣ лошади у того-то; а потому судъ полагаетъ — наказать подсудимаго Башкирца розгами или прогнать сквозь строй, и оставить въ сильномъ подозрѣніи,—а претендателю отказать (все-таки отказать!)".

Судъ правъ, потому что руководствуется закономъ. Статья же закона, которая говоритъ, что „легче простить десятерыхъ виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго", очень хорошо извѣстна Башкирцамъ. Подъ покровительствомъ этой, основанной на человѣколюбіи статьи закона, они продолжаютъ воровать и воровать, оставаясь или вовсе ненаказанными, или наказанными, но легко, что для Башкирца рѣшительно ничего не значитъ, потому что самолюбіе его тутъ нисколько не страдаетъ, а натура его крѣпка, какъ желѣзо. Солдатство, — вотъ язва для Башкирца, какъ я уже сказалъ. Если десять конокрадовъ подвергнутся этой участи, то, безъ сомнѣнія, сто Башкирцевъ, изъ страха, оставятъ преступное ремесло и

обратятся къ честнымъ занятіямъ. Тогда бы свободнѣе вздохнули мирные и честные поселяне, живущіе по сосѣдству съ Башкирцами.

Говоря о Башкирцахъ—конокрадахъ, нельзя не сказать нѣсколько словъ и о живущихъ по сосѣдству съ ними русскихъ крестьянахъ и Киргизахъ Внутренней или Букеевской орды. Между этими народами, особенно послѣдними, то-есть Киргизами, есть такіе артисты, которые не уступаютъ въ конокрадствѣ и Башкирцамъ. Безъ содѣйствія сосѣдей, Башкирцы, пожалуй, не могли бы такъ часто и такъ успѣшно воровать лошадей.

Въ Ново-Узенскомъ, Николаевскомъ, Бузулукскомъ уѣздахъ Самарской губерніи, особенно въ первыхъ двухъ, много поселено на казенныхъ участкахъ хуторовъ, гдѣ русскіе мужики, преимущественно изъ секты молоканской, живя вдали отъ начальства и имѣя частыя сношенія съ Башкирцами, невольно, такъ сказать, увлекаются страстію къ конокрадству и сильно помогаютъ Башкирцамъ въ этомъ преступномъ ремеслѣ, пользуясь, разумѣется, частію изъ воровской добычи.

О Киргизахъ и говорить нечего: это—тѣ же Башкирцы. Разница между ними только та, что Башкирцы обворовываютъ сосѣдственныхъ крестьянъ, иногда и своихъ земляковъ, а Киргизы—Уральскихъ казаковъ, живущихъ по линіи отъ Уральска къ Гурьеву-городку. Киргизъ, надо замѣтить, сговорчивѣе, уступчивѣе Башкирца. Ежели есть хотя малѣйшая улика противу вора-Киргиза, онъ тотчасъ старается прекратить дѣло и удовлетворяетъ вполнѣ истца за все украденное. По несостоятельности вора-Киргиза, цѣлый аулъ, цѣлый родъ платитъ за него. Между Башкирцами же этого не водится.

У всѣхъ конокрадовъ (Башкирцевъ, Киргизовъ и крестьянъ) существуетъ слѣдующій порядокъ или, можно сказать, своего рода законъ. Киргизъ, укравши на линіи у казака лошадь, передаетъ ее сообщнику своему, Башкирцу, а тотъ отводитъ въ какой-нибудь русскій городъ или селеніе на ярмарку и тамъ сбываетъ. Въ свою очередь Башкирецъ, обворовавъ рус-

скихъ крестьянъ, иногда при содѣйствіи пріятелей своихъ изъ среды послѣднихъ, то есть крестьянъ, спроваживаетъ краденыхъ лошадей или въ киргизскую орду, гдѣ онѣ большею частью расходятся по котламъ, съѣдаются, или перепродаетъ изъ одного уѣзда въ другой. Такимъ образомъ слѣды преступленія скрываются, и воры остаются безъ наказанія.

Извѣстно, что для пресѣченія конокрадства, назначены по уѣздамъ особые коммиссары. Но Николаевскій и Новоузенскій уѣзды, также земли башкирцевъ и киргизовъ, весьма обширны, можно сказать, пустынны; селенія разбросаны одно отъ другаго на многіе десятки, даже сотни верстъ; въ землѣ кочующихъ киргизовъ осѣдлыхъ мѣстъ вовсе не существуетъ, — прямаго почтоваго сообщенія нѣтъ, а чрезъ башкирскія и киргизскія владѣнія почта совсѣмъ не ходитъ, — все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ непреодолимую преграду къ быстрому и спѣшному дѣйствію коммиссаровъ и отнимаетъ у нихъ всякую возможность къ скорому производству дѣлъ. За однѣми справками проходятъ цѣлые года, а этимъ временемъ, смотришь, или кто изъ претендателей, или изъ отвѣтчиковъ, или же изъ свидѣтелей умираетъ, и—дѣлу конецъ. Нѣкоторыя дѣла—я опытомъ убѣдился — въ годъ, въ два, даже больше, вовсе и не начинаются изслѣдованіемъ, или за неявкой депутатовъ, или за неприбытіемъ нужныхъ къ спросамъ людей, иногда самихъ претендующихъ. Только и наполняется дѣло, вмѣсто предисловія, бумагами, въ которыхъ говорится: „тому-то строго предписано скорѣй прибыть на мѣсто происшествія; тому-то строжайше подтверждено исполнить то-то“, и прочее. Но исполненія все-таки нѣтъ, а время, между тѣмъ, идетъ да идетъ. Безполезная переписка продолжается, увеличивается, слѣды происшествія темнѣютъ, исчезаютъ, и наконецъ самое происшествіе покрывается мракомъ неизвѣстности. Результатомъ всего этого выходитъ: безнаказанность и торжество преступниковъ и невознаградимая потеря и горькія слезы обиженныхъ.

Земля Башкирскаго отдѣленія тянется узкой и длинной полосой, сначала отъ сѣвера на югъ, а потомъ поворачиваетъ на юго-западъ; начинается она отъ границъ Бузулукскаго уѣзда и идетъ вплоть до земель киргизовъ Внутренней или Букеевской орды. Длину башкирскихъ земель можно положить, приблизительно, въ 400 верстъ, а ширину опредѣлить невозможно, потому что въ иныхъ мѣстахъ башкирскія земли чуть-чуть не прерываются землями Николаевскаго уѣзда, который сжимаетъ Башкирское отдѣленіе съ двухъ сторонъ, съ востока и съ запада. Послѣ Николаевскаго, Новоузенскій уѣздъ, съ западной стороны, можно сказать, вторгается въ Башкирское отдѣленіе многими зигзагами. На югѣ и на юго-западѣ Башкирское отдѣленіе примыкаетъ къ землямъ уральскихъ казаковъ и букеевскихъ киргизовъ. Такимъ образомъ, Башкирское отдѣленіе, сжатое со всѣхъ сторонъ, представляетъ собой неправильную и узкую полосу земли, — но полоса эта, впрочемъ, по малочисленности народонаселенія, имѣетъ, за исключеніемъ лѣса, всѣ удобства къ безбѣдному существованію обитателей, если бы только обитатели приложили къ ней, какъ слѣдуетъ, руки.

Поверхность башкирскихъ земель на сѣверѣ гориста или, правильнѣе, холмиста, потому что высокихъ горъ нѣтъ. Ниже къ Камеликскому умёту, что будетъ отъ сѣверныхъ границъ верстъ сто, холмы эти постепенно понижаются, а за Камеликскимъ умётомъ начинается уже совершенная равнина, и идетъ она до самыхъ крайнихъ на югѣ владѣній.

Изъ рѣкъ въ Башкирскомъ отдѣленіи достойны наименованія только три: Камеликъ, Каралыкъ и Иргизъ. Рѣки эти, впадая одна въ другую, вливаются въ Волгу. Кромѣ нихъ, есть множество маленькихъ или такъ-называемыхъ степныхъ рѣчекъ. — Озеръ примѣчательныхъ, то-есть большихъ, нѣтъ, а мелкихъ, особенно въ третьей юртѣ, много. — Рыба въ водахъ башкирскихъ хотя и водится, но весьма мелкая, о которой и говорить не стоитъ.—Зайцевъ по степямъ и лугамъ множество. — Есть довольно волковъ и барсуковъ, но другихъ звѣрей почти никакихъ нѣтъ. — Изъ птицъ водятся:

лебеди, гуси, разныхъ породъ утки и кулики; лебеди исключительно держатся въ третьей юртѣ по озерцамъ или ильменямъ, заросшимъ камышами. — Лѣсу въ отдѣленіи никакого нѣтъ и быть не можетъ, потому что башкирцы, лишь только завидятъ гдѣ прутикъ, выростающій изъ земли, тотчасъ срубятъ его.

По плодородію земли, Башкирское отдѣленіе можно раздѣлить на три части — сѣверную, среднюю и южную. Изъ нихъ сѣверная самая хлѣбороднѣйшая, средняя хуже сѣверной, а южная скуднѣе средней. Зато послѣдняя, то есть южная, больше первыхъ двухъ представляетъ удобствъ къ скотоводству, ибо вся почти состоитъ изъ луговъ.

По управленію Башкирское отдѣленіе раздѣляется на три же части или такъ-называемыя юрты. Въ каждой юртѣ есть начальникъ изъ оберъ-офицеровъ Уральскаго казачьяго войска, именуемый юртовымъ, а всѣми ими завѣдуетъ одинъ управляющій, котораго башкирцы доселѣ называютъ кантоннымъ, по привычкѣ; ибо прежде, до поступленія ихъ въ вѣдомство Уральскаго войска, главнымъ лицомъ у нихъ былъ кантонный начальникъ. — Юртовыми начальниками бываютъ иногда и офицеры изъ башкирцевъ же, — но управляющій исключительно назначается изъ штабъ-офицеровъ, а за недостаткомъ ихъ, изъ эсауловъ Уральскаго войска. Въ рукахъ управляющаго, непосредственно подчиненнаго войсковому наказному атаману, соединена власть и военная и полицейская. — Въ недавнее время, для успѣшнаго хода слѣдственныхъ и вообще письменныхъ дѣлъ, приданъ управляющему въ помощь офицеръ изъ уральцевъ же, который и называется помощникомъ.

Три юрты, на которыя подраздѣляется Башкирское отдѣленіе, не имѣютъ особыхъ названій, а извѣстны по нумерамъ: занимающая сѣверную часть отдѣленія носитъ названіе первой, въ средней части отдѣленія — именуется второю, а послѣдняя, обнимающая всю южную часть отдѣленія, называется третьей.

Въ первой юртѣ народъ, занимающійся бо́льшею частію

хлѣбопашествомъ, богаче, чѣмъ въ остальныхъ двухъ. Въ третьей юртѣ, по обилію луговъ, башкирцы могли бы, ухаживая какъ слѣдуетъ за скотомъ, жить не хуже другихъ своихъ земляковъ, населяющихъ первую юрту; но лѣнь — этотъ камень преткновенія въ башкирскомъ быту — всему помѣхой. Башкирцы во второй юртѣ бѣднѣе прочихъ. Есть цѣлыя деревни въ этой юртѣ, гдѣ жители рѣшительно ничѣмъ не занимаются, какъ лишь только конокрадствомъ, а у вора, говоритъ пословица, нѣтъ ни кола, ни двора. Близкимъ и разительнымъ примѣромъ этому служитъ деревня Кучембетева, гдѣ воръ на ворѣ и бѣднякъ на бѣднякѣ. Да Богъ съ ними; кажется, довольно объ этомъ сказано.

По пространству земли, Башкирское отдѣленіе бѣдно народонаселеніемъ. Изъ статистическаго отчета за 1853 годъ видимъ слѣдующія цифры *).

1. Народонаселеніе.

	Число душъ.			
	Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
Мужскаго пола:				
Духовнаго званія	6	4	4	14
Оберъ-офицеровъ служащихъ .	—	2	—	2
Заурядъ офицеровъ	2	2	2	6
Урядниковъ	7	6	1	14
Казаковъ	261	285	334	800
Оберъ-офицеровъ отставныхъ .	1	—	—	1
За-урядъ-офицеровъ	8	4	1	13
Урядниковъ	2	—	1	3

*) Само собою, цифры эти сильно устарѣли и потеряли значеніе, тѣмъ болѣе, что башкиры, причисленные раньше къ Уральскому казачьему войску и состоявшіе въ вѣдѣніе войсковаго начальства, уже въ 60-хъ годахъ отчислены отъ войска и присоединены къ Самарской губерніи. Но редакція не сочла себя въ правѣ дѣлать измѣненія въ статьѣ или выпускать эти цифры. *Ред.*

Мужскаго пола:	Число душъ. Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
Казаковъ	46	61	106	213
Малолѣтковъ *) офицерскихъ .	—	6	—	6
„ казачьихъ. . .	414	398	660	1472
Итого . .	747	768	1109	2624
Женскаго пола:				
Духовнаго званія	19	10	18	47
Офицерскаго	42	38	12	92
Урядническаго и казачьяго . .	682	737	1087	2506
Итого . .	743	787	1117	2645

Слѣдовательно, во всемъ отдѣленіи мужскаго пола 2624, а женскаго 2645 душъ.

2. Скотоводство.

	Число головъ. Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
Лошадей	2176	1517	6603	10296
Воловъ (употребляемыхъ при распашкѣ земли)	21	—	—	21
Скота рогатаго вообще . . .	1322	1345	3083	5750
Овецъ	1184	672	6673	8529
Итого . .	4703	3534	16359	24596

3. Жилища и строенія.

	Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
Деревень и хуторовъ	8	9	12	29
Кибитокъ	186	197	325	708

*) Дѣти мужскаго пола отъ 1-го до 18-ти-лѣтняго возраста.

Въ деревняхъ:	Число душъ. Въ 1-й юртѣ.	Во 2-й юртѣ.	Въ 3-й юртѣ.	Итого.
Мечетей	3	4	2	9
Домовъ общественныхъ . . .	4	2	4	10
„ частныхъ	254	275	343	872
Мельницъ (вѣтряныхъ) . . .	2	—	—	2

Больше чѣмъ три четверти домовъ и двѣ мечети построены изъ дерна и изъ воздушнаго кирпича; остальные дома и мечети деревянные. Но вообще всѣ строенія въ Башкирскомъ отдѣленіи отличаются бѣдностью, безвкусіемъ и неудобствомъ, исключая домовъ нѣкоторыхъ чиновниковъ. Объ этомъ поговоримъ ниже.

4. Хлѣбопашество.

Пшеницы:	Число четвертей. Посѣяно.	Собрано.
Въ 1-й юртѣ	1222	12225
„ 2-й „	345	3455
„ 3-й „	406	4060
Овса и проса:		
Въ 1-й юртѣ	402	4025
„ 2-й „	207	2070
„ 3-й „	70	700
Итого . .	2652	25905

Урожай хлѣба яроваго былъ въ 1853 году самъ-десятый. Озимаго хлѣба Башкирцы совсѣмъ не сѣятъ, во-первыхъ, потому, что онъ въ ихъ странѣ плохо родится, а во-вторыхъ, потому, что сами они ржаной хлѣбъ не долюбливаютъ.

Изъ вышеприведенныхъ цифръ о хлѣбопашествѣ мы видимъ, что при всей своей лѣни, при всей нерадивости къ труду, Башкирцы собираютъ-таки довольно хлѣба; но еслибъ они принялись за это честное и полезное ремесло такъ, какъ

занимаются имъ русскіе мужички, они бы во сто кратъ собирали больше, и тогда бы положеніе ихъ улучшилось.

Здѣсь, однакожъ, слѣдуетъ сказать, что хлѣбопашество находится въ рукахъ нѣкоторыхъ только честныхъ и трудолюбивыхъ Башкирцевъ. Въ первой юртѣ отличаются этимъ благороднымъ занятіемъ два-три семейства чиновниковъ Акировыхъ. У нихъ-то однихъ и есть волы, на которыхъ распахиваютъ землю. Прочіе Башкирцы не знаютъ, какъ и приступиться къ плугу или сохѣ, а потому распашку земли производятъ чрезъ сосѣдственныхъ крестьянъ, за довольно высокую плату, напримѣръ, отъ 2 р. 50 к. до 3 р. съ десятины. Равнымъ образомъ, и уборка хлѣба дѣлается чужими руками, и все-таки чрезъ наемъ, отчего свой хлѣбъ приходится Башкирцу не дешевле купленнаго. По этой причинѣ лѣнивый Башкирецъ или мало занимается земледѣліемъ, или вовсе не занимается. До огородныхъ овощей, какъ-то: до арбузовъ, до дынь, и проч. Башкирецъ хотя и большой охотникъ, но обрабатывать огороды или бахчи терпѣть не можетъ.

Въ статистическомъ отчетѣ, изъ котораго взяты мною вышеприведенныя цифры, управляющій Башкирскимъ отдѣленіемъ оффиціально говоритъ, что „количество посѣва яроваго хлѣба, въ нынѣшнемъ (1853 г.) лѣтѣ, хотя и увеличилось, но въ меньшей степени, по бѣдности, а болѣе отъ праздности Башкирцевъ, къ которой они искони склонны,—однакожъ понуждаются къ трудамъ мѣрами начальства“. А я замѣчу на это, что никакія мѣры не будутъ дѣйствительными до тѣхъ поръ, пока разсѣянные по отдѣленію Башкирцы не будутъ соединены въ одно мѣсто, и поселены въ кругу земледѣльцевъ,—и наконецъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ искоренено между ними конокрадство, доставляющее имъ безъ малѣйшихъ трудовъ средства къ жизни. Далѣе, въ отчетѣ же управляющій говоритъ: „урожай травъ по всему отдѣленію былъ весьма хорошъ, и накошеннаго сѣна для продовольствія зимой скота будетъ достаточно“. А я смѣло могу сказать, что по обилію какъ луговыхъ травъ, такъ и степныхъ ковыловъ, Башкирцы не только бы имѣли средства обезпечивать скотъ

свой сѣномъ на одну зиму, но могли бы накашивать сѣна въ запасъ на многіе года, или продавать его сосѣдственнымъ крестьянамъ. Но Башкирецъ, какъ и прежде я сказалъ, не любитъ трудиться, а любитъ барничать. Онъ никогда не возьмется за косу во-время, то-есть, когда трава бываетъ, что называется, въ соку, а выйдетъ въ луга тогда, когда трава станетъ уже посыхать. Причиной этому отчасти и лѣнь, отчасти и то, что въ цѣлой деревнѣ существуетъ не больше двухъ-трехъ косъ, — такъ нельзя же въ разъ всѣмъ косить, а нужно чередоваться. Впрочемъ, и тутъ, какъ въ хлѣбопашествѣ, помогаютъ имъ крестьяне. Эти трудолюбивые люди приходятъ каждое лѣто на башкирскіе луга и очищаютъ ихъ, по уговору съ Башкирцами, или изъ половины накошеннаго сѣна (что бываетъ рѣдко), или за ничтожную плату (что бываетъ всего чаще). Кромѣ лѣни и праздности, мотовство въ крови у Башкирца. Все, что Башкирецъ имѣетъ лишняго— зерно ли хлѣба, клокъ-ли сѣна, лошадь-ли, корову-ли, овцу-ли— онъ все тащитъ на ближайшую ярмарку и торопится какъ можно скорѣе распродать, чтобы на вырученныя деньги купить или чаю съ сахаромъ, или ситцу на рубахи себѣ и женѣ своей. Нѣсколько дней проводитъ Башкирецъ, такъ сказать, въ роскоши, а послѣ того, глядишь, цѣлые мѣсяцы ему ѣсть нечего. Тогда, поневолѣ, чтобы не умереть съ голоду и не поморить семейство, онъ принимается за сродное ему ремесло — воровство. Такая ужъ, видно, натура у Башкирца, и такой она, вѣроятно, у него останется на-долго, если не навсегда.

Башкирцы Уральскаго отдѣленія принадлежатъ къ осѣдлымъ народамъ, но настоящая жизнь ихъ чуть ли не кочевая, а ежели и не такъ, то, положительно можно назвать, полукочевая. Зимой они, правда, живутъ въ избахъ, но лишь только настанетъ весна, какъ, бросая дома, выбираются въ поле, подъ открытое небо, на чистый воздухъ, на зеленую травку-муравку,—выбираются и, какъ насѣкомыя послѣ зимняго оцѣпенѣнія, оживаютъ. Зиму они проводятъ въ сырыхъ, холодныхъ дерновыхъ или глиняныхъ избахъ; избы эти боль-

шею частію бываютъ безъ печей, съ однимъ только горномъ, на которомъ они варятъ пищу и подъ которомъ въ золѣ пекутъ изъ прѣснаго тѣста лепешки. Жизнь въ деревняхъ зимою для Башкирцевъ чистое мученье, зато радость ихъ, при вкачиваніи весной въ поле, невыразима; тогда Башкирецъ въ полномъ смыслѣ слова оживаетъ и отъѣдается. Вообще зимой мяса и молока бываетъ мало, а кумыса — этого лакомаго и здороваго азіатскаго напитка—вовсе не бываетъ, почему Башкирцы бѣдные довольствуются самой скудной пищей. О богатыхъ же или зажиточныхъ Башкирцахъ говорить нечего: эти люди, разумѣется, и живутъ поопрятнѣе, поудобнѣе, въ чистыхъ и теплыхъ избахъ, и ѣдятъ пищу хорошую, обильную. Бѣдные Башкирцы, вслѣдствіе скудости пищи и дурнаго помѣщенія въ холодныхъ и сырыхъ, какъ сказано выше, избахъ, часто подвергаются гнилымъ лихорадкамъ и другимъ болѣзнямъ. Взглянувъ зимой на такого Башкирца, невольно подумаешь, что человѣкъ этотъ загнанъ, замученъ работой, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ пальцемъ о палецъ, какъ говорится, не ударитъ. Но увидавши его лѣтомъ, не повѣришь самому себѣ, что это тотъ самый человѣкъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ слабымъ и болѣзненнымъ: такъ жизнь въ кочевкахъ, на чистомъ воздухѣ, при привольѣ молока и кумыса, перерождаетъ Башкирца, и изъ вялаго, угрюмаго, дѣлаетъ его здоровымъ и веселымъ. Жизнь лѣтомъ въ кочевкахъ для Башкирца чистое наслажденіе. Отпиваясь молокомъ и кумысомъ, онъ, сверхъ того, въ лѣтнее время имѣетъ болѣе средствъ поживиться на счетъ ближняго лошадью и полакомиться мясомъ.

Башкирцы, можно сказать безъ преувеличенія, ничѣмъ не занимаются. Ни торговля, и никакое ремесло имъ совершенно не знакомы. Во всемъ отдѣленіи есть только два человѣка, которые въ этомъ случаѣ отличаются отъ своихъ земляковъ — одинъ печникъ, а другой серебряникъ, — и больше никого. Нѣтъ даже ни одного изъ Башкирцевъ, кто бы могъ не только сшить новые, но и починить старые сапоги. Сапожнымъ мастерствомъ отчасти занимаются женщины; онѣ же, кромѣ шитва,

свойственнаго женщинамъ рукодѣлья, исправляютъ и всѣ работы домашнія, а мужчины — чистые баричи. Ни одинъ Башкирецъ топора не умѣетъ взять въ руки, а потому въ постройкѣ домовъ и всѣхъ мелочныхъ строеній имъ помогаютъ русскіе крестьяне. Ни у одного Башкирца нельзя увидѣть ни порядочной телѣги, ни саней, ни доброй конской упряжи: вездѣ лыко да мочало. Ежели тащится Башкирецъ на своей трепещущей телѣженкѣ, — то за версту вы услышите визгъ и скрипъ отъ колесъ, которыя съ роду не видывали дегтя и не знаютъ, что это за вещество.

Деревни башкирскія только славу занимаютъ, что деревни, а на самомъ дѣлѣ онѣ, исключая двухъ-трехъ, нисколько не похожи на деревни: это не больше, не меньше, какъ кучи дерна, разбросанныя какъ попало, въ величайшемъ безпорядкѣ, безъ улицъ, безъ дворовъ, безъ воротъ и безъ всего того, что составляетъ необходимость, удобство и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятный видъ жилаго мѣста. Даже самыя мечети, кромѣ двухъ (въ деревняхъ Муратиной и Максютовой), не что иное, какъ невысокіе срубы, покрытые дерномъ. Вообще Башкирское отдѣленіе, въ отношеніи деревень и строеній, самое бѣдное и ничтожное мѣсто, и бѣдностью и ничтожествомъ одолжено своимъ безпечнымъ и лѣнивымъ обитателямъ. Въ концѣ октября, или немного раньше, смотря по погодѣ, Башкирецъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, возвращается въ деревню, прикажетъ женѣ обмазать и ухитить избенку, самъ наберетъ возъ-другой чилиги, замѣняющей дрова, и разляжется на койкѣ, какъ будто не до него дѣло, не помышляя о томъ, есть-ли вокругъ дома его заборъ, есть-ли для скота базъ или навѣсъ. Пока нѣтъ снѣга — ему и такъ сносно, а когда задуютъ бураны — тогда онъ изъ снѣжныхъ же комковъ сдѣлаетъ вокругъ своего жилища загороду и за нею проводитъ скучные дни свои до появленія весны, которая, разрушивъ снѣжную защиту, вызываетъ и самого его въ чистое поле, подъ кровъ войлочныхъ кибитокъ, въ раздольное кочевье, гдѣ не нужно никакихъ построекъ. Отъ этого все Башкирское отдѣленіе и представляется нежилымъ, а какъ будто разореннымъ и покинутымъ.

Характеръ національной одежды Башкирцы Уральскаго отдѣленія совсѣмъ утратили. Теперь Башкирецъ одѣвается во что ни попало. Богатые Башкирцы по одеждѣ походятъ на казанскихъ Татаръ. Они носятъ длинныя коленкоровыя или ситцевыя цвѣтныя рубахи и широкія, изъ нанки или изъ краснаго кумача, шаравары, запущенныя за голенищи ичигъ (родъ кожаныхъ или сафьянныхъ чулковъ); на ичиги надѣваютъ туфли (родъ галошъ). Поверхъ рубахи носятъ бешметы, т.-е. безрукавныя, или съ короткими, по локоть, рукавами фуфайки; потомъ бухарскій халатъ лѣтомъ и теплую длинополую шубу зимой. Голову прикрываютъ ермолкой, а сверхъ ея шапкой, котлообразной формы. Шапки бываютъ или изъ сѣдыхъ мерлушекъ, или суконныя, опушенныя по краямъ порѣшной или котикомъ. Нѣкоторые зажиточные и пожилые Башкирцы носятъ чалмы изъ холста или коленкора.

На бѣдномъ Башкирцѣ вы увидите смѣшеніе одеждъ всѣхъ народовъ, между которыми онъ живетъ. Онъ носитъ и мужичьи лапти, и поршни (родъ лаптей или башмаковъ, сшитыхъ изъ сырой коровьей кожи), и сапоги изъ обыкновеннаго чернаго товара, или солдатскіе, у которыхъ не вычернены голенищи, и овчинную шубу, и полушубокъ, и бухарскій бумажный халатъ, разумѣется, весь въ заплаткахъ, и крестьянскій сѣрый кафтанъ; голову прикрываетъ и башкирскимъ остроконечнымъ бѣлымъ войлочнымъ колпакомъ, и низкою съ широкими полями татарскою шляпою, мужицкою шапкою и киргизскимъ тумакомъ, и форменною казачьею фуражкою, — словомъ всѣмъ, елико возможнымъ, что попадется ему подъ руки.

Однѣ Башкирянки удержали еще свою одежду, — но ихъ одежда мало чѣмъ отличается отъ одежды всѣхъ вообще Татарокъ. Онѣ носятъ длинныя, отъ шеи до полу, рубахи изъ разныхъ матерій, шелковыхъ или бумажныхъ, смотря по состоянію. Грудь рубахи украшается у богатыхъ позументами, серебряными монетами, а у бѣдныхъ мѣдными и оловянными, разныхъ формъ, пластинками. Подолъ рубахи обшивается или бахрамой, или какой цвѣтной матеріей. Сверхъ рубахъ но-

сять похожія на мужскія фуфайки. Головы накрываютъ разноцвѣтными шалями, платками, а бѣдныя — простымъ кускомъ коленкора или холста. Нѣкоторыя, особенно изъ дѣвицъ, носятъ шапки, подобныя татарскимъ, съ поддѣльной сзади косой; къ косѣ привѣшиваютъ монеты или другія мелочныя украшенія. Обуваются или въ ичиги съ туфлями, или въ простые сапоги. Молодые изъ богатыхъ семействъ Башкирянки украшаютъ голову особымъ уборомъ, который называется кашбау. Онъ состоитъ изъ монистъ, переплетенныхъ въ родѣ сѣтки и спускающихся нитями отъ темя по сторонамъ лица и по затылку, почти до самыхъ плечъ. Дѣвушки одѣваются такъ же, какъ и женщины; разница только въ уборѣ головы. Женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы и прячутъ ихъ подъ повязкой или подъ кашбау, а дѣвушки заплетаютъ ихъ во множество косичекъ и распускаютъ по плечамъ.

Между Башкирцами есть красивые молодцы,—но на счетъ Башкирянокъ нельзя этого сказать: вообще онѣ отличаются наружностью не совсѣмъ завидною и непривлекательною, но за то онѣ цѣломудренны,—въ этомъ можно отдать имъ справедливость. Какъ магометанки, онѣ рѣдко показываются съ открытымъ лицомъ передъ мужчинами, но замѣтно отъ обычая этого нынѣ мало по-малу отстаютъ.

Любимое и лакомое кушанье Башкирцевъ казы и бишь-бармакъ. Казы, родъ колбасъ, приготовляются изъ лошадинаго мяса пополамъ съ нутрянымъ саломъ а иногда и изъ одного сала. Казы слегка просоляются и прокапчиваются,— отчего онѣ сберегаются на цѣлый годъ. — Бишь-бармакъ просто-на-просто сваренное и изрѣзанное въ мелкіе куски лошадиное, говяжье и баранье мясо. Бишь-бармакъ приготовляется съ лукомъ, перцомъ и другими пряностями. За этими кушаньями слѣдуетъ въ разныхъ видахъ, молоко, крутъ (родъ кислаго и сухаго сыра, приготовляемаго изъ коровьяго молока), потомъ изъ пшеничнаго тѣста калачи, лепешки, салма (родъ лапши) и баламыкъ. Баламыкъ — достояніе бѣдныхъ. Это не больше не меньше какъ взболтанная съ мукой и вскипяченная вода. — Изъ напитковъ самый драгоцѣнный кумысъ.

Это, можно сказать, нектаръ для Башкирцевъ. Кумысъ и питаетъ Башкирца, и утоляетъ его жажду, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствуя, какъ вино, на голову Башкирца, веселитъ сердце его. Для чашки кумыса Башкирецъ охотно согласится пройти пѣшкомъ сотню верстъ къ кому нибудь изъ знакомыхъ, у котораго есть дойныя кобылы.—Въ послѣднее время Башкирцы сильно пристрастились къ обыкновенному русскому вину, и нынѣ между ними есть такіе молодцы, которыхъ безъ преувеличенія и ошибки можно назвать горькими пьяницами. Жаль только, что не на что Башкирцамъ пить. — Но предпріимчивый и хитрый Башкирецъ находитъ средства угоститься на чужой счетъ. Такъ, напримѣръ, извѣстясь, что у крестьянина сосѣдней деревни пропала лошадь, онъ идетъ къ нему, и за тайну передаетъ, что лошадь у него, по его догадкамъ, укралъ вотъ тотъ-то, и что онъ, ежели хозяинъ только не поскупится на магарычъ, возвратитъ ему ее. Обрадованный этой вѣстью, мужичекъ не знаетъ, чѣмъ напоить, накормить благодѣтельнаго вѣстника. Разумѣется, тотчасъ является на столъ штофъ водки, чего только плутъ и добивался. Башкирецъ сколько хочетъ ѣстъ и пьетъ, недопитый штофъ вина кладетъ за пазуху и уѣзжаетъ, обнадеживая мужичка, что черезъ два дня онъ приведетъ ему пропавшую его лошадь. Послѣ, смотришь, добродушный мужичекъ и остается только при одномъ обѣщаніи Башкирца, который, между тѣмъ, подсмѣивается надъ простотой крестьянина.

Говоря выше о конокрадствѣ и о томъ, какъ Башкирцы ловко умѣютъ увертываться отъ отвѣтственности, я считаю нелишнимъ привести здѣсь одинъ случай, выказывающій въ самомъ яркомъ свѣтѣ ихъ мошенничество и плутовство.

Пропало у одного крестьянина изъ луговъ нѣсколько стоговъ сѣна. Это было зимой. Слѣдомъ, проложеннымъ по свѣжему снѣгу, крестьянинъ, съ толпой свидѣтелей, или такъ-называемыхъ понятыхъ пришелъ въ башкирскую деревню. Тамъ, на дворѣ нѣкоторыхъ Башкирцевъ, нашли и сѣно, которое оказалось съ остатками краденаго сходно. Улика ясная, и никакихъ отговорокъ быть не могло. Воры Башкирцы тот-

часъ это смекнули и пустились на хитрости. Зазвали крестьянина, у котораго украли сѣно, въ избу и одному ему сознались въ грѣхѣ своемъ. — „Только ты, знакомъ, не ходи въ судъ и не осрами насъ предъ людьми“ — сказали они ему. — „А ужъ мы тебѣ за все твое сѣно заплатимъ, сколько хочешь. Вотъ, подожди день-другой, соберемся мы съ деньгами и тебя удовлетворимъ“. — Мужикъ повѣрилъ и отправился домой. Онъ утѣшалъ себя надеждой, что, ежели Башкирцы и не удовлетворятъ его добровольно, то онъ найдетъ на нихъ расправу и у начальства, ибо улика въ воровствѣ была на лицо,—понятые видѣли и слѣдъ изъ луговъ, и самое сѣно на дворѣ. Но не такъ думали хитрые воры. Они дождались перваго снѣга, которымъ замело слѣды и тѣ самыя мѣста, или такъ-называемыя остожья, гдѣ лежало прежде украденное ими сѣно. Тогда они на-отрѣзъ отказали претенденту и сами же стращали его искать на немъ за безчестье, которому онъ подвергъ ихъ несправедливымъ оговоромъ. Послѣ того крестьянинъ, разумѣется, подалъ въ судъ просьбу и судъ нарядилъ слѣдствіе. Но это произошло, какъ водится, не тотчасъ. Чиновникъ, которому поручили разслѣдовать это дѣло, пріѣхалъ на мѣсто происшествія уже весной. Башкирцы, какъ слѣдуетъ, отказались. Противу нихъ выставили свидѣтелей. Но Башкирцы нашлись поставить показанія свидѣтелей ни во что.

— Бачка! — сказали они слѣдователю: — ты вѣришь тому, что говорятъ свидѣтели?

— Вѣрю, — сказалъ чиновникъ.

— Значитъ, что̀ свидѣтели скажутъ, то такъ и будетъ.

— Да. да.

— Если они скажутъ, что мы воры. то мы ворами останемся, а ежели скажутъ не такъ, то мы, значитъ, правы. Такъ ли бачка? — спросили снова Башкирцы.

— Такъ, такъ, — отвѣчалъ слѣдователь.

— Ну, когда такъ, то спроси-ка ихъ, понятыхъ-то, вѣдь имъ душа дорога, знаютъ ли они, чьи были тѣ остожья, съ которыхъ мужикъ ихъ велъ слѣдомъ до нашихъ домовъ? Вѣдь

мы, бачка, въ то время свое сѣно возили изъ луговъ, а не мужичье: мужичьяго сѣна мы совсѣмъ не знаемъ! — сказали въ заключеніе воры.

Спросили объ этомъ понятыхъ и понятые отвѣчали, что и дѣйствительно не знаютъ, чьи были тѣ остожья, отъ которыхъ водилъ ихъ слѣдомъ претендатель,—принадлежали ли тѣ остожья претендателю, или Башкирцамъ, или другому кому, — имъ неизвѣстно.

Справляться объ этомъ весной, когда уже выросла новая трава, натурально было невозможно. Претендатель, будучи не въ силахъ доказать своего иска, всплеснулъ руками и остался не при чемъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

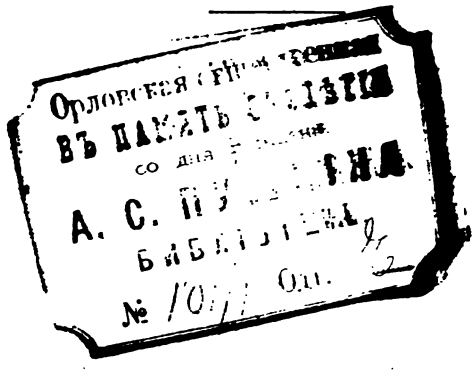
Или вотъ еще одинъ анекдотъ, который выказываетъ упорство и несознаніе Башкирцевъ при допросахъ. Башкирецъ укралъ лошадь и его поймали сидящаго на ней верхомъ. Кажись, дѣло ясно, улика на-лицо,—что бы тутъ говорить? но Башкирецъ нашелся, что отвѣчать. Не сознаваясь въ кражѣ лошади, онъ оправдывался вотъ чѣмъ:—„Я, говорилъ онъ при допросѣ, шелъ дорогой и встрѣтилъ лежащую поперекъ дороги лошадь. По сторонамъ дороги была грязь. Не желая замарать обуви, я рѣшился перешагнуть черезъ лошадь, думая, что она или мертва, или спитъ; но лишь только занесъ на нее ногу, какъ она вскочила, и я, противъ воли, очутился на ней. Въ ту-жъ минуту лошадь поскакала и понесла меня. Сначала я испугался и не зналъ, что дѣлать. Но когда пришелъ немного въ себя, я увидѣлъ на шеи у лошади поводъ и сталъ сдерживать ее. Въ это самое время поймали меня люди и совсѣмъ понапрасну задержали“. — Разумѣется, Башкирцу не повѣрили, но за всѣмъ тѣмъ отвѣтъ его вполнѣ показываетъ, что весьма трудно привести Башкирца къ сознанію своей вины.

Желалъ бы я, въ заключеніе, сказать хоть что-нибудь хорошее про Башкирцевъ, но, право, хорошаго въ нихъ, кромѣ терпѣнія въ нуждѣ и лишеніяхъ, я ничего не замѣтилъ.

Итакъ, заключая статью мою, я съ сожалѣніемъ скажу, что Башкирцы, по врожденной смѣтливости, могли бы быть

порядочными людьми и гражданами, но по неопредѣленной лѣни, по склонности къ воровству и другимъ порокамъ, Башкирцы Уральскаго отдѣленія почти неисправимы. Къ нимъ какъ нельзя больше кстати приходится пословица: „исправитъ горбатаго могила“.

Москва.
1854 г. Августъ.


Орловская
ВЪ ПАМЯТЬ
со дня
А. С.
БИБЛІОТЕКА
№ 10

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

	стран.
Отъ редакціи изданія	V
Біографическій очеркъ	I
I. Картины казацкой жизни	1
II. Сайгачники	83
III. Картины аханнаго рыболовства	155
IV. Башкирцы	211

Ордена Ленина
ВЪ ПАМЯТЬ СТОЛѢТІЯ
со дня рождения
А. С. ПУШКИНА
БИБЛІОТЕКА
№ Отд.

14
28
182
28
502 к

DK 35 .Z5 1888
Uraltsy
Stanford University Libraries
3 6105 041 463 709

DK
35
Z5
1888
V.1

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

JUN 9 1999
JUN 30 1999